Ю. В. Алексеев, Г. Ю. Сомов

ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

учебник

Тома I, II

Допущено УМО по образованию в области архитектуры
в качестве учебника для студентов вузов, обучающихся
по направлению «Градостроительство»

«ПРОСПЕКТ»

УДК 069(075.8)
ББК 79.1я73
А47

Электронные версии книг
на сайте www.prospekt.org

Авторы:
Алексеев Ю. В. — доктор архитектуры, профессор, член Союза архитекторов РФ, почетный строитель РФ;
Сомов Г. Ю. — кандидат архитектуры, старший научный сотрудник, член Союза архитекторов РФ.
Рецензенты:
Малоян Г. А. — доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН;
Сапрыкина Н. А. — доктор архитектуры, профессор, зав. кафедрой основ архитектурного проектирования МАРХИ.

Алексеев Ю. В., Сомов Г. Ю.
А47 Объекты культурного наследия : учебник. Т. I, II. — Москва : Проспект, 2016. — 560 с.

ISBN 978-5-392-19649-4

В учебнике рассматриваются проблемы, организационные формы и методы градостроительства, связанные с охраной объектов культурного наследия. В томе I освещаются особенности отечественного и зарубежного законодательства в этой области, теоретические основы охраны объектов культурного наследия и регенерации исторических мест.

Раскрываются сложившиеся подходы в исследованиях и разработках исторической среды. Даются обоснования направлений исследования, разработки мероприятий по сохранению объектов культурного наследия. Рассматриваются особенности различных объектов: исторических поселений, архитектурных ансамблей, историко-культурных и природных комплексов.

В томе II освещаются основные задачи охраны объектов культурного наследия на уровнях территориального планирования, градостроительного зонирования, установления градостроительных регламентов, разработки проектов планировки. Раскрываются принципы установления зон охраны объектов культурного наследия, их границ, градостроительных регламентов. Даются обоснования эффективных средств регенерации. Рассматриваются направления разработки мероприятий по сохранению и регенерации исторических поселений, достопримечательных мест. Выявляются специфические особенности функционально-планировочной организации, использования принципов композиции в регенерации исторической среды в условиях применения действующего законодательства.

Издание адресовано обучающимся на бакалавров по направлению «Градостроительство».

УДК 069(075.8)
ББК 79.1я73

На обложке использован фрагмент гравюры М. И. Махаева «План столичного города Санкт-Петербурга с изображением знатнейших проспектов», 1753 г.

Учебное издание

Алексеев Юрий Владимирович,
Сомов Георгий Юрьевич

ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Учебник

Оригинал-макет подготовлен компанией ООО «Оригинал-макет»
www.o-maket.ru; тел.: (495) 726-18-84
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.004173.04.09 от 17.04.2009 г.
Подписано в печать 28.10.2015. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Печать цифровая. Печ. л. 35,0. Тираж 200 экз. Заказ №

ООО «Проспект»
111020, г. Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4.

ISBN 978-5-392-19649-4

© Алексеев Ю. В., Сомов Г. Ю., 2015
© ООО «Проспект», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 6

ВВЕДЕНИЕ 9

ТОМ I. ПРАВОВЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

I. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО 15

ГЛАВА 1. **Международное законодательство и объекты культурного наследия** 15

1.1. Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест 15
1.2. Конвенция по охране всемирного культурного и природного наследия 18
1.3. Решения об охране исторических мест 27

ГЛАВА 2. **Российское законодательство об объектах культурного наследия** 33

2.1. Общие положения 33
2.2. Учет объектов, представляющих историко-культурную ценность, охрана, экспертиза 43
2.3. Особенности владения, пользования и распоряжения объектом культурного наследия 57
2.4. Типы объектов культурного наследия, объекты культурного наследия в системе градостроительной деятельности 64

II. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ 69

ГЛАВА 3. **Историческая среда. Основные аспекты ее формирования в градостроительстве** 69

3.1. Представления о сохранении культурного наследия в урбанистике. Историческая среда. 71
3.2. Основные аспекты и уровни формирования исторической среды 79
3.3. Взаимоотношения уровней формирования исторической среды 90

ГЛАВА 4. **Информация и знаковые системы в организации исторической среды, композиции архитектурных произведений** 113

4.1. Формирование семиотических представлений об объектах культурного наследия, среде, архитектурной композиции 119
4.2. Представления о кодах: неоднородности, структуры и знаки 127
4.3. Люди, процессы, окружение. Прагматика исторической среды и композиция архитектурных объектов 152
4.4. Семантика исторической среды и композиция архитектурных объектов 185
4.5. Формирование исторической среды и синтактика композиции 195

ГЛАВА 5. **Фрагменты исторической среды, архитектурные ансамбли, уникальные историко-культурные и природные комплексы** 212

5.1. Место и его историко-культурные особенности. Фрагменты исторической среды 212
5.2. Архитектурный ансамбль и его композиция 224
5.3. Уникальные историко-культурные и природные комплексы 260
Список использованной литературы 311

ТОМ II. МЕРОПРИЯТИЯ И МЕТОДЫ ПЛАНИРОВАНИЯ

ГЛАВА 6. **Градостроительные мероприятия по охране объектов культурного наследия** 337

6.1. Сохранение историко-культурного наследия при разработке документов территориального планирования на региональном и муниципальном уровнях 337
6.2. Особенности охраны наследия исторических городов . . . 342
6.3. Формирование зон охраны объектов культурного наследия, достопримечательных мест в генеральных планах 346
6.4. Разработка градостроительных регламентов в правилах землепользования и застройки 351

ГЛАВА 7. **Разработка и реализация генеральных планов исторических поселений** 366

7.1. Методы анализа градостроительной ситуации 367
7.2. Разработка вариантов генеральных планов 377
7.3. Оценка вариантов 379

7.4. Формы отображения информации 384
7.5. Управление инвестиционными проектами развития городских исторических территорий. 388
7.6. Взаимосвязи градостроителей и других субъектов градостроительной деятельности (на примере регенерации исторической среды центра города Сальвадора) 396

ГЛАВА 8. **Разработка проектов планировки по сохранению и регенерации достопримечательных мест** 414

8.1. Исходные данные градостроительной ситуации. 414
8.2. Анализ градостроительной ситуации достопримечательного места. Опорный план 417
8.3. Исторические границы территорий и установление возможных границ достопримечательных мест 423
8.4. Градостроительные проблемы и факторы развития территории. Выбор мероприятий по сохранению и развитию территории достопримечательного места. 426
8.5. Разработка проектов планировки достопримечательных мест 435
8.6. Разработка проектов регенерации исторических улиц городов. 460

ГЛАВА 9. **Формирование городских ландшафтов в исторической среде** 499

9.1. Городские ландшафты и композиция 499
9.2. Панорамы, фронт застройки 502
9.3. Композиционные взаимосвязи новых объектов с историческим архитектурным окружением 506
Список использованной литературы. 551

Ю. В. Алексеев, Г. Ю. Сомов

ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Тома I, II

Учебник

ebooks@prospekt.org

Информация о книге

На обложке использован фрагмент гравюры М. И. Махаева «План столичного города Санкт-Петербурга с изображением знатнейших проспектов», 1753 г.

УДК 069(075.8)

ББК 79.1я73

А47

Авторы:

Алексеев Ю. В. — доктор архитектуры, профессор, член Союза архитекторов РФ, почетный строитель РФ;

Сомов Г. Ю. — кандидат архитектуры, старший научный сотрудник, член Союза архитекторов РФ.

Рецезенты:

Малоян Г. А. — доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН;

Сапрыкина Н. А. — доктор архитектуры, профессор, зав. кафедрой основ архитектурного проектирования МАРХИ.

В учебнике рассматриваются проблемы, организационные формы и методы градостроительства, связанные с охраной объектов культурного наследия. В томе I освещаются особенности отечественного и зарубежного законодательства в этой области, теоретические основы охраны объектов культурного наследия и регенерации исторических мест.

Раскрываются сложившиеся подходы в исследованиях и разработках исторической среды. Даются обоснования направлений исследования. Рассматриваются особенности различных объектов: исторических поселений, архитектурных ансамблей, историко-культурных и природных комплексов. Освещаются основные задачи охраны объектов культурного наследия. Раскрываются принципы установления зон охраны объектов культурного наследия, их границ, градостроительных регламентов.

В томе II освещаются основные задачи охраны объектов культурного

наследия на уровнях территориального планирования, градостроительного зонирования, установления градостроительных регламентов, разработки проектов планировки. Раскрываются принципы установления зон охраны объектов культурного наследия, их границ, градостроительных регламентов.

Даются обоснования эффективных средств регенерации. Рассматриваются направления разработки мероприятий по сохранению и регенерации исторических поселений, достопримечательных мест. Выявляются специфические особенности функционально-планировочной организации, использования принципов композиции в регенерации исторической среды в условиях применения действующего законодательства.

Издание адресовано обучающимся на бакалавров по направлению «Градостроительство».

УДК 069(075.8)

ББК 79.1я73

© Алексеев Ю. В., Сомов Г. Ю., 2015

© ООО «Проспект», 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современных условиях особую значимость приобрела проблема охраны культурно-исторического наследия, сохранения и воссоздания[1] исторической среды российских городов, их неповторимого облика.

Для ее решения в советский период потребовались особые правовые мероприятия, в частности принятие законов, разработка и внедрение нормативов и специальных методик проектной деятельности – мероприятий, которые предотвращали разрушение памятников архитектуры, сопровождавшееся наступлением кварталов массовой индустриальной застройки на уникальную историческую среду российских городов. В современный период развития на первый план стали выходить задачи эффективного использования городских территорий, при котором обеспечивается привлечение инвестиций в процессы реконструкции и развития этих территорий. Эти задачи связаны с необходимостью согласования интересов различных субъектов градостроительной деятельности с основными приоритетами развития городов, с необходимостью согласования мнений различных специалистов и групп населения. Иначе говоря, в современную эпоху рассматриваемая проблема становится многоаспектной и потому требует привлечения различных знаний, теоретической разработки и выявления на этой основе эффективных путей ее решения. Действующие в стране федеральные законы и региональные правовые акты, в принципе, позволяют находить эффективные градостроительные решения. Однако существующая практика правоприменения, устоявшиеся организационные формы разработки и обсуждения градостроительных планов и проектов, сложившиеся в отечественной практике советского периода, профессиональные методы градостроительства оставляют возможности для принятия односторонних решений, когда искажается облик ценных зданий, памятников архитектуры исторической застройки, уникальных городских и природных ландшафтов. Зачастую учитываются главным образом коммерческие интересы крупных собственников, принимаются и претворяются в жизнь непрофессиональные проекты. При этом сложившаяся практика работы градостроительных подразделений местных органов власти традиционно ориентирована на административный стиль разработки и согласования проектов и далеко не всегда опирается на

историко-архитектурные, краеведческие и другие знания, требующие привлечения соответствующих специалистов. Имеются также специфические причины деятельности специалистов строительной отрасли, препятствующие воплощению полноценных, тем более высокопрофессиональных градостроительных, архитектурных, инженерно-технических решений в рассматриваемой области. Мешают субъективизм профессиональных оценок, распространенный в архитектурно-градостроительной практике, принципиальные расхождения в понимании ценностей исторической городской среды, закономерностей архитектурно-пространственной композиции, влияний стилевых тенденций и различных эстетических предпочтений на восприятие городского окружения, различия в восприятии культурного наследия различными группами людей, другие факторы, связанные с недостаточным развитием теоретических основ градостроительной деятельности. При этом необходимо учитывать специфические причины недостаточного развития данной области знания. К ним, в частности, относятся: сформировавшаяся в советский период практика централизованного государственного планирования развития городов, исключавшая развитие урбанистики как области знания, ориентированной на формирование среды, отвечающей потребностям, интересам, ценностным ориентациям конкретных людей и социальных групп; сложившийся разрыв между развитием гуманитарных и общественных наук с одной стороны и сферой архитектурно-градостроительных знаний с другой. На этом фоне не кажутся удивительными общеизвестные проявления градостроительного вандализма (снос исторически ценных зданий и целых кварталов исторической застройки, искажение облика выдающихся памятников архитектуры, новое строительство, искажающее высокохудожественные архитектурные ансамбли и видовые картины их восприятия, застройка чужеродными зданиями исторических центров городов, появление в уникальных исторических городах чужеродных объектов нового строительства, никак не связанных с окружением – со сложившимся обликом улиц, площадей, переулков старого города, и т. д.).

Цель данной работы – в том, чтобы описать «узловые точки» рассматриваемой проблемы, выявить связанные с ними знания и методы, показать, как эти знания и методы целесообразно использовать в практике.

Таким образом, учебник может представить интерес для обучающихся по специальности «градостроительство» как теоретическая основа целостного отображения проблемы и как основа практической деятельности в этой области. В своей работе авторы стремились опираться на многочисленные исследования и разработки, указанные в списке использованной литературы.

Учебник подготовлен на основе исследований, проводившихся авторами в рамках научно-исследовательских работ НИИ градостроительства и землеустройства, НИИ истории архитектуры и градостроительства РААСН, кафедры градостроительства МГСУ. Описание результатов этих исследований и разработок авторов см. в книге Ю. В. Алексеева, Г. Ю. Сомова, Э. А. Шевченко [2012].

Авторы выражают глубокую признательность кандидату биологических наук Н. Г. Узунян за сбор и систематизацию ряда зарубежных источников книги.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях развития частной собственности, туристического бизнеса, расширения использования новых технологий проектирования и строительства появляются новые широкие возможности сохранения и восстановления объектов культурного наследия исторической среды российских городов. В градостроительстве наряду с задачами архитектурно-планировочного и инженерно-технического характера все большее значение приобретают вопросы формирования городской среды, сохранения и воссоздания образов исторических мест. В современной градостроительной деятельности Российской Федерации осуществляется совершенствование правовой основы, форм и методов проектирования. Это позволяет осуществлять комплексные градостроительные преобразования с учетом воссоздания, охраны и регенерации уникальных памятников архитектуры, архитектурных ансамблей, исторической среды российских городов, многих уникальных культурно-исторических мест. Работе в данном направлении способствуют **исследования и разработки в области градостроительства, направленные на охрану объектов культурного наследия**. Значительные преобразования городов, поселений, природных территорий, осуществляемые в нашей стране, требуют от специалистов-градостроителей глубокого понимания сущности таких явлений, как историческая среда, органичные взаимосвязи старого и нового; поиск наиболее эффективных путей решения проблем сохранения объектов культурного наследия (ОКН), регенерации исторической среды на основе правового регулирования; развития информационного обеспечения охраны ОКН, использования эффективных методов проектирования, ориентированных на обеспечение охраны ОКН и их регенерацию.

Содержание книги охватывает основные вопросы градостроительства в области охраны ОКН: международное и российское законодательство, закономерности и проблемы сохранения и регенерации исторической среды, мероприятия в области территориального планирования и градостроительного проектирования, формы и методы работ по градостроительству в рассматриваемой области.

Для решения задач овладения знаниями и навыками в этой области необходимы прежде всего обобщение и синтез различных знаний градостроительства в рассматриваемой области. В данной книге изложены результаты такого обобщения на основе положений действующего законодательства, традиционных понятий градостроительства, теории архитектурной композиции с привлечением некоторых общенаучных представлений. Модели и понятия, вводимые в данной работе, позволяют систематизированно подойти к рассмотрению анализируемой темы.

Задачи градостроительного образования в области охраны ОКН обусловлены прежде всего необходимостью сохранения исторического облика российских городов. Исключительное значение историко-культурных традиций для развития духовной культуры требует совершенствования всего комплекса научно-практических средств, ориентированных на сохранение объектов культурного наследия, архитектурных ансамблей, уникальных природных ландшафтов, фрагментов сложившейся планировки и застройки поселений. Это относится прежде всего к совершенствованию нормативно-правовой базы, к методам установления градостроительных регламентов территорий исторических поселений и достопримечательных мест, к обоснованию всего комплекса необходимых мероприятий по обеспечению устойчивого развития территорий при сохранении ценной исторической среды. Данная тема требует изучения передового зарубежного опыта по разработке и реализации градостроительных проектов охраны и регенерации объектов культурного наследия, основных задач, возникающих в градостроительном проектировании, и методов их решения.

Вопросы охраны и регенерации исторической среды на протяжении не одного десятилетия являлись и являются ныне сферой творческих и научных интересов градостроителей, архитекторов, реставраторов, специалистов по истории и краеведению, культурологов, искусствоведов, областью интересов широкой общественности. Период 70-х гг. прошлого века характеризовался активизацией исследований по выработке подходов к реконструкции исторических поселений в СССР. Об этом свидетельствуют, например, материалы пленума научно-методического совета по охране памятников культуры министерства культуры СССР 1971 г. Специалисты говорили тогда о поверхностной системе оценки исторического наследия городов, недостаточной для разработки программ реконструкции и сохранения исторического ядра. Но и сегодня при разработке проектов зон охраны лишь констатируется наличие объектов культурного наследия как факт, но не раскрываются закономерности

эволюции развития города и его среды.

В рассматриваемой проблеме выделяется несколько «узловых точек». Среди них особенно сложной является регенерация городской исторической среды. Целесообразно выделять территории, требующие воссоздания исторической среды в городах. В соответствии с Федеральным законом № 73-ФЗ «Об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации», такие территории целесообразно относить к категории «достопримечательные места» (ДМ). Выделение территориальных зон ДМ в городах, определение их границ, разработка градостроительных регламентов представляют собой наиболее перспективный путь правового решения проблемы. С этим, как стремились показать авторы, связана необходимость углубления исследований восприятия и формирования исторической среды городов, широкого анализа зарубежного опыта, теоретического раскрытия всего комплекса средств воссоздания среды.

Для достижения этой цели уделяется особое внимание основным аспектам проблемы. Выделяются аспекты **правовые, организационные, собственно профессиональные, связанные с разработкой урбанистических проектов воссоздания исторической городской среды**. Книга разделена на главы и параграфы в соответствии с данным подходом.

В гл. 1 и 2 рассмотрены правовые вопросы формирования исторической среды в международном и российском законодательстве.

В соответствии с предметом исследования в гл. 3, 4 и 5 рассматриваются теоретические вопросы: историческая среда, отдельные исторические места, требующие проведения градостроительных мероприятий. В отношении данной темы основное внимание уделяется различным аспектам формирования среды. Центральным аспектом формирования исторической городской среды являются знаковые системы и взаимосвязанные с ними информационные процессы. В зарубежной урбанистике эта тема получила самостоятельное развитие как особая область теоретических исследований.

Практические вопросы охраны и воссоздания исторической среды в практике градостроительной деятельности рассматриваются во II томе учебника. Здесь приведены наиболее сложные примеры из отечественной и зарубежной практики. При разработке урбанистических проектов достопримечательных мест, проектов планировки отдельных кварталов ДМ, зон охраны ОКН в городах, для эффективной взаимосвязи правовых, организационных и собственно профессиональных аспектов весьма существенны формы и методы градостроительного планирования и проектирования. В зарубежной практике эти формы и методы воссоздания исторической городской среды являются важной составной частью урбанистики. Методы формирования исторических районов поселений регулярно обсуждаются на многочисленных конференциях, посвященных опыту воссоздания исторической среды городов, являются объектами изучения в специальных урбанистических исследованиях. Необходимость их применения возникает при развитии городов, где имеются сложившиеся исторические центры и другие территории, включающие зоны охраны отдельных архитектурных ансамблей и памятников, территории с известной и национально значимой историей. По каким принципам выделять данные территории ДМ, какие средства для этого использовать, что собой представляет опорная историческая застройка – вот вопросы, которые потребовали самостоятельного рассмотрения. При разработке урбанистических проектов по воссозданию исторической среды городов особую роль приобретают специфические вопросы композиции улиц, площадей, фрагментов городской застройки с включением новых зданий в сложившийся исторический облик города, а также связанные с композицией вопросы консервации, модернизации, реконструкции в решении отдельных фасадов и зданий исторической застройки. Рассмотрение композиционных приемов такого рода, принципов и средств композиции, реализуемых при воссоздании исторической городской среды, становится возможным на основе знания об информационно-знаковых особенностях исторической городской среды, а также на основе изучения характерных примеров из современной зарубежной практики.

ТОМ I.
ПРАВОВЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

I. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

ГЛАВА 1.
Международное законодательство и объекты культурного наследия

Законодательные и нормативные основы развития исторических мест. Опасности изменения исторической среды исходят от различных изменений, разрушающих сложившиеся структуры и образы городов, исторических районов, кварталов, придающих им новый смысл, противоречащих устоявшемуся образу и изменяющих коды своеобразия города. Эти опасности особенно реальны для самобытности и уникальности городов и других населенных мест, если среда не получила правового статуса. Иное дело – достопримечательное место. Понятие «достопримечательное место», как уже отмечалось, было введено Федеральным законом РФ № 73-ФЗ. По определению, данному в законе, это «творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки» и т. д. Все указанные в законе составляющие достопримечательного места представляют собой элементы городской среды, и определение «историческая среда» подчеркивает особенности ее формирования, характеризует ее качественное отличие от остальной застройки.

Законодательные основы статуса исторической среды в России взаимосвязаны с международными нормативными основами ее статуса.

Для более полного представления о градостроительной деятельности по формированию исторической среды городов за рубежом следует рассмотреть основные законодательные мероприятия международного уровня, нормы и правила, действующие в этой области за рубежом.

1.1. Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест

Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия) была одобрена II Международным конгрессом архитекторов и технических специалистов по историческим памятникам в Венеции в 1964 г. и принята Международным советом по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС; англ.: International Council on Monuments and Sites, ICOMOS) в 1965 г. Согласно хартии, монументальные произведения, несущие духовные послания прошлого, остаются в современной жизни людей свидетелями вековых традиций. Человечество все в большей степени осознает общечеловеческую ценность памятников, рассматривает их как общее наследие и перед лицом будущих поколений признает совместную ответственность за его сохранность. Оно считает себя обязанным передать памятники последующим поколениям во всем богатстве их подлинности. В соответствии с этим были приняты принципы, которыми необходимо руководствоваться при консервации и реставрации памятников.

Международный конгресс архитекторов и технических специалистов по историческим памятникам, проходивший в Венеции с 25 по 31 мая 1964 г., принял следующие положения.

К историческим памятникам относятся как отдельные архитектурные произведения, так и городская или сельская среда, носящие характерные признаки определенной цивилизации, пути развития или исторических событий. К ним относятся не только выдающиеся памятники, но и более скромные сооружения, приобретающие с течением времени значительную культурную ценность.

Консервация и реставрация памятников представляет собой дисциплину, которая взаимодействует со всеми отраслями науки и техники, способствующими изучению и сохранению монументального наследия.

Консервация и реставрация памятников имеют целью сохранение памятников как произведений искусства и как свидетельств истории.

Консервация памятников предполагает прежде всего постоянство ухода за ними.

Консервация памятников всегда облегчается возможностью их использования на благо общества; такое использование желательно, но при условии сохранения архитектурной целостности и декора зданий. Только в этих рамках можно разрешать и предпринимать работу по

приспособлению, необходимость которой вызвана новыми требованиями современной жизни.

Консервация предполагает сохранение памятника в рамках свойственного ему окружения и масштаба. Если традиционное окружение сохранилось, его не следует нарушать. Всякое новое строительство, разрушения и переделки, которые могли бы изменить взаимосвязь объемов и цветовую гамму, недопустимы.

Памятник неотделим от истории, свидетельством которой он является, и от окружающей среды, где он расположен. Следовательно, перемещение всего памятника или его части не должно допускаться. Перемещение возможно в том случае, если это необходимо для сохранения памятника или может быть оправдано высшими национальными или международными интересами.

Скульптурные, живописные или декоративные элементы, являющиеся неотъемлемой частью памятника, могут быть отделены от него только в том случае, если только эта мера может обеспечить их сохранность.

Реставрация должна являться исключительной мерой. Ее цель – сохранение и выявление эстетической и исторической ценностей памятника. Она основывается на уважении подлинности материала и достоверности документов. Что же касается предположительного восстановления, любая работа по дополнению, признанная необходимой по эстетическим или техническим причинам, должна зависеть от архитектурной композиции и нести на себе печать нашего времени. Археологические и исторические исследования памятника всегда должны предшествовать реставрационным работам и и сопровождать их.

В случае если традиционная техника окажется непригодной, укрепление памятника может быть обеспечено при помощи современной технологии консервации и строительства, эффективность которых подтверждена научными данными и гарантирована опытом.

Наслоения разных эпох, привнесенные в архитектуру памятника, должны быть сохранены, поскольку единство стиля не является целью реставрации. Если здание несет на себе отпечатки многих культурных пластов, выявление более раннего пласта является исключительной мерой и может быть произведено, если удаленные элементы не представляют интереса, если композиция после этого свидетельствует о высокой исторической, археологической или эстетической ценности, если сохранность раскрываемого памятника признана удовлетворительной. Суждение о ценности таких элементов и решение о возможности их устранения не могут зависеть единственно от автора проекта.

Элементы, предназначенные для замены недостающих фрагментов, должны гармонично вписываться в целое и вместе с тем так отличаться от подлинных, чтобы реставрация не фальсифицировала историческую и художественную подлинность памятника.

Дополнения допустимы только в том случае, если они оставляют нетронутыми все примечательные части здания, его традиционное окружение, равновесие композиции и взаимосвязь с окружающей средой.

Комплексы памятников – исторические достопримечательные места должны быть объектом особого внимания, необходимого для сохранения их целостности и благоустройства, приспособления и улучшения использования. Проведение работ по консервации и реставрации должно быть обусловлено принципами, изложенными выше.

Раскопки должны производиться с соблюдением научных норм и в соответствии с «Рекомендациями, определяющими принципы международной регламентации археологических раскопок», принятыми ЮНЕСКО в 1956 г. Должно быть обеспечено укрепление руин и приняты меры, необходимые для консервации и постоянной защиты архитектурных элементов и обнаруженных в ходе раскопок предметов. Кроме того, должны быть предприняты меры для облегчения понимания значимости памятника, выявленного в результате раскопок, не искажая при этом его смысла. Всякая реконструкция должна быть исключена изначально, можно допустить лишь возвращение на свои места сохранившихся, но разрозненных фрагментов. Введенные элементы всегда должны быть распознаваемы и представлять собой минимум, необходимый для обеспечения условий консервации памятника и восстановления единства его форм.

Работы по консервации, реставрации и раскопкам должны сопровождаться составлением точной документации, представленной

в виде аналитических и критических отчетов, снабженных рисунками и фотографиями. В них должны быть отражены все этапы работ по раскрытию, укреплению, перекомпоновке и включению, а также элементы технического и формального характера, выявленные во время этих работ. Эта документация должна передаваться в архивы общественной организации и предоставлена в распоряжение исследователей. Рекомендуется публикация этих документов.

1.2. Конвенция по охране всемирного культурного и природного наследия

Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия была принята на Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, проходившей в Париже с 17 октября по 21 ноября 1972 г. В конвенции констатировалось, что культурному и природному наследию все в более широких масштабах угрожает разрушение, вызываемое не только традиционными причинами повреждений, но и эволюцией социальной и экономической жизни, которая усугубляет их еще более опасными, вредоносными и разрушительными явлениями, принимая во внимание, что повреждение или исчезновение любых образцов культурной ценности или природной среды представляют собой пагубное обеднение достояния всех народов мира, принимая во внимание, что охрана этого наследия на национальном уровне часто бывает недостаточно эффективной в связи с объемом требуемых средств и экономических, научных и технических ресурсов страны, на территории которой находится ценность, подлежащая защите. В уставе организации предусматривалось, что она помогает сохранению, прогрессу и распространению знаний, заботясь о сохранении и охране всеобщего наследия человечества, а также рекомендуя заинтересованным народам заключение соответствующих международных конвенций, считая, что существующие международные конвенции, рекомендации и резолюции о культурных и природных ценностях свидетельствуют о той важности, которую представляет для всех народов мира сохранение уникальных ценностей независимо от того, какому народу они принадлежат, принимая во внимание, что некоторые ценности культурного и природного наследия представляют исключительный интерес, что требует их сохранения как части всемирного наследия всего человечества, что в связи с масштабом и серьезностью новых опасностей, которые им угрожают, все международное сообщество должно участвовать в охране природного и культурного наследия, предоставляя коллективное содействие, которое, не заменяя деятельности заинтересованного государства, на территории которого находится ценность, эффективно дополнит ее, принимая во внимание, что с этой целью необходимо принять новые договорные положения, устанавливающие эффективную систему коллективной охраны памятников выдающегося универсального, культурного и природного значения, организованную на постоянной основе в соответствии с современными научными методами.

Определения культурного и природного наследия. Согласно конвенции, под культурным наследием понимаются:

– памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

– ансамбли: группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

– достопримечательные места: произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны (в том числе археологические достопримечательные места), представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии.

Под природным наследием понимается следующее:

– природные памятники, созданные физическими и биологическими образованиями или группами таких образований, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения эстетики или науки;

– геологические и физиографические образования и строго ограниченные зоны, представляющие ареал подвергающихся угрозе видов животных и растений, имеющих выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки или сохранения;

– природные достопримечательные места или строго ограниченные

природные зоны, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки, сохранения или природной красоты.

Каждому государству – стороне конвенции надлежит определить и разграничить различные ценности, расположенные на его территории.

Национальная охрана и международная охрана культурного и природного наследия. Каждое государство – сторона конвенции признает, что обязательство обеспечивать выявление, охрану, сохранение, популяризацию и передачу будущим поколениям объектов культурного и природного наследия, которые расположены на его территории, возлагается прежде всего на него. С этой целью оно стремится действовать как собственными силами, максимально используя наличные ресурсы, так и – в случае необходимости – в рамках международной помощи и сотрудничества, которыми оно может пользоваться, в частности, в финансовом, художественном, научном и техническом отношениях.

Государства – стороны конвенции по возможности стремятся к тому, чтобы обеспечить наиболее эффективную охрану и сохранение и наиболее активную популяризацию культурного и природного наследия, расположенного на их территории, в условиях, свойственных каждой стране:

a) проводить общую политику, направленную на придание культурному и природному наследию определенных функций в общественной жизни и на включение охраны этого наследия в программы общего планирования;

b) учреждать, если они еще не созданы, на своей территории одну или несколько служб по охране, сохранению и популяризации культурного и природного наследия, располагающих соответствующим персоналом и средствами, позволяющими выполнять возложенные на них задачи;

c) развивать научные и технические разработки и исследования и совершенствовать методы работы, позволяющие государству устранять опасности, угрожающие его культурному и природному наследию;

d) принимать соответствующие юридические, научные, технические, административные и финансовые меры для выявления, охраны, сохранения, популяризации и восстановления этого наследия;

e) содействовать созданию или развитию национальных или региональных центров подготовки в области охраны, сохранения и популяризации культурного и природного наследия, а также поощрять научные исследования в этой области.

Полностью уважая суверенитет государств, на территории которых находится культурное и природное наследие, и не ущемляя прав, предусмотренных национальным законодательством в отношении указанного наследия, государства – стороны конвенции признают, что оно является всеобщим наследием, для охраны которого все международное сообщество обязано сотрудничать.

Государства-стороны обязуются поэтому в соответствии с положениями конвенции оказывать содействие признанию, охране, сохранению и популяризации культурного и природного наследия, если об этом попросят государства, на территории которых оно находится.

Каждое государство – сторона конвенции обязуется не принимать каких-либо преднамеренных действий, которые могли бы причинить прямо или косвенно ущерб культурному и природному наследию, расположенному на территории других государств – сторон конвенции.

В конвенции под международной охраной всемирного культурного и природного наследия понимается создание системы международного сотрудничества и помощи для оказания государствам – сторонам конвенции помощи в усилиях, направленных на сохранение и выявление этого наследия.

Межправительственный комитет по охране всемирного культурного и природного наследия. При Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры учреждается Межправительственный комитет по охране культурного и природного наследия всеобщего выдающегося значения, называемый Комитетом всемирного наследия. Он состоит из 15 государств – сторон конвенции, избираемых государствами – сторонами конвенции, собирающимися на Генеральную Ассамблею во время очередных сессий Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Число государств, входящих в состав комитета, будет доведено до 21, начиная с очередной сессии Генеральной

конференции, которая будет проведена после вступления в силу конвенции для не менее 40 государств.

Выборы членов комитета должны обеспечивать справедливое представительство различных районов и культур мира.

На заседаниях комитета могут присутствовать с совещательным правом голоса по одному представителю от Международного исследовательского центра по сохранению и реставрации культурных ценностей (Римского центра), от Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС) и от Международного союза охраны природы и естественных ресурсов (МСОП), к которым могут присоединиться по просьбе государств – сторон конвенции, собирающихся на Генеральную Ассамблею во время очередных сессий Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, представители других межправительственных или неправительственных организаций, ставящих перед собой аналогичные цели.

Государства – члены Комитета всемирного наследия осуществляют свои полномочия начиная с окончания очередной сессии Генеральной конференции, на которой они были выбраны, до окончания ее третьей последующей очередной сессии.

Полномочия одной трети членов, назначенных во время первых выборов, истекают в конце первой очередной сессии Генеральной конференции, следующей за той, на которой они были избраны, а полномочия второй трети членов, назначенных в то же время, истекают в конце второй очередной сессии Генеральной конференции, следующей за той, на которой они были избраны. Имена этих членов комитета определяются председателем Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры путем жеребьевки после первых выборов.

Государства – члены комитета отбирают в качестве своих представителей компетентных лиц в области культурного или природного наследия.

Комитет всемирного наследия принимает свои правила процедуры.

Комитет может в любое время приглашать на свои заседания представителей общественных или частных организаций, а также частных лиц для консультаций по отдельным вопросам.

Комитет может создавать консультативные органы, которые он считает необходимыми для выполнения своих задач.

Каждое государство – сторона конвенции представляет по мере возможности Комитету всемирного наследия перечень ценностей культурного и природного наследия, расположенных на его территории. Этот перечень, который не следует считать исчерпывающим, должен включать в себя документацию, касающуюся места расположения данных ценностей и представляемого ими интереса.

На основе перечней, представляемых государствами, комитет составляет, обновляет и публикует под названием «Список всемирного наследия» список ценностей культурного и природного наследия, которые, по его мнению, имеют выдающуюся универсальную ценность в соответствии с установленными им критериями. Обновленный список рассылается не реже 1 раза в 2 года.

Внесение ценностей в «Список всемирного наследия» не может быть произведено без согласия заинтересованного государства-участника. Включение ценности, расположенной на территории, суверенитет или юрисдикция которой оспаривается несколькими государствами, никоим образом не отражается на правах спорящих сторон.

Комитет составляет, обновляет и публикует, когда этого требуют обстоятельства, под названием «Список всемирного наследия, находящегося под угрозой» список ценностей, фигурирующих в «Списке всемирного наследия», для спасения которых требуется проведение значительной работы и для которых в рамках конвенции была запрошена помощь. В этом списке указывается приблизительная стоимость операций. В этот список могут включаться только ценности культурного и природного наследия, которым угрожают серьезные и реальные опасности, такие как, например, угроза исчезновения вследствие прогрессирующего разрушения, возможность проведения крупных общественных или частных работ, быстрое развитие городов и туризма, разрушение в связи с изменением предназначения или права собственности на землю, серьезные

повреждения вследствие неустановленной причины, заброшенность по каким-либо причинам, стихийные бедствия и катаклизмы, опасность вооруженных конфликтов, крупные пожары, землетрясения, оползни, вулканические извержения, изменения уровня вод, наводнения, приливы. В чрезвычайных обстоятельствах комитет может в любое время включить в «Список всемирного наследия, находящегося под угрозой» новую ценность и немедленно сообщить об этом.

Комитет определяет критерии, на основе которых ценность культурного или природного наследия может быть включена в оба списка.

Прежде чем принять окончательное решение о невключении ценности в один из двух списков, Комитет консультируется с государствами-сторонами, на территории которых находится вышеупомянутая ценность культурного или природного наследия.

Комитет по договоренности с заинтересованными государствами координирует и поощряет проведение исследований, необходимых для составления списков.

Тот факт, что какая-либо ценность культурного или природного наследия не была включена в один из двух списков, ни в коей мере не означает, что она не имеет других целей помимо включения в эти списки.

Комитет всемирного наследия получает и изучает заявки о предоставлении международной помощи, сформулированные государствами – сторонами конвенции, в отношении ценностей культурного и природного наследия, расположенных на их территории. Предметами таких заявок могут быть охрана, сохранение, популяризация или восстановление этих ценностей.

На основе перечней, представляемых государствами, комитет составляет, обновляет и публикует под названием «Список всемирного наследия» список ценностей культурного и природного наследия, в случае если предварительные исследования показали, что это будет оправданно.

Комитет принимает решение по этим заявкам, определяет в случае необходимости характер и объем своей помощи и разрешает заключение от своего имени необходимых соглашений с заинтересованным правительством.

Комитет устанавливает порядок очередности своих операций. Он осуществляет это, принимая во внимание важность для всемирного культурного и природного наследия ценностей, подлежащих защите, необходимость обеспечения международной охраны наиболее представительных ценностей природы, гения и истории народов мира и срочность мер, которые необходимо предпринять, обеспеченность государств, на территории которых находятся эти ценности, ресурсами и, в частности, степень, в которой они могли бы обеспечить сохранность этих ценностей собственными средствами.

Комитет составляет, обновляет и распространяет список ценностей, для которых выделяется международная помощь. Он также принимает решение об использовании средств фонда, созданного в соответствии со ст. 15 конвенции. Он изыскивает средства для пополнения этих средств и принимает в связи с этим все необходимые меры.

Комитет сотрудничает с международными и национальными, правительственными и неправительственными организациями, преследующими цели, аналогичные целям конвенции. В целях выполнения своих программ и проектов комитет может, в частности, прибегать к помощи Международного исследовательского центра по сохранению и реставрации культурных ценностей (Римского центра), Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС) и Международного союза охраны природы и естественных ресурсов (МСОП), а также государственных и частных органов и частных лиц.

Комитету всемирного наследия помогает секретариат, назначаемый генеральным директором Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры.

Генеральный директор Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, используя услуги Международного исследовательского центра по сохранению и реставрации культурных ценностей, Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест и Международного союза охраны природы и естественных ресурсов в рамках их компетенции и возможностей, готовит документацию комитета, повестку дня его заседаний и обеспечивает выполнение его решений.

Фонд охраны всемирного культурного и природного наследия. Данный фонд, согласно соответствующим статьям Положения о финансах Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, является целевым фондом. Средства Фонда состоят из следующего:

a) добровольные и обязательные взносы государств – сторон конвенции;

b) вклады, дары или завещанные суммы, которые могут быть переданы: 1) другими государствами; 2) Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры и другими организациями системы Организации Объединенных Наций, в частности, на основе Программ Организации Объединенных Наций и других межправительственных организаций; 3) государственными или частными органами или физическими лицами;

c) проценты с сумм, одолженных фондом;

d) суммы сборов и поступлений от мероприятий, организованных в пользу фонда;

e) любые другие ресурсы, утвержденные в соответствии с положениями о фонде, разработанными Комитетом всемирного наследия.

Взносы в фонд и другие формы предоставляемой комитету помощи могут использоваться только в целях, определяемых комитетом. Комитет может принимать взносы, предназначенные только для определенной программы или конкретного проекта при условии, что комитет примет решение о выполнении этой программы или проекта. Внесение взносов в фонд не сопровождается какими-либо политическими условиями.

Государства – стороны конвенции способствуют созданию государственных или частных национальных фондов или ассоциаций, имеющих целью поощрять пожертвования для охраны культурного и природного наследия в соответствии с положениями ст. 1 и 2 конвенции.

Условия и формы предоставления международной помощи. Любое государство – сторона конвенции может обращаться с просьбой о предоставлении международной помощи в отношении ценностей культурного или природного наследия, имеющих выдающуюся универсальную ценность, расположенных на его территории. Оно должно представить вместе с заявкой соответствующую информацию и документацию, предусмотренную ст. 21 конвенции, которой оно располагает и которая необходима комитету для принятия решения.

Международная помощь, в соответствии с конвенцией, может предоставляться лишь в отношении ценностей культурного и природного наследия, которые Комитет всемирного наследия включил в один из списков, упомянутых в п. 2 и 4 ст. 11, согласно п. 2 ст. 13, п. (c) ст. 22 и ст. 23.

Предоставлению существенной помощи должны предшествовать тщательные научные, экономические и технические исследования. При проведении исследований необходимо использовать самые передовые методы охраны, сохранения, восстановления и популяризации культурного и природного наследия и учитывать цели конвенции. В исследованиях также должны определяться пути, позволяющие рационально использовать наличные ресурсы заинтересованного государства.

Просветительские программы. Государства – стороны конвенции стремятся, применяя соответствующие средства, в частности просветительные и информационные программы, укреплять уважение и привязанность народов к культурному и природному наследию.

Государства – стороны конвенции обязуются широко информировать общественность об опасностях, грозящих этому наследию, а также о мерах, принимаемых во исполнение конвенции.

Государства – стороны конвенции, получающие международную помощь в соответствии с конвенцией, принимают соответствующие меры в целях ознакомления с важностью наследия, в отношении которого получена такая помощь, и ролью, которую она сыграла.

Доклады. Государства – стороны конвенции сообщают в докладах, которые они представляют Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры в установленные ею сроки и форме, о принятии законодательных и регламентирующих положений и о других мерах, принятых ими в целях выполнения конвенции, а также об опыте, накопленном ими в этой области.

Данные доклады доводятся до сведения Комитета всемирного наследия.

Комитет представляет к каждой очередной сессии Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры доклад о своей деятельности.

Заключительные положения. Конвенция подлежит ратификации или принятию государствами – членами Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры в порядке, предусмотренном их конституциями.

К конвенции может присоединиться любое государство, не являющееся членом Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, которое получит от Генеральной конференции Организации приглашение присоединиться к ней.

1.3. Решения об охране исторических мест

Хартия об охране исторических парков (Флорентийская хартия – дополнение к Венецианской хартии) была принята международным комитетом ИКОМОС и Международной федерации ландшафтных архитекторов на собрании 21 мая 1981 г. во Флоренции и утверждена ИКОМОС 15 декабря 1981 г.

В работах А. А. Никифорова детально проанализированы и обобщены вопросы европейского права в области регулирования в исторических городах. Согласно его выводам, европейское право в области градостроительного регулирования в исторических городах основывается прежде всего на Амстердамской декларации, принятой по итогам Европейского конгресса по сохранению архитектурного наследия (21–25 октября 1975 г.), рекомендации Комитета министров Совета Европы от 14 апреля 1976 г. № 76 «Об адаптации законодательства и нормативных правовых актов к требованиям комплексного сохранения архитектурного наследия», а также на нормах Конвенции об охране архитектурного наследия Европы (Гренада, 3 октября 1985 г.), ратифицированной Российской Федерацией, и Рамочной конвенции о значении культурного наследия для общества (Фаро, 27 октября 2005 г.).

Установлены три главных принципа комплексного сохранения архитектурного наследия в исторических городах и сельских поселениях:

– комплексное сохранение недвижимого культурного наследия должно являться основным компонентом программ территориального планирования исторического города. Данное положение должно быть законодательно закреплено в качестве одной из главных задач градостроительной политики в историческом городе;

– комплексное сохранение недвижимого культурного наследия является одним из элементов качества окружающей среды и фактором устойчивого развития территории, учитывающего равновесие открытых и застроенных городских пространств, а также озеленения;

– государственные и муниципальные органы власти на своем уровне обязаны принимать нормативно-правовые, организационно-финансовые и иные меры, направленные на обеспечение охраны архитектурных памятников и ансамблей, а также исторической застройки [Никифоров, 2012].

Европейское право: градорегулирование в исторических городах. Европейский конгресс по сохранению архитектурного наследия, прошедший в 1975 г. в Амстердаме, впервые в европейской практике ввел в обиход понятие *комплексного сохранения наследия* (англ.: integrated conservation), *основывающегося на соединении охраны культурного наследия* (heritage protection) *с территориальным планированием* (territorial planning). Это решение было одним из серьезных сдвигов в эволюции концепции сохранения архитектурного наследия Европы. Была признана *невозможность эффективной охраны памятников без сохранения историко-градостроительной среды.* «Штучный», индивидуальный отбор зданий и сооружений, имеющих архитектурную ценность, а также бесконечное увеличение числа «вновь выявляемых памятников» в противовес строительным проектам реконструкции и санации городских пространств европейский городов 60-х гг. XX в. стали первопричиной трагического конфликта между прошлым города и его настоящим, что обусловило необходимость выработки новой стратегии охраны культурного наследия.

Как отмечал А. А. Никифоров, по итогам конгресса была принята так называемая *Амстердамская декларация, провозгласившая «средовой» подход к охране историко-культурного наследия, основанный на проведении градостроительной политики сохранения традиционной исторической застройки старых городских кварталов и обеспечивающий взаимодействие*

городских функций с социально-культурным разнообразием территории [Никифоров, 2013].

В правовом аспекте становления концепции комплексного сохранения наследия более важным документом явились рекомендации Комитета министров Совета Европы от 14 апреля 1976 г. № 76 «Об адаптации законодательства и нормативных правовых актов к требованиям комплексного сохранения архитектурного наследия», а также Конвенция об охране архитектурного наследия Европы.

Рекомендации установили *два основных вида недвижимого культурного наследия:*

– архитектурное наследие, состоящее из памятников (англ.: monuments) и архитектурных ансамблей (groups of buildings);

– достопримечательные места (sites).

Что касается памятников, к ним относятся *отдельные архитектурные здания и сооружения, включая движимые культурные ценности, ставшие недвижимыми по своей природе или по нахождению, а также произведения монументальной скульптуры, представляющие интерес с точки зрения истории, искусства или науки.*

Архитектурный ансамбль определяется как объединение городских или сельских построек, отвечающих следующим критериям:

– объекты представляют ценность с точки зрения истории;

– объекты образуют однородный или выдающийся комплекс, интегрированный в ландшафт;

– объекты сгруппированы таким образом, что здания, сооружения и связывающая их инфраструктура, а также местность, в которой они расположены, могут быть географически четко установлены.

Достопримечательное место определяется как зона, которая состоит из совокупности земельных участков, являющихся выделяющимися живописностью произведениями природы или совместными творениями природы и человека и представляющих собой интерес с точки зрения истории, археологии, искусства или науки.

Таким образом, начиная с 1976 г. европейское право в сфере культурного наследия четко определяет *достопримечательное место как особую территорию, сохраняющую в городе исторические принципы и параметры создания красных линий кварталов застройки, планировочную систему, исторический силуэт* (систему вертикальных и горизонтальных акцентов), *а за его пределами выделяющуюся как памятное место, которое связано с историей формирования народностей, этнических групп, сохраняющих подлинные природно-культурные признаки, либо с важнейшими историческими событиями* [Никифоров, 2013. С. 25].

На наш взгляд, данное определение достопримечательного места в большей степени соответствует понятию заповедного места, которое было закреплено советским законодательством об охране памятников истории и культуры, чем в действующей редакции Федерального закона об объектах культурного наследия.

Указанные рекомендации и Гренадская конвенция ввели правовую новеллу о том, что помимо собственно недвижимых архитектурных памятников и достопримечательных мест при реализации концепции комплексного сохранения наследия важное значение имеет Охрана историко-градоформирующих объектов – наиболее значимых в истории культуры и композиции поселений (англ.: buildings interest from the point of view of their setting in the urban environment), т. е. *исторической «опорной» застройки.* Безусловно, если мы хотим сохранить неповторимость того или иного исторического места, то в первую очередь следует обратить внимание не столько на собственно объекты культурного наследия, сколько на параметры исторической рядовой застройки, своеобразный «градостроительный код» территории (см. гл. 3 настоящей работы).

Рекомендации 1976 г. определили *две основные цели концепции комплексного сохранения наследия:*

– *сохранение недвижимого культурного наследия и историко-градоформирующих объектов* посредством механизмов государственной охраны и мероприятий по консервации несущих элементов и реставрации памятников;

– *интеграция наследия в жизнь современного общества* посредством реализации программ комплексной регенерации и реконструкции

инженерной инфраструктуры, включая приспособление для современного использования зданий, при условии что новая функция будет соответствовать их культурному значению, а ценные элементы будут отреставрированы.

В целях реализации национальной политики комплексного сохранения наследия Гренадская конвенция предписывает пересмотр законодательства и других нормативно-правовых актов в области охраны культурного наследия в сфере градостроительства и жилищно-коммунального хозяйства для координации столь различных правовых документов как путем их дополнения, так и путем взаимного сочетания. Такая реформа национального законодательства основывается на системе правовых, организационных, финансовых, материально-технических, информационных и иных мер, принимаемых странами – членами Совета Европы.

При этом Конвенция об охране архитектурного наследия Европы устанавливает, что организационные и институциональные меры должны включать в себя как минимум четыре основных элемента.

1. Наличие (создание) в структуре исполнительной власти специально уполномоченного органа охраны культурного наследия, обладающего адекватным административным и научно-техническим персоналом, позволяющим проводить политику комплексного сохранения наследия и находящегося в тесном взаимодействии с ведомством, уполномоченным в сфере градостроительства, а также с соответствующими территориальными органами.

2. Наличие целевой государственной программы комплексного сохранения наследия, направленной на реализацию проектов реконструкции исторических центров городов.

3. Совместная разработка службами охраны культурного наследия и градостроительства перечня недвижимых архитектурных памятников и историко-градостроительного опорного плана в качестве основы для принятия решений в сфере территориального планирования.

4. Учреждение института подготовки и переподготовка кадров территориальных служб градостроителей и архитекторов, работающих в исторических центрах.

Что касается правовых мер при реализации политики комплексного сохранения наследия, согласно требованиям указанных рекомендаций и конвенции, основным механизмом признается правовое зонирование территории.

При его проведении наиболее предпочтительным считается контекстуальный подход к определению режимов использования земельных участков и установления параметров застройки. Как правило, необходимо регламентировать *как функциональное использование, межевание земельных участков, размещение зданий на участке, их габариты, соотношение застроенных и открытых пространств, так и особенности архитектурных решений* (форма кровли, соотношение простенков и окон, их пропорции, используемые материалы, колористика и т. п.), мощение, размещение рекламы. Несмотря на то, что одни характеристики задаются достаточно четко, а другие – в зависимости от окружения – с большей степени контекстуальности, их совокупность позволяет устанавливать достаточно жесткие рамки возможного изменения градостроительной ситуации в историческом центре.

Также конвенция устанавливает для проведения правового зонирования на исторической территории важный императив о том, что снос и освоение незастроенных участков не должны быть выгоднее сохранения существующей исторической застройки во избежание нарушения исторически сложившихся структур пространственной организации исторических мест.

Система финансовых мер при реализации политики комплексного сохранения наследия складывается из фискальных (предоставление налоговых льгот) и экономических (кредитование и субвенции) акций.

Что касается налоговых льгот (уменьшение земельного налога, компенсации за проведенные работы путем вычета из подоходного налога, уменьшение налога на наследство и т. д.), они должны способствовать собственникам недвижимости производить работы по ремонту, реставрации и реконструкции исторических зданий в историческом центре.

Согласно принятым документам, важным направлением комплексного

сохранения наследия и регулирования развития исторического города является работа с комплексом вопросов информационного обеспечения. Помимо собственно восстановления необходимо реализовывать мероприятия по популяризации среди широких слоев населения историко-культурного потенциала территории в его наиболее широком понимании: объектов культурного наследия всех категорий значимости, исторической застройки, характера городской среды, традиционных промышленных производств и ремесел, народных обычаев, самобытности кулинарной традиции, форм самоуправления, общественных контактов – всего того, что создает неповторимый образ места и формирует его специфичный «бренд». Специфическая роль в данной работе должна быть отведена добровольным ассоциациям.

ГЛАВА 2.
Российское законодательство об объектах культурного наследия

Федеральный закон № 73-ФЗ регулирует отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Закон ориентирован на реализацию конституционного права каждого на доступ к культурным ценностям и конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры, а также на реализацию прав народов и иных этнических общностей в Российской Федерации на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение историко-культурной среды обитания, защиту и сохранение источников информации о зарождении и развитии культуры.

В Российской Федерации гарантируется сохранность объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации.

2.1. Общие положения

Предметами регулирования Федерального закона № 73-ФЗ являются:

1) отношения, возникающие в области сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации;

2) особенности владения, пользования и распоряжения объектами культурного наследия (памятниками истории и культуры) народов Российской Федерации как особым видом недвижимого имущества;

3) порядок формирования и ведения Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации;

4) общие принципы государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Правовое регулирование отношений в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Правовое регулирование отношений в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации основывается на положениях Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, Основ законодательства Российской Федерации о культуре и осуществляется в соответствии с Федеральным законом № 73-ФЗ и принимаемыми в соответствии с ним другими федеральными законами, а также принимаемыми в соответствии с ними в пределах компетенции субъектов Российской Федерации законами субъектов Российской Федерации в области государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Отношения в области сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, связанные с землепользованием и градостроительной деятельностью, регулируются земельным законодательством Российской Федерации, законодательством Российской Федерации о градостроительной и об архитектурной деятельности, законодательством Российской Федерации об охране окружающей среды и Федеральным законом № 73-ФЗ.

Имущественные отношения, возникающие при сохранении, использовании, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, регулируются гражданским законодательством Российской Федерации с учетом особенностей, установленных Федеральным законом № 73-ФЗ.

Права собственности субъектов РФ, муниципальных образований оформляются на объекты истории и культуры, которые являлись недвижимыми памятниками истории и культуры государственного (общесоюзного и республиканского) значения до 27 декабря 1991 г.

Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации. К *объектам культурного наследия* (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации в целях Федерального закона № 73-ФЗ относятся *объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.*

Объекты культурного наследия, в соответствии с Федеральным законом № 73-ФЗ, *подразделяются на следующие виды:*

– *памятники* – отдельные постройки, здания и сооружения с исторически сложившимися территориями (в том числе памятники религиозного назначения: церкви, колокольни, часовни, костелы, кирхи, мечети, буддистские храмы, пагоды, синагоги, молельные дома и другие объекты, специально предназначенные для богослужений); мемориальные квартиры; мавзолеи, отдельные захоронения; произведения монументального искусства; объекты науки и техники, включая военные; частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки (далее – объекты археологического наследия);

– *ансамбли* – четко локализуемые на исторически сложившихся территориях группы изолированных или объединенных памятников, строений и сооружений фортификационного, дворцового, жилого, общественного, административного, торгового, производственного, научного, учебного назначения, а также памятников и сооружений религиозного назначения (храмовые комплексы, дацаны, монастыри, подворья), в том числе фрагменты исторических планировок и застроек поселений, которые могут быть отнесены к градостроительным ансамблям; произведения ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства (сады, парки, скверы, бульвары), некрополи;

– *достопримечательные места* – творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; культурные слои, остатки построек древних городов, городищ, селищ, стоянок; места совершения религиозных обрядов.

Категории историко-культурного значения объектов культурного наследия. *Объекты культурного наследия подразделяются на следующие категории историко-культурного значения:*

– *объекты культурного наследия федерального значения* – объекты, обладающие историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностью, имеющие особое значение для истории и культуры Российской Федерации, а также объекты археологического наследия;

– *объекты культурного наследия регионального значения* – объекты, обладающие историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностью, имеющие особое значение для истории и культуры субъекта Российской Федерации;

– *объекты культурного наследия местного (муниципального) значения* – объекты, обладающие историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностью, имеющие особое значение для истории и культуры муниципального образования.

Земельные участки в границах территорий объектов культурного наследия. Земельные участки в границах территорий объектов культурного наследия, включенных в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, а также в границах территорий выявленных объектов культурного наследия относятся к землям историко-культурного назначения, правовой режим которых регулируется земельным законодательством Российской Федерации и Федеральным законом № 73-ФЗ.

Государственная охрана объектов культурного наследия. Под *государственной охраной объектов культурного наследия* в целях Федерального закона № 73-ФЗ понимается *система правовых, организационных, финансовых, материально-технических, информационных и иных принимаемых органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления в пределах их компетенции мер, направленных на выявление, учет, изучение объектов культурного наследия, предотвращение их разрушения или причинения им вреда, контроль за сохранением и использованием объектов культурного наследия.*

Права граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия. Гражданам Российской Федерации гарантируется сохранность объектов культурного наследия в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом № 73-ФЗ.

Каждый имеет право на доступ к объектам культурного наследия в порядке, установленном п. 3 ст. 52 Федерального закона № 73-ФЗ.

Каждый имеет право на беспрепятственное получение информации об объекте культурного наследия в порядке, установленном Федеральным законом № 73-ФЗ, в пределах данных, содержащихся в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Содействие общественных и религиозных объединений в сохранении, использовании, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия. Общественные и религиозные объединения вправе оказывать содействие федеральному органу исполнительной власти, специально уполномоченному в области государственной охраны объектов культурного наследия, в сохранении, использовании, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Полномочия органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия

Полномочия федеральных органов государственной власти в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия. К полномочиям федеральных органов государственной власти в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия относятся:

1) установление в случаях, определенных Федеральным законом № 73-ФЗ, ограничений при пользовании объектами культурного наследия и земельными участками или водными объектами, в пределах которых располагаются объекты археологического наследия;

2) проведение единой инвестиционной политики в области государственной охраны объектов культурного наследия;

3) утверждение федеральных целевых программ сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия;

4) определение политики в области государственной охраны объектов культурного наследия;

5) сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия, находящихся в федеральной собственности, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации, а также государственная охрана объектов культурного наследия федерального значения, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации;

6) организация и определение порядка деятельности федерального органа исполнительной власти, специально уполномоченного в области государственной охраны объектов культурного наследия;

7) установление общих принципов содержания объектов культурного наследия и установления границ территорий объектов культурного наследия и их зон охраны, проведения строительных, ремонтных и иных работ на территориях объектов культурного наследия и в зонах их охраны;

8) установление общих принципов сохранения объектов культурного наследия;

9) формирование совместно с органами государственной власти субъектов Российской Федерации и ведение в порядке, предусмотренном Федеральным законом № 73-ФЗ, Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации;

10) принятие в случаях, установленных Федеральным законом № 73-ФЗ, решения о включении объекта культурного наследия федерального значения в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, об исключении объекта культурного наследия из указанного реестра, о перемещении объекта культурного наследия или об изменении его внутреннего или внешнего облика, об изменении категории историко-культурного значения объекта культурного наследия федерального значения либо о воссоздании утраченного объекта культурного наследия федерального значения;

11) осуществление государственного контроля за сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия;

12) осуществление контроля и надзора за соблюдением законодательства Российской Федерации в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия;

13) отнесение объектов культурного наследия к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации;

14) установление порядка формирования перечня объектов культурного наследия, рекомендуемых Российской Федерацией для включения в «Список всемирного наследия»;

15) формирование перечня не подлежащих отчуждению объектов культурного наследия, находящихся в федеральной собственности;

16) утверждение режимов использования территорий и зон охраны объектов культурного наследия, отнесенных к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации, и объектов культурного наследия, включенных в «Список всемирного наследия»;

17) установление общих принципов содержания историко-культурных заповедников;

18) отнесение объектов культурного наследия к историко-культурным заповедникам федерального значения;

19) установление порядка проведения государственной историко-культурной экспертизы;

20) осуществление Российской Федерацией международного сотрудничества в области охраны объектов культурного наследия;

21) заключение и организация выполнения международных договоров Российской Федерации в области охраны объектов культурного наследия;

22) установление порядка проведения статистического учета в области охраны объектов культурного наследия;

23) установление порядка использования информации, содержащейся в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, при формировании иных государственных реестров и подготовке нормативных правовых актов;

24) научно-методическое обеспечение в области сохранения и использования объектов культурного наследия, установление основ научно-методического обеспечения в области государственной охраны и популяризации объектов культурного наследия;

25) определение порядка организации историко-культурного заповедника федерального значения;

26) установление порядка определения размера оплаты государственной историко-культурной экспертизы объектов культурного наследия федерального значения;

27) согласование охранных обязательств собственника объекта культурного наследия федерального значения и пользователя указанным объектом.

Полномочия Российской Федерации в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия, переданные для осуществления органам государственной власти субъекта Российской Федерации. Российская Федерация передает органам государственной власти субъекта Российской Федерации осуществление следующих полномочий в отношении объектов культурного наследия (за исключением отдельных объектов культурного наследия, перечень которых устанавливается Правительством Российской Федерации):

1) сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия, находящихся в федеральной собственности;

2) государственная охрана объектов культурного наследия федерального значения в соответствии со ст. 33 Федерального закона № 73-ФЗ, за исключением:

– ведения Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации;

– организации и проведения государственной историко-культурной экспертизы в части, необходимой для исполнения полномочий федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере массовых коммуникаций и по охране культурного наследия;

– согласования проектов зон охраны объектов культурного наследия федерального значения и градостроительных регламентов, устанавливаемых в границах территорий объектов культурного наследия федерального значения, расположенных в исторических поселениях, и границах зон их охраны;

– выдачи разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия.

Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере культуры и историко-культурного наследия:

– принимает нормативные правовые акты по вопросам осуществления переданных полномочий;

– согласовывает назначение на должность руководителей органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющих переданные полномочия;

– согласовывает структуру органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющих переданные полномочия;

– в случаях, установленных федеральными законами, готовит и вносит в Правительство Российской Федерации для принятия решения предложения об изъятии соответствующих полномочий у органов государственной власти субъекта Российской Федерации.

Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере массовых коммуникаций и по охране культурного наследия осуществляет:

– надзор за нормативно-правовым регулированием;

– контроль и надзор за полнотой и качеством осуществления органами государственной власти субъекта Российской Федерации переданных полномочий с правом проведения проверок, выдачи обязательных для исполнения предписаний;

– издание обязательных для исполнения методических указаний и инструкций по осуществлению органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации переданных полномочий;

– установление требований к содержанию и формам отчетности, а также к порядку представления отчетности об осуществлении переданных полномочий;

– анализ причин выявленных нарушений при осуществлении переданных полномочий, принятие мер по их устранению.

Полномочия органов государственной власти субъекта Российской Федерации в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия. К полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации в этой области относятся:

1) принятие законов и иных нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации в пределах полномочий органов государственной власти субъекта Российской Федерации и контроль за их исполнением;

2) разработка и реализация региональных программ в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия;

3) сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия, находящихся в собственности субъекта Российской Федерации;

4) государственная охрана объектов культурного наследия регионального значения;

5) установление порядка изменения категории историко-культурного значения объектов культурного наследия регионального значения;

6) определение порядка принятия органом государственной власти субъекта Российской Федерации решения о включении (об исключении) объекта культурного наследия регионального значения или объекта культурного наследия местного (муниципального) значения в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации;

7) установление порядка определения размера оплаты государственной историко-культурной экспертизы;

8) определение порядка организации историко-культурного заповедника регионального значения.

Полномочия органов местного самоуправления поселений и городских округов в области сохранения, использования,

популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия. К полномочиям органов местного самоуправления поселений и городских округов в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия относятся:

1) сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия, находящихся в собственности поселений или городских округов;

2) государственная охрана объектов культурного наследия местного (муниципального) значения;

3) определение порядка организации историко-культурного заповедника местного (муниципального) значения.

Федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством Российской Федерации в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия. Федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством Российской Федерации в области государственной охраны объектов культурного наследия (далее – федеральный орган охраны объектов культурного наследия), осуществляет меры по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия.

Государственный контроль в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия. Федеральный орган охраны объектов культурного наследия, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, уполномоченные осуществлять государственный контроль в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия, имеют право предъявлять иски в суд в случаях нарушения Федерального закона № 73-ФЗ.

Для сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия разрабатываются *федеральные целевые программы сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия* (федеральные программы охраны объектов культурного наследия) *и региональные целевые программы сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия* (региональные программы охраны объектов культурного наследия).

2.2. Учет объектов, представляющих историко-культурную ценность, охрана, экспертиза

Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и государственный учет объектов, представляющих историко-культурную ценность. В Российской Федерации ведется *Единый государственный реестр объектов культурного наследия* (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (далее – реестр), содержащий сведения об объектах культурного наследия.

Реестр представляет собой информационную систему, включающую в себя банк данных, единство и сопоставимость которых обеспечиваются за счет общих принципов формирования, методов и формы ведения реестра.

Сведения, содержащиеся в реестре, являются основными источниками информации об объектах культурного наследия и их территориях, а также о зонах охраны объектов культурного наследия при формировании и ведении государственного градостроительного кадастра, иных информационных систем или банков данных, использующих (учитывающих) данную информацию.

Формирование реестра. В соответствии с Федеральным законом № 73-ФЗ, реестр формируется посредством включения в него объектов культурного наследия, в отношении которых было принято решение о включении их в реестр, а также посредством исключения из реестра объектов культурного наследия, в отношении которых было принято решение об исключении их из реестра, в порядке, установленном Федеральным законом № 73-ФЗ.

Документы, представляемые в орган государственной власти для принятия решения о включении объекта культурного наследия в реестр. Для принятия решения о включении объекта культурного наследия в реестр соответствующий орган охраны объектов культурного наследия представляет в Правительство Российской Федерации (в случаях, предусмотренных п. 9 ст. 18 Федерального закона № 73-ФЗ) либо в орган государственной власти субъекта Российской Федерации, определенный

законом данного субъекта Российской Федерации:

1) заявление о включении выявленного объекта культурного наследия в реестр;

2) заключение государственной историко-культурной экспертизы;

3) сведения о наименовании объекта;

4) сведения о времени возникновения или дате создания объекта, дате основных изменений (перестроек) данного объекта и (или) дате связанного с ним исторического события;

5) сведения о местонахождении объекта;

6) сведения о категории историко-культурного значения объекта;

7) сведения о виде объекта;

8) описание особенностей объекта, послуживших основаниями для включения его в реестр и подлежащих обязательному сохранению (далее – предмет охраны);

9) описание границ территории объекта;

10) фотографическое изображение объекта;

11) сведения о собственнике объекта культурного наследия и пользователе объектом культурного наследия;

12) сведения о собственнике земельного участка и пользователе земельным участком, а также о правовом режиме использования земельного участка, в пределах которого располагается объект археологического наследия.

Порядок включения объектов культурного наследия в реестр. Федеральный орган охраны объектов культурного наследия и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, уполномоченные в области охраны объектов культурного наследия, осуществляют работы по выявлению и учету объектов, представляющих собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и рекомендуемых для включения в реестр. Указанные работы осуществляются в соответствии с государственными целевыми программами охраны объектов культурного наследия, а также на основании рекомендаций физических и юридических лиц.

Объекты культурного наследия федерального значения включаются в реестр федеральным органом охраны объектов культурного наследия на основании акта Правительства Российской Федерации.

Объекты культурного наследия регионального значения включаются в реестр федеральным органом охраны объектов культурного наследия по представлению органов государственной власти субъекта Российской Федерации на основании принятого ими решения о включении объектов культурного наследия регионального значения в реестр.

Объекты культурного наследия местного (муниципального) значения включаются в реестр федеральным органом охраны объектов культурного наследия по представлению органов государственной власти субъекта Российской Федерации.

Ведение реестра. Ведение реестра включает в себя присвоение регистрационного номера объекту культурного наследия, мониторинг данных об объектах культурного наследия, внесенных в реестр при регистрации в нем объектов, документационное обеспечение реестра.

В реестр вносятся сведения об объекте культурного наследия, а также сведения об органе государственной власти, принявшем решение о включении объекта культурного наследия в реестр, номер и дата принятия решения органа государственной власти о включении объекта культурного наследия в реестр.

В реестр вносятся сведения о наличии зон охраны объекта культурного наследия.

Сведения представляются в федеральный орган охраны объектов культурного наследия для обеспечения единого банка данных реестра.

Указанные сведения, за исключением фотографических изображений объектов археологического наследия, ансамблей и достопримечательных мест, подлежат обязательному опубликованию.

Мониторинг данных об объектах культурного наследия, включенных в реестр, осуществляется соответствующим органом охраны объектов культурного наследия в целях своевременного изменения данных об объектах культурного наследия, включенных в реестр.

Документационное обеспечение реестра осуществляется соответствующим органом охраны объектов культурного наследия и включает в себя подготовку и хранение документации, установленной Федеральным законом № 73-ФЗ, содержащей сведения об объектах культурного наследия, включенных в реестр. На основе документации формируются информационные ресурсы реестра, обеспечивающие его автоматизированное ведение.

Паспорт объекта культурного наследия. На объект культурного наследия, включенный в реестр, собственнику данного объекта соответствующим органом охраны объектов культурного наследия выдается паспорт объекта культурного наследия. В указанный паспорт вносятся сведения об объекте культурного наследия, и иные сведения, содержащиеся в реестре.

Паспорт объекта культурного наследия является одним из обязательных документов, представляемых в орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, при осуществлении сделок с объектом культурного наследия либо земельным участком, в пределах которых располагается объект археологического наследия.

Форма паспорта объекта культурного наследия утверждается уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

Порядок изменения категории историко-культурного значения объекта культурного наследия. Изменение категории историко-культурного значения объекта культурного наследия федерального значения осуществляется Правительством Российской Федерации по представлению федерального органа охраны объектов культурного наследия на основании заключения государственной историко-культурной экспертизы.

Объект культурного наследия, признанный не отвечающим требованиям, предъявляемым к объектам культурного наследия федерального значения, учитывается в реестре как объект культурного наследия регионального значения или объект культурного наследия местного (муниципального) значения с согласия субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления муниципального образования, на территориях которых находится данный объект культурного наследия.

Изменение категории историко-культурного значения объекта культурного наследия регионального значения осуществляется в порядке, установленном законами субъектов Российской Федерации.

Исключение объекта культурного наследия из реестра. Исключение из реестра объекта культурного наследия осуществляется на основании акта Правительства Российской Федерации:

– в отношении объекта культурного наследия федерального значения – по представлению федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере массовых коммуникаций и по охране культурного наследия, на основании заключения государственной историко-культурной экспертизы;

– в отношении объекта культурного наследия регионального значения – по представлению федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере массовых коммуникаций и по охране культурного наследия, на основании заключения государственной историко-культурной экспертизы и обращения органа государственной власти субъекта Российской Федерации (в отношении объектов культурного наследия местного (муниципального) значения – согласованного с органом местного самоуправления).

Исключение объекта культурного наследия из реестра осуществляется в случае полной физической утраты объекта культурного наследия или утраты им историко-культурного значения.

Особо ценные объекты культурного наследия народов Российской Федерации

Правительство Российской Федерации может принять решение о

признании объекта культурного наследия федерального значения, включенного в реестр, особо ценным объектом культурного наследия народов Российской Федерации.

Объект культурного наследия, включенный в реестр и «Список всемирного наследия», признается особо ценным объектом культурного наследия народов Российской Федерации в первоочередном порядке.

Объекты культурного наследия, представляющие собой выдающуюся универсальную историческую, археологическую, архитектурную, художественную, научную, эстетическую, этнологическую или антропологическую ценность, могут быть отнесены к объектам всемирного культурного и природного наследия в порядке, установленном Конвенцией об охране всемирного культурного и природного наследия.

Право на пользование информацией об объекте культурного наследия. Физические или юридические лица вправе получать в соответствующем органе охраны объектов культурного наследия информацию, содержащуюся в документах, представляемых для включения объекта культурного наследия в реестр.

Информационные надписи и обозначения на объектах культурного наследия. На объектах культурного наследия, включенных в реестр, должны быть установлены надписи и обозначения, содержащие информацию об объекте культурного наследия (далее – информационные надписи и обозначения). Надписи выполняются на русском языке – государственном языке Российской Федерации и на государственных языках республик – субъектов Российской Федерации.

Обязанность по установке информационных надписей и обозначений на объекты культурного наследия возлагается на собственников объектов.

Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации вправе осуществлять установку информационных надписей и обозначений на объекты культурного наследия федерального значения по согласованию с федеральным органом охраны объектов культурного наследия.

Государственная историко-культурная экспертиза. Государственная историко-культурная экспертиза (далее – историко-культурная экспертиза) проводится в целях:

– обоснования включения объекта культурного наследия в реестр;

– определения категории историко-культурного значения объекта культурного наследия;

– обоснования изменения категории историко-культурного значения объекта культурного наследия, исключения объекта культурного наследия из реестра;

– определения соответствия проектов зон охраны объекта культурного наследия, градостроительных регламентов требованиям государственной охраны объекта культурного наследия;

– отнесения объекта культурного наследия к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации или к объектам всемирного культурного наследия.

Принципы проведения историко-культурной экспертизы. Историко-культурная экспертиза проводится на основе принципов:

– научной обоснованности, объективности и законности;

– презумпции сохранности объекта культурного наследия при любой намечаемой хозяйственной деятельности;

– соблюдения требований безопасности в отношении объекта культурного наследия;

– достоверности и полноты информации, предоставляемой заинтересованным лицом на историко-культурную экспертизу;

– независимости экспертов;

– гласности.

Объекты историко-культурной экспертизы. Объектами историко-культурной экспертизы являются:

– объекты, обладающие признаками объекта культурного наследия в соответствии со ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ;

– земельные участки, подлежащие хозяйственному освоению;

– документы, обосновывающие включение объектов культурного наследия в реестр;

– документы, обосновывающие исключение объектов культурного наследия из реестра;

– документы, обосновывающие изменение категории историко-культурного значения объекта культурного наследия;

– документы, обосновывающие отнесение объекта культурного наследия к историко-культурным заповедникам, особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации либо объектам всемирного культурного и природного наследия;

– проекты зон охраны объекта культурного наследия;

– документация, обосновывающая проведение работ по сохранению объекта культурного наследия.

Организация проведения историко-культурной экспертизы осуществляется:

– федеральным органом охраны объектов культурного наследия – в части экспертизы, необходимой для обоснования принятия решения (согласования) уполномоченного федерального органа исполнительной власти, которое отнесено к полномочиям данного органа в соответствии с Федеральным законом № 73-ФЗ;

– органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченным в области охраны объектов культурного наследия, – в части экспертизы, необходимой для обоснования принятия решения (согласования) органа государственной власти соответствующего субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления, которое отнесено к полномочиям данных органов в соответствии с Федеральным законом № 73-ФЗ.

Порядок проведения историко-культурной экспертизы объектов экспертизы, указанных в ст. 30 Федерального закона № 73-ФЗ, требования к определению физических и юридических лиц, которые могут привлекаться в качестве экспертов, перечень представляемых экспертам документов, порядок их рассмотрения, порядок проведения иных исследований в рамках данной экспертизы устанавливаются Правительством Российской Федерации.

Заключение историко-культурной экспертизы оформляется в виде акта, в котором содержатся результаты исследований, проведенных экспертами в порядке, установленном п. 3 ст. 31 Федерального закона № 73-ФЗ.

Заключение историко-культурной экспертизы является основанием для принятия решения соответствующим органом охраны объектов культурного наследия о возможности проведения работ, указанных в п. 1 ст. 31 Федерального закона № 73-ФЗ, а также для принятия иных решений, вытекающих из заключения об объектах историко-культурной экспертизы, указанных в ст. 30 Федерального закона № 73-ФЗ. В случае несогласия с заключением историко-культурной экспертизы соответствующий орган охраны объектов культурного наследия по собственной инициативе либо по заявлению заинтересованного лица вправе назначить повторную экспертизу в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

В случае несогласия с решением соответствующего органа охраны объектов культурного наследия физическое или юридическое лицо может обжаловать это решение в суд.

Государственная охрана объектов культурного наследия

Цели и задачи государственной охраны объектов культурного наследия. Объекты культурного наследия подлежат государственной охране в целях предотвращения их повреждения, разрушения или уничтожения, изменения облика и интерьера, нарушения установленного порядка их использования, перемещения и предотвращения других действий, могущих причинить вред объектам культурного наследия, а также в целях их защиты от неблагоприятного воздействия окружающей среды и от иных негативных воздействий.

Государственная охрана объектов культурного наследия включает в себя:

– государственный учет объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия в соответствии со ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ, формирование и ведение реестра;

– проведение историко-культурной экспертизы;

– установление ответственности за повреждение, разрушение или уничтожение объекта культурного наследия, перемещение объекта культурного наследия, нанесение ущерба объекту культурного наследия, изменение облика и интерьера данного объекта культурного наследия, являющихся предметом охраны данного объекта культурного наследия;

– согласование в случаях и порядке, установленных Федеральным законом № 73-ФЗ, проектов зон охраны объектов культурного наследия, землеустроительной документации, градостроительных регламентов, а также решений федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления о предоставлении земель и изменении их правового режима;

– контроль за разработкой градостроительных регламентов, в которых должны предусматриваться меры, обеспечивающие содержание и использование объектов культурного наследия в соответствии с требованиями Федерального закона № 73-ФЗ;

– разработку проектов зон охраны объектов культурного наследия;

– выдачу в случаях, установленных законом, разрешений на проведение землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ;

– согласование в случаях и порядке, установленных Федеральным законом № 73-ФЗ, проведения землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ и проектов проведения указанных работ;

– выдачу в случаях, установленных Федеральным законом № 73-ФЗ, разрешений на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия;

– установление границы территории объекта культурного наследия как объекта градостроительной деятельности особого регулирования;

– установку на объектах культурного наследия информационных надписей и обозначений;

– контроль за состоянием объектов культурного наследия;

– иные мероприятия, проведение которых отнесено Федеральным законом № 73-ФЗ и законами субъектов Российской Федерации к полномочиям соответствующих органов охраны объектов культурного наследия.

Зоны охраны объектов культурного наследия. В целях обеспечения сохранности объекта культурного наследия в его исторической среде на сопряженной с ним территории устанавливаются зоны охраны объекта культурного наследия: охранная зона, зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности, зона охраняемого природного ландшафта.

Необходимый состав зон охраны объекта культурного наследия определяется проектом зон охраны объекта культурного наследия.

Охранная зона – территория, в пределах которой в целях обеспечения сохранности объекта культурного наследия в его историческом ландшафтном окружении устанавливается особый режим использования земель, ограничивающий хозяйственную деятельность и запрещающий строительство, за исключением применения специальных мер, направленных на сохранение и регенерацию историко-градостроительной или природной среды объекта культурного наследия.

Зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности – территория, в пределах которой устанавливается режим использования земель, ограничивающий строительство и хозяйственную деятельность, определяются требования к реконструкции существующих зданий и сооружений.

Зона охраняемого природного ландшафта – территория, в пределах которой устанавливается режим использования земель, запрещающий или ограничивающий хозяйственную деятельность, строительство и реконструкцию существующих зданий и сооружений в целях сохранения (регенерации) природного ландшафта, включая долины рек, водоемы, леса и открытые пространства, связанные композиционно с объектами культурного наследия.

Границы зон охраны объекта культурного наследия (за исключением границ зон охраны особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации и объектов культурного наследия, включенных в «Список всемирного наследия»), режимы использования земель и градостроительные регламенты в границах данных зон утверждаются на основании проекта зон охраны объекта культурного наследия в отношении объектов культурного наследия федерального значения – органом государственной власти субъекта Российской Федерации по согласованию с федеральным органом охраны объектов культурного наследия, а в отношении объектов культурного наследия регионального значения и объектов культурного наследия местного (муниципального) значения – в порядке, установленном законами субъектов Российской Федерации.

Порядок разработки проектов зон охраны объекта культурного наследия, требования к режиму использования земель и градостроительным регламентам в границах данных зон устанавливаются Правительством Российской Федерации.

Особенности проектирования и проведения землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ на территории объекта культурного наследия и в зонах охраны объекта культурного наследия. Проектирование и проведение землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ на территории памятника или ансамбля запрещаются, за исключением работ по сохранению данного памятника или ансамбля и (или) их территорий, а также хозяйственной деятельности, не нарушающей целостности памятника или ансамбля и не создающей угрозы их повреждения, разрушения или уничтожения.

Характер использования территории достопримечательного места, ограничения на использование данной территории и требования к хозяйственной деятельности, проектированию и строительству на территории достопримечательного места определяются федеральным органом охраны объектов культурного наследия в отношении объектов культурного наследия федерального значения и органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченным в области охраны объектов культурного наследия, в отношении объектов культурного наследия регионального значения и объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, вносятся в правила застройки и в схемы зонирования территорий, разрабатываемые в соответствии с Градостроительным кодексом Российской Федерации.

Проектирование и проведение работ по сохранению памятника или ансамбля и (или) их территорий осуществляются:

– в отношении объектов культурного наследия федерального значения – по согласованию с органом исполнительной власти, осуществляющим функции в области охраны объектов культурного наследия, в соответствии с разграничением полномочий, предусмотренным в ст. 9 и 9.1 Федерального закона № 73-ФЗ;

– в отношении объектов культурного наследия регионального значения и объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия – в соответствии с законами субъектов Российской Федерации.

Меры по обеспечению сохранности объекта культурного наследия при проектировании и проведении землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ. Проектирование и проведение землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ осуществляются при отсутствии на данной территории объектов культурного наследия, включенных в реестр, выявленных объектов культурного наследия либо при обеспечении заказчиком работ соответствующих требований к сохранности расположенных на данной территории объектов культурного наследия.

В случае обнаружения на территории, подлежащей хозяйственному освоению, объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия в соответствии со ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ, в проекты проведения землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ должны быть внесены разделы об обеспечении сохранности обнаруженных объектов до включения данных объектов в реестр в порядке, установленном Федеральным законом № 73-ФЗ, а действие положений землеустроительной, градостроительной и проектной документации, градостроительных регламентов на данной территории приостанавливается до внесения соответствующих изменений.

В случае расположения на территории, подлежащей хозяйственному освоению, объектов культурного наследия, включенных в реестр, и выявленных объектов культурного наследия землеустроительные, земляные, строительные, мелиоративные, хозяйственные и иные работы на территориях, непосредственно связанных с земельными участками в границах территории указанных объектов, проводятся при наличии в проектах проведения таких работ разделов об обеспечении сохранности данных объектов культурного наследия или выявленных объектов культурного наследия, получивших положительные заключения государственной экспертизы проектной документации.

Приостановление земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ, проведение которых может причинить вред объектам культурного наследия. Земляные, строительные, мелиоративные, хозяйственные и иные работы должны быть немедленно приостановлены исполнителем работ в случае обнаружения объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия в соответствии со ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ.

Исполнитель работ обязан проинформировать орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченный в области охраны объектов культурного наследия, об обнаруженном объекте.

Указанные выше работы, а также работы, проведение которых может ухудшить состояние объекта культурного наследия, нарушить его целостность и сохранность, должны быть немедленно приостановлены заказчиком и исполнителем работ после получения письменного предписания органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченного в области охраны объектов культурного наследия, либо федерального органа охраны объектов культурного наследия.

Приостановленные работы могут быть возобновлены по письменному разрешению соответствующего органа охраны объектов культурного наследия, по предписанию которого работы были приостановлены.

Ограничение движения транспортных средств на территории объекта культурного наследия и в зонах охраны объекта культурного наследия. В случае угрозы нарушения целостности и сохранности объекта культурного наследия движение транспортных средств на территории данного объекта или в его зонах охраны ограничивается или запрещается в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации.

Контроль за состоянием объектов культурного наследия. Соответствующие органы охраны объектов культурного наследия обязаны осуществлять контроль за состоянием объектов культурного наследия, включенных в реестр, и выявленных объектов культурного наследия и проводить 1 раз в 5 лет обследование состояния и фотофиксацию объектов культурного наследия, включенных в реестр, в целях разработки ежегодных и долгосрочных программ сохранения данных объектов культурного наследия.

Сохранение объекта культурного наследия. Сохранение объекта культурного наследия в целях Федерального закона № 73-ФЗ – направленные на обеспечение физической сохранности объекта культурного наследия ремонтно-реставрационные работы, в том числе консервация объекта культурного наследия, ремонт памятника, реставрация памятника или ансамбля, приспособление объекта культурного наследия для современного использования, а также научно-исследовательские, изыскательские, проектные и производственные работы, научно-методическое руководство, технический и авторский надзор.

В исключительных случаях под сохранением объекта археологического наследия понимаются спасательные археологические полевые работы, осуществляемые в порядке, определенном ст. 45 Федерального закона № 73-ФЗ, с полным или частичным изъятием археологических находок из раскопов.

Консервация объекта культурного наследия. Консервация объекта культурного наследия – научно-исследовательские, изыскательские, проектные и производственные работы, проводимые в целях предотвращения ухудшения состояния объекта культурного наследия без изменения дошедшего до настоящего времени облика указанного объекта, в том числе противоаварийные работы.

Ремонт памятника. Ремонт памятника – научно-исследовательские, изыскательские, проектные и производственные работы, проводимые

в целях поддержания в эксплуатационном состоянии памятника без изменения его особенностей, составляющих предмет охраны.

Реставрация памятника или ансамбля. Реставрация памятника или ансамбля – научно-исследовательские, изыскательские, проектные и производственные работы, проводимые в целях выявления и сохранности историко-культурной ценности объекта культурного наследия.

Приспособление объекта культурного наследия для современного использования. Приспособление объекта культурного наследия для современного использования – научно-исследовательские, проектные и производственные работы, проводимые в целях создания условий для современного использования объекта культурного наследия без изменения его особенностей, составляющих предмет охраны, в том числе реставрация представляющих собой историко-культурную ценность элементов объекта культурного наследия.

Порядок проведения работ по сохранению объекта культурного наследия. Работы по сохранению объекта культурного наследия проводятся на основании письменного разрешения и задания на проведение указанных работ, выданных соответствующим органом охраны объектов культурного наследия, и в соответствии с документацией, согласованной с соответствующим органом охраны объектов культурного наследия, в порядке, установленном соответствующим положением Федерального закона № 73-ФЗ, и при условии осуществления указанным органом контроля за проведением работ.

Выдача задания на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия и разрешения на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия, а также согласование проектной документации на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия осуществляются:

– в отношении объектов культурного наследия федерального значения – органом исполнительной власти, осуществляющим функции в области охраны объектов культурного наследия, в соответствии с разграничением полномочий, предусмотренным в ст. 9 и 9.1 Федерального закона № 73-ФЗ;

– в отношении объектов культурного наследия регионального значения и объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия – в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации или муниципальным правовым актом.

Задание на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия составляется с учетом мнения собственника объекта культурного наследия либо пользователя объектом культурного наследия.

К проведению работ по сохранению объекта культурного наследия допускаются юридические лица и индивидуальные предприниматели, имеющие лицензии на осуществление деятельности по реставрации объектов культурного наследия (памятников истории и культуры).

Работы по сохранению объекта культурного наследия проводятся в соответствии с реставрационными нормами и правилами, утверждаемыми федеральным органом охраны объектов культурного наследия. Строительные нормы и правила применяются при проведении работ по сохранению объекта культурного наследия только в случаях, не противоречащих интересам сохранения данного объекта культурного наследия.

Физические и юридические лица, ведущие разработку проектной документации на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия, осуществляют научное руководство проведением работ по сохранению данного объекта, технический и авторский надзор за проведением работ на объекте культурного наследия до дня выполнения указанных работ.

После выполнения работ по сохранению объекта культурного наследия физические и юридические лица, осуществлявшие научное руководство проведением указанных работ, сдают в 3-месячный срок со дня выполнения указанных работ в соответствующий орган охраны объектов культурного наследия, выдавший разрешение на проведение указанных работ, отчетную документацию, включая научный отчет о выполненных работах.

Приемка работ по сохранению объекта культурного наследия осуществляется соответствующим органом охраны объектов культурного

наследия, выдавшим разрешение на проведение указанных работ, одновременно со сдачей руководителем работ отчетной документации в порядке, установленном федеральным органом охраны объектов культурного наследия.

Работы по выявлению и изучению объектов археологического наследия (археологические полевые работы) проводятся на основании выдаваемого сроком не более чем на 1 год в порядке, устанавливаемом уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, разрешения (открытого листа) на право проведения работ определенного вида на объекте археологического наследия.

Обязанности физических и юридических лиц по соблюдению режима использования территории объекта культурного наследия. Физические и юридические лица, осуществляющие хозяйственную и иную деятельность на территории объекта культурного наследия, обязаны соблюдать режим использования данной территории, установленный в соответствии с Федеральным законом № 73-ФЗ, земельным законодательством Российской Федерации и законом соответствующего субъекта Российской Федерации.

Воссоздание утраченного объекта культурного наследия. Воссоздание утраченного объекта культурного наследия осуществляется посредством его реставрации в исключительных случаях при особой исторической, архитектурной, научной, художественной, градостроительной, эстетической или иной значимости указанного объекта и при наличии достаточных научных данных, необходимых для его воссоздания.

Решение о воссоздании утраченного объекта культурного наследия за счет средств федерального бюджета принимается Правительством Российской Федерации по представлению федерального органа охраны объектов культурного наследия, основанному на заключении историко-культурной экспертизы и согласованному с органом государственной власти субъекта Российской Федерации, определенным законом данного субъекта Российской Федерации, с учетом общественного мнения, а также в случае воссоздания памятника или ансамбля религиозного назначения с учетом мнения религиозных организаций.

2.3. Особенности владения, пользования и распоряжения объектом культурного наследия

Особенности владения, пользования и распоряжения объектом культурного наследия, включенным в реестр, и выявленным объектом культурного наследия. Объекты культурного наследия независимо от категории их историко-культурного значения могут находиться в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации, муниципальной собственности, частной собственности, а также в иных формах собственности, если иной порядок не установлен федеральным законом.

Собственник объекта культурного наследия несет бремя содержания принадлежащего ему объекта культурного наследия, включенного в реестр, или выявленного объекта культурного наследия с учетом требований Федерального закона № 73-ФЗ, если иное не установлено договором между собственником и пользователем данным объектом культурного наследия.

При государственной регистрации договора купли-продажи объекта культурного наследия новый собственник принимает на себя обязательства по сохранению объекта культурного наследия.

Особенности владения, пользования и распоряжения объектом археологического наследия и земельным участком или водным объектом, в пределах которых располагается объект археологического наследия. В случае если в пределах земельного участка или водного объекта обнаружен объект археологического наследия, со дня обнаружения данного объекта археологического наследия собственник земельного участка или водного объекта либо пользователь им владеет, пользуется или распоряжается такими земельным участком или водным объектом с соблюдением условий, установленных Федеральным законом № 73-ФЗ для обеспечения сохранности выявленного объекта культурного наследия.

Объект археологического наследия и земельный участок, в пределах которых он располагается, находятся в гражданском обороте раздельно.

Объекты археологического наследия находятся в государственной собственности.

Порядок и основания отчуждения объектов культурного наследия

из государственной или муниципальной собственности. Объекты культурного наследия, отнесенные к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации, памятники и ансамбли, включенные в «Список всемирного наследия», историко-культурные заповедники и объекты археологического наследия отчуждению из государственной собственности не подлежат.

Объекты культурного наследия религиозного назначения могут передаваться в собственность только религиозным организациям в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Жилые помещения, являющиеся объектом культурного наследия либо частью объекта культурного наследия, могут быть отчуждены в порядке, установленном жилищным законодательством Российской Федерации, с учетом требований Федерального закона № 73-ФЗ.

При отчуждении объектов культурного наследия из государственной или муниципальной собственности новый собственник принимает на себя обязательства по сохранению объекта культурного наследия, которые являются ограничениями (обременениями) права собственности на данный объект и указываются в охранном обязательстве собственника объекта культурного наследия в соответствии со ст. 48 Федерального закона № 73-ФЗ.

Возникновение, осуществление, ограничение, прекращение и защита права пользования объектом культурного наследия, включенным в реестр, и права пользования выявленным объектом культурного наследия

Основания возникновения права пользования объектом культурного наследия, включенным в реестр, и права пользования выявленным объектом культурного наследия. Право пользования объектом культурного наследия, включенным в реестр, и право пользования выявленным объектом культурного наследия у физических и юридических лиц возникают:

– в результате приобретения права собственности на объект культурного наследия;

– из актов государственных органов;

– из договоров;

– из судебного решения;

– по иным основаниям, допускаемым Гражданским кодексом Российской Федерации.

Осуществление права пользования объектом культурного наследия, включенным в реестр, земельным участком или водным объектом, в пределах которых располагается объект археологического наследия, и права пользования выявленным объектом культурного наследия. Физические и юридические лица осуществляют право пользования объектом культурного наследия, включенным в реестр, право пользования земельным участком или водным объектом, в пределах которых располагается объект археологического наследия, и право пользования выявленным объектом культурного наследия по своему усмотрению с учетом требований, установленных Федеральным законом № 73-ФЗ и иными нормативными правовыми актами, если это не ухудшает состояние указанных объектов, не наносит вред окружающей историко-культурной и природной среде, а также не нарушает права и законные интересы других лиц.

Использование объекта культурного наследия либо земельного участка или водного объекта, в пределах которых располагается объект археологического наследия, с нарушением Федерального закона № 73-ФЗ и законодательства субъектов Российской Федерации об охране и использовании объектов культурного наследия запрещается.

Объект культурного наследия, включенный в реестр, используется с обязательным выполнением следующих требований:

– обеспечение неизменности облика и интерьера объекта культурного наследия в соответствии с особенностями данного объекта, послужившими основанием для включения объекта культурного наследия в реестр и являющимися предметом охраны данного объекта, описанным в его паспорте;

– согласование в порядке, установленном п. 4 ст. 35 Федерального закона № 73-ФЗ, осуществления проектирования и проведения землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных,

хозяйственных и иных работ на территории объекта культурного наследия либо на земельном участке или водном объекте, в пределах которых располагается объект археологического наследия;

– обеспечение режима содержания земель историко-культурного назначения;

– обеспечение доступа к объекту культурного наследия, условия которого устанавливаются собственником объекта культурного наследия по согласованию с соответствующим органом охраны объектов культурного наследия.

Выявленный объект культурного наследия используется с обязательным выполнением следующих требований:

– обеспечение неизменности облика и интерьера выявленного объекта культурного наследия в соответствии с особенностями, определенными как предмет охраны данного объекта и изложенными в заключении историко-культурной экспертизы;

– согласование в порядке, установленном п. 4 ст. 35 Федерального закона № 73-ФЗ, осуществления проектирования и проведения землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ на территории выявленного объекта культурного наследия либо на земельном участке или части водного объекта, в пределах которых располагается выявленный объект археологического наследия.

Ограничения при использовании объекта культурного наследия, включенного в реестр, либо ограничения при использовании земельного участка или водного объекта, в пределах которых располагается объект археологического наследия. В отношении объекта культурного наследия, включенного в реестр и находящегося в федеральной собственности, либо земельного участка или водного объекта, в пределах которых располагается объект археологического наследия, в целях обеспечения сохранности и использования данного объекта и соблюдения прав и законных интересов граждан Правительством Российской Федерации могут быть установлены ограничения при использовании данного объекта культурного наследия либо данного участка или водного объекта.

Ограничения при использовании объекта культурного наследия, включенного в реестр, земельного участка или водного объекта, в пределах которых располагается объект археологического наследия, действуют до момента полного устранения обстоятельств, явившихся основанием для введения данных ограничений.

В случае несогласия физического или юридического лица с введением установленных Правительством Российской Федерации ограничений при использовании объекта культурного наследия, включенного в реестр, земельного участка или водного объекта, в пределах которых располагается объект археологического наследия, физическое или юридическое лицо может обжаловать такое решение в суд.

Порядок использования объекта культурного наследия, включенного в реестр, земельного участка или водного объекта, в пределах которых располагается объект археологического наследия, распространяется на выявленные объекты культурного наследия.

Прекращение права собственности на объект культурного наследия, включенный в реестр, либо на земельный участок, в пределах которых располагается объект археологического наследия. В случае если собственник объекта культурного наследия, включенного в реестр, либо земельного участка, в пределах которого располагается объект археологического наследия, не выполняет требований к сохранению объекта культурного наследия или совершает действия, угрожающие сохранности данного объекта и влекущие утрату им своего значения, в суд с иском об изъятии у собственника бесхозяйственно содержимого объекта культурного наследия, включенного в реестр, либо земельного участка, в пределах которого располагается объект археологического наследия, обращаются:

– в отношении объектов культурного наследия федерального значения – федеральный орган охраны объектов культурного наследия;

– в отношении объектов культурного наследия регионального значения, выявленных объектов культурного наследия – орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченный в области охраны

объектов культурного наследия;

– в отношении объектов культурного наследия местного (муниципального) значения – орган местного самоуправления муниципального образования.

В случае принятия судом решения об изъятии объекта культурного наследия, включенного в реестр, либо земельного участка, в пределах которого располагается объект археологического наследия, у собственника, содержащего данный объект либо данный земельный участок ненадлежащим образом, по представлению федерального органа охраны объектов культурного наследия, либо органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченного в области охраны объектов культурного наследия, либо органа местного самоуправления соответствующий орган по управлению государственным или муниципальным имуществом выкупает данный объект либо данный земельный участок или организует их продажу с публичных торгов.

Собственнику объекта культурного наследия возмещается стоимость выкупленного объекта в порядке, установленном Гражданским кодексом Российской Федерации.

Памятники и ансамбли, находящиеся в общей собственности, включая памятники и ансамбли, относящиеся к жилищному фонду, а также земельные участки, в границах которых расположены указанные памятники и ансамбли, разделу не подлежат. Выдел собственникам их доли в натуре не осуществляется.

В случае если объект культурного наследия, включенный в реестр, уничтожен по вине собственника данного объекта или пользователя данным объектом либо по вине владельца земельного участка, в пределах которых располагается объект археологического наследия, земельный участок, расположенный в границах территории объекта культурного наследия, являющийся неотъемлемой частью объекта культурного наследия, либо земельный участок, в пределах которых располагается объект археологического наследия, может быть безвозмездно изъят по решению суда в виде применения санкции за совершение преступления или иного правонарушения (конфискации) в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Существенные условия договора аренды объекта культурного наследия и договора безвозмездного пользования объектом культурного наследия

Условия договора аренды объекта культурного наследия. Договор аренды объекта культурного наследия заключается в соответствии с правилами, предусмотренными Гражданским кодексом Российской Федерации для заключения договоров аренды зданий и сооружений, и с учетом требований Федерального закона № 73-ФЗ.

В договоре аренды объекта культурного наследия обязательно указываются включенные в реестр сведения об особенностях, составляющих предмет охраны данного объекта культурного наследия, и требования к сохранению объекта культурного наследия в соответствии с Федеральным законом № 73-ФЗ независимо от формы собственности данного объекта.

Договор аренды объекта культурного наследия, находящегося в федеральной собственности, заключается между федеральным органом исполнительной власти, специально уполномоченным на то Правительством Российской Федерации, и физическим или юридическим лицом.

Договор аренды объекта культурного наследия подлежит государственной регистрации в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Обязательным условием заключения договора аренды объекта культурного наследия является охранное обязательство пользователя объектом культурного наследия.

Предоставление объекта культурного наследия, включенного в реестр и находящегося в федеральной собственности, в безвозмездное пользование. Объект культурного наследия, включенный в реестр и находящийся в федеральной собственности, предоставляется в безвозмездное пользование на основании договора безвозмездного пользования объектом культурного наследия следующим юридическим лицам:

– общественным объединениям, уставной целью деятельности которых

является сохранение объектов культурного наследия;

– детским общественным объединениям;

– общественным организациям инвалидов;

– благотворительным организациям;

– религиозным организациям;

– общероссийским творческим союзам;

– государственным учреждениям, осуществляющим свою деятельность в сфере культуры.

Договор безвозмездного пользования объектом культурного наследия, включенным в реестр, заключается в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и должен содержать сведения об особенностях, составляющих предмет охраны данного объекта культурного наследия, а также требования к сохранению объекта культурного наследия.

Договор безвозмездного пользования объектом культурного наследия, находящимся в федеральной собственности, заключается между федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на то Правительством Российской Федерации, и одним из вышеупомянутых лиц.

Обязательным условием заключения договора безвозмездного пользования объектом культурного наследия является охранное обязательство пользователя объектом культурного наследия в соответствии с Федеральным законом № 73-ФЗ.

2.4. Типы объектов культурного наследия, объекты культурного наследия в системе градостроительной деятельности

Историко-культурные заповедники. В отношении достопримечательного места, представляющего собой выдающийся целостный историко-культурный и природный комплекс, нуждающийся в особом режиме содержания, на основании заключения историко-культурной экспертизы может быть принято решение об отнесении данного достопримечательного места к историко-культурным заповедникам.

Содержание историко-культурного заповедника, в зданиях и сооружениях которого находятся исторические и художественные ценности, музейные предметы, подлежащие хранению и публичному показу, регулируется Федеральным законом «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» и Федеральным законом № 73-ФЗ.

Историко-культурные заповедники могут быть федерального, регионального и местного (муниципального) значения.

Порядок организации историко-культурного заповедника и определение его границы. Граница историко-культурного заповедника определяется на основании историко-культурного опорного плана и (или) иных документов и материалов, в которых обосновывается предлагаемая граница:

– в отношении историко-культурного заповедника федерального значения – федеральным органом охраны объектов культурного наследия;

– в отношении историко-культурного заповедника регионального значения и историко-культурного заповедника местного (муниципального) значения – органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации либо органом местного самоуправления, уполномоченным в области охраны объектов культурного наследия.

Граница историко-культурного заповедника может не совпадать с границей достопримечательного места.

Исторические поселения

Понятие исторического поселения и предмет охраны исторического поселения. *Историческим поселением* в целях Федерального закона № 73-ФЗ является *городское или сельское поселение, в границах территории которого расположены объекты культурного наследия: памятники, ансамбли, достопримечательные места, а также иные культурные ценности, созданные в прошлом, представляющие собой археологическую, историческую, архитектурную, градостроительную, эстетическую, научную или социально-культурную ценность, имеющие важное значение для сохранения самобытности народов Российской Федерации, их вклада в мировую цивилизацию.*

В историческом поселении государственной охране подлежат все исторически ценные градоформирующие объекты: планировка, застройка, композиция, природный ландшафт, археологический слой, соотношение между различными городскими пространствами (свободными, застроенными, озелененными), объемно-пространственная структура, фрагментарное и руинированное градостроительное наследие, форма и облик зданий и сооружений, объединенных масштабом, объемом, структурой, стилем, материалами, цветом и декоративными элементами, соотношение с природным и созданным человеком окружением, различные функции исторического поселения, приобретенные им в процессе развития, а также другие ценные объекты.

Градостроительная, хозяйственная и иная деятельность в историческом поселении. Градостроительная, хозяйственная и иная деятельность в историческом поселении должна осуществляться при условии обеспечения сохранности объектов культурного наследия и всех исторически ценных градоформирующих объектов данного поселения, указанных в Федеральном законе.

В целях обеспечения сохранности объектов культурного наследия, а также иных объектов, представляющих собой историко-культурную ценность или имеющих природоохранное, рекреационное или оздоровительное значение, в историческом поселении градостроительная деятельность подлежит особому регулированию в соответствии с Градостроительным кодексом Российской Федерации, Федеральным законом № 73-ФЗ и законодательством субъектов Российской Федерации.

Особое регулирование градостроительной деятельности в историческом поселении осуществляется посредством проведения под контролем соответствующих органов охраны объектов культурного наследия и органов исполнительной власти в области регулирования градостроительной деятельности комплекса мероприятий по охране объектов культурного наследия и включает в себя:

– составление на основе историко-архитектурных, историко-градостроительных, архивных и археологических исследований историко-культурного опорного плана в границах исторического поселения с обозначением всех градостроительных элементов и сооружений на земельных участках, представляющих собой историко-культурную ценность, как сохранившихся, так и утраченных, характеризующих этапы развития данного поселения;

– разработку градостроительных регламентов, касающихся размеров и пропорций зданий и сооружений, использования отдельных строительных материалов, цветового решения, запрета или ограничения размещения автостоянок, рекламы и вывесок, других ограничений, необходимых для обеспечения сохранности объектов культурного наследия и всех исторически ценных градоформирующих объектов данного поселения.

Градостроительная документация, разрабатываемая для исторических поселений, и градостроительные регламенты, устанавливаемые в пределах территорий объектов культурного наследия и их зон охраны, включаемые в правила застройки муниципальных образований, подлежат обязательному согласованию с федеральным органом охраны объектов культурного наследия в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации, если иное не определено соглашением о передаче полномочий между федеральным органом охраны объектов культурного наследия и органом исполнительной власти соответствующего субъекта Российской Федерации, уполномоченным в области охраны объектов культурного наследия, и с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченным в области охраны объектов культурного наследия, в порядке, установленном законом данного субъекта Российской Федерации.

Данные, содержащиеся в историко-культурных опорных планах, сведения о границах территорий объектов культурного наследия как объектов градостроительной деятельности особого регулирования, границах зон охраны объектов культурного наследия подлежат внесению в государственный градостроительный кадастр.

В законе предусмотрена ответственность за его нарушение. За нарушение федерального закона должностные лица, физические и юридические лица несут уголовную, административную и иную юридическую ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Лица, причинившие вред объекту культурного наследия, обязаны возместить стоимость восстановительных работ, а лица, причинившие вред объекту археологического наследия, – стоимость мероприятий, необходимых для его сохранения, что не освобождает

данных лиц от административной и уголовной ответственности, предусмотренной за совершение таких действий.

Действие законодательства распространяется на всех участников градостроительной деятельности. В то же время необходимо различать область деятельности градостроителей и область работы других специалистов занимающихся охраной объектов культурного наследия, и прежде всего – различать работу градостроителей и реставраторов. Реставраторы, опираясь на знания истории архитектуры и на современные методы и технические средства, воссоздают утраченные элементы памятников архитектуры, первоначальный облик зданий, сооружений, произведений монументального, декоративного, изобразительного искусства. Но полноценной работе реставраторов должны предшествовать градостроительные решения. Необходимо, чтобы были установлены территории (зоны) объектов культурного наследия, чтобы при застройке городов и поселений исторически значимые объекты не затерялись среди объектов нового строительства, чтобы были приняты разумные решения о том, что можно и чего нельзя восстанавливать. Иначе говоря, в области градостроительства необходимы свои – градостроительные мероприятия с особыми задачами и методами их решения. Для пояснения отмеченные особенности охраны объектов ОКН целесообразно представить в систематизированном виде (табл. 2.1).

Таблица 2.1

Области и задачи охраны объектов культурного наследия в правовой системе градостроительства и их взаимоотношение с областью реставрации

Области деятельности	**Уровни градостроительной деятельности (в соответствии с Градостроительным кодексом РФ)**	**Мероприятия по охране объектов культурного наследия (ОКН) на разных уровнях градостроительства**
Градостроительство	Территориальное планирование. Районная планировка	Установление исторических поселений, зон охраны ОКН, определение границ исторических поселений как объектов культурного наследия
	Разработка генеральных планов поселений, муниципальных округов Градостроительное зонирование	Разработка проектов зон охраны ОКН, в том числе разработка генеральных планов исторических поселений Формирование территорий достопримечательных мест, определение границ зон ОКН
	Установление правил землепользования и застройки	Разработка градостроительных регламентов, зон охраны ОКН
	Разработка проектов планировки	Разработка проектов планировки территорий, включающих зоны охраны ОКН
Реставрация	Разработка проектов реставрации	Разработка проектов реставрации ОКН, включенных в государственный реестр

II. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Объекты исследования и формирования исторической среды. Сохранение и воссоздание исторической среды – прежде всего исторической среды городов – является особой областью градостроительной деятельности, а в условиях возрождения исторического наследия страны приобретает первостепенную государственную значимость. В мировой градостроительной практике эта область деятельности отображается в понятии «регенерация исторических мест». В отечественном законодательстве она соответствует разработке регламентов и проектов планировки территорий достопримечательных мест, которые получают все более широкое правовое обоснование в генеральных планах городов и муниципальных округов. В то же время параллельно с работой по совершенствованию правовых основ необходимо развитие теоретических основ проектирования. Это требует рассмотрения теоретических вопросов. Центральным является вопрос, о том, *что представляет собой историческая городская среда и каковы принципы и средства ее сохранения и воссоздания.* Для прояснения данного вопроса требуется обобщение результатов изучения исторических мест, архитектурных ансамблей, композиционных принципов формирования основных объектов историко-культурного наследия.

Наиболее полное отображение процессов реального существования и формирования исторической среды осуществляется на основе описания информационных процессов и знаковых систем. Опираясь на общенаучные представления этого круга, целесообразно *систематизировать основные объекты исследования – стороны реального существования исторической городской среды и на этой основе представить различные средства ее регенерации.*

ГЛАВА 3.
Историческая среда. Основные аспекты ее формирования в градостроительстве

Почему важно рассматривать историческую среду как объект культурного наследия и каковы основные градостроительные мероприятия по сохранению исторической среды? Законом «Об объектах культурного наследия» введено понятие «историческое поселение». В то же время продолжаются дискуссии, связанные с уточнением этого понятия. Что есть исторический город? Что может быть идентифицировано как исторический город или поселение? Как определить зоны охраны памятников, ансамблей, достопримечательных мест?

Как показано в некоторых исследованиях, ответы на эти вопросы можно получить на основе разработки понятия «историческая среда» как основного критерия ценности поселения исходя из времени его формирования и ряда других факторов [Шевченко, 2012. С. 18–19; 2013. С. 34–36].

Ответы на данные вопросы получены при проведении анализа реализации проектов зон охраны памятников истории и культуры. Выявлены слабые эффективность и правовая надежность, многочисленные нарушения требований по установлению и соблюдению охранных режимов и регламентов. Случаи уничтожения как отдельных объектов культурного наследия – зданий и сооружений, так и кварталов исторической застройки стали в 90-е гг. прошлого века типичным явлением для большинства исторических городов России.

Не только отдельные памятники, но и уникальные территории – городские и природные ландшафты, места исторических событий, а также традиции образа жизни поселений являются объектами культурного наследия, требуют охраны и воссоздания – а это значит, что нужно рассматривать как объект охраны и восстановления прежде всего историческую среду.

Что представляет собой историческая среда и в чем ее отличия от «обычной» среды? Или, если конкретизировать этот вопрос: *как оценивать ценность исторической среды в целях ее идентификации, какие критерии и методы оценки применимы для этого?*

Уместно ли использовать методы оценки, применяемые для установления ценности зданий и сооружений (установление времени строительства, авторов, если они известны, и т. п.), или же следует применять критерии, учитывающие ценность пространственно-планировочной структуры среды, процессы движения и восприятия в ней человека, влияние элементов окружения на восприятие этой среды – городского и природного ландшафта, отдельных элементов?

Проблема сохранения и регенерации исторической среды широко обсуждалась и на международном уровне урбанистами разных стран, и в отечественной градостроительной науке. В то же время следует подчеркнуть, что *накопленные представления об исторической среде противоречивы.* По ряду аспектов этой проблемы представления отечественных теоретиков расходятся друг с другом и с представлениями зарубежных исследователей, которые, в свою очередь, также понимают историческую среду по-разному. Имеются, в частности, крайне узкие определения среды когда говорят только о зрительно воспринимаемом окружении, о формах зданий или архитектурных комплексов, не затрагивая вопросов организации жизненных процессов. В то же время, *рассматривая историческую среду, следует исходить из сложившегося в урбанистике содержания понятия «среда» в целом* [Алексеев, Сомов, 2014, Т. I. С. 34–41. Т. II. С. 148–170]. В данном случае необходимо акцентировать наиболее существенные стороны

понятия среды применительно к проблеме исторической среды, ее охраны и регенерации.

3.1. Представления о сохранении культурного наследия в урбанистике. Историческая среда

Сторонники так называемого средового подхода связывают возможности и пути воссоздания исторической среды с развитием взаимосвязей проектировщиков и различных групп потребителей, с демократизацией процессов принятия решений в градостроительной деятельности [Линч, 1986. С. 96–100]. В наше время это соответствует меняющимся организационным формам градостроительной деятельности, которые все более ориентируются на взаимное согласование интересов города, хозяйствующих субъектов и населения [Алексеев, Сомов, Ройтман и др. 2009. С. 120–135]. Эти новые формы организации особенно актуальны в области охраны и регенерации сложившейся исторической среды поселений, где возникают специфические вопросы, связанные с различным использованием земельных участков, различной функционально-планировочной организацией исторически сложившихся территорий, интересами жителей и т. п.

Многие вопросы охраны и регенерации исторической среды поселений, возникающие в отечественной градостроительной практике, связаны со спецификой советского периода градостроительства. *В советский период в условиях плановой экономики преобразования городов меры, направленные на сохранение и развитие исторической среды, в значительной степени определялись организацией процессов материального производства, массового строительства, планирования объектов культуры, торговли, жилья и другими сферами затратной экономики, массового индустриального строительства.* В условиях централизованного планирования и затратной экономики градостроительные преобразования в значительной мере затрагивали организацию материального (физического) пространства (детальная разработка генеральных планов городов и населенных мест, система обслуживания населения, обеспечение комплексности застройки на основе проектов детальной планировки и проектов застройки территорий и т. п.). Проектирование, основанное на экономии ресурсов и прямых затрат, уравнительной системе распределения и потребления, а также индустриальное строительное производство формировали главным образом пространственные системы средств производства и производственных процессов, быта и отдыха, подчиняя этим системам всю сферу образа жизни. Этому соответствовали *градостроительные представления и концепции XX в., в которых формирование среды человека и общества понималось прежде всего как формирование материально-пространственной основы социума.* Соответственно, в архитектурно-градостроительной деятельности *в качестве главного объекта исследований и проектирования фактически выделялась «материально-пространственная среда»* [Иванов, 1970]. В социологии этому соответствовали концепции материальной среды образа жизни, социальной организации пространства поселений [Алексеев, Сомов, 2014. Т. 1. С. 34–41]. В то же время между категорией «материально-пространственная среда» и реальным формированием среды в советской градостроительной практике имелись существенные расхождения. Традиционное градостроительство и типология массового индустриального жилища, ориентированные на максимальное использование индустриальной домостроительной технологии, породили крайне однообразную среду городских районов, нивелировали в сознании городского населения представления о жилище, жилой среде, городе и его культурно-исторических особенностях и традициях. Представления о хорошей жизненной среде определялись главным образом количеством метров жилой площади на одного человека и наличием лоджий в квартире, близостью к месту проживания школы и детского сада, магазинов и учреждений бытового обслуживания. Строго нормативный подход к проектированию среды поселения или города освобождал градостроителей от необходимости осмысления социокультурного содержания этой проектируемой среды, от рассмотрения ее связей с культурой и человеком. Отсутствие социокультурного начала способствовало массовой однотипности окружения и примитивизации проектирования. Вторжение массовой индустриальной застройки в исторически сложившуюся среду городов вело к потере индивидуальных черт, присущих каждому городу, поселению, конкретному месту, к утрате ими историко-культурного своеобразия. Небывалые темпы индустриального строительства, сомнительное качество формируемых городских кварталов, равнодушие к культурному наследию страны и ее регионов прервали естественность исторической эволюции искусственной среды. Это выразилось в стереотипности градостроительных проектов, направляемой технократическими принципами и административно-волевыми решениями, в снижении той роли, которую несет многовековой историко-культурный потенциал. По этим причинам в развитии советского градостроительства в 70–80-е гг. XX в. наиболее проблематичными оказались преобразования исторических центров городов, на первый план вышли проблемы охраны и регенерации исторической городской среды.

В странах Запада, Восточной Европы сохранение и формирование исторической среды во 2-й половине XX в. было связано с воссозданием забытых традиций урбанистики, достигалось развитием особых организационных форм и проектных методов [Алексеев, Сомов. Т. II. С. 93–97; Глазычев, 2008. Т. I].

Исторические примеры иллюстрируют, насколько тщательно планировалась и разрабатывалась среда в городах. Особенно широко известны примеры в греческой и китайской культурах. Европейские средневековые города обычно

рассматриваются как примеры непреднамеренного, естественного формирования города. Хотя и в Средние века имеются яркие примеры именно целенаправленной организации городов.

Урбанистические идеи развития исторической среды городов последней трети XX в. стали продолжением теоретических представлений середины – конца XIX в. Градостроительные идеи, основанные на художественных принципах [Зитте, 1993], были в первую очередь связаны с развитием урбанистики сложившихся поселений с сохранением и органическим воссозданием исторической среды, облика исторически сложившейся застройки.

Урбанистика на основе общих решений, принимаемых на уровне городского планирования, решает комплекс проблем развития исторических мест, прежде всего *проблемы правового характера, а также проблемы формирования облика и функциональности поселений, в частности рационального формирования и использования общественного пространства. Урбанистика получила также теоретическое развитие как область формирования городских ландшафтов* – пейзажей. В области сохранения и регенерации исторической среды необходимо связывать эти задачи. Сложность этих задач возрастает, когда объектами урбанистики являются исторические места, исторические поселения, зоны охраны объектов культурного наследия (ОКН), исторические кварталы и центры городов. Здесь необходимо связывать в целостные решения многие факторы, упорядочивать структуры улиц, площадей, элементов застройки, соединять решения городского планирования, архитектуру, системы благоустройства с целью сделать исторические территории функциональными и привлекательными. При этом *особой задачей является сохранение и воссоздание образов исторических мест.* Разумеется, это связано с городским планированием, транспортной политикой, архитектурным проектированием новых зданий и сооружений, инженерными инфраструктурами и другими задачами градостроительства. Опираясь на решение этих общих градостроительных задач, можно более осознанно формировать целостные образы исторических поселений и их фрагментов, разрабатывать проектные решения и мероприятия для целей охраны ОКН. Урбанистика включает в себя также разработку местного законодательства для контроля развития исторического места – системы градостроительных регламентов. Характеризуя взаимоотношение задач охраны ОКН и формирования исторической среды в комплексе задач урбанистики его можно представить на схеме (рис. 3.1).

Рис. 3.1. **Задачи охраны ОКН и формирования исторической среды в общей системе градостроительства: 1, 2, 3 ... i – отдельные процессы деятельности и поведения людей; — – основные взаимосвязи; → – обусловленности**

При разработке урбанистических проектов, как правило, требуется *междисциплинарный подход на основе привлечения знаний из различных областей, включая экономику развития производства, социологию, экологию, краеведение, историко-культурологические знания, транспортное планирование, инженерную подготовку территорий и др.*

В области охраны и регенерации территорий ОКН под влиянием общих изменений в градостроительстве складывались некоторые общие принципы. В западной урбанистике начиная с 60-х гг. XX в. при формировании исторических территорий городов придерживались следующих принципов, общих для урбанистической практики:

– формирование городских структур – как организована территория и как ее части связаны друг с другом;

– плотность расселения и устойчивость – пространственные типы, связанные с интенсивностью использования, потребления ресурсов и производства и сохранением жизнеспособных общин;

– доступность – обеспечение удобства, безопасности и выбора при переездах и при пешеходном движении к наиболее часто посещаемым местам;

– четкость и формирование условий ориентирования – помощь людям найти дорогу, понять, как добраться до места работы, и т. п.;

– анимация – проектирование места в целях стимулирования общественной активности;

– функция и свобода выбора – формирование мест с целью поддержания их разнообразного функционального использования и в разных режимах функционирования;

– дополнительные возможности смешанного использования – доступность деятельности конструктивного взаимодействия между ними;

– характер и смысл исторического места – признание и оценка различия между одним местом и другим; формирование знаковых систем места, выявляющих его своеобразие;

– порядок и непредсказуемость – балансирование между предопределенностью и неопределенностью в городской среде; разнообразие выбора;

– единство преемственности и изменений во времени и пространстве, включающее уважение к наследию и поддержку современной культуры; сочетание в пространстве памятников разных эпох, архитектуры разных периодов; содействие гражданскому обществу, означающее прежде всего создание мест, где люди могут свободно встречаться друг с другом как равные члены гражданского общества, что является важным компонентом создания социальных ценностей в городской среде и поддержания историко-культурного своеобразия.

Обращение к практике охраны и регенерации исторической среды во всем мире было во многом обусловлено в 60-е гг. XX в. отходом от урбанистической практики модернизма и его общей критикой. Напомним, в работе Дж. Джекобс [Джекобс, 2011] «Жизнь и смерть великого американского города», опубликованной в 1961 г., были подвергнуты критике принципы градостроительства первой половины XX в. Она, в частности, доказывала, что бесхозные общественные пространства, такие, например, как городские парки, стали одной из основных причин роста преступности в США. Вместо прежнего утверждался подход, в котором общественной составляющей в организации городского пространства должны быть улицы и площади. Это во многом способствовало возвращению к реконструкции исторических кварталов городов.

Развитие этой концепции было тесно связано с идеями пространства как материализации жизненных процессов, которые в 1961 г. Обосновал К. Линч при решении задач совершенствования организации движения, ориентируясь на необходимость упорядочивания проектирования. В качестве основы этой концепции им были выделены *пять основных элементов городского пространства – пути, районы, границы, узлы, ориентиры* [Линч, 1982]. Параллельно разрабатывавшиеся методы формирования устойчивого городского образа жизни с использованием количественных характеристик жизненной среды (прежде всего плотности), а также методы организации транспорта и формирования инженерной инфраструктуры также оказывали заметное влияние на новые решения в области формирования исторической среды. Б. Хиллер и Ж. Хэнсон в научном исследовании «Социальная логика пространства» [Hiller, Hanson] ввели понятие «космический синтаксис», предсказывая, как реализация моделей пространственной организации городов будет способствовать жизнеспособности городских районов, общин, социальных групп, экономическим успехам, противодействию антисоциальному поведению.

Самостоятельную область исследований и разработок в урбанистике составляла организация городских ландшафтов – пространственно-визуальных элементов среды. Позднее городские пейзажи стали определять как ряд взаимосвязанных пространств и как последовательность их восприятия человеком.

В проектах других известных урбанистов – А. Росси, Р. Вентури, К. Роу, П. Калторпа в центре внимания находились проблемы знаков и языков исторической среды города. В некоторых публикациях детально сформулированы идеи этих урбанистов [Venturi & Scott Brown, 2004; Calthorpe, Fulton, 2001] А. Росси ввел в теорию урбанизма понятия «историзм» и «коллективная память» и предложил создавать коллажи из метафор – своего рода воспоминания о прошлом города в новых композициях. Это требовалось, чтобы освоить правила контекста и, соответственно, возможности установления взаимосвязей новых и старых форм в пределах единого городского пространства – некоторого фрагмента города.

Исследования опыта развитых стран по сохранению и *регенерации исторических городов, исторической среды поселений показывают, что наиболее существенными являются следующие вопросы и ответы на них:*

– какими будут функции города и, соответственно, функции его исторического ядра;

– как может быть использовано существующее историческое ядро города;

– каковы связи исторического ядра с сетью основных транспортных и

пешеходных коммуникаций;

– может ли быть организовано в историческом центре движение транспорта и вообще необходим ли он в историческом центре;

– каковы главные архитектурные доминанты и акценты в пространстве магистралей, улиц, площадей, основных городских территорий;

– какие характерные элементы и детали отражают специфику города (фонтаны, решетки, осветительные приборы, замощения, площади, вывески, особенности оформления витрин магазинов и др.);

– каковы главные видовые точки на город в целом и на его силуэтные построения;

– вопрос об озеленении и его архитектурной ценности;

– вопрос о рекомендациях по приспособлению общественных зданий;

– вопрос об оценке существующих жилых зданий и возможности их модернизации с сохранением основной архитектурной характеристики;

– экономические вопросы реконструкции исторического центра, реставрации памятников, их приспособления, модернизации общественных и жилых зданий [Шевченко, 2012].

Как видно из приведенных вопросов, в основе сохранения памятников архитектуры и исторической застройки лежит стремление к приданию им новой жизни на основе оценки социальной значимости и экономической эффективности в современных условиях развития города.

При организации полноценной среды исторических мест важны общие аспекты и задачи градостроительства (рис. 3.1). Все они детально рассмотрены в курсе «Эволюция градостроительного планирования поселений» [Алексеев, Сомов, 2014. Т. I. С. 25–38]. Здесь необходимо выявить взаимосвязи в охране ОКН и формировании исторической среды организации жизненных процессов, пространства и воспринимаемых – перцептивных – элементов (рис. 3.2).

Рис. 3.2. **Взаимосвязи процессов и пространства: 1, 2, 3 ... *i* – отдельные процессы деятельности и поведения людей; — – основные взаимосвязи**

Прежде всего необходимо исходить из того, что *в градостроительных решениях и мероприятиях определенным образом организуются жизненные процессы.* Любые вопросы использования, приспособления зданий под новые функции, дифференциации общественных и частных пространств, организации транспорта и пешеходного движения, сохранения озеленения, формирования видовых картин уникальных ландшафтов – эти и другие вопросы тесно взаимосвязаны с тем, что делают в данной среде люди, каковы условия их жизни, работы или отдыха, как организована эта их жизнь в пространстве. *Понятие, позволяющее рассматривать этот центральный объект, – комплекс жизненных процессов. Комплексы жизненных процессов и организованное пространство* образуют основу формирования городской среды определенных периодов и культур. Для проектирования организация жизненных процессов представляет собой центральную операцию. В проектной терминологии этому уровню соответствуют такие понятия, как пространственная организация поселений, функциональное зонирование, формирование социального пространства, функционально-планировочная организация зданий и комплексов. Уже на этом уровне реализуются особенности регионального, этнокультурного, культурно-исторического своеобразия городов, складываются целостные системные образования – *комплексы процессов жизнедеятельности и их пространственные системы:* жилище, производство, торговля, общение, направления транспортного и пешеходного движения, формируются общественные и частные городские пространства и комплексы, их социальные различия. Комплексы процессов характеризуются определенными структурами, а также информационно-знаковыми, коммуникативными особенностями. Эти две группы характеристик реализуются в структурных и информационно-знаковых особенностях пространства и среды процессов. *Жизненные процессы и организованное пространство* (как и другие компоненты организуемой среды) *дифференцированы по уровням как материальные (физические) и перцептивные* [Hall, 1963b, 1968, 1983; Ёдике, 1972. С. 12. и др.]. Это

соответствует различению физического и психического компонентов знаковых систем и их носителей (материальных форм) в семиотике [Пирс, 2000; Соссюр де, 1914. С. 56, 77–78; Якобсон, 1998. С. 30–31; Клаус, 1967. С. 62; Урсул, 1971. С. 89], в концепциях связи семиотики и психологии восприятия [Gibson, 1986]. В соответствии с данным различением вся проблематика среды, градостроительной деятельности и проектирования дифференцируется на две группы проблем.

1. *Организация материальных компонентов среды связана главным образом с формированием социотехнических систем* (социальная, инженерная, транспортная инфраструктура, инженерная подготовка территорий, мероприятия по предотвращению чрезвычайных ситуаций, энергоэффективность организации застройки), *социоэкологических и экотехнических систем* (формирование плотности жилищного и нежилого фонда территорий, инженерное обеспечение, защита от вредных воздействий, создание комфортных микроклиматических условий и т. д.). Основу организации материального уровня образуют отношения собственности (у собственников, арендаторов, пользователей земельных участков и объектов недвижимости). *Если собственно материальные компоненты реконструкции городов включены в задачи правового, экономического, социального, инженерно-технического характера, то материальные и перцептивные компоненты в их единстве – в организацию информации и знаковых систем.*

2. *Организация воспринимаемых – перцептивных – компонентов* городского окружения также предстает в многообразных элементах и отношениях. Наиболее наглядными из них являются *элементы перцептивного пространства* (планировочные конфигурации улиц и площадей, их характерные структуры), а также *пространственно-визуальные компоненты городских ландшафтов:* отдельные видовые картины, последовательности их раскрытия, ритмические структуры этих последовательностей. Указанное различение групп проблем в целом соответствует рассмотрению архитектурно-градостроительной деятельности в *единстве социотехнических и семиотических систем и процессов* [Щедровицкий, 1995 а].

3.2. Основные аспекты и уровни формирования исторической среды

Как вытекает из обзора идей урбанистики, различных историко-теоретических исследований, в организации исторической городской среды осуществляются взаимосвязи различных аспектов и уровней (рис. 3.1). Их следует рассмотреть более детально. Это можно

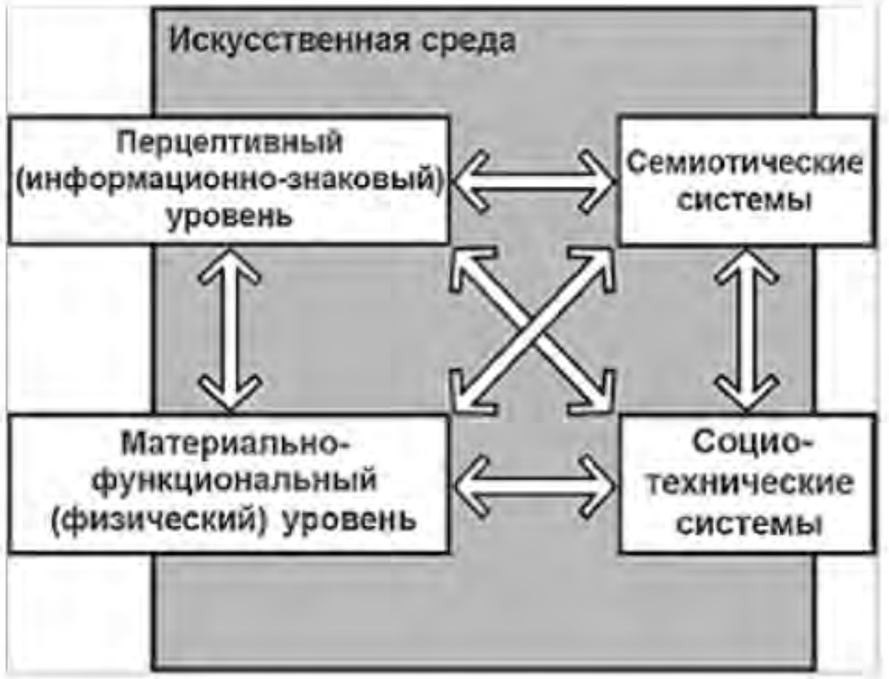

Рис. 3.3. **Основные уровни и системы искусственной среды**

сделать на основе уточнения понятий, моделей описания среды. Прежде всего возникает необходимость рассмотрения понятия «историческая среда».

В соответствии с различиями реального существования среды в жизненных процессах человека и общества выделяются различные аспекты ее формирования, различные процессы взаимодействия со средой человека и общества. Эти аспекты и процессы можно дифференцировать по-разному. Зачастую принято выделять следующие уровни формирования исторической городской среды, соответствующие уровням среды поселений [Крашенинников, 1989. С. 14].

1. Обеспечение биологического воспроизводства людей и их развития как биологических существ. Градостроители сталкиваются с этими проблемами прежде всего при использовании ресурсов природы и зеленом строительстве, а также при формировании помещений с управляемыми физическими параметрами среды.

2. Пространственная организация жизненных процессов. К этому уровню относятся дифференциация и интеграция в пространстве различных процессов жизнедеятельности людей.

3. Социальная организация пространства общественных отношений,

формирование условий, сплачивающих людей в социальные общности, малые и большие социальные группы. Градостроители влияют на эти процессы, определяя объекты градостроительной деятельности, их границы, размеры, ориентацию, связанность и другие параметры.

4. Организация социальной информации среды жизнедеятельности людей, обеспечивающая функционирование процессов жизнедеятельности. Объекты архитектуры являются основными носителями культуры в городской среде. Градостроители организуют жизненные процессы, они формируют *комплексы процессов жизнедеятельности*. При этом формируется объемно-пространственная организация процессов на основе структур процессов и различные знаковые характеристики, формируется архитектура как часть культурного наследия, как особым образом организованная система текста.

5. Художественная организация окружающего мира ради обеспечения духовного формирования людей.

Все эти аспекты среды представляют собой область исследований и разработок урбанистики. Но эти аспекты охватывают многие взаимосвязи и взаимообусловленности, далеко выходящие за пределы непосредственных контактов людей с окружением.

Градостроительные проблемы в целом – проблемы размещения производственных объектов, логистики связей мест производства с ресурсами, инженерной инфраструктуры, все связанные с этим экономические проблемы городского планирования и урбанистики – относятся к уровню организации основных жизненных процессов социума, экономики. «В то же время к среде относится все, что включается во "взаимодействие субъекта с окружением"» [Высоковский, 1989. С. 28]. Исходя из такого представления о среде необходимо зафиксировать основные стороны такого рода взаимодействий. Очевидно, что *понятие исторической среды должно связываться прежде всего с человеком и жизненными процессами*. Именно основываясь на активности субъекта, на реальном содержании процессов деятельности, поведения, восприятия окружения, можно говорить о существовании особых свойств этого окружения, образующих полноценную искусственную среду, в том числе особую – историческую – среду [Certau, 1984; Turner, 1969; Esser, 1971; Harvey, 1979, 1989, 2006; Pearson & Richards, 1994; Cottdiener, 1994].

Обобщая представления о различиях уровней среды по линиям «непосредственное – опосредованное», «контакты – взаимосвязи – взаимообусловленности», можно представить взаимоотношение уровней среды на схеме (рис. 3.3).

Как отмечалось при изучении градостроительства, его следует рассматривать как *деятельность, в которой формируются социотехнические и семиотические системы* [Щедровицкий, 1995а; 1995б; Алексеев, Сомов, 2014. Т. I. С. 25–42]. Данное различение позволяет зафиксировать *два главных направления, по которым осуществляется поиск проектных решений исторической среды.*

По первому направлению осуществляются поиски материальных характеристик среды. Это направление связано главным образом с практическими соображениями, включая прогнозы и планирование организации жизненных процессов на основе формирования материальных (физических) элементов пространства. *Урбанистка в области охраны и регенерации ОКН имеет дело преимущественно с общественными материальными пространствами, а также с тем, как они традиционно использовались. Общественное пространство включает в себя совокупность пространств свободного использования таких, таких как улицы, площади, парки, архитектурные объекты общественной инфраструктуры.* Некоторые частные владения, такие как дворы, внутренние сады, фасады зданий, также включаются в границы общественных мест и, следовательно, также являются городскими. Общественные места часто подвергаются влиянию управленческих функций государственных учреждений, органов власти, интересов землепользователей соседних земельных участков и владельцев объектов недвижимости, а иногда также требований нескольких конкурирующих между собой землепользователей. Поэтому урбанистам редко предоставляется необходимая степень творческой свободы, которая часто возможна в архитектурном проектировании отдельных зданий и комплексов. Проектирование, строительство и управление на общественных городских территориях обычно требуют проведения консультаций и переговоров в различных сферах с органами городской власти, предпринимателями, жителями и др.

Второе направление реализуется как на материальном, так и – главным образом – на перцептивном уровне (уровне воспринимаемых элементов). Здесь действуют не столько практические, сколько многообразные нерациональные соображения. *По второму направлению осуществляются поиски информационно-знаковой организации исторической среды и создаваемых объектов как области восприятия, познания, коммуникации, формирования мифов городов и их художественных образов* [Gould & White, 1974; Domosh, 1992; Duncan, 1992; Bondi, 1992; Brown & Duguid, 2002]. *Взаимоотношения выделенных типов систем представлены на схеме* (рис. 3.4).

Для разъяснения рассмотренной роли информационно-знаковой организации в формировании городов стоит обратиться к древнейшим городам и к работе их крупнейшего исследователя В. В. Иванова «К семиотическому изучению

культурной истории большого города» [Иванов В. В., 1986. С. 2]. Он пишет: «Согласно моделям развития городов, устойчивость может достигаться за счет собственно семиотических ограничений. Устойчивость ранних "предгородских" центров цивилизации после неолитической революции включает и скорость изменения древних обычаев и верований при приспособлении к новым явлениям. История городов позволяет исследовать, какие семиотические факторы могут способствовать сохранению устойчивых сообществ или их трансформации. В конце III – начале II тысячелетия до н. э. в многочисленных документах староассирийских торговых колоний в Малой Азии аккадское слово alum означало только "главный город" – международный центр торговли. В клинописи города выделялись от сел [Иванов В. В., 1986]. Основные отличия города от предгородского поселения определяются полнотой морфологического состава, где с каждой функцией соотнесен выделенный элемент города. Обычно в большом городе есть и храм – религиозный центр, и дворец – средоточие власти, и крепость – военный опорный пункт, и рынок (или заменяющий его торговый центр), и библиотека-архив (чаще всего во дворцах и храмах). Каждой из этих функций может отвечать и особое божество. Центры всех этих видов деятельности, находившиеся в большом городе, определяют тяготение к нему окрестных территорий (в том числе и более мелких городов, в частности его колоний).

В структуре большого города с начала его исторического существования обнаруживается проявление тех же семиотических закономерностей, которые можно видеть и в структуре предгородских поселений. Город рассматривается как модель пространства вселенной. Соответственно, его организация отражает структуру мира в целом» [Иванов В. В., 1986. С. 2].

Влияние материальных структур и процессов на организацию и формирование перцептивных пространств особенно наглядно в градостроительстве в периоды значительных изменений. Показательны в этом отношении трактаты и проекты идеальных городов А. Аверлино, Л. Б. Альберти, Дж. Вазари, В. Скамоцци и других градостроителей Возрождения. Все без исключения теоретики Ренессанса понимали город как стройное социально-экономическое и архитектурное целое. Напомним, особое внимание обращалось на оборону городов, так как распространение огнестрельного оружия поставило перед градостроительством ряд новых сложных задач. В интересах обороны Л. Б. Альберти и В. Скамоцци рекомендовали для плана города круглое или многоугольное внешнее очертание, с тем чтобы получить наиболее экономный периметр. С другой стороны, укрепления, окружающие город, должны, по их мнению, иметь выступающие вперед бастионы для обстрела противника с флангов. В проектах «идеальных городов» внешний пояс оборонительных стен и валов становился настолько мощным, что превращался в фактор, влияющий на планировку всего города. Ко всем бастионам подводились улицы, и если внешнее очертание города представляло собой многоугольник или круг, то план города получал радиальную структуру. Таковы были идеальные города в проектах Вазари, Лорини и осуществленный на практике идеальный город Пальма-Нуова.

Примером целенаправленного формирования является «идеальный город» В. Скамоцци. Город лежит на реке, делящей его территорию на две части. Вдоль реки тянется главная (торговая) улица, также пересекающая город и соединяющая двое главных ворот. В центре города, перед дворцом князя и собором, расположенным напротив дворца, лежит главная площадь, предназначенная для народных собраний. На главной городской магистрали, по обе стороны от главной площади, размещаются две квадратные рыночные площади. Далее за дворцом расположена биржевая площадь, в заречной части города – площадь для продажи дров и фуража. Такое строение свидетельствует об ориентации города на торговлю, что получило особое развитие во всех городах эпохи Ренессанса. В проекте В. Скамоцци выделены места для жилых кварталов, приходских церквей, казарм и общественных зданий различного назначения. Было предусмотрено зонирование городской территории, которое производится в различных культурах при планировке каждого города. В проекте В. Скамоцци предлагалось решение проблемы композиции целого города. Центр города отчетливо выделен крупнейшей площадью и закреплен крупнейшими зданиями; так же выделена и главная улица – композиционная ось всего города. Если город В. Скамоцци представить объемно-пространственно, над крышами домов поднялись бы восемь церквей, организующих городской силуэт.

В практической градостроительной работе мастера Ренессанса не могли решать серьезные планировочные проблемы. Однако во всех без исключения случаях города получали ярко выраженные центр, главную улицу и по крайней мере одну или две площади, решенные средствами архитектурной композиции. Весь центр города в эпоху Возрождения представлял собой крупный ансамбль, нередко состоявший из нескольких площадей, окруженных церквями, дворцами и лоджиями.

Главным объектом градостроительства в Европе эпохи Возрождения были площади. Особая значимость площадей объясняется прежде всего тем, что рынок в торговом городе был жизненным центром. А где появлялся рынок, там возникала и биржа, строились здания цеховых общин, церкви и ратуши.

В XIV в. преобладающее значение имели городские торговые площади, на территории которых происходили народные собрания, карнавалы, турниры. В XV в. и особенно в XVI в. наряду с торговыми площадями появляются площади

общественного назначения. Эти площади становятся главными городскими площадями. Они мостятся, содержатся в чистоте, укрепляются фонтанами и скульптурой, служат местом обнародования государственных актов. Но с конца XVI в. общественная функция площадей начинает отмирать. Причиной этого отмирания стал общий упадок общественной жизни в XVI в., связанный с усилением роли централизованного государства. Следствием этого стал новый вид городской площади – площади, которые получили развитие в эпоху барокко и которые историки градостроительства назвали «декоративными».

В целом материально-утилитарная основа пространства города изменилась. Площади, церкви, дворцы европейского города стали определяться интересами бюргерства. *Вместе с изменением утилитарной стороны архитектуры изменились и градостроительно-композиционные принципы – именно те из них, которые непосредственно связаны с назначением сооружения и характером его использования.* Появились особенности композиции, которые впоследствии раскрылись в эпоху Ренессанса. В архитектуре площадей последнего периода Средневековья это выражалось в освобождении середины площади от построек, в упрощении планов, в ориентации главных зданий, их фронтальной композиции. Снизилась доминирующая значимость в городе церковных зданий. Наоборот, здания стали подчиняться пространству площади, и те и другие – доминирующему в городском пространстве человеку. Все эти черты в развитом виде проявились в организации городской среды Ренессанса в период его расцвета.

Площади, созданные в эпоху Возрождения, резко отличались от средневековых площадей. Господствующим типом в Средние века были соборная площадь со зданием собора или группой зданий посредине. Особая значимость, которую имела церковь в Среднее века, отображалась в архитектуре церковных зданий и площадей, на которых находились эти здания. Церковь была главным элементом площади. Этим противопоставлялось человеческому ничтожеству величие Бога. Громада собора вздымалась к небу, подавляя собою и человека, и площадь, и город. Площадь не существовала как открытое, доступное взору пространство. Здание, заполняя ее середину, оставляло лишь небольшие проходы, необходимые для выполнения религиозных обрядов, связанных с обходом церкви и процессиями.

Богослужения, проповеди и диспуты в Средние века происходили под сводами храма и почти не предполагали выхода наружу. Поэтому вполне естественно, что в угоду храму площадь всегда оставалась подчиненной. Фасады зданий, оформляющих площадь по периметру, редко представляли собой единство. Архитектурное убранство фасадов не должно было конкурировать с главным зданием церкви, а сама площадь становилась не чем иным, как необходимой пространственной средой, средством демонстрации архитектуры здания, которое она окружала. Таковы были соборные площади во Флоренции и Пизе, где центральные здания сосредотачивали в себе все средства архитектурного, цветового и пластического воздействия, а площади не оставлялось ничего. Те же взаимозависимость и соподчинение сохранялись в ансамблях площадей, имеющих иную планировочную структуру: П-образные и Г-образные площади со зданием собора или дворца во внутреннем углу. Например, площадь Сиенского собора, площадь Санти Джованни-э-Паоло в Венеции, площадь Синьории во Флоренции также подчинены главному зданию. Даже обширная Пизанская площадь с баптистерием, собором и колокольней представляла собой не что иное, как пространственное окружение этих зданий. Площадь сама по себе бесформенна. Границы ее выявлены слабо, а главная композиция ансамбля создавалась зданиями и их взаимным расположением. Иначе говоря, площадь средневекового города никогда не имела самостоятельного архитектурного значения; она сопровождала крупнейшие постройки города и целиком принадлежала им.

Площадь эпохи Возрождения во многом отличалась от средневековой. Чаще всего это светская площадь, которая, как мы уже указали выше, использовалась как место торговли, широких общественных собраний, турниров, парадов и карнавалов. В эпоху Возрождения сравнительно редко возникали соборные площади, но там, где их строили, им придавали характер, отличный от средневекового настолько же, насколько искусство Ренессанса отличалось от готики. Начиная с XV в. церкви, как и сама архитектурная стилистика готики, утрачивали свое значение.

Одной из причин изменений роли церквей в городском пространстве была борьба за власть. Против феодальной церкви светской элитой и бюргерами велась борьба. Формирующееся капиталистическое общество вытесняло церковь из сфер образования и науки, ограничивало ее влияние в искусстве, а там, где духовенство оказывало серьезное сопротивление, правящая элита стремилась устранить его от политической власти. Власть церкви уменьшалась. Поэтому и само здание церкви как символ в художественных образах фрагментов города теряло свое доминирующее положение. Архитектура новых церквей уже не подавляла: напротив, она стремилась исходить из размеров и пропорций человека, основывалась на принципе антропоцентризма, на представлении о человеке как центре и части мироустройства.

В XV и XVI вв. здание церкви почти никогда не возводили на середине площади; оно занимало окраинное место на ее границе; церковь становилась в один ряд с дворцами правящей знати, торговыми палатами, лоджиями для знатных особ. Отныне не площадь подчинялась зданию церкви, а церковь подчинялась площади и оформляла ее. Площади Сант-Андреа в Мантуе, Санта-Кроче и Аннунциаты во Флоренции, площадь перед собором в Ливорно и даже

Соборная площадь в Сан-Джиминьяно – все это соборные площади нового типа.

В целом *изменились взаимоотношения общественных пространств и зданий.* Если в готике здание господствовало над пространством площади, отнимая у нее самостоятельное значение, то в эпоху Ренессанса пространство площади подчинило себе здание. Конфигурация, размеры и отношения сторон площади стали определять архитектурные объемы зданий. Площадь и здание образовали соподчиненное целое, гармонические взаимозависимости частей. Это положение наглядно иллюстрирует реконструкция площади Святого Марка в Венеции (см. гл. 4). Собор остается на границе площади, однако на старой площади он господствует, на новой же пространство площади стало главным, и собор в определенной степени подчиняется этому пространству.

Наряду с вопросами социального, технического и эстетического характера соображения обороны побуждали к перестройке городов, к упорядочению городского плана. Узкие улицы и кривые переулки уже не обеспечивали возросшие объемы движения и выступали надежной защитой для восставшего населения. Поэтому власти боялись этой средневековой путаницы и стремились их уничтожить [Бунин, Круглова, 1936. С. 48–50]. В письме к папе Сикусту IV неаполитанский король Ферранте (1475 г.) писал: «Папа до тех пор не будет настоящим властителем в Риме, пока будут существовать узкие улицы, портики и пристройки, загромождающие проезды, пока будет существовать запутанная система улиц». Король рекомендовал папе перепланировать Рим. Это письмо вскрывало главную причину более поздних градостроительных преобразований. Власти никогда не забывали восстаний и политических переворотов. Во дворцах высшей аристократии и разбогатевшего бюргерства, в узком кругу приближенных к папскому престолу перепланировка городов преследовала именно эта цель. Город должен был стать безопасным. Так понимали планировку городов и архитекторы, чьими руками осуществлялись градостроительные преобразования. Как говорил великий архитектор и теоретик Ренессанса Л. Б. Альберти, «необходимо расчистить город для устранения возможности обороны восставшего населения против солдат».

Изменения в назначении и роли материального и информационно-знакового уровней городских пространств вызвали интенсивную перестройку городов. В частности, в Венеции проводились масштабные работы по реконструкции центра города. Наряду со строительством площадей и крупных общественных зданий производятся прокладка новых улиц и выправление старой, исторически сложившейся уличной сети. В 1550 г. в Генуе проводится новая магистраль – Страда-Нуова; в Ферраре прокладывалась широкая прямая улица между дворцом и крепостью; в Мантуе в 1525–1546 гг. производилась перестройка ряда кварталов под руководством крупнейшего архитектора Дж. Романо.

На примере градостроительных преобразований Возрождения хорошо видно, что *средообразование и формирование городов охватывает разные уровни.* В непосредственном окружении для человека и его жизненных процессов существенны как различные *материальные свойства окружения* – ограждение и защита одних пространств от других, физическая изоляция друг от друга различных групп людей и жизненных процессов, уровень шума, загрязненность территории и др., так и его *информационно-знаковые характеристики, существенные в процессах восприятия, познания и коммуникации*, в том числе и такие сложные, как способствующие богатству впечатлений, формированию тех или иных художественных образов. Иначе говоря, разные типы взаимодействия человека с окружением в процессах жизнедеятельности образуют различные группы существенных характеристик среды и, соответственно, разные уровни средообразования: 1) *материальный уровень бытовых удобств, физиологического комфорта, социальной организации пространства* – процессы движения в них, скопление людей или разуплотнение, интеграция или изоляция социальных групп и т. д.; 2) *уровень среды как информации и знаков.* С этими уровнями связана интеграция в теории градостроительства различных знаний. Взаимосвязь организуемой среды с социально-экономическими проблемами градостроительства, современной экологией градостроительно-природных комплексов требует рассмотрения характеристик материального уровня средообразования, в то время как для углубления представлений об информации, художественности композиции необходимы взаимосвязи с системой знаний об информации и знаковых системах, с эстетикой, психологией [Сомов, 1990].

Характеристики среды, существенные для информации, отличаются друг от друга. В соответствии с этим целесообразно различать: *1) общие характеристики среды, взаимосвязанные с устойчивыми характеристиками процессов восприятия, поведения и деятельности человека; 2) специфические характеристики среды разных типов, определяемые: а) группами людей (потребителей); б) комплексами жизненных процессов и отдельными процессами деятельности и поведения, присущими данной культуре или группе людей – этнотерриториальным, социальным группам людей, жителям регионов, городов и т. д.* [Сомов, 1985].

Общие характеристики среды взаимосвязаны с общими стремлениями, фундаментальными потребностями, ценностными ориентациями людей – их интенциями. Эти характеристики приобретают знаковый характер во многом благодаря устойчивым врожденным кодам [Somov, 2012; 2014]. Классификации фундаментальных человеческих потребностей и мотивов (Allport, 1968; Обуховский, 1972; Симонов, 1970; Маслоу, 2009; Rokeach, 1973) позволяют выявить такие устойчивые, неизменяемые в исторической эволюции характеристики среды. Эти устойчивые (инвариантные) характеристики получают

своеобразное преломление на разных выделенных уровнях средообразования и в определенном смысле переходят с одного уровня на другой. Например, некоторые приемы организации материального уровня, обусловленные фундаментальными мотивами и потребностями (условия безопасности, защита от врагов, изоляция от посторонних, защита от солнца, ветра или осадков и др.) превращаются в информационно-знаковые характеристики среды (защищенные замкнутые пространства, неприступные стены, галереи, гульбища, крыльца), эти информационно-знаковые характеристики преобразуются в свою очередь в характерные черты художественных образов исторической среды [Сомов, 1985].

Специфические характеристики среды разных типов различаются по группам (социальным, возрастным, этнокультурным) индивидов, а также по характеру доминирующих в среде процессов деятельности и поведения людей, у которых доминируют те или иные мотивы, цели, знаковые составляющие информации. При этом существенны различия между процессами деятельности и поведения отдельных людей и социальных групп. Имеются коллективные действия: зрелища, массовые гуляния, торжественные процессии, демонстрации, парады и т. д.) – и процессы познания, созерцания окружения, требующие особых характеристик восприятия, раскрытия сложных ландшафтов, панорамных видовых картин и т. п.). В среде религиозных культов формируются особые – сакральные – архитектурные пространства, являющиеся важными самостоятельными объектами исторической среды и архитектурной композиции.

Комплексы жизненных процессов. Особенности организации комплексов процессов рассматривались в специальных исследованиях [Барбышев, Сомов, 1973, 1976; Somov, 2001, 2002]. Анализ комплексов процессов, их различий и особенностей позволяет ясно представить, что организация этих процессов не дана градостроителям в готовом виде. Эта организация требует определенных проектных решений. Как детально показано на анализе градостроительных концепций [Алексеев, Сомов, 2014. Т. I. С. 34–41. Т. II. С. 148–171], *проектировщику нужно отчетливо понимать, что проектировать важно прежде всего жизненные процессы, а не только и не столько формы кварталов или архитектурных комплексов зданий.* Это детально обосновали архитектурные теоретики и критики конца XX в. [Лынч, 1982. С. 140–145; 1986. С. 180–185]. В профессиональных архитектурных терминах такому подходу соответствует слово *«сценарий»*. Когда урбанисты и архитекторы говорят о сценарии, они обычно имеют в виду не пространственную структуру и не формы, а *замысел фрагмента будущей жизни в городе, квартале, городском общественном пространстве, комплексе зданий, отдельном здании и т. д.*

Комплекс жизненных процессов включает в себя различные процессы, тем или иным образом структурирует материальное пространство. Различаются процессы поведения и деятельности разных групп людей, процессы, в которых заняты обслуживаемая и обслуживающая части населения, занятые в разных сферах (производство, торговля, культура и др.), постоянно живущие и приезжающие, работающие и отдыхающие, жители и туристы, молодежь и престарелые и т. д.. Характер процессов деятельности со свойственными им целями, мотивами, интересами, особенностями отбора информации из окружения, с особым информационно-эмоциональным содержанием этих процессов определяет прежде всего организацию материального пространства. Именно поэтому комплексы жизненных процессов являются основными факторами – детерминантами – охраны и регенерации исторической среды. Они оказывают влияние и на организацию перцептивного – информационно-знакового – уровня.

Разработка моделей комплексов процессов проводилась в предпроектных исследованиях и типологических разработках советского периода 70–80-х гг. в области массового жилья, проектирования учебных, гостиничных, курортно-туристских зданий и комплексов, других типов объектов. Что же существенно в жизненных процессах, что определяет организацию среды? Рассматривая жизненные процессы, реализуемые в материально-пространственной среде, исследователи сталкиваются с необходимостью выделять следующие *группы уровней этих процессов:*

1) взаимосвязи процессов между собой в комплексе образуют иерархические структуры и, соответственно, иерархические уровни: элементы – части – целое *(подпроцессы (1.1) – процессы (1.2) – комплексы процессов (1.3)).*

2) структурная организация жизненных процессов как процессов регулирования реакций, действий в системе деятельности и поведения образует три основных уровня: *элементарные восприятия и реакции (2.1) – поведение (2.2) – деятельность (2.3)* [Somov, 2003].

3) структурная организация процессов осуществляется также *на различных уровнях, выделенных выше: материально-функциональном (физическом) уровне и на перцептивном, информационно-знаковом уровне* (рис. 3.4). *На первом уровне существенны структурные характеристики* технологических процессов, антропометрические характеристики движений человека, характеристики путей эвакуации, пешеходных и транспортных потоков, путей маятниковых миграций и т. п.); *на втором уровне существенны характеристики информационных процессов.*

3.3. Взаимоотношения уровней формирования исторической среды

Как уже отмечалось выше, организация разных уровней исторической среды, комплексы процессов, организуемые в среде, характеризуются прежде всего различными уровнями и отвечающими этим уровням типами систем (рис. 3.3). На

перцептивном уровне, в свою очередь, выделяются подуровни: *утилитарно-материальный; коммуникативно-средовой; художественный* (см. рис. 3.4, 3.5) [Сомов, 1989]. Рассмотрение среды в рамках триады утилитарно-материального, коммуникативно-средового и художественного позволяет представлять их взаимоотношения при формировании среды. Таковы, в частности, взаимоотношения между комфортной средой и художественной образностью окружения. Выражение больших идей, создание развитых художественных образов далеко не всегда предполагает создание комфортной среды.

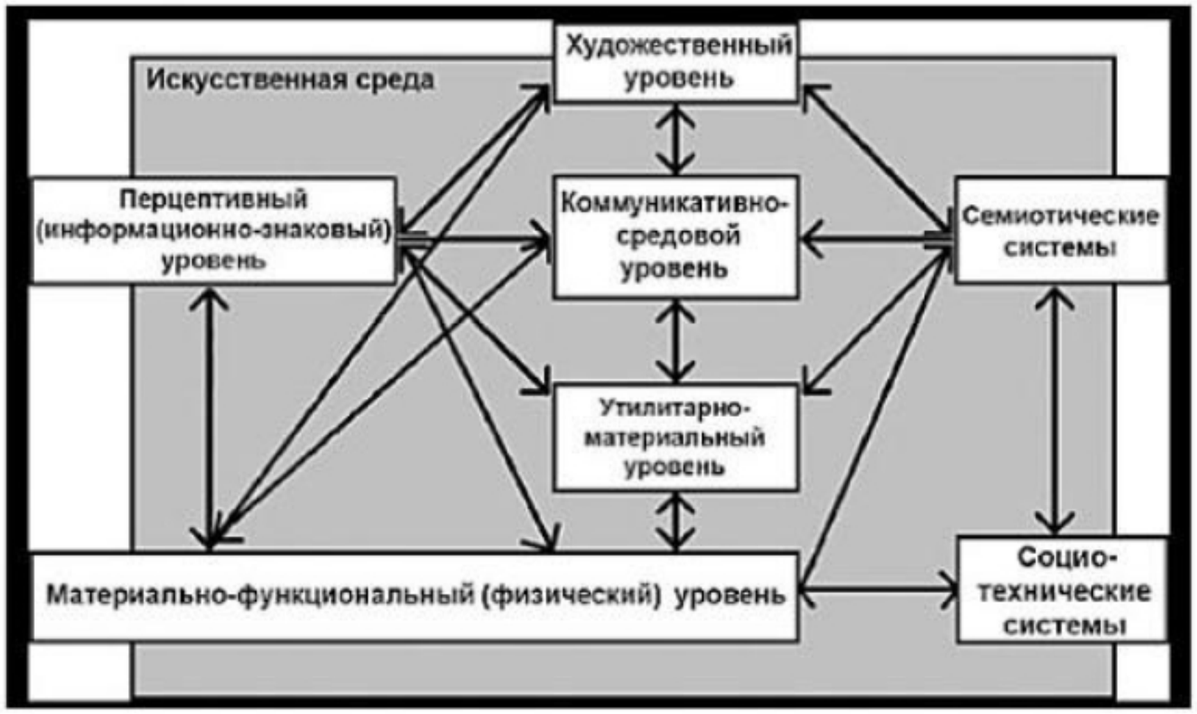

Рис. 3.4. **Основные уровни и системы искусственной среды. Детализация**

Комфорту среды часто противоположны не только отдельные произведения архитектуры, но и большие ансамбли, фрагменты городов, стилевые системы, формировавшиеся под влиянием целей и ценностей, далеких от стремления к уединению, уюту или хорошей ориентации человека в пространстве, в целом к стремлению к комфортной жизни. Комфорт и художественный образ особенно трудносовместимы в периоды социальных перемен.

Рис. 3.5. **Взаимосвязи разных групп уровней в формировании исторической среды: К – комплекс жизненных процессов; 1, 2, 3 ... i – отдельные процессы деятельности и поведения людей**

Многие произведения архитектуры СССР 20–50-х гг. XX в. не предполагали создания удобных условий жизни. Высотные жилые дома Москвы «сталинского периода», формирующие основные городские проспекты, имеют неудобную планировку квартир, выходят на шумные транспортные магистрали. Но эти жилые дома создавались прежде всего как здания, призванные украсить город, создать прямые проспекты для движения парадов, кортежей и демонстраций, создать возвышенный художественный образ, оторванный от реальной жизни. Комфортность зачастую «приносили в жертву» искусству, что относится, например, к организации в высотных зданиях университета или министерства.

Процессы, связанные с информацией и знаками, присущи всем выделенным уровням средообразования. Но на каждом уровне организация информации и знаков приобретает особую специфику. *На материальном уровне* в семиотические системы включаются организуемые в физическом пространстве процессы деятельности и поведения людей, связанные с ними группы общественных потребностей, а также биофизические характеристики среды. *На утилитарно-материальном уровне* осуществляется формирование семиотических систем, адекватных процессам деятельности и поведения определенных групп людей

в архитектурном окружении. *На коммуникативно-средовом уровне* реализуются коммуникативные связи человека с окружением и другими людьми. *На художественном уровне* формируются особые семиотические системы – художественные тексты, связанные с ними художественные образы. В соответствии с выделенными уровнями *охрана и воссоздание исторической среды представляют собой соответственно сохранение и формирование системностей каждого из уровней.* Это следует пояснить особо.

Материальный (физический) уровень среды в теоретических моделях рассматривается как взаимосвязанный с различными жизненными процессами. Совокупность этих процессов в поселениях представляет собой образ жизни. Организация материального пространства определенным образом обуславливает жизненные процессы [Барбышев, Сомов, 1976]. Эти процессы связываются или разъединяются благодаря определенной интеграции и дифференциации материальных (физических) пространств. Центральная роль организации жизненных процессов в формировании материального пространства отображается в основных принципах градостроительства (зонирование, пространственные связи, возможность изменений территорий и комплексов. Данный уровень образует в том числе основу сохранения и развития исторической среды. В этой области столь же существенны вопросы материально-пространственной организации различных жизненных процессов, связанные с динамикой функций городской жизни, закономерности пространственной организации этих процессов, особенности функционирования отдельных территорий, фрагментов городской среды. Материально-пространственные элементы процессов городской жизни являются столь же важной составляющей историко-культурного наследия. Жизненные процессы, их локализация в пространстве, другие связанные с ними особенности организации пространства требуют рассмотрения в контексте городской культуры и эволюционных изменений в образе жизни населения [Pinxten, 1983; Pred, 1983; Day, 1994; Crawford, 1995]. Выделяются следующие основные *факторы, влияющие на состав и структуры организуемых процессов: региональные особенности, связанные с природно-географическим положением города и истоками культурных традиций, определявшими быт, нравы, привычки, обычаи, обряды, специфику художественных ремесел и производственно-промысловой деятельности горожан,* т. е. со всем тем, что характеризовало традиционный уклад городской жизни. Исследования, проводившиеся в конце 1980-х гг., показали, что исторические изменения функций отдельных материальных пространств в городах в значительной степени определялись тем, какую роль играл исторический город в России в общегосударственной системе политических, хозяйственно-экономических, культурных и общественных отношений в разные исторические периоды. *На разных этапах преобразований поселения перемены в образе жизни его населения изменяли функциональное зонирование территорий и характер функций каждой из них.* Одни отмирали, возникали новые благодаря расширению и усложнению видов деятельности. Такой анализ позволяет выявлять в исторических поселениях истоки зарождения и развития функций, связанных с жизнью и бытом горожан, производственной, культурной и общественной деятельностью, обслуживанием и досугом [Зеликина]. Как было показано в исследованиях, состав и содержание процессов городского образа жизни характеризуются определенной динамикой. Рост города и его структурные преобразования обуславливали изменения функций и сами являлись результатами изменений функционального зонирования территории поселения. В первую очередь это относилось к производственным функциям. Из общественных функций наиболее подвижной обычно является функция торговли. Так, изучение исторических материалов о развитии Пензы выявило наглядную картину того, как параллельно с функциональным освоением новых городских территорий увеличивались концентрация и разнообразие видов деятельности в исторической среде города. Отдельные пространства при этом сохраняли традиционные функции городской жизни (район древнего торжища на берегу реки Суры, где в течение трех столетий исторически формировался торговый центр). На традиционном месте продолжал развиваться гостиничный комплекс, закономерно возникший поблизости от железнодорожного вокзала. Аналогичные изменения жизненных процессов происходили и в других городских пространствах.

Детальные исследования исторических изменений функционального зонирования территорий стали необходимым элементом анализа исходной ситуации в градостроительстве при разработке генеральных планов и проектов развития исторических мест. Эти исследования входят в практику их регенерации в различных странах (см. т. II, гл. 7).

Организация жизненных процессов и их комплексов не является только утилитарно-материальной, не ограничивается эффективностью и безопасностью. Каждое функциональное пространство привносит в восприятие поселения дух повседневной жизни, ее оживленность или размеренность. При этом та или иная пространственная организация процессов может иметь камерный – приватный – или, напротив, общественный характер, быть спокойной или парадной, праздничной, деловой.

Общественные пространства. В урбанистических исследованиях обычно выделяются несколько типов материально-функциональной организации общественного пространства и несколько соответствующих им типов объектов:

– жилая придомовая территория;

– территория квартала с различными функциональными зонами;

– улица;

– улица, площадь, общественный парк.

В градостроительных проектах и при их общественных обсуждениях выделяются также следующие типы городских мест: места постоянного проживания (жилища) и места, не связанные с постоянным проживанием. В этом аспекте общественные места представляют собой диаметральную противоположность жилых мест. Общественные места занимают парки, улицы и площади, в которых не имеется обычно никаких препятствий для входа, поэтому возникают многочисленные опасения. Доступность этих пространств для всех часто приобретает негативный социальный эффект.

Жилые территории представляют собой особые явления. С ними связаны многие противоречия, которые представляют собой результаты неадекватного проектирования. Территории кварталов с различными функциями могут становиться местами, где жилые территории не имеют никаких физических барьеров. С этим связаны социальные противоречия [Eick]. Проектирование жилых территорий исторических кварталов часто представляет собой прямой вызов общественному мнению защитников памятников и жителей этих территорий, подрывает демократические принципы, ответственность городской администрации и градостроителей перед обществом [Marcuse, Kempen, van, 2002].

При проведении предпроектных исследования необходим историко-градостроительный анализ материально-функциональной организации процессов (функций). Это позволяет разрабатывать эффективные проектные предложения по организации сложившихся территорий. Такой анализ дает возможность устранить допущенные просчеты предшествующих градостроительных преобразований, прежде всего связанные с неоправданным нарушением исторических традиций при функциональном использовании городских пространств. В качестве негативных примеров специалисты приводят распространенную в 70–80-е гг. в крупных городах СССР практику замещения традиционных жилых и общественных функций городского пространства техническими, утилитарными, административно-деловыми. В частности, городские площади, центры общественной жизни, традиционно служившие местом проведения празднеств, массовых гуляний, превращались в крупных российских городах в транспортные узлы. Уже в генеральном плане Москвы 1935 г. была намечена стратегия превращения исторически сложившихся улиц и площадей в магистрали для движения торжественных кортежей руководства.

Дифференциация территорий исторической среды в структуре города имеет существенное значение для их соотнесения с общегородскими процессами и для эффективной организации. Центральные городские пространства имеют разные характеристики. Требуется их соответствие не только каким-либо функциям, но и также насыщенность и разнообразие самих этих функций. Проведение урбанистических исследований определяется необходимостью более конкретных задач по регенерации отдельных пространственных фрагментов исторической среды – улиц, площадей, кварталов жилой, общественной, производственной и смешанной застройки. Необходимы данные о специфике их исторической эволюции, о сохранившихся и утраченных традициях городской жизни и функциональном освоении пространства. Традиционные формы осуществления повседневных жизненных процессов требуется соотносить с современными условиями и действующими градостроительными принципами организации городской среды.

Особенности жизненных процессов и групп потребителей архитектуры, их идеологии и политических взглядов представляют собой самостоятельные дискурсы формирования исторической среды.

Так называемая общественная психология во всех конкретных формах человеческой жизнедеятельности образует объект исследования социальной семиотики [Coubley, 2006]. В специальных исследованиях рассматривалась роль процессов жизнедеятельности и характерных жизненных ситуаций в формировании среды [Cibson, 1986; King, 1996; Dodge, Kitchin 2004; Cheok, Ten, Ngujen, 2006]. Характер восприятия окружения во многом определяется особенностями поведения человека в данной среде – он спешит и поглощен заботами, спокойно созерцает окружение, отдыхает и т. д. Особенности восприятия среды обусловлены самим назначением архитектурных объектов с преобладающими в них типами деятельности и поведения людей. Одни типы среды характеризуются сложным сочетанием различных процессов, в них отражаются многообразные потребности и мотивы людей (городская среда улиц и площадей); в других доминируют процессы утилитарного характера (торговые учреждения, транспортные узлы, предприятия бытового обслуживания) или ярких эмоциональных состояний (культовые комплексы, дворцы бракосочетания, зрелищно-спортивные сооружения, кладбища, мемориальные комплексы, театры); в третьих – процессы одновременно утилитарного и эстетического характера (жилая среда, зрелищные, спортивные объекты).

Окрашенность процессов восприятия теми или иными значениями во многом определяется характером организации конкретных жизненных процессов. В частности, особую роль играет система ориентиров – именно для их организации необходимы четкие пространственные связи, цветовые и световые акценты и т. п. Если эта система строится без учета значимости визуальных

сообщений, например основная информация выделяется с той же активностью, что и второстепенная, это может вызывать состояние дискомфорта. Напротив, ясность пространственного построения, акцентирование ориентиров среды способствуют определенности, уверенности, ощущению комфорта. Формирует эти свойства объемно-планировочное решение района города, разработанное с учетом основных направлений движения людских потоков.

При анализе функциональных особенностей общественных зон существенны наиболее крупные исторически сложившиеся объекты – центры, традиционно локализующие те или иные процессы, прежде всего виды общественной деятельности. Эти сложившиеся центры придают смысловую окраску городской жизни. Такими центрами являются храмы, монастыри, кремли, мемориальные и музейные комплексы, театры, садово-парковые ансамбли и т. д. Взаимодействие этих объектов с исторической средой в процессе их функционально-пространственного развития сопровождается изменениями прилегающего городского пространства, влиянием на его функциональное наполнение, тип застройки, организацию открытых пространств, характер оживленности и другие параметры. Соответственно, *для анализа градостроительной ситуации при регенерации исторической среды существенны динамика развития, характеристика условий функционирования, потребности улучшения этих условий, специфика и режим эксплуатации, показатели емкости и пропускной способности, величины потока посетителей и транспорта, наличие дополнительных площадок вблизи объекта, удовлетворенность местом размещения, организация обслуживания посетителей и работающего персонала, дефицит основных и подсобных площадей, внешних рекреационных пространств и другие характеристики территорий.* Анализ градостроительной ситуации, в том числе полученных по результатам опросов ответов дает возможность определить, в какой степени сложившиеся условия соответствуют особенностям осуществляемой деятельности, выявить проблемы, связанные с взаимосвязанным функционированием отдельных организованных пространств и объектов городской среды, с удобством обслуживания населения.

Для получения объективной картины функциональных качеств исторически сложившейся среды, степени ее оживленности иногда используется количественный *анализ показателей, характеризующих функциональную насыщенность пространства и разнообразие функций. Таковы, в частности, плотность жилищного и нежилого фонда, число функций и число объектов различных функций, приходящихся на единицу территории.* При проведении комплексных исследований используются и другие характеристики (распределение ареалов концентрации дневного населения, доступность остановок общественного транспорта и т. д.). Часть характеристик для анализа являются общеградостроительными, другие выявляют именно особенности исторической среды.

Для устранения проблем градостроительные ситуации требуют исследования с точки зрения реальных возможностей развития тех или иных функций. Необходимо прежде всего выявлять участки территорий, здания и сооружения, занятые чужеродными для данного места функциями. Эти функции требуют вывода на другие территории, в другие здания и сооружения, которые при сохранении их основного назначения могли бы быть перепрофилированы с учетом общей функциональной специализации и местоположения данного городского пространства. Особенно существенны возможности вывода экологически неблагополучных объектов, сохранения жилищного фонда сложившихся исторических кварталов. Результаты подобных исследований той или иной конкретной градостроительной ситуации требуют дополнения данными об утраченных, сохранившихся или вновь проявляющихся традициях в использовании открытых общественных пространств. В соответствии с этим могут быть правильно определены пространства для повседневных прогулок, занимательного досуга, отдыха, проведения массовых общественных мероприятий и т. п.

При функциональном зонировании и при планировочной организации при регенерации исторической среды должны учитываться, наряду с функциональными условиями, *социальные факторы: род занятий, ценностные ориентации социальных и этнических групп населения, мотивы, стремления, потребности поведения и деятельности этих различных групп*, другие характеристики организуемых в среде жизненных процессов.

Для инвентаризации существующих объектов исторической среды необходимо учитывать их сохранность, историко-культурную и архитектурно-художественную ценность, градоформирующую роль как ценной пространственной структуры, ландшафтные особенности и экологические характеристики. При анализе градостроительной ситуации существенно также местоположение данной территории по отношению к общегородскому центру, транспортным узлам и коммуникациям.

Таким образом, *проведение функциональных исследований и оценок исторической среды позволяет выявить основные факторы функционально-планировочной организации территорий, земельных участков, отдельных объектов.*

Комплексы жизненных процессов и образ жизни образуют центральные факторы анализа градостроительной ситуации территории исторической городской среды, что в условиях России тесно взаимосвязано с общими социально-экономическими

проблемами развития поселений и городов.

Повседневная городская жизнь исторических городов России для многих малопривлекательна. Неустроенность быта для значительных слоев населения, отсутствие возможности заниматься любимым делом, весьма ограниченный набор развлечений определяют отсутствие выбора, способствующего реализации личности. В то же время исторические города имеют богатейший культурный потенциал. Памятники архитектуры, ценная историческая застройка являются лишь одной из частей этого потенциала. Основой охраны исторической среды являются *комплексы жизненных процессов, формирующие в совокупности образ жизни.* Соответственно, на основе анализа истории города можно моделировать характерный для данного места «образ жизни», создать сценарий процессов так, чтобы он соединял современные потребности с укоренившимися традициями [Соколова, 1989. С. 73].

Всегда была привлекательной индивидуальность исторического города. Она формируется не только архитектурным обликом построек и неповторимым природным окружением. Основой индивидуальности исторической среды является особый уклад городской жизни, быт и нравы горожан. Они были обусловлены социально-экономическими и культурно-этническими особенностями развития. Каждый город, каким бы рядовым он ни был, индивидуален только ему присущим ландшафтом, архитектурой, образом жизни.

В течение всего советского периода отечественные специалисты стремились к сохранению преимущественно памятников уникальной архитектуры. Лишь в 80-е гг. XX в. обратили внимание на то, что *с исчезновением массовой исторической застройки из городов все чаще уходят художественный образ города, «дух места», «местный колорит», историко-культурная идентичность.* Как отмечалось в исследованиях среды исторических мест, отсутствовали научные обоснования ценности массивов рядовой застройки как носителей культурных значений, традиций повседневной жизни, тех или иных форм организации жизненных процессов. Отсутствие внимания к среде исторических мест давало возможность безнаказанного сноса как отдельных домов, так и фрагментов исторической застройки, позволяло строить новые здания по чужеродным для исторического города и каждого его фрагмента принципам [Соколова]. Это в еще большей мере оказалось актуально в России начала XXI в. Тем более, что для экономического развития многих российских городов в перспективе актуально развитие индустрии туризма. Это означает *распространение определенных видов деятельности и определенную организацию жизненных процессов в туристических центрах.* Хорошо известно, что туристы всего мира стремятся приобщиться к культуре других стран, исторических мест своей страны, не только осматривая исторические места и художественные произведения. Больше всего их привлекает самобытность культуры при непосредственном соприкосновении с городской средой и жизнью коренных жителей. Возрождение традиционных особенностей городской жизни ведет к разнообразию наполнения городской среды различными объектами интереса, познания, досуга. Лучше происходит сохранение ценностей, когда историческая застройка перестает быть только декорацией, за которой скрывается несвойственная ей жизнь. *При этом уровень комфорта и все связанные с ним системы инженерного обеспечения при консервации старых зданий и регенерации исторических кварталов должны соответствовать современному техническому уровню.*

В соответствии с рассмотренными выше аспектами и уровнями формирования исторической среды обратимся к особенностям организации разных уровней.

Особенности организации материального пространства. Центральное место организации материального уровня при регенерации исторической среды поселений занимает *взаимоотношение частных (приватных) и общественных пространств.* Эта проблема в свою очередь во многом связана с формированием жилых комплексов коммерческого и арендного жилья для семей с различными уровнями доходов. В современных условиях в ряде стран возникают жилые комплексы и земельные участки, где проживают семьи с высокими доходами. Это необходимо учитывать при градостроительном зонировании и разработке проектов планировки исторических районов. Особое значение приобретает размещение жилья, включая жилье частного сектора, социальных и арендных жилых групп с учетом обеспечения безопасности, бесконфликтной среды, связей общественных и жилых приватных пространств. Отображение этих явлений в градостроительных проектах основывается на анализе градостроительной ситуации и разработке альтернативных вариантов функционально-планировочной организации жилых и сопредельных с ними территорий на уровне градостроительного зонирования. Как показывают многочисленные социологические исследования градостроительства, в последнее время наблюдается массовое появление укрепленных оградами жилых комплексов на земельных участках исторических районов городов [Atkinson, Blendy, 2004. С. 177–179; Blandy, 2002]. Социологи и теоретики урбанистики связывают эти тенденции с более масштабными процессами экономических и градостроительных преобразований, обусловленных экономической глобализацией [Marcuse, Kempen van, 1999. С. 25–27]. Жилищное развитие привилегированных сообществ во многом определяется владениями на запланированных участках, их застройкой с огораживанием от окружения забором или стеной, которые отделяют их от соседних участков. Вход регулируется охраной, воротами или электронными системами входа [Blakely, Snyder 1997; Vliet van, 1998]. Такие участки могут возникать там, где находились общественные улицы или открытые жилые

территории и по соседству с зонами охраны объектов культурного наследия. В этих ситуациях дороги закрываются для пешеходов и движения транспортных средств [Blakeley, Snyder, 1997], устанавливаются имитационные входные системы безопасности. Социологические исследования показывают, что рост таких форм организации пространства представляет собой новую стадию в развитии городов связанную с так называемой глобальной урбанизацией. [Amin, Thift, 2002; Marcuse, Kempen van, 2002; Sassen, 2001. С. 83–89]. Ограждение приватных пространств обеспечивает прежде всего безопасность социальных групп с высокими доходами. Как говорят социологи, «домашние хозяйства, которые изолируют себя от общих социальных проблем города, размещаются за воротами». [Blakely, Lister, Atkinson, 2003]. Исследователи отмечают в большей мере социальные стороны этих явлений. Данные явления имеют недемократический характер и препятствуют более широким социальным процессам, таким как развитие социального участия и социального единства [Marcuse, Kempen van, 2002]. Структуры пространства имеют центральное социальное и идеологическое влияние, однако возникает тенденция, а с нею – важная социальная проблема современных обществ – разделение людей, которое осуществляется в градостроительстве элементарно: разделяющими их стенами, заборами и другими ограждениями. С ростом укрепленных закрытых пространств происходит пространственное закрепление социально-экономического неравенства и городских конфликтов, которые усиливаются риском приобщения молодых людей и групп мигрантов к употреблению наркотиков и совершению преступлений [Sandercock, 2002]. Жилищный изоляционизм отражает более высокие доходы, и при существующем расслоении населения по уровням доходов семей элитные жилые комплексы становятся все более изолированными. Они изолируются от общественных пространств, стремясь оградиться и от вандализма, и от шумных площадей и улиц для туристов и таким образом изолируются от общества [Atkinson, Blandy, 2002].Поэтому, как отмечают исследователи, в целом на значительных исторических территориях городов происходит замена общественных пространств этих территорий хорошо укрепленными изолированными жилыми комплексами [Caldeira]. Эти тенденции распространяются на более широкие явления, такие как формирование обособленных от окружения элитных досуговых центров, огражденных территорий офисов.

Наряду с социальными проблемами отмеченные явления непосредственно связаны с градостроительной композицией. Частные владения, включаясь в структуру исторического города, зачастую препятствуют подходам к памятникам архитектуры, восприятию уникальных городских ландшафтов, организации туристических маршрутов, эффективной планировочной организации исторической среды в целом. Кроме того, на частных земельных участках отведенных собственникам и арендаторам вблизи с зонами охраны ОКН нередко возникают чужеродные исторической среде архитектурные образования – высокие глухие заборы, никак не связанные с историческим окружением здания и сооружения.

Центральным объектом регенерации исторической среды поселений, отдельных исторических мест, архитектурных ансамблей *являются общественные пространства* – прежде всего площади и улицы городов, внутриквартальные пространства исторически сложившихся территорий. Важными факторами организации этих исторических общественных пространств являются права собственности, которые распределены между собственниками в жилых единицах, производственных и общественных зданиях, на территориях земельных участков и закреплены в различного рода соглашениях (аренда, собственность на недвижимость и др.). Эти факторы оказывают существенное влияние на поиск вариантов градостроительных решений в исторической среде, в частности на проектирование отдельных изолированных участков жилых комплексов. Такое соседство, как уже отмечалось выше и как показано в специальных исследованиях, имеет негативные социальные последствия [Blandy, Lister, Atkinson, 2003. С. 300]. Чтобы избегать социальной поляризации и способствовать развитию туризма, необходимо препятствовать передаче в собственность изолированных земельных участков в исторической среде. Следовательно, градостроительное проектирование исторических городских кварталов должно включать разработку проектов планировки и межевания, а также достижение социальных компромиссов путем обсуждения решений по планировочной организации территорий с общественностью [Atkinson, Blandy, 2002. С. 185]. Это соответствует и общим правовым требованиям к порядку проведения обсуждений с предложениями относительно того, как должны развиваться функциональные зоны городских территорий, правила землепользования и застройки, проекты планировки и межевания [Градостроительный кодекс РФ].

Перцептивный уровень охраны и регенерации исторической среды. Как только люди начинают воспринимать социальные смыслы архитектурных объектов, значимость одних и второстепенную роль других, чувствовать многообразные значения архитектурных форм, формировать образы окружения, связывать архитектуру с историческими событиями, они оказываются в мире информации и знаковых систем. В организации воспринимаемого пространства при сопоставлении между собой видовых картин, которые раскрываются в процессах движения человека, в организации многообразных непосредственно воспринимаемых – перцептивных – элементов формируются потенциальные информационные свойства среды. Формирование потенциальной информации осуществляется уже на основе материальной организации среды. Ведь уже

в планировочной организации материального пространства организуются жизненные процессы, а значит, определяются происходящие в пространстве процессы, особенности восприятия окружения, условия восприятия, такие как последовательности раскрытия видовых картин. Но именно непосредственно воспринимаемые элементы, относящиеся к перцептивному уровню, образуют основную область организации информации Обобщая, можно указать на следующие отличия перцептивного уровня от материального. *Если на материально-функциональном – физическом – уровне формирование исторической среды связано с созданием материальных условий образа жизни различных социальных групп, с функционально-технологической организацией процессов деятельности людей, с созданием экологических условий и поддержанием экосистем, с инженерно-техническими и строительными системами, то на перцептивном – информационно-знаковом – уровне формируются характеристики среды, существенные для их восприятия человеком. На этом уровне выделяются следующие подуровни: организация перцептивного пространства, видовых картин, пространственно-визуального материала.*

Напомним, *перцептивный уровень разделяется на подуровни* (рис. 3.4, 3.5). В соответствии с этим следует рассмотреть особенности организации перцептивных компонентов на каждом из них.

Утилитарно-материальный уровень формируется на основе разного рода структур перцептивного пространства. На основе этих структур осуществляются мышление в этом пространстве, ориентация в нем, выбор путей движения, формирование мысленных моделей окружения. К структурам относятся, в частности, числа, симметрии, ритмы, топологические отношения (внутри, снаружи), пути, линии, центры и т. п. В свете современных знаний роль подобных структур становится все более отчетливой. В процессах взаимодействия человека с окружающим миром связываются когнитивные структуры, присущие целям деятельности и процессам познания, со структурами объектов [Лакофф, Джонсон, 2008. С. 9]. Поэтому столь существенными для ориентации в искусственной среде оказываются разные типы структурных элементов, с помощью которых организуются, воспринимаются, запоминаются перцептивные пространства и другие воспринимаемые элементы окружения. Классификация таких структурных элементов пространства предложена в 60-е гг. XX в. американским градостроителем К. Линчем [Линч, 1982]: *границы, центры, основные направления (пути) и их разветвления, топологически замкнутые и незамкнутые участки пространства.* Исследователь связывал указанные элементы с процессами мышления и принятия решений в среде, используя научные представления психологии и семиотики. Следует обратить внимание на то, что воспринимаемое (перцептивное) пространство не является результатом только зрительных ощущений и восприятий. Как подчеркивали теоретики архитектуры, пространство воспринимается прежде всего в движении, оно четырехмерно и формируется благодаря информации, передаваемой по различным каналам. Историк архитектуры А. И. Некрасов говорил о свойствах архитектурного пространства, что они «...не только усматриваются глазами, но и органически улавливаются нами, всем нашим организмом. Поэтому можно сказать, что пространство архитектуры есть "физиологическое", а архитектурное восприятие является не только зрительным» [Некрасов, 1994. С. 48]. Представления о формировании перцептивного пространства получили развитие во второй половине XX в. в исследованиях, синтезирующих психологию восприятия и семиотику [Гибсон, 1988; Линч, 1982; 1986; Cibson, Hall, 1963 а,б; 1969; 1982; Krampen, 1979]. Основные структурные элементы организации перцептивного пространства взаимосвязаны с процессами поведения и деятельности людей в городской среде. Некоторые структурные характеристики пространства взаимосвязаны с основными мотивами, потребностями, эмоциями человека. Эту сторону организации перцептивного пространства А. И. Некрасов описывал следующим образом: «Человек по-разному чувствует себя в различных пространственных "отрезках", в различным образом с точки зрения пространства организованных помещениях, что нередко и выражает словами; так, человека может угнетать сводчатое помещение, ему тоскливо в длинном коридоре, он проникается пафосом в торжественном зале, он чувствует себя уютно в какой-либо комнате или теряется при их изобилии и т. д. Это не значит, что каждый раз человек может словесно выразить характер своего переживания пространства. Уметь анализировать свои эмоции и находить для них соответствующие языковые средства могут далеко не многие, хотя все переживают эти эмоции, доходящие иногда до действительно физиологических состояний. Известно, что переживание пространства приобретает иногда даже патологический характер "страха пространства". Пространственное впечатление является главным в архитектуре» [Некрасов, 1994. С. 48]. В различные периоды истории и в разных культурах организация перцептивного пространства осуществлялась по-разному, и в этом заключаются существенные отличия архитектурных ансамблей и памятников архитектуры. Это существенно для понимания охраны и регенерации исторической среды, так как принципиально важно, какие пространственные элементы сохраняются и воссоздаются. Наиболее существенные случаи утраты своеобразия исторических мест объясняются резкими изменениями в структуре площадей, улиц, переулков, дворов, точек восприятия, архитектурных объектов.

В урбанистике разработаны методы и приемы анализа процессов поведения и деятельности людей в зависимости от перцептивных организуемых пространственных конфигураций. Эти методы и приемы обычно называют «синтаксис пространства».

Пространства можно разделять на составляющие, анализировать как сети, представлять в виде карт и графиков, описывающих подключения и интеграции этих пространств. Эти приемы опираются на представления о пространстве, сложившиеся в урбанистике [Hillier, 1999; Jiang, Claramunt, 2002; Hillier, Penn, 2004; Ratti, 2004]. В соответствии с этими представлениями выделяются следующие основные *типы перцептивных пространств по организации движения в них:*

– Видимые ограничения пространства – поверхности, объемы, участки плоскостей и т. п. Если видимые ограничения представить в виде диаграммы, никакие линии между двумя точками не выходят за пределы периметра. Другими словами, все точки в пределах полигона видимы для всех других точек внутри конфигурации перцептивного пространства;

– осевое пространство предполагает доминирующий путь движения и восприятия, прямой взгляд по оси этого пространства;

– открывающееся или открытое пространство, когда из замкнутого или полузамкнутого пространства человек выходит в открытое и воспринимает открывающуюся ему видовую картину.

Организация перцептивных элементов пространства исторической среды образует визуальное раскрытие или, напротив, изоляцию друг от друга различных жизненных процессов. Негативные примеры – раскрытие на улицу помещений, вовсе не нуждающихся в обозрении. Музеи, восстанавливаемые религиозные объекты изолируются, образуют внутреннюю среду. Регенерация исторических кварталов городов основана на организации пешеходных улиц с магазинами и витринами. Если же часть города превращается в единую музейную зону, пространства объединяются.

Там, где целесообразно пространственное раскрытие процессов, они служат источниками дополнительной информации о среде, средствами ее информационно-эмоционального обогащения. В особой степени это относится к производственной среде. В различных культурах традиционно формировались раскрытия жизненных процессов трудовой деятельности людей в городское окружение: мастерские ремесленников в средневековых городах, промышленные предприятия в некоторых отраслях производства XX в. в Европе, в современных условиях – насыщенные функциями повседневного общения кафе, рестораны, выставки, магазины. Поэтому широкое распространение получили приемы музеефикации производственных территорий и старых производственных зданий.

Организация перцептивного пространства взаимосвязана с такими его характеристиками, как замкнутость или открытость, планировочная усложненность или геометрическая простота, активно выраженная направленность или центричность пространственных элементов. Благодаря этим характеристикам элементы перцептивного пространства приобретают разные эмоциональные значения. Пространство оказывается враждебным или уютным, жестким или мягко обволакивающим человека, разнообразным или монотонным, напоминающим о традиционных площадях и дворах исторического города. Иначе говоря, на этом уровне формируется множество знаков и их эмоциональных воздействий. Разумеется, воздействие перцептивного пространства зависит от конкретных процессов деятельности и поведения людей в данной среде (движение к цели, ориентация, познание окружения, прогулка, отдых, созерцание, общение людей). В то же время имеются и специфические особенности воздействия перцептивного пространства как такового. Их относительная самостоятельность подтверждается тонким использованием исторически устойчивых инвариантных пространственных элементов среды в исторической эволюции архитектуры, в различных культурах, стилях, течениях. Такие планировочные приемы, как сокращение числа улиц, выходящих на площадь, объемно-пространственные построения, визуально маскирующие эти выходы (отсутствие сквозных улиц, создание объемов на поворотах пространства), другие приемы градостроительной композиции способствовали созданию целостных городских пространств, ансамблей городских площадей и улиц. Для средневекового европейского города такими приемами являлись ограниченные по периметру тесно прижатые друг к другу объемы жилых домов, соборов и башен, соразмерные им пространства площадей. Значимость этих пространственных элементов для воссоздания исторической городской среды была показана К. Зитте еще в конце XIX в. В организации крупных городских кварталов со значительными внутриквартальными территориями не менее наглядно проявляется зависимость информации, различных значений исторической среды от организации пространства. Ситуация, весьма характерная для квартала, где жилые дома по периметру образуют полуобособленное внутреннее пространство, ограниченное плоскостями зданий одной высоты, а рядом расположены идентичные по конфигурации внутренние пространства. Многократное чередование таких идентичных конфигураций пространства в новых массивах во многом снижает индивидуальность места, способствует монотонности городской застройки [Сомов, 1986. С. 31]. В чередовании элементарных сходных пространств не запоминается ни одно из них. Это объясняется тем, что они не отмечены особыми знаками индивидуальности, а также тем, что повторяющиеся пространства тождественны по структурным признакам (топологическим, размерным, геометрическим, числовым, ритмическим и др.). Поэтому при сохранении и воссоздании исторической среды существенна индивидуальность каждого пространственного элемента – двора,

маленького переулка, группы домов, очертания фасадного фронта улицы или переулка и т. д.

Для создания воздействия организованного перцептивного пространства особенно существенно *значение физических взаимодействий на пути движущегося человека с окружением.* Важны в частности, такие *характеристики пространства, как его сужение и расширение, создающие впечатление сдавленности или простора, подъемы и спуски, выраженная направленность либо не имеющие явных направлений пространственные конфигурации.* Организация пространства в этих ситуациях эмоционально воздействует в единстве с последовательной сменой видовых картин. Движение в сторону глухой стены с неожиданным поворотом принципиальным образом отличается от движения в сторону открытого светового проема. Существенны также изменения видовых картин, создающие особые эмоциональные значения и их временные структуры – чередования напряжений и разрядок, расширения, восхождения, сдавленности и раскрытости пространства [Эко, 2006].

Перцептивные пространства воздействуют на человека и как пространственные формы, в которых он находится. Такова, например, форма полукруглых в плане конфигураций создающая эффект уединения человека, его изоляции от внешних воздействий, самопогружения (ниши-нимфеи римских дворцов, ниши в стенах христианских храмов, предположительно соответствующие действию на человека его биофизического поля). Данное воздействие пространства находится в области неизученных биофизических закономерностей.

Организация условий восприятия и видовых картин образует самостоятельный уровень. Сама возможность этой организации определяется тем, что структуры материального пространства в той или иной мере организуют процессы поведения, деятельности, восприятия людей. Нетрудно организовать, например, основные направления движения, пути и зоны, в которых находятся люди и откуда воспринимаются те или иные объекты окружения. Передвижения и восприятия в определенном смысле программируются. В целом организация на этом уровне осуществляется на основе материально-пространственной организации процессов деятельности (организации мест долговременного пребывания, источников и целей людских потоков). При этом организуется раскрытие видовых картин, которые будут восприниматься в данной архитектурной среде со стабильных точек или в движении, последовательности видовых картин, раскрывающихся в движении.

Важным средством формирования информационно-знаковых качеств исторической среды является целенаправленное включение зданий и сооружений, природных и садово-парковых пейзажей в целостные видовые картины, раскрывающиеся с основных точек восприятия, формирование таких видовых картин. Приемы такого рода встречаются в различные исторические периоды в разных культурах. Их можно встретить в архитектуре Древней Греции и Рима, Китая и Японии, в средневековой арабской архитектуре, в исламских ансамблях Средней Азии, в композициях ансамблей империи Великих Моголов в Индии, в древнерусском зодчестве, в ансамблях итальянского Возрождения, в архитектурных комплексах барокко и классицизма. В частности, в китайских традициях создавались живые картины – детально рассчитанное раскрытие пейзажей со смотровых площадок, обрамление природных и искусственно созданных пейзажей контурами различных проемов.

Формирование видовых картин при сохранении и воссоздании исторической среды особенно существенно для центров городов и городских районов, имеющих разветвленную улично-дорожную сеть, планировочную организацию, тесно связанную с маршрутами пешеходного движения. В организации транспорта, пешеходного движения, людских потоков самостоятельную задачу представляет собой *выделение основных путей движения и характерных точек, с которых будут реально восприниматься те или иные видовые картины.* При разработке проекта регенерации части города, исторического городского квартала выявление таких ситуаций восприятия превращается в самостоятельную задачу. Здесь существенны видовые картины массивов зданий с дальних точек – с магистралей, улиц, пешеходных путей, проходящих по смежным городским территориям, из окон жилых домов, с возвышенностей, из лесопарковых зон города. Не менее важно «программирование» условий восприятия видовых картин во внутриквартальном пространстве: в интервалах между зданиями первого плана, при движении по улицам (проезжим или пешеходным) и вдоль протяженного фронта зданий по улице, переулку, во внутриквартальном пространстве; в ближних зонах восприятия фрагментов фасадов зданий и «архитектуры земли», а также из внутреннего – интерьерного пространства зданий и комплексов наружу – в городское или природное окружение. Информационное отображение видовых картин и их элементов в проектировании осуществляется различными техническими средствами. Если же организации видовых картин не придается значения, с особо значимых точек открываются никак не связанные между собой объекты.

Последовательность открывающихся взгляду видовых картин, их насыщений, разрядок, ритмических чередований существенны для формирования того или иного типа исторической среды. Эта последовательность воздействует, в частности, на изменение эмоциональных состояний человека. Движение и восприятие могут быть основаны на создании далеких ориентиров, анфиладных

пространств, широких поперечных раскрытий либо на сложности и неопределенности изломов улицы, открывающих неожиданные видовые картины. Первый тип среды характерен для городов и ансамблей классицизма, второй – для архитектурной среды Средневековья, модерна, других течений рубежа XIX–XX вв.

Организация пространственно-визуальной неоднородности (материала) образует самостоятельный уровень, на котором наглядно проявляются непосредственно воспринимаемые элементы: поверхности, плоскости, участки стен, силуэты, текстуры, пластические элементы и детали, участки цвета. Эти элементы характеризуются значительным числом различительных (дифференциальных) признаков. Элементы и признаки их различий могут рассматриваться как характеристики среды и архитектуры определенной культуры, периода, стиля, т. е. как составляющие устойчивых семиотических систем типа языков. Но в организации конкретных исторических мест, поселений, районов исторических городов прежде всего существенно, как эти элементы и признаки взаимосвязаны между собой, с элементами и признаками градостроительно-природного окружения. Иначе говоря, существенно, как организуются пространственно-визуальные элементы в градостроительной композиции.

Отдельные признаки этого уровня могут рассматриваться как самостоятельные области знаков. В частности, самостоятельным компонентом среды, оказывающим активное информационно-эмоциональное воздействие, является цвет. Семантические характеристики каждого цвета в отдельности и их взаимосвязи детально изучены. Сложилась даже особая область знания – семантика цвета. В то же время значения светотеневых, цветовых качеств или признаков визуальной неоднородности не существуют отдельно от других информационно-знаковых качеств среды, происходящих в ней жизненных процессов, от образов фрагментов окружения, в которых участвует цвет. Одни и те же цвета приобретают роль знаков в сочетаниях с другими знаковыми образованиями. И это относится не только к цвету, но и к любым признакам визуальной неоднородности.

Заключая рассмотрение различий уровней исторической среды следует подвести итоги и пояснить *взаимоотношение этих выделенных уровней между собой.*

Выделенные выше уровни организации исторической среды позволяют выявить эффективные пути регенерации исторических мест. Современная урбанизация, сопровождающаяся необходимостью регенерации на территориях, застроенных в различные исторические периоды, ставит масштабные задачи средообразования материального уровня. Важно учитывать, что *восприятие архитектурного окружения, свойственные ему процессы восприятия среды во многом вторичны по отношению к системе удовлетворения материальных потребностей – к материально-функциональным условиям жизни.* Неорганизованность материального уровня попросту не даст возможности воспринимать окружение как комфортное, будет препятствовать его эстетическому восприятию. По этим причинам существующие тенденции рассматривать охрану и регенерацию исторической среды прежде всего как формирование облика архитектурного окружения отражают лишь часть реальных проблем. Причины неполноценности исторической среды многих городов следует искать не только в том, что мы видим, но и в организации материального уровня (системы организации транспорта, инженерная инфраструктура, организация городских территорий, определяющая экологическое состояние города, маятниковая миграция населения и загруженность транспорта, условия комплексности застройки с обеспечением общественных потребностей, многие другие социальные, экологические и технические аспекты формирования города). *Целостный подход к сохранению и воссозданию исторической среды поселений обеспечивается только при учете всех аспектов и уровней средообразования.*

На перцептивном информационно-знаковом уровне (рис. 3.4) реализуются свои взаимосвязи и взаимообусловленности.

Значения и знаковые системы утилитарно-материального и коммуникативно-средового уровней не остаются лишь условиями реальной жизни, но включаются в формирование художественных образов фрагментов окружения. Художественная организация образует особые системы знаков, включая «нижележащие» (например, системы ориентиров, подчиненные художественной идее архитектурного ансамбля, значения разных элементов пространства, формирующие доминирующие эмоциональные воздействия). Коммуникативно-средовой уровень имеет свою логику, подчиняется своим правилам и определенным образом обуславливает художественный уровень (например, влияние маршрутов движения, средовых ориентиров на пространственные раскрытия, архитектурные доминанты и акценты). Различные системы знаков, существенные для ориентации в окружении, для узнавания отдельных, функционально необходимых объектов, для формирования эмоционального состояния людей, восприятия релевантной информации (необходимой для отдельных действий, процессов поведения и деятельности), способствуют разнообразию зрительных впечатлений, запоминаемости фрагментов архитектурного окружения и других элементов среды. В то же время элементы, относящиеся к коммуникативно-средовому уровню, наполняются многообразными художественными значениями, направляются художественными образами.

Художественный уровень организации исторической среды характеризуется полисемантичностью – множественностью значений, что свойственно художественным текстам [Лотман, 1972]. Так, характеристики визуальной неоднородности в единстве с организацией пространства формируют *образы, которые окрашиваются множеством значений.* Архитектурное окружение воспринимается как светлое или темное, радостное или мрачное, возвышенное или будничное. Уже в самих семантических сочетаниях «радостное – светлое», «мрачное – темное» проявляется слитность эмоциональных значений и порождающих эти значения признаков. Такого рода психические целостности представляют собой знаковые образования. Образы в определенном смысле сотканы из разнообразных знаковых образований, каждое из которых несет свою семантическую нагрузку, свое значение. Такие значения неконкретны и в некоторой степени размыты, на что указывали теоретики изображений – Э. Панофский и др. Знаковые образования архитектурных объектов лишь отдаленно на что-то намекают, с чем-то ассоциируются, что соответствует расширенному определению понятия «метафора» [Лакофф, Джонсон, 2008; Tseng, Ming-Yu, 2010]. Это отражает специфику образно-эмоциональных значений среды, неконкретность визуальных значений в целом [Panofsky, 1983 [1955]]. Такие семантические качества связаны с некоторыми общими признаками воспринимаемого окружения и в принципе не существует каких-либо ограничений для «наполнения» ими архитектурной среды. В этой связи следует отметить, что эмоциональность и художественность архитектуры часто сводят к богатству формы и пластики, сложной силуэтности, яркому цвету, а иногда и к скульптурности, изобразительности элементов, к использованию монументально-декоративного искусства, якобы призванного придать богатое смысловое и эмоциональное содержание «бессодержательной» и «неэмоциональной» архитектуре. Распространению таких представлений в конце XX в. способствовали некоторые концепции архитектурного формообразования (в частности, орнаментализм), поворот от модернизма к постмодернизму [Venturi, Scott Brown, 2004] концепции города как коллажа наглядных метафор [Caltorp, Fulton, 2001]. В то же время средствами организации информационно-эмоционального воздействия являются не только и не столько внешние формы архитектурных объектов. Видимая простота форм не препятствует сложности и содержательности информационно-эмоциональных воздействий: строгие формы, лишенные усложненности, могут быть насыщены богатой информацией. Это происходит не только благодаря содержательности окружения, ситуационно и культурно обусловленному смыслу форм, но и потому, что визуально простые объекты могут «складываться» из достаточно большого числа абстрактных признаков – самостоятельных носителей значений, в определенном смысле встроенных в конкретность этих объектов. Так, пространство, лишь отдаленно напоминающее традиционные построения, уже позволяет ассоциировать данный фрагмент среды с архитектурными образами определенного города или региона. Ритмический строй или характер членений, создавая отдаленную аналогию объекта с культурными образцами, формирует чувство близкого, родственного образа. Напротив, в трактовке конкретных форм, изображений, символов (в соответствии с упрощенными концепциями) как носителей значений сохранение и регенерация исторической среды сводится к прямому заимствованию традиционных архитектурных форм, элементов и деталей того или иного стиля, к использованию конкретных изобразительных форм тех или иных исторических традиций. Это имеет принципиальное значение для использования возможных средств и приемов формирования новых объектов в сложившейся исторической застройке. В новых объектах, при новой пространственной и функционально-планировочной организации в зависимости от ситуации могут использоваться абстрактные элементы и структуры, связывающие новую историческую среду с прошлым на различных выделенных уровнях: *зонирование и построение в структурах материального пространства организуемых жизненных процессов, перцептивного пространства, последовательное раскрытие видовых картин; ритмические, топологические, числовые и другие структуры* (см. гл. 9).

ГЛАВА 4.
Информация и знаковые системы в организации исторической среды, композиции архитектурных произведений

Среда городов и поселений далеко не во всем является результатом целенаправленной деятельности. Она формируется под влиянием многих случайностей естественноисторического характера, факторов материального уровня (рис. 3.3, 3.5 в гл. 3). Это естественноисторическое происхождение среды часто делает ее более содержательной, духовно близкой людям по сравнению со средой, формируемой единовременно, в рамках одного градостроительного проекта и по правилам определенного стиля. Градостроители неоднократно отмечали: исторически складывавшиеся поселения, многие из которых возникали едва ли не стихийно, в основном в соответствии с утилитарно-практическими соображениями, обладают качествами информационно-эмоционального, эстетического воздействия, которых часто лишены крупные градостроительные образования, формировавшиеся мастерами архитектуры на основе единых архитектурно-композиционных принципов. На это парадоксальное явление первым обратил внимание в конце XIX в. австрийский градостроитель К. Зитте [1993].

Описанный парадокс объясняется тем, что в исторических градостроительных преобразованиях естественным образом формируется многообразная информация, возникают многочисленные знаки. Например, в высотах стен и башен крепости обозначаются особенности рельефа, в расчленениях стен проемами – внутренние пространства зданий и происходящие в них процессы; в пропорциях дверей, входов, местоположении проемов, размерах этажей и других размерных отношениях отображаются пропорции человеческой фигуры. Благодаря естественному отображению в воспринимаемых элементах обозначаются порождающие эти воспринимаемые элементы факторы. В частности, наличие лоджий и галерей или возникновение глухих стен с маленькими проемами может говорить о наличии важных материальных факторов (защищенность или открытость, климатические воздействия, соображения удобства обороны и защиты от врагов и посторонних и т. д.). *Обозначение материальных факторов во внешних воспринимаемых элементах представляет собой разного рода знаки. Иначе говоря, многие знаки образуются прежде всего естественным образом* [Eco, 1980a, b]. Благодаря насыщенности такого рода естественной информацией историческая среда способствует пробуждению памяти об исторических событиях, некогда живших в этой среде людях, напоминает о прошлом. Таким образом, потенциальная информация содержится уже в обозначающих сторонах знаковых образований – в пространственной организации архитектурно-градостроительных объектов, в воспринимаемых архитектурных элементах, архитектурно-предметном окружении, реализуясь в процессах восприятия, поведения и деятельности людей. Естественные преобразования материального уровня в знаковые системы перцептивного уровня порождают многообразную потенциальную информацию, которая «считывается» в процессах восприятия при естественноисторическом формировании и восприятии искусственной среды. Но, конечно, *основные знаковые системы среды формируются не на основе естественных процессов – связей материального и перцептивного уровней, а благодаря направленной коммуникации – благодаря тому, что многообразная информация передается от человека к человеку*[2]. Эти процессы осуществляются на разных уровнях, упомянутых выше: *утилитарно-материальном, коммуникативно-средовом, художественном.*

На утилитарно-материальном уровне в формировании информации участвуют знаковые системы, способствующие утилитарным целям, создается потенциальная информация для деятельности и поведения. *На коммуникативно-средовом уровне* организуются знаковые системы, способствующие многообразным контактам людей в социуме, социальным смыслам окружения [Линч, 1986. С. 119–125]. *На художественном уровне* в формирование информации и знаковых систем включаются многие скрытые знаковые образования (коннотации), художественные метафоры [Eco, 1976; 1980б; 1982; Лакофф, Джонсон, 2008; Tseng, Ming-Yu, 2010; Somov, 2006, 2013], значения, способствующие формированию художественного образа; организуются художественные тексты, связывающие воспринимаемые архитектурные объекты с текстами и важными знаками культуры [Лотман, 1972; Топоров, 1983].

Таким образом, в целом *в организации жизненных процессов, материального и перцептивного пространства, в системах воспринимаемых видовых картин, в отношениях пространственно-визуальных воспринимаемых элементов присутствует некая потенциальная информация, формирование которой осуществляется на основе различных знаковых систем. Для*

регенерации исторической среды существенно, насколько такие системы устойчивы или изменяются исторически.

При попытке ответить на этот вопрос обозначается весьма непростая проблема. Согласно одной точке зрения, исторически устойчивые закономерности едва ли существуют. Восприятие композиций и форм исторически изменчиво. Это видно в изменениях архитектурных стилей, в том, как по-разному используются в разные периоды истории архитектуры и в разных культурах средства и приемы архитектурно-пространственной композиции – зеркальная симметрия, осевые построения архитектурного пространства, метрические повторения элементов или их ритмические чередования, какому типу пространства оказывают предпочтение – открытому, полуоткрытому или замкнутому, что предпочитают – богатство архитектурных форм или строгость и простоту, используются ли активные цветовые отношения или стремятся к одноцветности и т. д. Согласно другой точке зрения, в любых стилевых системах, культурах, архитектурных течениях действуют исторически устойчивые, повторяющиеся закономерности или правила: возникает необходимость создания контрастов, формируются масштаб, тектоника, пропорциональность частей и целого, соразмерность, сомасштабность, цветовая гармония, целостность силуэтных построений воспринимаемых архитектурных объектов и другие воспринимаемые качества.

Разумеется, *знаковые системы и их использование в композиции исторически изменчивы.* В то же время в отмеченных выше знаковых средствах одновременно *содержится и нечто устойчивое, определяемое самой сущностью человека, реализующимися в охраняемой и воссоздаваемой им исторической среде мотивами, стремлениями людей, значимостью той или иной информации для жизни и развития общества.* Это, в частности, различные знаковые образования организации пространства, путей движения людей, раскрытия неожиданных или запрограммированных видовых картин, создания напряженности или разрядки в отношениях объемов и пространств, использования различных масштабов (человеческого или гипертрофированного), формирование визуального единства градостроительно-природных образований, тектоники покоящихся на земле или динамичных объемов, значений силы и энергии. Таковы также повторяющиеся приемы усиления контрастов, характерные средства динамики объемно-пространственных композиций, создающие напряженность, как и приемы создания статичных, уравновешенных объемов, и пространств, выражающих спокойствие. Формированию условий для неторопливого созерцания или привлечения внимания к определенному объекту служат, в частности, композиционные средства, основанные на его местоположении в пространстве, пространственно-визуальных различиях с другими объектами. Формирование символов архитектурных объектов также связано с некоторыми исторически устойчивыми средствами – геометрическими центрами, зеркальной симметрией, активными контрастами форм и т. д.

Историческая устойчивость ряда средств и приемов композиции связана также с выражением общих и необходимых для выживания и развития социума – консолидированных смыслов. В частности, выражение богатства или бедности, роскоши или аскетизма, возвышения над человеком и его принижения или, напротив, возвышения человека и пробуждения в нем чувства собственного достоинства – эти и другие знаковые особенности окружения осознанно или интуитивно использовались как профессиональные приемы при формировании среды поселений, архитектурных ансамблей, отдельных значимых мест города.

Формированию общей картины многообразных средств сохранения и развития исторической среды служат теоретические представления об информации и знаковых системах в урбанистике и архитектуре. Данные представления применительно к формированию исторической среды рассматриваются в данной главе ниже.

Как показывает развитие семиотических представлений урбанистики, *для понимания информации и знаков исторической среды существенны три основные темы, или группы вопросов:*

– *коды и знаки;*

– *три измерения информации и знаковых систем* (прагматика, семантика и синтактика (синтаксис));

– *художественный текст* во взаимосвязи с композицией и художественным образом исторических мест, архитектурных ансамблей, фрагментов исторической среды.

Коды и знаки образуют основу всех процессов формирования

информации окружения, всех возникающих при контакте человека с окружением значений. В конкретной архитектурной композиции могут быть существенны различные знаки, и для понимания эффективных путей сохранения и регенерации объектов культурного наследия важно, какие именно типы знаков и знаковых систем образуют основу композиции. В частности, развитие в пространственной композиции садово-парковых ансамблей эпохи классицизма свободно-живописной планировки обусловлено выражением единства человека с природой. Свободные очертания рельефа, деревьев и кустарников, берегов прудов и рек закономерно возникали в этом искусстве. Включение в садово-парковые ансамбли естественных лесных массивов, рек, озер, неупорядоченных зарослей, искусственное развитие естественных природных элементов – устройство запруд с организацией искусственных прудов, прогулочных маршрутов, уединенных гротов, беседок, павильонов – использование этих многообразных приемов способствовали выражению органической связи человека с природой. Эти знаки включались, в свою очередь, в общую знаковую систему садово-паркового ансамбля, в организацию жизни и праздничных действий жителей и гостей загородной усадьбы.

В формировании исторической среды принципиально существенны вопросы, относящиеся к трем измерениям информации и знаковых систем: *каковы интерпретаторы – группы людей, их стремления и цели, взаимосвязанные с теми или иными жизненными процессами (прагматика); что обозначают и выражают объекты окружения (семантика); как взаимосвязаны между собой знаки, образующие их пространственно-визуальные и другие воспринимаемые элементы (синтактика, или синтаксис).*

Прагматика связывает информацию и знаковые системы с жизненными процессами. Но на процессах восприятия окружения сказываются неосознанные устремления и чувства людей. Сохранение и развитие исторической городской среды основывается прежде всего на фундаментальных стремлениях, направленностях (интенциях) – потребностях, мотивах, образующих основу информации, – стремлении к покою, комфорту, поиску, исследованию, познанию окружения, самоидентификации и т. д. А это во многом обусловлено тем, каковы группы людей, воспринимающие историческое окружение (жители, гости, туристы и пр.), каковы их культура и осведомленность об исторических событиях. Кроме того, те или иные мотивы восприятия окружения взаимосвязаны с тем, что делают люди: спешат ли на работу, отдыхают, общаются, посещают места религиозных культов, музеи, участвуют в праздничных торжествах и т. д.

Семантика исторической городской среды – отношения знаков к реальности их значения. Обусловленные наиболее общими и абстрактными знаковыми единицами кодов и языков, значения имеют устойчивый характер. Но при сочетаниях различных знаков в текстах значения конкретизируются.

Синтактика охватывает отношения знаков между собой. Взаимоотношения визуально-пространственных элементов архитектурной композиции по основным признакам наиболее существенны и для выражения значений (семантика), и для организованности отношений (синтактика). Синтактика, в которой систематизируются все типы элементов и отношений, выявляет прежде всего некоторые правила, инварианты, устойчивые структуры архитектурных объектов. Такого рода инварианты проявляются, в частности, в традиционно выделяемых закономерностях архитектурно-пространственной композиции, масштабности, тектонике, соразмерности, пропорциональности, соотношениях симметрии и асимметрии и др. Но, в отличие от традиционных принципов исследования пропорций в архитектуре с семиотической точки зрения, синтактика небезразлична к отношениям означаемых [Somov, 2005], к тому, что обозначают и выражают воспринимаемые элементы композиции. Такие закономерности (правила) в формировании исторической среды весьма существенны, поскольку значительно влияют на организацию пространственно-визуальных элементов: объемов, пространств, поверхностей, участков плоскостей, силуэтных очертаний объемов и т. д.

При этом следует подчеркнуть, что пространственно-визуальные универсалии архитектурной композиции (структурные признаки, ритмы, симметрии, оси, центры и др.) не являются порождениями исторически конкретных культур, идеологий, свойственных культурам форм художественного мышления. Подобные универсалии имеют более фундаментальную основу как необходимые составляющие неоднородности информации и знаков – кодов, различий и тождеств, лежащих в основе систем типа языка [Соссюр, де 2014. С. 109–111; Quine, 1973; Урсул, 1971, 1973; Иванов В.В., 1972, 2009; Кучеров, 1972 и др.]. Это соответствует

представлениям об устойчивых правилах и неизменяемых характеристиках синтаксических структур вербальных языков в теории синтаксических структур. Исследователи отмечают, что насколько вербальные языки направляются некими фундаментальными структурами, настолько же устойчивы и синтаксические правила формирования визуально-пространственных элементов архитектурной композиции.

Художественные образы исторических поселений, отдельных исторических мест, архитектурных ансамблей основываются на всех основных указанных семиотических системностях. В то же время в формировании художественных образов существенны особые знаковые образования: многообразные художественные коннотации, метафоры и метонимии, организованные для определенного «прочтения» в процессах восприятия [Somov, 2006, 2009, 2014], *художественные тексты* [Лотман, 1972; Топоров, 1983].

В целом для систематизированного описания семиотических систем исторической среды целесообразно выделять следующие *основные модели и понятия:*

– *коды, структуры, планы выражения – планы содержания, устойчивые языковые единицы семиотических систем среды* (см. § 4.2);

– *взаимосвязи трех измерений информации и знаковых систем: прагматики, семантики и синтактики (синтаксиса)* (см. § 4.3);

– *тексты и связанные с их моделированием вопросы формирования исторических мест, архитектурных ансамблей, исторических фрагментов городов* (см. гл. 5).

4.1. Формирование семиотических представлений об объектах культурного наследия, среде, архитектурной композиции

Как воспринимаемые объекты архитектуры, так и организуемые пространства среды приобретают специфические характеристики как часть культуры, воспринимаются благодаря культурным кодам [Эко, 2004; Данези, 2008; Deregowski, 1980]. В определенной культуре формируется та или иная новая по отношению к предшествующим культурам система кодов. С изменением кодов меняется и характер восприятия архитектуры. Это в первую очередь относится к изменениям восприятия архитектурного пространства. Историк архитектуры А. И. Некрасов, в частности, писал: «Человеку, а следовательно, и зодчему, весьма трудно высвободиться из-под власти той пространственной концепции, которая владеет его эпохой. Смена же этих концепций всегда говорит о пришествии новой архитектурной эпохи. На почве господствующей концепции и в согласии с ней возникают различные чувственные переживания пространства в связи с организационными пространственными моментами в зодчестве» [Некрасов, 1994, С. 49]. С изменением культурных кодов восприятия архитектуры меняются и конкретные приемы, в которых организуются перцептивные пространства, объемно-пространственные композиции, отдельные группы архитектурных элементов.

В то же время имеются более фундаментальные коды и знаки природного происхождения, например коды восприятия расстояний между объектами, очертаний предметов и т. п. [Земан, 1966; Сомьен, 1986].

Таким образом, коды и знаки, благодаря которым воспринимаются архитектурные объекты, ансамбли, фрагменты исторической среды, имеют характер «многослойных» образований, связаны как с природными, врожденными механизмами производства информации человеком, так и с конкретными особенностями культуры. Это важно представлять, поскольку в процессе реставрации и регенерации объектов культурного наследия приходится учитывать и общие исторически неизменяемые закономерности архитектурной композиции (масштаб, сомасштабность, ритмические структуры, пропорции, соразмерность, гармоничные сочетания форм и материалов и др.) и трансформируемые вместе с изменениями культуры (стилевые характеристики, символические особенности форм и т. д.).

Формирование устойчивых связей знаков с потребностями, мотивами, эмоциями образует фундаментальные натуральные коды и средства их закрепления в архитектуре. Однако это не означает, что формирование архитектурного окружения подчиняется главным образом натуральным кодам. Помимо натуральных формируются и закрепляются многообразные культурные коды.

Существование проблемы исторической устойчивости и изменчивости архитектурной композиции и связь этой проблемы с общенаучными представлениями о кодах и знаковых системах архитектуры требует здесь

краткого экскурса в историю возникновения и развития этих представлений.

Формирование представлений о кодах и языках среды и архитектуры осуществлялось по нескольким направлениям. Среди них выделяются следующие:

1) концепции языка, берущие начало в лингвистике и обобщаемые в семиологии;

2) концепции кодов, знаков, жизненного окружения человека, связанные с представлениями психологии среды, теорией деятельности, теорией информации.

Рассмотрим кратко развитие этих концепций применительно к формированию исторической среды и архитектурной композиции.

Успехи лингвистики, которая стала приобретать признаки «точной» науки, ее обобщения в семиологии создали предпосылки для использования этих концепций в различных областях гуманитарного знания.

Язык предметов как особой знаковой системы издавна стали относить к зачаточной форме письменности, уподоблять записи речевого сообщения [Вейлэ, 1923. С. 23–24]. Аналогия интерпретации тех или иных предметов с чтением письменных знаков была близка многим этнографам и культурологам. При изучении народного костюма говорили: «Необходимо научиться читать эти знаки (костюмы) так же, как мы учимся читать на других языках и понимать их» [Богатырев, 1971. С. 344]. Такими же знаками, по мысли исследователей, могут быть и другие предметы, имеющие практическое назначение: орудия труда, домашняя утварь, жилище и т. п. Как и одежда, они своим внешним видом говорят о сословной, религиозной, национальной, региональной принадлежности своих владельцев [Там же. С. 363]. При таком подходе обычно говорят, что практические и знаковые функции предмета взаимодействуют в рамках единой функциональной структуры.

Видя в костюме, предметах быта, создаваемой искусственной среде особую форму выражения разнообразных значений, многие этнографы и культурологи рассматривали эти значения как переводимые главным образом в речевую форму. Однако, как доказывают теоретики кодов, необходимо допускать в сферу собственно знаковых функций также функции самих предметов, которые вызывают скорее двигательные, чем речевые реакции субъекта [Чертов, 1996. С. 22]. Пространственные формы архитектуры в особой степени взаимосвязаны с действиями, движениями, реакциями людей в процессах поведения и деятельности в среде. Ведь, как уже отмечалось выше, *знаки и коды окружения закономерно включаются в процессы поведения и деятельности людей.*

Практические и знаковые функции предметов стали тесно связывать друг с другом в 20–30-е гг. XX в. представители Пражского лингвистического кружка. Я. Мукаржовский одним из первых поставил задачу последовательного применения системы понятий, выработанных в структурной лингвистике и семиологии, к сфере художественной деятельности и «наук о духе» [Чертов, 1996. С. 22]. Я. Мукаржовский, разделял *практические и знаковые функции вещей.* В то же время он усматривал родственную связь между ними, поскольку обе группы функций во многом зависят и от субъекта деятельности – индивида и коллектива [Мукаржовский, 1994. С. 150–156]. По отношению к субъекту *в процессах поведения и деятельности утилитарная вещь проявляет в том числе функции знака.* Свои практические функции «вещь не только выполняет, но также и обозначает» [Там же. С. 469].

С начала 1950-х гг., после успешного применения французским антропологом К. Леви-Строссом понятий структурной лингвистики к изучению различных сторон жизни в примитивных обществах, начался целенаправленный поиск аналогий между лингвистическими структурами и структурами самых разнообразных знаковых систем культуры [Леви-Стросс, 1983. С. 59, 80]. Один из лидеров структуралистского движения Р. Барт применил семиологические понятия, возникшие из обобщения лингвистических моделей, к сфере исследования значимых предметных форм окружения, в том числе к архитектуре. Развивая идею Я. Мукаржовского, Р. Барт ввел понятие знаков-функций. Роль таких знаков-функций играют всевозможные утилитарные предметы. «...Функция плаща заключается в том, чтобы предохранить нас от дождя, но эта функция неотделима от знака, указывающего на определенную погоду» [Барт, 1975. С. 131]. Согласно этой идее, подобно «естественному» языку, знаки-функции в архитектуре образуют знаковые системы типа языка. Выражения

на этом языке мы «читаем» в искусственной среде. Как и в семиологии Ф. де Соссюра применительно, скажем, к моде, можно различать *«язык» как систему определенных норм и «речь» – их конкретную реализацию* можно говорить о «языке» и «речи» применительно в том числе и к городу [Барт, 1971. С. 9]. Занимаясь исследованием таких знаковых систем, как мода, градостроительство, киноискусство и др., Р. Барт доказывал, что «подлинным» языком остается только словесный, а все невербальные знаковые системы являются вторичными по отношению к нему. Они приобретают роль знаковых средств благодаря вербальному языку, который ясно выделяет означающие и указывает на означаемые [Барт, 1975. С. 114–115]. В словесных языках как означаемое выделяется понятие, как означающее – акустический образ. Подход к разнообразным знаковым системам в культуре как производным от вербального языка во многом послужил основой развития исследований архитектуры. Опираясь на разработанные в лингвистике понятия и используя ее методы, филологи и лингвисты анализировали не только литературные тексты, всегда находившиеся в центре их внимания, но и другие знаковые системы культуры и искусства. *Стили и течения архитектуры, явления урбанистики, искусственной среды стали рассматривать как языки.* По аналогии с описаниями лингвистических языков широкое распространение получили методы бинарных оппозиций [Иванов В. В., 1972; 2010]. С помощью бинарных оппозиций может быть описана, в частности, семиотическая структура пространственных отношений, выражающих сознание эпохи и народа в различных его формах и проявлениях – в организации жилища и поселений [Байбурин, 1981; 1983; Иванов, 1986; Топоров, 1965; 1971; 1977; 1982; Цивьян, 1973; 1978 и др.]. Это соответствует концепции объясняющей двоичность знаковых систем культуры дуальными структурами работы мозга [Иванов, 1986].

В исследованиях семиотиков *пространственные структуры исторических городов, исторические места, архитектурные ансамбли, осмысляемые как часть культуры, стали трактоваться как специфические тексты* [Топоров, 1983; 1984]. Это объяснимо связями пространственных построений и архитектурных форм с религиозными учениями, мифами, историями. Так, в построениях пространства и форм православных храмов и монастырей обозначаются главные идеи и события христианского учения, они даны в знаковых элементах напоминания о библейских текстах.

С другой стороны, в семиотических исследованиях произведений литературы выявлялся особый *«язык пространственных отношений»* [Лотман, 1970. С. 267; 1992, С. 414]. В соответствии с этими направлениями исследований выделилась в специальную область *«семиотика пространства»*. При изучении пространственных построений города, исторической среды стали обращаться к тому, как они отображаются в литературных произведениях и других словесных текстах [Разд. «Семиотика пространства» // Лотман, 1992]. В то же время многочисленные факты убеждают в том, что пространственные формы архитектуры, сами структуры пространства доступны для восприятия прежде всего благодаря непосредственному чувственному восприятию, что это их восприятие связано прежде всего с процессами поведения и деятельности людей. При таком непосредственном созерцании *пространственные формы и отношения образуют самостоятельную систему выразительных средств, осмысление которых не тождественно их вербальному истолкованию* [Чертов, 1996. С. 26], т. е. непередаваемо словами. Между вербальными и невербальными системами знаков обнаружились сложные отношения. Эта сложность нашла отражение в модели «семиосферы», где *каждая знаковая система в культуре оказывается лишь частью целостной системности взаимодействий между непохожими друг на друга по своей организации и потому взаимодополнительными языками и кодами* [Лотман, 1972. С. 11–24]. Согласно этой концепции, в семиотической системности культуры, так же как и в индивидуальном сознании, участвуют *знаковые системы двух типов: 1) составленные из условных знаков – вербальные; 2) непрерывные, образующие изображения реальности* [Там же. С. 53–54]. Система второго типа альтернативна вербальному – словесному – языку, имеет свойства, характерные для зрительных образов и пространственных отношений.

По сравнению с семиологическими моделями более широкую методологическую основу для описания исторической среды давали семиотические концепции Ч. С. Пирса и Ч. У. Морриса. Использование этих концепций позволяло вводить *широкое понятие знака, включая в него не только условные знаки вербальных языков* (как это делалось в семиологии Ф. де Соссюра), *но и другие средства обозначения.* Соответствующая триада Ч. С. Пирса («иконические знаки», или «айконы», «знаки-индексы» и «знаки-символы») стала основным инструментом, с помощью которого рассматривались архитектурные знаки (Дженкс). Однако применяя эти понятия при исследовании постмодернистской архитектуры, данные типы

знаков рассматривали примитивно в качестве аналога слов в архитектурном языке [Там же. С. 54–56], т. е. попросту считали словами двери, окна, колонны, вообще любые повторяющиеся элементы окружения и отдельных архитектурных объектов. Между тем такие повторяющиеся архитектурные элементы могут наделяться в культуре разнообразными значениями, зафиксировать которые гораздо сложнее, чем составить некие «словари» архитектурных форм [Чертов, 1996. С. 27]. Несмотря на их примитивизацию и даже вульгаризацию в архитектурной теории, знаковые теории Ч. С. Пирса и Ч. Морриса послужили основой для более широкого подхода к исследованиям кодов и знаков урбанистики и архитектуры.

В вопросе о значениях знаков архитектурного языка обнаружились различные точки зрения. Одна из точек зрения на значения этого языка связывает их с выявляемой посредством формы и пространственной конструкции логикой отношений между массами, опорами и грузами, сплошными телами и пустыми пространствами. Это обобщается в понимании системности архитектурного языка как тектонических отношений [Маркузон, 1970; 1978]. В то же время знаки и значения в архитектуре имеют различное происхождение. Это подчеркивал *в концепции значений пространственной формы в архитектуре* У. Эко. Он указывал на *два уровня значений. Ее «первичным» значением,* согласно У. Эко, *являются те практические функции, для которых предназначена данная вещь и которые она обозначает как знак.* Форма лестницы обозначает функцию подъема по ступеням (даже если по ней реально никто не поднимается); форма жилого дома обозначает функцию (даже если в нем никто не живет). Но *кроме «первичного» значения вещи обнаруживают еще и «вторичное» – коннотативное – значение* [Eco, 1976, 1980 б]: подъем по лестнице может служить символом «движения к небу», кресло может оказаться не просто сиденьем, но и символом царской власти, если это трон. Опираясь на различные концепции значений, исследователи пришли к тому, что *при анализе «...с разных точек зрения, пространственная форма может рассматриваться и как знак тектонических отношений в конструкции, и как знак предметных функций вещи, и как знак социальных отношений между людьми».* [Чертов, 1996, С. 28].

Представления о различных типах значений привели к мысли о том, что интерпретация формы человеком в разных случаях осуществляется посредством разных кодов. У. Эко предложил, в частности, различать два основных типа кодов – «синтаксический» код, образуемый отношениями между элементами, и «семантический» код, связывающий эти элементы как с денотациями (обозначениями), так и с коннотациями (соозначениями) пространственной формы [Eco, 1976]. Различение кодов на синтаксические и семантические позволило связать идею кодов архитектурных композиций и форм с моделями знаков Ч. Морриса. В то же время при изучении и объяснении информации и знаков в архитектуре проявились тенденции излишнего упрощения проблемы.

В качестве «синтаксиса» нередко стали рассматривать любые правила упорядочивания пространственных форм независимо от того, насколько эти формы выполняют знаковую функцию и насколько образуемые ими пространственные отношения наделены значениями. Следуя примеру логиков и лингвистов, исследователи языка пространственных форм иногда исходят из того, что знаками рассматриваемого ими языка являются попросту непосредственно воспринимаемые пространственные формы и геометрические фигуры, а правила их упорядоченности образуют «синтаксис». Такой взгляд на «пространственный синтаксис» был характерен для М. Бензе и в целом для штуттгартской школы. Немецкий семиотик предлагал модель языка пространственных форм как совокупности единиц формы и цвета. Под элементами формы («формемами») им понимались попросту геометрические элементы, такие как точки, прямые, отрезки, дуги, плоскости, тела и т. д. [Bense, 1971. С. 93]. При этом вопрос о том, насколько обоснованно выделение таких «формальных», а не каких-то иных элементов в качестве носителей значений, обычно не ставится. Концепции единиц языка архитектуры отождествляющие их с непосредственно воспринимаемыми элементами – объемами – пространствами, плоскостями, геометрическими фигурами, проемами, различиями и др. по существу совпадают с представлениями теории композиции (Кринский, Ламцов, Туркус, 1968), в которой именно эти элементы выделялись как главные для овладения закономерностями архитектурной композиции (Ламцов).

Однако само понятие знака как неделимого единства его означающей и означаемой сторон подобного единству двух сторон листа бумаги [Соссюр, де, 1977. С. 99, 145] *требует не отрывать анализ знаков языка от их значений* [Fusco, de, 1971. С. 253; Scalvini, С. 392]. Кроме того, все более ясной становились необходимость *рассматривать проявления знаков и*

существование разного рода систем, подобных языку, как реализацию целого комплекса устойчивых механизмов – кодов [Nöth, 1998; Danesi, 1999; Sebeok, Danesi, 2000; Эко, 2004; Данези, 2008].

В соответствии с разработанными в семиотике моделями кодов в них можно найти соответствующие единицы, образующие так называемое двойное членение этих единиц – «словарь» знаков с фиксированным значением и «алфавит» элементов, такого значения не имеющих. В пространственно-предметных кодах исследователи предложили выделять каждый свои варианты единиц разных уровней этих кодов. В частности, У. Эко находит в архитектоническом коде единицы плана содержания («семемы») и единицы плана выражения («морфемы»), в которых могут быть вычленены также дифференциальные признаки, образующие единицы следующего уровня [Eco, 1971. С. 682–684]. По аналогии с концепцией лингвистического языка Д. Кёниг предположил, что в языке архитектуры могут быть найдены элементы «двойного членения», которые соответствуют «двойному членению» паре «морфема – фонема» в словесном языке [Мартине, 1963]. Еще ранее, основываясь на этом представлении, разрабатывал теорию пространства Э. Холл (см. § 4.2). Сопоставляя модели лингвистического языка с возможностями пространственных образований становиться единицами кодов, авторы этих концепций сталкиваются с большими трудностями. Система дискретных единиц вербального языка и система единиц в пространственных кодах различны. В последних используются постепенные переходы между означающими элементами. В пространственных формах вместо слов имеются наслоения форм, стен, проемов, выступов, заглубленных участков стеновых поверхностей и т. д. Этому соответствуют и непрерывные трудноуловимые переходы значений – того, что выражают композиции и формы [Eco, 1976; Panofsky, 1983 [1955]]. Поэтому возникла критика самой идеи выделять типы устойчивых единиц и значений в архитектуре [Scruton, 2013 [1979]]. Появились справедливые суждения о необходимости учитывать специфику архитектуры, об опасности излишне прямолинейного переноса в архитектурно-градостроительную теорию лингвистических понятий, о необходимости формирования более широких представлений о невербальных кодах и их структурах. [Dorfles, 1971. С. 396; Weber, 1973. С. 150; Garroni, 1972. С. 106].

Эта проблематика остается актуальной и в современных исследованиях средств архитектурно-градостроительной деятельности, в особенности в области сохранения и регенерации исторической среды. В настоящее время не подлежит сомнению существование развитых знаковых систем искусственной среды, закономерностей разнообразной информации в архитектуре. Это значит, что *существует и развитая система средств, с помощью которой материальные и пространственно-визуальные носители информации наделяются значениями, организуются как системы знаков.* Согласно научным представлениям об информации и знаковых системах, знаковые системы создаваемой человеком искусственной среды включены в различные коммуникативные процессы, т. е. *охватывают все уровни и процессы формирования исторической среды* (рис. 3.5): ориентационно-познавательные мотивы, регулирование социальных процессов, обыденное восприятие архитектурного окружения, назначения окружающих объектов, условия деятельности и поведения, ориентация в процессах движения, безопасность и комфортность среды, формирование социальных смыслов и другие сложным образом взаимосвязанные между собой процессы.

С точки зрения современных представлений об информации и знаковых системах *фрагменты исторической среды представляют собой семиотические системности. Особенности восприятия и формирования этой среды и ее отдельных объектов обусловлены процессами поведения и деятельности, коммуникацией людей в социуме, особенностями эпохи и культуры.* Знаковые системности среды и ее объектов включены в коммуникацию различных групп людей (заказчиков, жителей города, относящихся к различным социально-демографическим группам, туристов и др.). В то же время, упрощая, можно сказать, что *урбанисты формируют знаковые системы, которые рассчитаны прежде всего на их собственное восприятие. Но эти системы организуются ими также с учетом восприятия адресатами, рассчитаны на группы людей, которые будут находиться в данной исторической среде* (различные социально-этнические группы, молодежь, туристы, работающие, отдыхающие, общающиеся между собой и т. д.) и которые будут воспринимать окружение по-разному в процессах поведения и деятельности и в русле определенной культуры. Это соответствует понятию «дискурс» (Morris), его рассмотрению в теории урбанизма [Hall, 1969; Gottdiener, Lagopoulos, 1986; Lagopoulos, 1995]. Эти адресаты воспринимают среду и ее объекты как множество знаков, как некую потенциальную запрограммированную в организации окружения информацию, что соответствует понятию *«потенциальная информация»*

[Жуков; 1971; Урсул, 1971; 1973; Кучеров, 1972; Шерковин, 1973 и др.]. В целом же *потенциальная информация реализуется в основных значениях людьми одного времени и одной культуры и основывается на общих кодах и знаках. Этому соответствует обобщающее понятие «человеческая семиотическая системность»* (англ.: humanity semiotic systemity) [Guiraud, 1975; Halliday, 1987]. Принимая такое теоретическое упрощение реальных коммуникативных процессов, можно говорить и о некоем общем для современной культуры ядре семиотической системности исторической среды во взаимосвязи с происходящими в этой среде жизненными процессами и представлениями современников о городе. В восприятии конкретного места, поселения, города формируется *некоторая системность коммуникации – основной дискурс* [Dijk, van, 1985; Моррис, 2001; Бенвенист, 1974]. Прежде всего это *дискурс города* [Gotdiener, Lagopulos, 1986] – системность, которая способствует сходному для многих групп людей (жителей, гостей, туристов) восприятию окружения.

4.2. Представления о кодах: неоднородности, структуры и знаки

Обобщая, можно сказать, что *в современных представлениях о семиотических системах искусственной среды* (знаковых образованиях, языках, фрагментах информации, текстах, контекстах и др.) *обычно опираются на понятие «коды».*

Люди различных культурных традиций, уровня образования, интересов воспринимают окружение сходным образом благодаря действию кодов: то или иное окружение воспринимается как привлекательное или дискомфортное, мрачное или радостное, дружественное или враждебное. Люди различают в среде основные пространства, их центры, пути движения, границы, направления пространств и объемов, чувствуют распределение сил земного тяготения, воспринимают расстояния между объектами и их размеры, соотносимые с размерами и местоположением воспринимающих, ощущают динамичность или статичность окружающих объемов, распознают в окружении человеческие (антропоморфные) черты, воспринимают архитектурные формы как типичные для регионов, городов, конкретных мест, определенных культурных традиций эпохи, культуры, стиля. Эти и многие другие знаки, образующие информацию при восприятии среды, имеют достаточно устойчивый общий характер для воспринимающих окружение людей [King 1996; Hall, Osborne, Segal 1997]. Соответственно, необходимо рассмотрение знаковых систем образующих основу информационных процессов, происходящих в среде, информационных характеристик этой среды прежде всего в системе представлений о кодах.

Как считают видные представители семиотического подхода, *коды могут рассматриваться как исходные семиотические системы* [Эко, 2004; Данези, 2008; Hoffmeyer, Emmeche, 1991], т. е. *типы кодов и их взаимосвязи позволяют уточнять типы знаков* [Fiske, 1982; 1989]. *Рассматривая связи кодов, можно понять, как формируются стили, течения, этнотерриториальные общности архитектуры и т. д.*

Именно исходя из такого представления в 1970-е гг. известный советский градостроитель А. Э. Гутнов ввел понятие *«код города»*. Этот код не является только художественной метафорой. Когда мы говорим «код города», можно выделить различные присущие ему признаки. Формирование в исторической городской среде характерных черт, присущих городу, периоду его истории, особенностям конкретного места, целесообразно рассматривать на основе различных кодов. Характерные признаки городского окружения являются обычно результатом многих исторических напластований и случайностей, организации жизненных процессов, обозначают интеграцию разнообразных социально-пространственных, геоморфологических, строительно-технологических и других факторов. Такие признаки включаются в то же время в повторяющиеся процессы распознавания улиц, зданий города, пробуждают чувства и воспоминания. Различные коды интегрируются в более конкретные, что соответствует семиотическим концепциям [Baissans, 1943; Ельмслев, 1960; Prieto, 1986; Эко, 2004; Fiske, 1982, 1989 и др.].

Исходя из концепций кодов как основы знаковых систем культуру в целом стали определять как систему кодов [Danesi, 1994; Данези, 2008]. Эти представления были связаны с более общей тенденцией – *идея фундаментальности кодов получила развитие в междисциплинарных исследованиях знаковых систем* [Якобсон, 1985; Эко, 2004; Fiske, 1982, 1989; Bignell, 1997; Hoffmeyer, Emmeche, 1991; Sebeok & Danesi, 2000 и др.]. *Коды определяют обычно как механизмы передачи (производства) информации* [Сомьен, 1986]. Они обнаруживаются во всех явлениях жизни – в процессах и системах молекулярно-биологического уровня, в работе нейронов мозга, где реализуются прежде всего как механизмы производства сенсорной

информации человеком [Сомьен, 1986; Прибрам, 1975 и др.], в процессах функционирования и строении языков [Nöth, 1998]. *Коды предполагают определенную организацию означающих и означаемых неоднородностей, на которые они опираются*. Это наглядно проявляется в организации любой визуальной информации [Земан, 1966; Бонгард, 1967; Шехтер, 1973]. В частности, по силуэтам распознается назначение здания и его значимость; по отношениям размеров элементов комплекса зданий или отдельного здания можно судить о величине этих элементов; по отношениям размеров объектов к человеку – о значимости здания и входа в него; по текстурным, цветовым, цветофактурным соотношениям воспринимаемых поверхностей объектов – об отношениях взаимного расположения этих объектов и их расположения по отношению к наблюдателю и т. п. То же относится к кодированию воспринимаемых объектов окружения как знаков определенных социальных явлений. При этом, как утверждают теоретики знаковых систем, культурные коды как бы надстраиваются над натуральными – врожденными – кодами [Chandler, 2007]. Нетрудно заметить, что *различные коды пространственно-визуальной информации основаны на неоднородности воспринимаемых объектов* (очертания, размеры, направления в пространстве, световые и цветовые раздражители, различия в текстуре поверхностей и т. п.). Обобщая, можно сказать, что *неоднородности образуют основу кодов*. Это соответствует общенаучному положению, согласно которому *различия и тождества рассматриваются как основа языка* [Соссюр де, 2014. С.109], *различие, неоднородность, разнообразие – как объективная основа информации* [Эшби, 1968; Тюхтин, 1972; Урсул, 1971; 1973; Кучеров, 1972; Bateson, 1972 и др.]. Применительно к среде эта ее объективная основа также может рассматриваться как неоднородность, образуемая различиями, отношениями элементов по ряду признаков [Somov, 2001; 2014].

Поскольку коды связывают любые означаемые и означающие, возникают разнообразные *типы кодов* [Эко, 2004], которые распространяются на все области информационных процессов. Поэтому семиотики склонны рассматривать коды как фундаментальные механизмы, *конкретные проявления которых в их связях и сочетаниях в процессах мышления, восприятия, поведения, деятельности формируют многообразные особенности культуры* [Hall S., 1980; Danesi, 1994; Bignell, 1997; Nöth, 1998]. При таком подходе отдельные знаки, существенные в искусственной среде, в архитектурно-градостроительных решениях либо являются реализацией работы кодов, либо участвуют в коммуникации как некие самостоятельные, образования [Эко, 2004; Sebeok & Danesi, 2000].

В область урбанистики понятие кодов было введено в 60-е гг. XX в. при исследованиях поведения в городском пространстве [Hall, 1963a; b; Eco, 1968; 1970; Krampen, 1975 и др.]. В первую очередь концепции кодов как основы формирования городской среды повлияли на рассмотрение принципов формирования пространства. Родоначальник семиотики поведения в пространстве Э. Холл, следуя идеям средовой психологии, а также идее кодов, показал, что эти процессы включают в себя связи и таким образом представляют собой коды, образующие некие структуры, подобные вербальному языку. Из этого, в частности, вытекает, что историческая городская среда становится полноценной при воссоздании основных означаемых – функций, процессов движения людей, мест общения и других составляющих жизненных процессов. Это было воспринято из концепции Э. Холла в градостроительной теории К. Линча и других теоретиков городской среды. Основательность такого подхода подтверждается опытом регенерации исторических мест, когда реконструкция кварталов и улиц основывается на многообразном функциональном насыщении среды объектами различного назначения, организации источников и маршрутов движения людей. Кроме того, организуемые пространством жизненные процессы являются означающими сторонами других означаемых и сами образуют основу формирования кодов. В соответствии с этим подходом коды оказываются центральными объектами в изучении таких явлений, как особенности городов определенных культур, своеобразие градостроительных и природных ландшафтов, этнотерриториальные, религиозные, социальные особенности мест, выражаемых в градостроительных композициях [Чертов, 1996]. *Коды «опираются» на неоднородности: группы элементов и отношений, качественные признаки, различия и тождества* [Somov, 2014]. Анализ показывает, что этому соответствуют удачные примеры регенерации исторических мест, когда целенаправленно создаются различного рода системы тождеств – аналогий в новом окружении исторической застройки: сдвижки по рельефу, смещения крыш, силуэтные очертания застройки, акцентируются тождественные элементы во вставках и пристройках и т. п. (см. т. II, гл. 9). Таким образом «закрепляются» коды конкретного места, города, поселения, региона.

Согласно ряду концепций, *взаимосвязи различных кодов образуют устойчивые семиотические системности типа языков*, т. е. проявляются в стилевых, этнотерриториальных, региональных, и других системностях культурного своеобразия, в местных особенностях архитектуры. Такого рода системности своеобразия в урбанистике рассматривались, в частности, в ряде работ [Krampen, 1975; Eco, 1980a; Weber, Zimmermann, 1980; Барбышев, 1991; Broadbent, 1997].

В конкретных процессах производства информации *коды связывают некоторые означаемые и некоторые означающие (в модели Ф. де Соссюра). Можно сказать, что как устойчивые механизмы они связывают два плана – план выражения (означающие) и план содержания (означаемые),* что соответствует семиотической модели взаимосвязи этих планов как основы языков [Ельмслев, 1960]. Поэтому концепциям кодов близки семиотические концепции, описывающие различные *языки как связи многих различных планов выражения и содержания, развивающие модель Л. Ельмслева* [Барт, 1974; Степанов, 1971; 1975 и др.]. На этих концепциях основаны исследования языков пространства, городской среды и архитектуры [Hall, 1966; Goeppert, 1970; Krampen, 1975; Шоай 1971; Broadbent, 1997 и др.]. Планами выражения и планами содержания могут становиться различные группы элементов и отношений. В частности, геометрические тела воспринимаемых зданий и их отношения в пространстве представляют собой план выражения, а функциональные различия и особенности этих зданий – план содержания. Это важные «функциональные коды» городской среды [Krampen, 1975]. Их проявление существенно в композиции центров городов и жилых кварталов эпохи Средневековья. В жилых кварталах европейских городов 3–4-этажные блокированные объемы со скатными крышами, измельченные заглублениями и проемами фасадные поверхности обозначают жилые дома, а высокие объемы башен – соборы и важные общественные здания. В поселениях, где строились жилые башни, наоборот – высокие объемы обозначали родовое жилище, как это происходило в средневековой Италии. В исторической среде древнерусских городов подобные коды были основаны на контрастах усадебной жилой застройки, деревянных построек свободного пространственного размещения и высотных объемов каменных церквей и колоколен. Эти простые элементы и отношения служат закреплению кодов. При формировании подобных кодов, связывающих планы выражения и содержания, имеются не только *натуральные коды и знаки* (материал строительства, земельные участки, ограды), но и опосредованные культурой, когда для обозначения различий родовых жилых домов и общественных зданий, обычных и культовых сооружений вводятся особые отличительные признаки, формирующиеся в данной культуре (материалы, членения фасадных поверхностей, соотношения глухих стен и проемов, традиционные очертания крыш, входы, порталы, пропорции стен и проемов и т. д.). Формируются собственно *культурные коды*, которые выделяют семиотики, противопоставляя их природным, натуральным и естественно складывающимся кодам [Fiske, 1982, 1989; Chandler, 2007; Danesi, 1999; Somov, 2014].

Различные коды связывают между собой планы выражения и планы содержания благодаря структурной общности этих планов, что отображается в представлении о форме плана выражения и форме плана содержания [Ельмслев, 1960]. В вербальных (словесных) языках отношения этих планов условны, так как языковые знаки немотивированны: обозначаемый словом объект связан со значением (десигнатом) слова чисто условно [Мартынов, 1966]. Поэтому планы могут меняться местами [Степанов, 1975]. В области невербальной пространственно-визуальной информации, напротив, отношения «означаемое – означающее», «объект – репрезентамен» устойчивы, связаны структурой (айконы), либо как причина и следствие (индексы). В частности, распознавание движения объектов основано на обозначении направления движения, ритме, наклонах, на структурах переломов контуров силуэтов и т. д. На эти естественные признаки в зрительном восприятии опирается распознавание движущихся объектов. Благодаря этому при восприятии ощущается динамика. Происходит идентификация жизненных ситуаций как целенаправленного движения. Расширение пространства «прочитывается» как стремление к выходу на свободное пространство, ступенчатый и ритмически организованный подъем – как восхождение на холм, гору, вершину и т. п. На этом основаны многочисленные приемы архитектурно-пространственной композиции, символизирующие восхождение к небу или к местам жизни богов в различных культовых комплексах (алтари древних цивилизаций, святилища славян, греческие акрополи, буддийские храмовые комплексы и пагоды и др.).

Коды, образующие язык предметных форм и пространственных отношений. Среди кодов, образующих язык предметных форм и

пространственных отношений, исследователи выделяют как основные: *архитектонический, предметно-функциональный и социально-символический коды* [Чертов, 1996]. В каждом из них формируются разные знаковые единицы. Организации каждого из этих пространственных кодов способствуют различные характеристики организуемой среды. Опираясь на теорию Л.Ф. Чертова, рассмотрим различия и особенности этих кодов.

Объективная основа архитектонического кода представляет собой комплекс зрительно воспринимаемых признаков, позволяющих связывать видимые пространственные формы с чувственными и мысленными образами, с силами, влияющими на возможное изменение или сохранение состояний этих пространственных форм, а также на возможность перемещения человека в образуемом ими пространстве [Чертов, 1996. С. 150]. Благодаря таким признакам, видимые тела (предметы) воспринимаются как *геометрические формы, как более или менее тяжелые и плотные массы, обладающие твердостью, прочностью и другими физическими качествами, а положения этих тел в пространстве – как состояния устойчивости или неустойчивости, равновесия или неравновесия, динамики или статики.* Вызванные при посредстве архитектонического кода значения не соответствуют реальным физическим свойствам и состояниям воспринимаемого объекта. Информация о тяжести, прочности, устойчивости в восприятии не совпадает с достоверными знаниями. Признаки настоящих, прошедших и будущих состояний объектов используются уже на биологическом уровне. Хотя, конечно, подобные коды у человека проходят не только через природный, но и через развитый практический опыт и культурный отбор. В итоге над натуральными кодами «надстраиваются» культурные коды этой группы. Люди, существующие в определенной культуре, усваивают такие культурные коды, т. е. приобретают навыки чуткого реагирования на обозначаемые в окружающей среде свойства, особенности форм, движения и пространственного положения объектов, связывая с ними определенные силовые пространственные ситуации (сильные и слабые, напряженные и разряженные, открытые или закрытые для движения, сдавленные и свободные пространства, тяжелые или легкие тела и т. п.). Все признаки, образующие основу данного типа кодов, включаются в процессы композиционного поиска – в деятельность урбанистов и архитекторов.

Основу архитектонических кодов составляют такие признаки видимых пространственных объектов, как их величина, геометрическая форма, ориентация по отношению к вертикальным и горизонтальным осям, взаимное расположение в пространстве, зеркальная симметрия и асимметрия, сужение и расширение пространства при движении. Наряду с формами, заполненными плотной массой, в архитектоническом коде существенны и «пустые» объемы между ними – ведь основу кодов образуют различия.

Пространственная форма в архитектоническом коде связывается с действующим на нее силовым полем. Она указывает на действие реальных или мнимых сил тяжести, давления, упругости, натяжения и т. п. Особенности форм «говорят» о взаимодействии этих сил, доминировании одних и подчинении им других. Выпуклая форма указывает на преобладание внутренних сил над внешними; вогнутая форма, наоборот, воспринимается как результат преодоления внешними силами внутреннего сопротивления. Членение целого элемента на более мелкие элементы отнюдь не всегда соответствует его физической конструкции. Составленная из многих кирпичей или камней стена обычно воспринимается как единая простая поверхность. Взаимодействие разных сил по-разному сказывается на этих поверхностях. Эти поверхности часто являются знаками структурного строения целого. Первичные единицы архитектонического кода исследователи рассматривают «Подобно морфемам вербального языка, несущим значения, но не существующим отдельно от целого слова, поверхности с постоянной степенью кривизны; т. е. участки формы между ее изгибами и переломами можно рассматривать как морфемы архитектонического кода, каждая из которых указывает на определенное соотношение внешних и внутренних сил» [Чертов, с. 152–153].

Каждое пространство оставляет больше или меньше свободы для движений в нем или сквозь него тела человека или предметов. Несмотря на пустоту, каждый объем может быть воспринят как поле действия разнонаправленных сил – центробежных и центростремительных, притяжения и отталкивания. Длинный коридор, например, образует сквозное движение и «выталкивает» попавшего в него человека к выходу. Круглая площадь, напротив, выделяет центр, обладающий «силой притяжения». Помещенное в него тело кажется занявшим более устойчивое, «естественное» место в пространстве, чем тела в других частях площади [Арнхейм, 1974. С. 24–28; 1984. С. 62–66]. Не только круглые

площади, но и замкнутые или полузамкнутые прямоугольные и трапециевидные архитектурные пространства образуют такие центры. То, что форма пространства становится знаком, зависит от топологических качеств объемов. Если в плане выражения архитектонического кода открытый и замкнутый объемы отличаются своей видимой структурой, то в плане содержания их динамические значения отличаются так же ясно: открытый объем допускает перемещение тела в него или из него, а замкнутый – нет. Среди открытых пространств разные динамические значения имеют топологически различные пространства. Коридор со сквозным проходом или проходной двор обладают иным динамическим значением, чем полуизолированное пространство, открытое с одной стороны, или двор, входы в который завуалированы или закрыты стенами [Сомов, 1985]. Создается более или менее выраженное ощущение свободы перемещения (в объеме, из объема, сквозь объем и т. п.), а также степени защищенности помещаемых в объем предметов или людей. Топологически открытый объем может создавать ощущение большей или меньшей замкнутости и связанной с ней защищенности не только в зависимости от своей планировочной конфигурации, но и от пропорций пространств и объемов, проемов и простенков и т. п. Значительную роль играет и масштаб образующих пространств объемов – отношение их видимой величины к величине человеческого тела, вообще к основным антропометрическим характеристикам, таким как пропорции человека, длина шага, величина головы, рук, ног, ладоней и т. п. Пространства разной масштабности создают разные динамические ощущения: слишком тесное или слишком большое – несомасштабное. Точно так же предметы разной масштабности могут казаться чересчур громоздкими или не в меру маленькими. Между такими границами шкалы масштабности имеется и ряд промежуточных градаций – разных композиционных масштабов. Иначе говоря, в пределах правдоподобной масштабности могут формироваться разные архитектурные масштабы – уменьшающий или увеличивающий размеры архитектурного объекта в зависимости от общего композиционного замысла [Кринский; Ламцов; Туркус, 1968].

Видимая величина как «заполненной» пространственной формы, так и «пустого» объема, их пропорции, степень кривизны образующих их поверхностей, величина углов между ними и другие характеристики (светлота и насыщенность цвета, прозрачность или полупрозрачность границ) не менее значимы в архитектоническом коде, чем качественные различия организации материальных и перцептивных пространств, объемов и пространств.

Крупные однородные объекты способны производить динамический эффект, даже не имея какой-либо определенной качественной характеристики. Любое крупное тело кажется и более массивным, более тяжелым, чем мелкое, особенно если это тело темного цвета, который делает его также и более значимым зрительно в светлом окружении. Ощущения устойчивости и неустойчивости, прочности, тяжести и другие подобные эффекты могут вызывать объекты, не имеющие какой-либо ясной геометрической формы. Они обладают зрительной массой, тяжестью, устойчивостью и прочими характеристиками, образующими означаемое (план содержания) архитектонического кода.

Значения форм архитектонического кода, в свою очередь, обусловлены более фундаментальными, общими кодами – связями пространственных образований с известными из опыта опасными или безопасными характеристиками объектов – динамикой, неуравновешенностью и т. п., а также прочностью физических тел, силами притяжения и т. д. [Somov, 2014]

Согласно концепции кодов, в архитектоническом коде должны выполняться правила «грамматики» построения значимых пространственных отношений. По этим правилам «пустые» и «заполненные» плотной массой пространственные объемы образуют сложные знаковые образования – «синтагмы». Исследователи отмечают, что, как и в грамматике вербального языка, «синтагмы» архитектонического кода разделяются на «морфологические» и «синтаксические». Первые связаны с внутренними отношениями между неотделимыми частями целой формы, а вторые – с конструкциями из нескольких отдельных форм, хотя, как и в лингвистике, граница между теми и другими достаточно условна [Чертов, 1996. С. 156–157]. Пространственные «синтагмы», в отличие от языка слов, реализуются не в одном – временном, – а в трех измерениях пространства, или в четырех измерениях. В первом измерении возможны перестановки элементов, так как знаки условны, не связаны с означаемыми объектами. В пространственных текстах означающие и означаемые стороны знаков взаимосвязаны в пространстве – времени, так как знаки имеют не чисто условные, а причинные связи «означающее – означаемое».

Знаковое пространство воспроизводит связи перцептивного пространства, которое обозначает, в свою очередь, связи и структуры земного притяжения.

В вертикальной плоскости пространственные формы и их конструкции выражают прежде всего отношения между образующими их массами и силой земного притяжения. Подчинение силе тяготения или ее преодоление визуально выражаются в том, как форма или сложная конструкция ориентированы по отношению к вертикальной оси, каковы отношения вышележащих частей к нижележащим. Существенна высота зрительного центра тяжести: чем выше он поднят, тем больше ощущается напряжение и меньше – устойчивость формы.

Архитектонический код позволяет более ясно указать функцию формы, если наряду с порядком размещения в пространстве используются также признаки связи форм с конструктивными системами. Такова античная ордерная система. В ней тщательно разработаны признаки, выражающие не только основные несущие и несомые части конструкции (колонны и архитрав), но и связующие элементы антаблемента – фриз, карниз, капители, связывающие архитрав и колонны, ряд других, в том числе более мелких деталей. Аналогичные признаки можно найти и в других архитектурных элементах. Организующие структуры этого порядка отображаются в неоднородности светотени. Именно светотень становится основой кода, обозначающего строй коринфского ордера [Габричевский, 1989]. Форма капители согласована с лежащим на ней карнизом с одной стороны и стволом колонны с другой. Горизонтальная плоскость, которой сверху завершается капитель, указывает на положенную на нее сверху горизонтальную балку. Поэтому колонна, увенчанная капителью, становится знаком покоящейся на ней формы – головы или фигуры, а обрубленный посредине ствол колонны – символом безвременно прерванной жизни. Иное значение имеет острое или закругленное завершение вертикального ряда (например, шпиль, купол, тимпан, акротерий и т. п.). Это завершение зрительно останавливает или продолжает развитие формы и конструкции вверх.

В горизонтальной плоскости действуют иные правила. Здесь несущественно различие между опорой и грузом. Актуализируются другие различия, которые влияют на возможность движения как самой конструкции, так и человека по отношению к ней. Подобно перемещаемым в пространстве предметам, сооружения имеют большую или меньшую степень симметрии в зависимости от того, насколько активно направление предполагаемого в них или около них движения в горизонтальной плоскости. Круглую в плане форму, как и эллипсовидную форму Колизея можно рассматривать как пространственные структуры со слабо или сильно выраженной направленностью движения.

Как отмечает Л. Ф.Чертов, непроницаемая масса твердого тела и «пустой», открытый для движения в нем объем пространства составляют основную пару значимых единиц, образующих горизонтальные единицы архитектонического кода. Это различие рассматривалось ранее как весьма существенное теоретиками архитектуры [Бринкман, 1935; Габричевский, 1923].

В плане выражения активными пространственно-визуальными признаками, позволяющими различать эти две исходные категории, являются характеристики прозрачности и непрозрачности. Прозрачная среда, проницаемая для взгляда, кажется более доступной для движения сквозь нее [Даниэль А. М., Даниэль С. М., 1979]. Соединение непрозрачных («заполненных») и прозрачных («пустых») объемов позволяет из этих исходных единиц архитектонического кода строить более или менее сложные синтаксические связи. Их разнообразие в архитектурном окружении показали теоретики архитектурного пространства [Йодике, 1972]. В зависимости от того, отграничены ли «пустые» объемы друг от друга непрерывной преградой или нет, они образуют открытые или замкнутые участки пространства, которые имеют разные динамические значения, выражая различия в свободе перемещения людей.

Совокупность открытых и замкнутых объемов, создаваемая той или иной комбинацией массивных тел и пустых промежутков, «преград» и «проемов», образует архитектонический текст, говорящий о возможности движения в одних местах и его невозможности в других [Чертов, 1996. С. 165]. В этом тексте пустоты становятся знаками, разрешающими движение, тогда как заполненные видимой телесностью пространственные объекты это движение запрещают [Габричевский, 1923].

Пространственный текст, который формируется системой проемов и преград, опор и перекрытий, регулирует своим трехмерным (и развернутым во времени четырехмерным) синтаксисом не только направления реальных

перемещений людей, но и образов – моделей жизненных процессов, двигательных схем, планов поведения и деятельности в среде. От текста вербальной речи архитектонический текст отличается еще и тем, что не задает однозначной последовательности восприятия значимых элементов. *Пространственный текст, в противоположность словесному, создает некое поле возможностей для альтернативных последовательностей его «прочтения»*. Характерно, что сужение этого поля возможностей движений субъекта в пространственных структурах происходит за счет приближения их свойств к временным – сокращения числа доступных для движения измерений, в частности, исключения возможности обратного движения (например, на улице, в проезде, входе в здание с односторонним движением). Эти средства регулирования процессов в формировании социальных смыслов городской среды детально рассматривались в теории [Линч].

Как показано в исследованиях по семиотике архитектуры, парадигматике придается пространственность. Эту пространственность могут приобретать даже слова и фрагменты книжных текстов. Осуществляется «проецирование» линейных парадигматических отношений в трехмерное пространство. При движении в пространстве на основе архитектонического текста, воспринимающий архитектурное окружение сам создает повествование. Пространственный текст формирует только предпосылки для такого повествования. В частности, построение христианских храмов и средневековых архитектурных ансамблей основано на преобразовании текстов Библии в «открытую книгу» пространственного текста собора или монастыря (см. гл. 5). И это преобразование основано на организации последовательности движения и восприятия.

Предметно-функциональный код обусловлен фундаментальными культурными кодами. Сложившаяся под влиянием этих факторов форма закрепляется в культуре – как в материальной практике, так и в сфере коллективного и индивидуального сознания. Становясь устойчивой единицей культуры и мышления, архитектурная предметная форма приобретает значения, которые сохраняются при изменении ее функций и способов конструирования [Чертов, 1996. С. 167].

Как подчеркивают семиотики архитектуры, именно форма выполняет информационные функции, в то время как материальные элементы целиком включены в вещественно-энергетические процессы. Это несовпадение между технически обусловленной материальной конструкцией и несущей информацию формой проявляется и в том, что значимыми элементами формы являются отнюдь не все имеющиеся социотехнические системы, элементы, структуры, но именно перцептивные – доступные восприятию и рассчитанные на него. Поэтому носителями информации могут быть технически бесполезные или даже «вредные» с утилитарно-практической точки зрения элементы формы, которые в период индустриального строительства называли «архитектурные излишества». При таком понимании формы яснее различие между функционализмом, стремящимся свести к минимуму разницу между социотехническим и знаково-информационным аспектами формы, и другими архитектурными системами [Чертов, 1996. С. 169].

Как показано в исследованиях зрительного восприятия, параллельно с лексиконом вербального языка память человека хранит частично совпадающий с ним «словарь зрительных образов», с помощью которых происходят узнавание и категоризация предметных форм [Глезер, 1966]. В процессах узнавания предмета может участвовать как вербальный – словесный – словарь, так и визуальный «словарь». Однако для визуального восприятия соотнесение с понятиями (вербальная категоризация) все же вторично по отношению к визуальной: прежде чем понять видимый предмет, соотнести его с понятиями, понять, например, что это – жилой дом, храм, торговый центр, театр, нужно сначала идентифицировать его образ с хранимой в памяти визуальной схемой, с единицей визуального «словаря».

Как и видимая архитектурная форма, структуры жизненных процессов закрепляются в индивидуальном сознании в виде схемы действий и составляющих эти действия операций. Поэтому традиционная форма народного жилища, например, отчасти обуславливает традиционные действия, жизненные процессы, быт семей. Схема предметных действий, позволяющая понимать назначение, социальный смысл архитектурного пространства, формы комплекса или здания в коде играет роль, аналогичную «форме плана содержания» в словесном языке. Связь между перцептивной схемой и схемой предметного действия задается предметно-функциональным кодом. Предметно-функциональный код определяется как *совокупность культурных кодов, регулирующих узнавание предметных форм и понимание их смысла как средств деятельности для достижения*

определенных целей. Благодаря предметно-функциональному коду пространство и отдельные архитектурные формы включаются в практическую деятельность не только на материальном уровне, как технические средства, но и как «информационные» средства, как знаки.

Архитектурные пространства и предметные формы способны выполнять различные информационные функции, в частности, потому, что они представляет собой, как правило, не элементарные значимые единицы, но сложно построенные знаки, в которых имеются более мелкие элементы, специализирующиеся на передаче тех или иных значений. Например, связи внешнего и внутреннего пространства здания – стены и проемы не только выполняют разные функции в вещественно-энергетических процессах, но и несут разную информацию вплоть до противоположных эмоциональных значений. «Дружелюбие» обращенного к человеку (субъекту действия) внутреннего пространства здания или архитектурного пространства контрастирует с «агрессивностью» направленной во внешнее пространство стеной. Сложные формы, совмещающие более разнообразные функции, содержат и более богатую информацию о совершаемых с их помощью действиях. Пространственное построение центра города, фрагменты исторической застройки, улицы, ансамбля соединяют в себе множество архитектурных элементов, ответственных за разные маршруты движения, несущих информацию об этих процессах, и каждый из этих элементов закрепляется в определенном коде.

Такие отдельные элементы представляют собой своего рода «кванты» информации о предметных функциях и жизненных процессах. Такие минимально значимые единицы теоретики языка архитектуры рассматривают как «морфемы» предметно-функционального, кода подобные морфемам словесного языка. В архитектоническом коде структуры плана выражения создаются прежде всего внешними отношениями между пространственными объемами, не обязательно даже членораздельно оформленными. В предметно-функциональном коде, наоборот, основную информационную нагрузку принимает на себя относительно обособленная от других предметная форма. Распознавание готического собора происходит главным образом благодаря шпилям и башням, окнам и аркбутанам, распознавание терема – благодаря высокой скатной крыше, неупорядоченным местоположениям проемов. Здесь существенны и отношения с другими формами в городском контексте, характерные для традиционного русского города.

Согласно представлениям, сложившимся в семиотике архитектуры, возможность составлять сложные формы из небольшого набора исходных элементов напоминает организацию вербального языка, множество слов которого образуется из комбинаций немногих фонем. Алфавит фонем содержит только смыслоразличительные единицы, «фигуры», а не знаки языка. Значимые части соединены в целостную предметную форму, построенную скорее как сложное, пусть даже и составленное из нескольких корней, слово, а не как ряд отдельных слов. Значимые части предметной формы по принципу соединения в ней более всего соответствуют морфемам вербального языка, т. е. сочетают наличие собственного значения с отсутствием самостоятельности, отделимости от целой предметной формы.

Социально-символические коды образуют особый тип знаковых систем. Они могут строиться как вторичные по отношению к предметно-функциональным. Интерпретация пространственной формы как носителя практической функции является условием ее вторичной интерпретации как носительницы социального символического значения. Трон может быть символом царской власти при условии, что он узнается как сиденье, корона – при условии, что она способна восприниматься как головной убор, царский дворец – при условии, что он воспринимается как жилище правителя, место проведения приемов, придворных церемоний и т. д. Функционально организованные здания и сооружения закономерно становятся важными символами. Например, Лувр эпохи Средневековья, когда его построили, был символом королевской власти прежде всего потому, что это был неприступный замок. Соотношения между предметными и символическими значениями формы могут быть различными. Если в повседневных, бытовых объектах преобладают первые, то в праздничных и церемониальных действиях доминируют вторые.

Если же функции формы сводятся к обеспечению физического существования вещи как носителя символического значения, последняя полностью превращается в знак. Этому соответствует понятие «вещь-знак» [Безмоздин, 1976. С. 152]. Таковы, например, монеты, ордена, знамена, гербы и другие вещи-знаки. Такие опредмеченные знаки образуют самостоятельные знаковые системы. Этих систем немало в архитектуре, в исторической среде. К ним относятся, в частности, обелиски,

символические ворота городов, крепостей, монастырей, триумфальные арки и колонны, символизировавшие военные победы Древнего Рима и ставшие символами победы в европейских городах XIX в. Таковы фактически и все «нефункциональные» архитектурные формы-символы городов, государств, религиозных конфессий: шпили, венчания соборов и колоколен, различные собственно символические элементы фасадов зданий.

Значительная область социально-символических кодов возникает на основе геометрических фигур. Подобно речевым фонемам или музыкальным тонам геометрические фигуры (куб, шар, цилиндр, конус, овал) служат общим признаком принадлежности построенной из них формы к продуктам человеческой деятельности, а не природы. Создавая образ предмета, человек в определенном смысле мысленно разбирает и собирает его форму, она раскладывается на ясные, простые объемы, поверхности, линии. Каждую из этих составляющих можно получить простым воспроизводимым движением (с помощью рисунка, линейки, циркуля, лекала, кружила, опалубки, гончарного круга, выполнив минимальное число операций на стройплощадке и т. д.). Выделенные сначала в практике созидательной архитектурной деятельности и предметного мышления, эти простейшие элементы пространственной формы были теоретически зафиксированы в геометрии и наделялись символическими смыслами.

Однако геометрические фигуры не являются знаковыми единицами, от набора которых зависит основной смысл формы. Крыша дома может быть квадратной, прямоугольной, треугольной, трапециевидной, овальной, круглой и т. д. Различия между значениями этих геометрических фигур появляются благодаря социально-символическому коду, где, например, круглая форма здания выражает центричность – особую значимость центра, равенство объектов находящихся у внешнего периметра, значимость местоположения здания в ансамбле и т. п.

Смыслы и геометрические фигуры взаимосвязаны незначительно и сами эти связи формируются в общей системе кодов культуры. На интерпретацию геометрических фигур в существенной мере влияет их контекст. Прежде всего это масштабность – отношение к величине человеческого тела. Например, величина входного портала может меняться в широком диапазоне. Слишком маленький вход в жилой дом может быть воспринят как вход в подсобное хозяйственное помещение, а слишком высокий –– как вход во дворец или культовое здание. Однако при отвлечении от человеческого масштаба форма любой величины может сохранять свою узнаваемость. Поэтому башни будут казаться великанами. Даже план крупного города может формироваться и восприниматься как символ. Таковы построения, основанные на древнеиндийской мандале (ансамбли Индии с построениями «Васта-Пуруша-Мандала» – первочеловека в центре; мандала со знаком Будды в плане средневековой столицы Японии Киото). «Чор-багх» – схема райского сада – находится в центрах ансамблей и жилых комплексов Ирана. Флаг Британской империи закодирован в плане города Хартума.

Регулирование поведения образует самостоятельную функцию функционально-символических кодов. Регулирование социального поведения с помощью создаваемой пространственной среды может быть более или менее жестким. В архаических культурах степень этой жесткости была значительной. Например, положение жилища в поселениях некоторых современных племен строго детерминирует хозяйственные обязательства владельца, его роль в религиозных церемониях, даже возможности выбора жены. Как было показано в исследованиях антропологов, оторванные от привычной пространственной структуры, жители таких поселений теряли и свою социальную организацию [Леви-Стросс, 1984. С. 104; Шоай, 1967. С. 89]. Утрачивая свою жесткость, коды регулирования социального поведения средствами пространственной градостроительной композиции остаются в ряду других регулирующих это поведение семиотических систем и в современном обществе. Эти коды, как уже отмечалось выше, были выявлены Э. Холлом и его последователями при создании проксемики – семиотической концепции пространственного поведения.

Окружение человека регулируется кодами поведения разной степени жесткости. Воинская одежда строго регламентирована как в знаковых формах, так и в своих значениях. То же относится к исторической застройке некоторых периодов и стилей. С ослаблением жестких норм искусственное окружение становится более свободной системой средств выражения.

Архитектурное окружение представляет собой систему социальных знаков, которая позволяет не только выражать многообразные значения, но и регламентировать поведение людей со стороны общества [Линч, 1986; Бодрийяр, 1995]. Проявления социально-символических кодов в значениях

среды достаточно устойчивы. Это прежде всего те социальные роли, которые принимают на себя люди в том или ином окружении, и принадлежность этих людей к соответствующим коллективам и социальным группам. Архитектурные объекты и их положение в пространстве указывают на социальный статус владельцев, на их принадлежность к определенному сословию, нации, религии и т. д. Эти знаковые системы допускают различные тонкости, усложнения, отступления от жестких систем кодов в зависимости от национальных, региональных, сословных и прочих различий групп людей, они также изменчивы во времени, преобразуются в разных течениях и стилях.

Выражение социальной роли владельцев в архитектуре может быть в большей или меньшей степени связано с практической функцией. Во многих случаях сама эта функция служит социальным символом, указывающим на статус владельца. Например, появление дворцов классицизма при Екатерине II в России XVIII в. стало образцом формирования дворянских усадеб. Мелкопоместные дворяне в свою очередь стремились создавать жилища, подобные жилищам титулованной знати. С этим связано повторение некоторых композиционных приемов (осевая симметричная композиция, флигели, образующие трехчастное построение композиции усадьбы, портики, характер связи с прудами, аллеи и т. п.). Иногда социально-символическое значение определенной функции становится поводом для нового назначения воссоздаваемых или реставрируемых объектов, формирования функций утилитарного использования отдельных помещений и т. д. Роль носителей социальных значений принимают на себя функционально нейтральные качества формы, ее величина, материал, из которого сделан предмет и т. д. Как и в других пространственных кодах, в социально-символическом коде могут иметь значение не только качественные различия, но и количественные характеристики архитектурных форм. Величина архитектурного объекта может становиться метафорой силы, власти, могущества его владельца. Это наиболее наглядно в одежде. Высота шапки, например, у бояр и посадских людей в русском костюме XVII в. была признаком их знатности и строго регламентировалась. По шапке можно было узнать происхождение и достоинство человека [Костомаров, 1992. С. 170–171]. Признаки жилых домов этого периода выполняли ту же социально-символическую роль (местоположение дома, каменные хоромы или деревянные, их величина, высота и т. п.).

Особо значимый признак социально-символического кода социального положения – материал. Использование дорогостоящих строительных и отделочных материалов всегда были отличительной чертой знатных семей, высших сословий, представителей государственной власти. Как и величина сооружений, материал не является чисто условным признаком: его выбор зависит от возможностей заказчика. В то же время коллективное сознание приписывает материалу символическое социальное значение. Поэтому при реставрации или воссоздании объектов культурного наследия используемые материалы принципиально важны. Нельзя заменять позолоту простой покраской, камень – кирпичом, дерево – бетоном и т. д.

Признаки, не связанные с функциями (размеры, пропорции, материалы изготовления) в разной степени актуализируются в различных кодах. Ведущую роль приобретает синтаксис, образующий правила построения, системность значимых пространственных отношений – организующие оси и центры, поверхности и плоскости, крупные конфигурации пространства, участков стен, линии, связывающие объемы в пространстве (например, силуэтные линии крыш и карнизов). Системность значимых отношений может складываться как между предметными формами, так и между ними и определенной системой пространственных элементов, заданной тем или иным способом организации пространства. Роль таких систем могут выполнять индивидуальное пространство, структурированное схемой человеческого тела, пространство действий, социальное пространство, пространство автономных значений. Каждое из этих типов пространства образует знаковую систему значимого места.

Такую структуру могут иметь пространственные знаковые выражения, выражающие концепты, смысловые конструкции посредством помещения значимой формы в значимое место социального пространства, например монумент, воздвигнутый на площади или, наоборот, удаленный от центра, подчинение другим элементам ансамбля.

Выделенное в градостроительной композиции значимое место содержит указание на некоторые социальные процессы и общественную ценность того или иного места. Помещаемая на это место значимая архитектурная форма в этом случае указывает на какого-то субъекта или на какое-то событие. Так, памятник на площади служит пространственным эквивалентом имени изображенного, а его место в пространстве утверждает общественное признание изображаемого деятеля. Воздвигнутый на этом же

месте монумент в честь какого-либо исторического события или храм, посвященный событию или святому и символизирующий религиозную идею, создают еще более сложные знаковые системы, соединяющие вербальные и невербальные пространственно-визуальные знаки.

Становясь элементом пространственного суждения, значимая форма (скульптура, обелиск и т. п.) приобретает символический смысл и значимость, находясь на соответствующем месте, будучи воспринятой в замкнутом, полузамкнутом, полуоткрытом или открытом пространстве. Колонна Траяна, символизирующая победы Рима и значительность этого императора, организовала замкнутое пространство форума. Конная статуя Марка Аврелия точно соответствует геометрической системе трапециевидного пространства и пропорциям площади Капитолия в Риме, на которой она установлена. Динамичный монумент Петру I в Санкт-Петербурге органически связан с огромным открытым пространством Невы и таким образом символизирует грандиозные планы основания города, его выхода к морю и необъятные просторы России. Колонна, символизирующая победу в Отечественной войне 1812 г., занимает геометрический центр Дворцовой площади Северной столицы России и вписывается в пространство площади по массе и высоте – именно поэтому она становится закономерным центром этой площади, воспринимается как убедительная доминанта пространственной композиции.

Близость социально-символических кодов к вербальному языку, их условность облегчает перевод этих кодов в словесную форму. Благодаря условности именно символические средства чаще всего становятся языком отдельных предметов и окружающей среды. Более удаленные от вербального мышления и от перевода на словесный язык значения часто остаются нереализованными, хотя именно они включают в процессы восприятия наиболее существенные тексты культуры и той или иной исторической среды. Таковы, например, значения стен, башен, ворот, стеновых проемов как границ различных реальностей, областей владения и обитания, значения крестообразных, круглых и других пространственно-геометрических построений как особых территорий религиозных культов. анфиладных построений пространства как значений торжественных шествий, церемоний, обрядов. Такие невербальные коды среды далеки от речи и языка слов, они свойственны пространственному мышлению. Соединение и взаимное проникновение различных невербальных кодов в общих знаковых системах делает воспринимаемые (интерпретируемые) с их помощью градостроительные композиции, отдельные архитектурные формы информационно насыщенными. Это создает условия для развития художественного уровня информации и знаковых систем. Сочетание различных скрытых коннотативных кодов и многих знаков, когда архитектурное окружение наполняется многообразными значениями, позволяет функционально используемым пространствам, зданиям, сооружениям становиться произведениями искусства.

Те или иные *коды «опираются» на неоднородности: признаки, различия, тождества, отношения групп элементов* [Somov, 2012]. Иначе говоря, *признаки, элементы, отношения, неоднородности* образуют так называемую субстанцию плана выражения или плана содержания, а структуры организуют эти планы, образуя их формы. Это соответствует концепциям, согласно которым системы этих связей распространяются на все без исключения знаковые системы, в том числе на все явления культуры [Барт, 1975]. Как показано при анализе различных знаковых систем, планы содержания становятся планами выражения других планов содержания. Образуется своего рода цепочка звеньев разных планов [Степанов, 1971, 1975]. Это соответствует моделям знаков и процессов семиозиса [Пирс, 1993; Ponsio, 1993; Lang, 1993; Hoffmann, 2001] – процессов перехода от одних знаков к другим в каком-либо направлении.

Семиозис исследователи знаковых систем представляют как цепочку, состоящую из ряда звеньев [Hauser, 1992; Ponsio, 1993; Lange, 1993; Hoffmann, 2001; Nöth, 1998 и др.]. Для пояснения приведем пример. В архитектурной теме рустованной стены (репрезентамен 1) обозначаются прежде всего мощь и неприступность здания (интерпретанта 1) с помощью обозначения толщины камней и их прочных взаимосвязей друг с другом, выраженных заглубленными швами (обозначаемый объект 1). Благодаря этому знаку возникает другой знак – обозначение общественного положения и достатка владельца здания (интерпретанта 2). Это осуществляется на основе знания о трудоемкости и дороговизне подобной каменной кладки – объект 2, обозначаемый с помощью репрезентамена 2 (объект 1). Именно благодаря таким связям образуются знаки и их последовательности, формируются устойчивые архитектурные приемы. В частности, приемы, приведенные в примере, получили распространение в архитектуре итальянских палаццо эпохи Ренессанса, и затем перешли в архитектуру XVII–XX вв. Приемы

использования рустованного камня не столько выполняли, как известно, защитные функции, сколько создавали значения неприступности жилища, дома-крепости, придавали особую социальную значимость его владельцам. В реализации таких значений участвуют разные звенья семиозиса. Поэтому в другом контексте и в других культурных условиях тот же прием порождает иные значения. Так, рустованная стена Грановитой палаты Московского Кремля создана в общественном центре государства, хотя происхождение этого архитектурного мотива связано с выражением мощи и богатства обитателей итальянских палаццо. Авторы этого здания М. Руффо и П. А. Солари подчеркнули этим приемом его особую значимость в контрасте с гладкими белокаменными стенами соборов, что способствовало выражению социального смысла этого места как центра принятия важных государственных решений. Здесь прием выполнения стены из рустованного камня – не что иное, как репрезентамен процесса семиозиса. В данной ситуации стена является одним из ряда других знаков, которые связываются с обозначением и символизацией общественно-государственного центра Москвы. Она дополняет своей значимостью центрально-осевое расположение Грановитой палаты, геометрическую систему организации пространства Соборной площади, которая в свою очередь является знаковой системой, способствующей значимости различных элементов ансамбля (центр пространства площади, осевые направления, фиксирующие входы в здания соборов, смысловые и геометрические центры их крестово-купольных систем). Таким образом, благодаря действию кодов осуществляются последовательности реализации многообразных знаков. Реализация этих кодов и знаков осуществляется в процессах восприятия, в происходящих на площади и в зданиях жизненных процессах. В целом осуществляется «прочтение» художественного текста архитектурного ансамбля.

Роль структур в формировании кодов знаковых систем выявляется прежде всего на основе теоретических представлений о структурах и их проявлениях – различиях и тождествах. Положение о различии как основе информационных процессов было сформулировано при разработке общенаучных проблем информации [Эшби, 1968]. Ранее близкий постулат о различии-тождестве как основе языка был сформулирован в семиологии [Соссюр, де. 2014. С. 109–111]. Идея различия как основы информации и знаковых систем получила также теоретическое обоснование в области общенаучных проблем информации. В исследованиях по проблемам информации различия воспринимаемых материальных объектов рассматриваются как объективно-материальная основа информационных процессов [Урсул, 1971; 1973; Кучеров, 1972 и др.]. Различия и тождества рассматривают и как основу знаковых систем культуры в аналитической философии [Quine, 1972].

Следует отметить, что в теории архитектурной композиции и в эстетике издавна большое значение придавалось различиям и тождествам. Представления о различии и тождестве как об основных средствах архитектурной композиции берут свое начало в теориях эпохи Возрождения, в монадологии Г. В. Лейбница, британской эстетике XVIII в. (Г. Хоум, А. Э. К. Шефтсбери), эстетике Г. Гегеля. В качестве фундаментальных средств композиции в архитектуре они рассматривались историком архитектуры А. М. Некрасовым, а также теоретиками архитектурной композиции (В. Ф. Кринский, И. В. Ламцов, М. А. Туркус и др.). Представления о различиях и тождествах как об основе информации и знаковых систем позволяют осмыслить целый ряд вопросов архитектурной композиции, особенно существенных при сохранении и регенерации исторической городской среды. Наиболее существенны *активные различия, которые принято именовать контрастами, и столь же активные проявления тождества, находящие выражение в различных повторениях элементов (зеркальная и поворотная симметрия, метрические и метроритмические повторения элементов, геометрическое подобие, повторение текстур, материалов и пр.).* Различия и тождества реализуются на разных пространственных уровнях, *в основных объемно-пространственных элементах, в объемно-пространственной композиции и в отношениях более мелких элементов.* Помимо явных различий и тождеств в композиции важно все то, что связано с нюансными различиями и многочисленными тождественными элементами, которые дополняют основные элементы и отношения, различия и тождества композиции. В частности, стена – это не только система тождеств проемов, балконов, наличников, переплетов окон, карнизов и т. п. Различия воспринимаемых объектов отражают их различия по смыслу, и наоборот – тождества элементов, выраженные их повторениями по форме, взаимному расположению относительно других элементов, цветовыми общностями, текстурой, фактурой, другими признаками, способствуют выявлению их общности. *Различия и тождества пространственно-визуальных элементов (фигур, сигналов) способствуют активизации различий и тождеств знаков.* Поэтому многообразные приемы

композиции, основанные на различиях, контрастах элементов, необходимо рассматривать во взаимосвязи со значениями этих элементов. Вместе с тем активность различий и тождеств не всегда непосредственно связана с семантикой. Часто различия служат для противопоставления каких-либо элементов с целью придания пространственно-визуального разнообразия среде, а тождества выступают как средства организованности, упорядоченности элементов.

В кодах структуры связывают между собой неоднородности разных планов. Тождества и различия в отношениях плана выражения взаимосвязаны с тождествами и различиями плана содержания. Соответственно, структуры, организующие группы отношений элементов (формы планов выражения и содержания в теории Л. Ельмслева), создают условия работы тех или иных кодов, образуют их объективную основу. Связи планов, а следовательно, и отдельные коды, закрепляются как основа более общего механизма – языка [Степанов, 1971, 1975; Chandler, 2007, Somov, 2013; 2014]. Поэтому взаимоотношения планов выражения и содержания, сопутствующие кодам, проявляются в различных слоях знаковых систем исторической среды, организованных городских и природных ландшафтов. Таковы, в частности, знаковые системы обозначения в формах организованных архитектурных пространств, где выделяются основные элементы и отношения планов выражения и планов содержания.

В частности, основные пространственные построения среды образуют план выражения, планом содержания которого являются существенные явления. Например, в композиции архитектурных комплексов план выражения образуют мощные прямые линии (вертикали, горизонтали, наклоны, плоскости). Эти признаки становятся планом выражения напряженности и силы. Коды проявляются прежде всего благодаря беспокойным, потенциально опасным признакам окружения. Заостренные формы участков плоскостей, поверхностей, конфигураций, активные контрасты стен с преобладанием светотени формируют особый план содержания (знаковые образования динамики, мощи, силы, движений, свободных перетеканий и пульсаций потоков энергии). Знаковые особенности такого рода особенно заметно ощущаются в пространственных построениях романских и готических замков, средневековых европейских городов, в пространственно свободных композициях древнерусских ансамблей, городских центров, кремлей, монастырей, в архитектурных ансамблях неоромантизма конца XIX – начала XX в., в архитектурных комплексах XX в., тяготеющих к течениям брутализма, «органической архитектуры», констекстуализма 70–80-х гг., в проектах регенерации исторических европейских городов начала XXI в., развивающих характерные особенности сложных напластований исторической застройки. Благодаря взаимосвязи основных элементов плана выражения и основных элементов плана содержания, денотаций и коннотаций создаются неповторимые образные особенности подобной среды. Усиление движений подчеркивается противопоставлением статичных и динамичных элементов архитектуры. Это противопоставление достигается по ряду признаков.

Связи планов реализуются кодами натурального и культурного происхождения.

Сложные структурные преобразования включают в себя механизмы реализации знаковых образований денотативного и коннотативного характера [Somov, 2006; 2008; 2009; 2010 а; б].

Взаимосвязи разных кодов, признаков, групп элементов и отношений представляют собой более сложные *устойчивые системности – языки архитектуры и исторической среды.* Формируются связи «план выражения – план содержания», свойственные периоду, культуре, определенному стилю.

Как уже отмечалось, основу различных кодов и языков среды представляют неоднородности. Изменение неоднородностей означающих благодаря кодам позволяет создавать новые означаемые. В вербальном языке этому соответствует порождение знаков речи на основе конвенциональности (условности) символов и их комбинирования независимо от связей обозначаемых объектов [Мартынов, 1966]. Слова обычно никак не связаны с реальными объектами. Комбинирование структур, признаков, отношений, групп элементов в означающих дает возможность порождения новых знаков и их означаемых.

В языках осуществляются взаимосвязи кодов, надстраивающихся друг над другом и продолжающих друг друга [Danesi, 1999]. Натуральные коды «обрастают» кодами, закрепленными в культуре.

Во взаимосвязях кодов формируются все более сложные механизмы. Здесь необходимо напомнить об их неразрывности с кодами различных

структур. Структуры, как уже говорилось выше, играют значительную роль в механизмах кодов, в формировании знаковых систем, значений в процессах передачи, преобразования, хранения информации [Somov, 2007; 2009].

Структуры включены в коды и организуют неоднородности – признаки, группы элементов и отношений. Они распространяются на разные уровни не только визуально воспринимаемых элементов и отношений, но и на уровни семантических отношений – отношений обозначаемых объектов. Это соответствует общенаучному представлению о семантических структурах [Greimas, Courtes, 1979], семантическом дифференциале [Осгуд, 1972], структурах стиля [Барт, 1975], представлениям о различных дуальных структурах в антропологии [Иванов, 2009]. Эти структуры связаны с общими закономерностями информации – с выбором альтернативных возможностей действий [Иванов, 2009; Chernigovskaya, 2004], с получением ответов «да», «нет», «не знаю» [Somov, 2007]. Эти ответы связаны с основными выборами действий в жизненных ситуациях. Именно из ответов на эти вопросы, согласно М. Маклюэну и некоторым другим теоретикам информации [McLuhan, 1965], формируется среда.

Вопросы, задаваемые среде, представляют собой *многообразные двоичные (дуальные) структуры.* Наиболее важные из них и закрепляются в кодах восприятия среды. К ним относится в первую очередь восприятие активности, силы с одной стороны и инертности, слабости с другой, статичного и динамичного, неодушевленного и одушевленного, существенное для ориентации и движения в окружении свободы и несвободы, ясности и неопределенности и т. п.

В семиотических системах дуальные структуры и основанные на них знаковые образования реализуются не только на уровне простых ощущений и восприятий, но и на более «высоких» уровнях психики – на уровнях образов-воспоминаний, ценностных ориентаций и т. д. Сила и слабость, добро и зло, живое и мертвое – все это тоже дуальные структуры.

Взаимодействие отдельных структур разных кодов и знаков проявляется в формировании моделей среды, суждений о среде и ее объектах. Исходя из общих представлений о неоднородности как объективной основе кодов и знаков, а также о роли в ее организованности отдельных признаков, различий и тождеств, групп элементов, различных организующих структур можно рассматривать различные знаковые средства сохранения и развития исторической среды.

* * *

Помимо концепций кодов *закономерности формирования исторической среды раскрываются также в трех измерениях (аспектах) информации и знаков,* которые были выделены как составные части семиотики Ч. Моррисом [Моррис, 2001; Черри, 1975; Степанов, 1970; Бирюков, Геллер, 1973]. Подход к исторической среде в трех семиотических аспектах позволяет увидеть ее обусловленность процессами восприятия, поведения и деятельности, содержанием жизненных процессов, особенностями различных воспринимаемых элементов окружения. *Измерения или аспекты информации и знаковых систем были выделены по линиям отношений* «организм – среда» как отношений «интерпретанта – знак» *(прагматика)*, «знак – обозначаемый объект (денотат, десигнат)» (семантика); отношений между знаками *(синтактика)* [Моррис, 2001].

В информационных процессах и знаковых системах искусственной среды эти измерения проявляются следующим образом:

– отношения знаковых систем к интерпретатору, процессам восприятия, деятельности, поведения групп людей (прагматика);

– отношения знаковых систем к реальности, обозначаемые и выражаемые в чувственно воспринимаемых характеристиках окружения объекты или реальности – существующие, воображаемые или символизируемые (семантика);

– отношения между собой знаков, сигналов, семантических элементов, организующие эти отношения структуры (синтактика, или синтаксис).

Теоретики информации определяют эти измерения весьма просто: «Прагматика отвечает на вопрос “Кто и с какой целью передает информацию?”, семантика – на вопрос “Что передается?”, синтактика – на вопрос “Как передается?”» [Черри, 1975. С. 21].

Важно видеть органическую взаимосвязь трех аспектов информации и знаковых систем, на что указывали теоретики семиотики при обсуждении проблем языка архитектуры: Дж. Бернард, С. Петрилли, Д. Желева-Мартинс

и др. *Прагматика порождает соответствующие ей семантику и синтактику. Семантика приобретает свою прагматику и закрепляется в определенной синтактике. Формирование синтактики сопровождается развитием ее семантики и прагматики.* По каждому аспекту реализуются информационные процессы – разнонаправленные связи коммуникации.

Закономерности охраны и регенерации исторической среды, архитектурных ансамблей, отдельных территорий, включающих объекты культурного наследия рассматриваются ниже в соответствии с указанными аспектами.

4.3. Люди, процессы, окружение. Прагматика исторической среды и композиция архитектурных объектов

Прагматика среды – ее информационно-знаковая организация, осуществляемая в определенных целях, отвечающая процессам деятельности и поведения в данной среде определенных групп людей.

Прагматика охватывает прежде всего формирование среды как комплекса условий поведения и деятельности групп людей, а также различные знаковые системы политико-идеологического характера. Значительная часть явлений данного типа получила отображение в моделях городской среды и средствах ее формирования под влиянием идей семиотики и психологии среды Дж. Мида, Ч. Морриса, Дж. Гибсона в американских урбанистических концепциях в 60–70-е гг. [Hall, 1974, 1976; Harper, Wiens, Matarazzo 1978; Линч, 1982; Duncan, 1992].

В аспекте прагматики действуют многообразные обусловленности. Эти обусловленности отвечают различным целям создания среды и архитектурных объектов, соответствующих им жизненных процессов и групп людей, – различным дискурсам, на которые указывали семиотики [Morris, 1971 [1939]]. *Наиболее характерные дискурсы и обусловленности исторической среды* следующие: *1) политико-идеологические обусловленности информации; 2) влияние особенностей жизненных процессов, происходящих в среде; 3) влияние особенностей различных групп потребителей.* Эти типы обусловленностей информации действуют при формировании исторической среды во взаимосвязи между собой.

Политико-идеологические обусловленности информации определяют различные особенности функционально-планировочных и пространственных решений [Baker, 1990; Duncan, 1992; Muntañola, 2002, 2006]. Политико-идеологические смыслы обычно связываются с вербальными концептами [Somov, 2010a] – с определенными мифами, религиозными, политическими, идеологическими концепциями. Значения и знаки, смыслы и образы находятся в органической взаимосвязи между собой, они объединены процессами восприятия. Поэтому идеологические смыслы можно рассматривать как самостоятельные достаточно условно. И все же отдельные знаковые системы искусственной среды имеют четко выраженную политико-идеологическую окраску. Представительство государственной власти, народный форум, мавзолей, триумфальная арка, площадь парадов, мемориал объективно обозначают смыслы, возникающие на основе связи архитектуры и господствующей идеологии. Знаковые системы идеологии имеют устойчивый характер и «попадают» в архитектуру в виде сложившихся в культуре конкретных знаков – образцов (паттернов), что особенно характерно для периодов древности и Средневековья, предшествовавших эпохе Возрождения. Но этот способ идеологизации среды и архитектуры прослеживается и в более поздние периоды истории – в классицизме и романтизме XVIII в., в ампире начала XIX в., в различных течениях рубежа XIX–XX вв. В планировке и внешних формах Михайловского замка в Петербурге, построенного В. И. Баженовым и завершенного В. Бренной, по замыслу Павла I воспроизведены черты замка Капраролы, символизирующего рыцарей Мальтийского ордена (в члены этого ордена был посвящен и сам Павел I). Использование в идеологических целях символических образцов было не менее целенаправленным и в другие периоды истории архитектуры. Например, многие проекты значительных общественных зданий советских архитекторов конца 20-х – начала 30-х гг. XX в. – перехода к сталинскому периоду – основывались на воспроизведении прототипов архитектуры Древнего Рима. Таковы были, в частности, многие проекты Дворца Советов 1932 г. Использование композиционных приемов пространственного построения римских форумов, геометрических построений и форм, метафорически повторяющих формы Колизея, Золотого дворца Нерона, Пантеона, римских триумфальных арок способствовало созданию духа торжественности и парадности военизированного государства.

В архитектуре административных зданий 70–80-х гг. в СССР воспроизводились черты кремлевского Дворца съездов. Такое следование прототипу не было прямым подражанием. Но образные черты этого здания,

на многие годы объективно ставшего символом системы управления страной, определили формообразование соответствующих зданий для органов власти на местах.

Политико-идеологические значения не просто кодируются в привычных архитектурных формах, но формируются в самой организации материальных пространств, в зонировании и пространственных структурах организуемых в среде жизненных процессов, в организации перцептивных пространств. В главенствующей роли одних материальных пространств и вспомогательном характере других проявляется значимость определенных жизненных процессов и участвующих в них групп людей. Поместить одни процессы в центре архитектурного комплекса, а другие на его периферии, одни выше, а другие ниже – значит создать определенную смысловую иерархию этих процессов. В этих случаях *пространственная структура архитектурного комплекса служит означающей стороной жизненных процессов, а структура этих процессов, в свою очередь, отвечает определенной модели социума – иерархии их социальной значимости.* Если в каком-либо архитектурном комплексе определенные процессы композиционно выделены, то они приобретают особую значимость. Материально-пространственная организация, воспринимаемая в процессах поведения и деятельности, содержит эту иерархическую структуру.

Дифференциация пространственных элементов определяется социальными и символическими смыслами жизненных процессов. Достаточно вспомнить характерные композиции культовых и дворцовых сооружений разных периодов, где основой являются символика и смысловая иерархия процессов. Уже создание раздельных залов в храмовых и дворцовых комплексах на общей оси обусловлено главным смыслом – иерархией процессов, ритуалов, церемоний. В крестово-купольной системе православных храмов в организации подходов, входов, движений во внутреннем пространстве прослеживается особая логика храмовых действий с их историческими традициями. Различия и особенности происходящих в той или иной среде жизненных процессов не только кодируются в разделении и структуре архитектурного пространства. Они отображаются в системе различных воспринимаемых элементов. Это создает соответствующие различия информационно-эмоциональных воздействий фрагментов архитектурной среды. Подобные явления заметны и в современном формировании среды. Многофункциональные комплексы, такие как общественно-торговые центры, затрагивают различные процессы – культуры, отдыха, торговли, спорта, развлечений, занятий с детьми и т. д. Поэтому семантическая структура этих процессов, в том числе иерархия их значимости и ее взаимоотношений с материальным уровнем приобретает особое значение. Это не столько «функционально правильная» организация, сколько более сложная социальная информация, ее прагматика [Morris, 1971 [1939]; Урсул, 1973; Шерковин, 1973; Cobley, 2006].

Жизненные процессы, происходящие в искусственной среде, характеризуются определенным содержанием – информацией, которая связана с процессами восприятия, поведения, деятельности людей. Это информационное содержание процессов обуславливает прежде всего организацию пространства [Барбышев, Сомов, 1973, 1976; Bonta, 1979].

В сознании архитекторов действуют стереотипы выражения бюрократической системы со всеми ее атрибутами, в том числе триумфально-парадными подъездами и лестницами. Для административных зданий характерны знаковые средства, призванные выражать мощь бюрократической системы [Baker, 1990; Muntañola, 2002, 2006; Scruton 2013 [1979], p. 270]. Выражение мощи административно-управленческого аппарата стало в архитектуре особым предметом обозначения и выражения. Этот пафос призван был укреплять представление о незыблемости власти. Дорогостоящий социальный заказ со стороны бюрократической структуры общества находит воплощение не только в образных характеристиках форм, но и в организации процессов [Duncan, 1992]. Так, многие административные здания проектировались в соответствии со схемой идеологического ритуала, композиционное построение подчинялось жестко организованному действию. Подобная архитектура в определенном смысле программирует движение триумфальных шествий.

Однако исторические изменения социальных норм периодически приводят к пересмотру подходов к материальной организации пространства как социальной информации. *Информационные характеристики исторической городской среды во многом определяются особенностями процессов деятельности и поведения, мотивами и потребностями людей, особенностями извлекаемой из окружения социальной информации* [Bames & Duncan, 1992]. Одни типы среды характеризуются

сложным соединением различных процессов, мотивов, потребностей (городская среда улиц и площадей, жилая среда), в других доминируют процессы, требующие направленного отбора информации из окружения (торговые учреждения, транспортные узлы), или процессы, наполненные эмоциональными значениями (культовые комплексы, театры, музеи, дворцы бракосочетания, мемориалы, кладбища и др.). Организация среды существенно различается в зависимости от этих различных процессов восприятия. Это, с одной стороны, процессы, предполагающие избирательное восприятие, направленное на отбор из окружения необходимой для деятельности (релевантной) информации, обусловленной утилитарно-материальными целями. С другой стороны, это процессы восприятия «вышележащих» уровней (познание окружения, общение между людьми), наконец собственно духовные процессы восприятия и деятельности – прежде всего культовые и ритуальные. Потребности и интересы утилитарно-материального типа в познавательно-коммуникативных процессах познания, воспоминания, коммуникации между людьми в определенной степени перестают существовать. Среда и отдельные архитектурные объекты воспринимаются в этих процессах не столько в своих функционально-предметных значениях (жилой дом, магазин, маршрут движения, окно, дверь и т. п.), сколько в качестве информации и знаковых систем, включенных в духовный мир человека. За внешней оболочкой архитектурных объектов, за их пространственными построениями неосознанно прочитываются исторические события и связанные с ними закономерности исторического изменения искусственной среды. Соответственно, городская среда требует информационно-знаковой организации на следующих уровнях: *1) как среда конкретной практической деятельности с утилитарно-материальными целями; 2) как среда процессов восприятия познания, общения между людьми; 3) как среда процессов эстетического и художественного познания, символизации и художественных обобщений.* Промежуточное положение между деятельностью с утилитарно-материальными целями и собственно духовными процессами занимает формирование среды, способствующей эффективной организации действий, ориентации, формированию образа окружения, условий его познания и запоминания.

Представление о знаковых системах, отвечающих деятельности и поведению человека в окружении, позволяет выявить одну из центральных закономерностей формирования среды. В комплексы жизненных процессов активно включаются пространственные построения, отдельные элементы среды. Это, в частности, архитектурные объекты, акцентирующие значимость тех или иных элементов в пространстве. В исторической среде современных городов это особенно наглядно при формировании крупных транспортных узлов и общественно-торговых центров, где необходимы не только специальные информационные системы, но и пространственные построения, которые ориентируют человека. Приемы композиции заключаются здесь в ясном пространственном раскрытии направлений движения, значимости и смысла различных пространственных зон, элементов архитектурного пространства, отдельных объектов [Ёдике, 1972; Шоай, 1971; Bonta, 1980; Weber & Zimmermann, 1980; Мейтленд, 1989].

Из всех видов информации наиболее социально активна та, что непосредственно и повседневно включается в процессы деятельности и поведения человека в среде. В этой связи закономерно говорить, как это делают теоретики средовой психологии, о содержательном богатстве конкретного фрагмента среды или о ее дефиците в другом фрагменте. Если человек многое открывает для себя в организации пространства и сменяющих друг друга видовых картин, если эта информация достаточно разносторонняя, он получает эмоциональное удовлетворение. Если же информация однозначна, т. е. процессы включены в примитивную организацию архитектурного пространства, ощущается упрощенность, исключается неопределенность, непредсказуемость, необходимая для формирования эстетически полноценной среды [Covarrubias, 1977; Эко, 2006].

В целом при анализе информации, сопутствующей жизненным процессам, обнаруживается богатый и многообразный язык [Watson, 1974; Watson, Anderson, 1987; Broadbent 1997]. Человеку ничто не навязывается, и в то же время незаметно для него тактично подсказывается наилучшее в данных условиях поведение – движение в среде, отдых в ней, неторопливое разглядывание элементов окружения; создаются еле уловимые изменения настроения в перцептивном пространстве, пробуждается или ослабляется интерес к окружению, привлекается внимание к элементам, которые служат ориентирами в среде (угловым и поворотным объемам, центрально-осевым и поперечным пространствам и т. д.); раскрываются пространственные картины, программируются их изменения, в том числе неожиданные, пробуждающие познавательную

деятельность [Hesselgren, 1969; Ratti, 2004]. И в то же время в целом формируется целостный образ архитектурного окружения, создаются знаковые системы, придающие познавательный, интеллектуально-эстетический характер процессам восприятия среды.

Среда поселения организует жизненные процессы определенных групп людей. Поэтому при формировании этой среды необходимо отображение влияния происходящих в ней процессов и конкретных потребителей этой среды с их мотивами, стремлениями, потребностями.

Особенно наглядно демонстрирует многоплановое влияние психологии обитателей среды на формообразование исторической эволюции жилище. В народной архитектуре формообразование жилища определяется самими жителями. В профессиональной архитектурно-градостроительной деятельности направленность этого процесса во многом определяется социальным заказом. Но в обеих ситуациях невозможно абстрагироваться от влияния культурно-психологических особенностей жителей, от необходимости передачи в городской жилой среде, в облике и внутренней организации жилых домов определенной социальной информации о его обитателях (как самим жителям, так и другим членам социума). Информация такого рода призвана выявлять социальное положение и достаток владельца жилого дома, престижность этого дома. Можно указать характерные явления: строго регламентированные правила планировки и внешнего облика городского жилища в средневековом Китае, приемы убранства фасадов жилых домов богатых ремесленников и бюргеров в городах Северной Европы XVI столетия, многообразные знаковые средства для выражения достатка владельцев усадеб в средневековых русских городах с усадебной застройкой, ансамблей усадеб XVIII в., доходных домов на рубеже XIX–XX вв. в России, приемы декора провинциальных купеческих домов в российских городах того же периода, усадебных комплексов России Серебряного века. Многочисленные приемы организации жилища были направлены на то, чтобы выявить социальный статус и особенности жизни владельца [Данези, 2008]. В 80-е гг. XX в. была особенно отчетливо осознана необходимость учитывать индивидуальные запросы и приверженности потребителей жилой среды в архитектуре постмодернизма [Reyna, 1976; Mehrabian, 1976; Sandercock, 2002]. Это находило отражение в различных методах партиципации – подключения населения к процессам проектирования. В формировании жилой застройки городов и поселений появлялось соответствие жилых земельных участков, кварталов, отдельных жилых домов психологическим особенностям конкретных социальных групп людей и условиям их жизни.

Активный фактор жизненных процессов, влияющий на формирование среды, – их содержание [Сомов, 1985]. Содержание процессов жизнедеятельности отображается в организации среды в целом, в объемно-пространственной композиции, трактовке отдельных архитектурных форм. Эта обусловленность характерна для всей истории архитектуры. Торжественность ритуалов и церемоний в самых разных культурах обозначается и выражается в основных архитектурных комплексах и ансамблях прошлого, в их архитектурно-пространственной организации. В эпоху урбанизации, когда искусственная среда становится средой постоянного пребывания людей, одной из важнейших задач становится достижение комфортности. Комфортность и защищенность среды определяют восприятие окружения. Это было наиболее свойственно архитектурным ансамблям античности, Средневековья, Возрождения, архитектуре модерна рубежа XIX–XX вв. Однако в эпоху социальных революций и развития крупномасштабного индустриального строительства в XX в. эти существенные качества архитектуры во многом оказались утраченными. Среда перестала вызывать такие фундаментальные эмоциональные значения, как чувство защищенности, ощущение своего места в организованном общественном пространстве и т. п. [Mehrabian, 1976; Tuan, 1977, 1996; Sandercock, 2002; Manzi, Smith, 2005]. Это во многом обуславливалось самой пространственной организацией городской среды, где внутриквартальные пространства оказались зачастую гипертрофированы и человек не в силах визуально фиксировать их границы. В период индустриализации строительства эта примитивная организация пространства стала характерна для всей архитектурной среды – от уровня города до уровня квартиры. Поэтому в области урбанистики начинали осознаваться реальные пути решения проблемы комфортности среды, создания подлинного уюта в условиях массового строительства, гигантских масштабов повсеместной урбанизации. При теоретическом осмыслении начали разрабатываться и адекватные приемы композиции. Исследователи часто провозглашают «комфортность архитектурной среды» основным критерием ее высокого качества, хотя этот критерий стал актуален прежде всего потому, что он удобен для опросов населения и связан исторически с утратой средой подобных характеристик.

В то же время необходимо учитывать, что уют, комфортность среды и связанные с этим тенденции формообразования – лишь одна из сторон формирования среды.

Безусловно, комфортность – существенная характеристика среды. Однако формирование социальной информации в архитектурном окружении не сводится к удовлетворению критерию комфортности. Напомним, среда – это прежде всего некоторая совокупность условий поведения и деятельности людей, а потому она встраивается в структуру и психическое содержание этих процессов [Сомов, 1985]. Характер организуемых жизненных процессов прежде всего позволяет понять, какая среда должна быть создана. Кроме того, требуется соответствие окружения тенденциям определенной художественной культуры. А художественная культура оказывается иногда несовместимой с требованиями «психологического комфорта». Комфортность (т. е. положительные эмоции) в ряде ситуаций противоречит содержанию жизненных процессов типа ритуалов, церемоний, обрядов. Например, все процессы погребального ритуала предполагают не только продуманную пространственную организацию архитектурного комплекса кладбища или крематория, но и соответствие образно-эмоциональных особенностей окружения торжественностью происходящего. Создание такой среды отнюдь не связано с задачей пробуждения приятных эмоций. Таковы и особенности мемориальных комплексов. Таким образом, понятия «уют», «комфортность» лишь частично отображают особенности организации исторической среды. Поэтому несостоятельно представление о комфорте как о главном принципе рассмотрения и формирования среды. Эмоциональные значения этого характера требуют отображения в более сложной картине. Точно так же формирование среды не может рассматриваться как формирование утилитарно-материального уровня, утилитарной информации, самостоятельной по отношению к художественным идеям, художественной образности окружения и отдельных архитектурных объектов.

Как показано выше, значения и знаковые системы среды связаны с деятельностью и поведением определенных групп людей. В то же время *среда является носителем значений, общих для разных процессов и групп людей.* Это различение имеет большое значение для проектирования. Урбанисты и архитекторы организуют среду как в ее общих характеристиках, так и в определенных дискурсах – характеристиках специфического воздействия на определенные группы людей в определенных процессах.

Отбор информации из окружения, эмоционально окрашивающий ее в процессах восприятия, определяется прежде всего мотивами, стремлениями, фундаментальными потребностями людей – их интенциями. Эмоциональные значения, с одной стороны, возникают из столкновения интенций и возможностей их достижения, удовлетворения желаний, потребностей окружающей действительностью. С другой стороны, они возникают из взаимодействия потребностей и мотивов с извлекаемой из среды информацией, прямо или косвенно связанной с возможностью их удовлетворения. Эта взаимозависимость отмечается в обширной литературе по психологии [Асмолов, 1983; Симонов, 1970, с. 36, 48; Allport, 1968; Обуховский, 1972; Маслоу, 2009 и др.]. Для простых жизненных ситуаций взаимосвязь эмоциональных воздействий среды с потребностями элементарна. Человек испытывает радость, увидев долгожданный колодец, ощущает комфорт в безопасном и защищенном от сильных ветров пространстве, чувствует спокойствие в укрытии от непогоды. Анализ восприятия искусственной среды в этом аспекте также раскрывает ее обусловленности различными человеческими потребностями. Поскольку в организации среды преломляются многообразные потребности, используя классификацию фундаментальных, наиболее общих из них, можно полнее выявить и преломление эмоциональных значений в свойствах среды, в приемах градостроительной композиции. В некоторых исследованиях *фундаментальные потребности человека обычно дифференцируют на две основные группы: физиологические и ориентировочные (т. е. основанные на общебиологической потребности организма в ориентации). Ко второй группе относятся: стремление к познанию непонятных для индивида явлений (познавательная потребность); регулирование своих действий в зависимости от эмоциональных состояний других людей (потребность в эмоциональном контакте); соразмерение ценности своей личности с другими признанными ценностями (потребность в поиске смысла жизни)* [Обуховский, 1972. С. 120]. Использование этой классификации и других близких к ней классификаций [Allport, 1968; Маслоу, 2009; Rokeach, 1973] позволяет получить достаточно детальную картину характеристик полноценной среды. Ее организация опирается на основные группы фундаментальных потребностей, отвечающих им кодов и

знаков [Somov, 2014].

Искусственная среда, создавая материальные условия для удовлетворения физиологических потребностей, несет определенную информацию о возможности их удовлетворения, о соответствии этой среды основным желаниям, стремлениям, заботам (о безопасности, свежем воздухе, освещенности, чистоте, прочности сооружений и т. д.). Кроме того, *среда должна отвечать различным ориентировочным потребностям. Познавательная, исследовательская потребность* проявляется прежде всего в стремлении быстро ориентироваться в окружении, даже самом сложном и постоянно меняющемся в процессах движения [Линч, 1982]. Данная потребность связана также с удовлетворением «сенсорного голода». Это проявляется в стремлении к разнообразию среды, а тем самым – к богатству впечатлений, что соответствует более общему представлению о разнообразии как основе информации [Эшби, 1968; Урсул, 1970; 1973, Кучеров, 1972; Bateson, 1972 и др.], концепциям разнообразия и единства многообразия как основы эстетического восприятия [Хоум, 1977].

Потребность в эмоциональном контакте определяет полюса восприятия среды. Окружение может отличаться особой теплотой, но может восприниматься и как холодное, отталкивающее, враждебное человеку. Восприятие многих предметов сопровождается косвенной оценкой человеком отношения к нему других людей. Безразличие среды может оказывать гнетущее эмоциональное воздействие.

Фундаментальная потребность в поиске смысла жизни проявляется в эмоциональных свойствах среды, связанных с основными стремлениями и ценностями – с выражением национальной, этнической, социальной, религиозной, политической общности людей, с утверждением единства семьи, с самоутверждением личности, с чувством коллективизма, сопричастности к свершениям страны и народа и т. д. В реализации среды различные потребности, мотивы, стремления, связанные с ними значения проявляются обычно в нераздельном единстве. Однако для рассмотрения исторической среды необходимо выделять эти различные потребности и связанные с ним знаки и группы значений.

Существенные характеристики среды определяются группой фундаментальных физиологических потребностей. Эти характеристики обеспечивают прежде всего материальные условия для отдыха, сна, питания, комфортную температуру, чистый воздух и т. д. Возможность или невозможность их удовлетворения реализуется в соответствующих знаковых системах и значениях окружения. Пространственные взаимосвязи оборонительных систем производства и жилища, размещение объектов торговли и обслуживания в городских кварталах, создание благоприятных условий для отдыха, защита помещений от шума, вибраций и других неблагоприятных воздействий, поддержание микроклиматических условий среды при экстремальных внешних воздействиях – это и многое другое определяет формирование положительных эмоциональных состояний – уровень так называемого психологического комфорта среды. Поэтому стремление к созданию безопасной, здоровой, рационально организованной среды неотделимо от эмоционального отношения к этой среде. Формирование материальных условий процессов жизнедеятельности в среде, приобретая всякий раз конкретные формы, составляет объективную основу многих собственно духовных явлений. Поэтому нас интересуют эмоциональные воздействия, которые обусловлены формированием не только материального уровня, но и воспринимаемых элементов.

Формирование среды связано со всеми физиологическими потребностями и утилитарно-материальными мотивами поведения и деятельности людей. Однако имеется существенное различие между действительным удовлетворением потребностей окружающей средой и выражением этого в знаках, информации, информационно-знаковых качествах окружения. Например, прием заглубленного остекления под небольшим консольным выносом второго этажа порою слабо защищает от дождя, однако создается эффект защищенности при восприятии. Внутриквартальное пространство может казаться достаточно обособленным и уютным, хотя скорее иллюзорно защищает жилую среду от ветров, движения транспорта, пешеходных потоков и т. д. Многие композиционные приемы архитектуры в значительной мере связаны с потребностью самосохранения – с необходимостью ощущения безопасности. В частности, исторически устойчивое использование планировочных приемов замкнутого пространства объясняется стремлением защиты от врагов и посторонних (внутреннее пространство крепостей, монастырей, древних и средневековых городов, атриумов, дворов в усадебной застройке, патио, дворов палаццо и т. д.). Данное значение, исторически закрепленное за пространством такого типа, актуализируется, когда возникает потребность

в изоляции. Выражению замкнутости или открытости перцептивного пространства служат многочисленные приемы его визуального ограничения, сужения, уменьшения или, напротив, расширения с помощью полупрозрачных границ – колоннад, стеклянных стен, иногда в комбинациях с элементами ландшафтной архитектуры и растительностью, объединением внутреннего пространства зданий с внешним, использованием иллюзорного увеличения пространства световыми и цветовыми эффектами.

В целом формируются знаковые системы, обозначающие и выражающие материальные условия существования людей, соответствующие их фундаментальным физиологическим потребностям (среда безопасна, создает уединение, удобна, открыта для свежего воздуха, прогрета солнцем, защищена от зноя и т. д.). Следует учитывать, что большинство индивидов не сознает правила пространственного поведения (проксемики) в пределах своей культуры. Но люди ощущают эти правила, когда они нарушены или когда заметны различия в пространственном поведении других групп людей – носителей иных культурных норм [Watson, 1974. С. 328–29]. В соответствии с наглядными и сравнительными данными были обнаружены культурные нормы проксемики. Накопленные в этой области знания выявляют особую роль безопасности и защиты в формировании пространства.

Проксемика Э. Холла рассматривала место главным образом в категориях расстояния. Исследования человеческой и животной территориальности [Esser, 1971], в том числе персонального места [Sommer, 1969] также связывались с анализом организации пространства в трех измерениях. Концепция территориальности [Hall, 1966. С. 7–40; Ardrey, 1967; Watson, 1970. С. 20–33; 1975] возникла во взаимосвязи знаний зоосемиотики и этологии. Согласно этой концепции [Altman, 1975. С. 106], территория – это область, где обитает животное и которая препятствует проникновению других животных того же вида. Территории выполняют несколько биологических функций: обитания, охоты, спаривания, воспитания молодых и т. д. Они часто разграничиваются благодаря оптическим, акустическим и обонятельным сигналам [Altman, 1975], которые указывают на владение и готовность защитить территорию от вторжения. *В соответствии с биосемиотическими концепциями территории описывается человеческое территориальное поведение, в частности Р. Зоммером в его теории персонального места* [Sommer, 1969. С. 26]. Этот термин характеризует пространственные области с невидимыми границами, окружающими тело человека, в которое не могут вторгаться посторонние. Такие области создаются индивидуумами временно или постоянно и рассматриваются ими как персональная собственность, которую стремятся защищать [Goffman, 1963; Lyman, Scott, 1967; Altman, 1975]. Особенности человеческой территориальности проявляются также в предпочтениях индивидуумов в пределах группы. Сами эти предпочтения часто являются знаками социальных ролей индивидов в этой группе [Sommer, 1969. С. 58–73, Henley, 1977. С. 27–42].

В проксемике различают четыре основных типа человеческих территорий: 1) общественные территории – места типа улиц или парков, куда каждый имеет свободный доступ; 2) области, где регулярные участники имеют относительную свободу поведения и ощущения близости и контроля этой территории [Lyman, Scott, 1967. С. 238] (примерами могут служить многочисленные места встреч и общения людей); 3) интерактивные зоны временных социальных сообществ; 4) зоны, относящиеся к месту, занятому одним человеком. Различаются также *первичные и вторичные территории* [Altman, 1975. С. 111–118]. *Первичные территории являются частными, используются исключительно для индивида или группы. Вторичные территории являются полуобщественными, временно открытыми для разных людей* [Goffman, 1963; 1971]. Эти различения свойственны разным культурам и существенны для градостроительства и архитектуры разных периодов истории.

Границы территорий указанных типов отмечаются знаками. Первичные территории выделяются стенами, заборами, преградами как «частная собственность», различными знаками, предупреждающими возможность нарушения границ. В современных условиях вторичные территории, например места парковок, размещения посетителей учреждений отдыха, помещений кафе и ресторанов могут отмечаться различными знаками, например табличками. Иногда соседей просят резервировать место и таким образом как бы защищать территорию [Sommer, 1969. С. 52–57; Altman, 1975. С. 129–33]. Значения территориальных знаков связаны и с адресантом (отправителем сообщения, владельцем), и с адресатом, который предупрежден о нежелательности вторжения. Это значения-денотации. Кроме того, территориальные знаки могут нести и другие, коннотативные,

главным образом эмоциональные значения (престижа, власти, привилегированного положения владельца, значения уникальности места, связи места с историей и традициями города, квартала, дворцового комплекса). Поэтому элементы места – ограды, стены, проходы, ворота, порталы, двери и др. – являются важными носителями этих значений.

Территориальное поведение обуславливает типы, формы и границы территории. *Реальность существования территории, обусловленной поведением, доказывается готовностью индивидуума защищать ее от вторжений* [Lyman, Scott, 1967].

Обозначение места как территории, обусловленной поведением, осуществляется посредством визуального, осязательного или акустического канала и является способом невербальной связи. В то же время обозначение объектов, целей, особенностей этого места может создаваться посредством вербальных знаковых систем (условных знаков, надписей и т. д.). Для градостроительства особенно существенны пространственно-визуальные – невербальные – коды и знаки. В частности, обозначение территорий государственного владения связано с такими знаковыми системами, как входы и проходы на площади перед главными государственными учреждениями. Многочисленны и композиционные приемы обозначения социального статуса владельцев территорий в различных архитектурно-градостроительных традициях, в создании реальных и знаковых границ пространства – стен, башен, ворот, оград, колоннад и т. д. Обычно эти приемы служат для предупреждения нежелательных вторжений или нежелательного длительного пребывания посторонних вблизи владения. Напротив, при формировании общественных территорий используются архитектурно-градостроительные приемы, подчеркивающие их общедоступность для различных групп населения [Reyna, 1976; Mehrabian, 1976].

В исторических городах в разные периоды создавались знаковые системы священных мест, ритуальных процессов, исторических событий, связанных с жизнью и делами святых, героев, правителей.

В формировании среды поселений сложным образом преломлялись *ориентировочные потребности, связанные с ними коды и знаки.*

Общее условие реализации фундаментальной познавательной потребности человека – возможность поиска и получение информации из внешнего мира [Обуховский, 1972. С. 89; Маслоу, 2009]. Информационный контакт со средой предполагает наличие раздражителей, недостаток которых (так называемая сенсорная изоляция) вызывает серьезные нарушения в работе нервной системы. Это относится и к различным раздражителям, сигналам, но также и к знакам, способствующим смысловым контактам с внешним миром [Обуховский, 1972. С. 89]. *Информативность среды, возможность актуализации каких-либо значений предполагает ее разнообразие (совокупность различий).* Разнообразие является основой развитого контакта человека с внешним миром. Это соответствует положению о различии и разнообразии как объективно-материальной основе информации. Первоначально сформулированное в семиотике и психологии (наличие сигналов, контрастных фону) [Ганзен, 1974; Забельшанский, 1985], это положение было развито в области философских проблем информации [Эшби, 1968; Урсул, 1970; 1973; Кучеров, 1972; Stjernfelt, 2013; Bateson, 1972; Nöth, 1998]. Данное положение связано также с постулатом о различии и тождестве как основе языка [Соссюр, 2014. С. 256], с принципом различия и тождества как основы взаимопереходов и распространения знаковых систем в культуре [Quine, 1973]. Проявление объективно-материальной основы информации в окружении наглядно. Недостаточная информативность среды порождает отрицательные эмоции. Напротив, наполненность информацией делает ее источником многообразных значений, связанных с удовлетворением познавательной потребности. С этим исследователи связывают положительные эмоции, возникающие при восприятии сложных, не вполне предсказуемых композиций [Covarrubias 1977; Линч, 1982; Эко, 2006].

Контакт со средой предполагает разнообразие разных уровней информации и знаковых систем. Так, различение разнообразия на двух уровнях – семантическом и материально-пространственном – проводится при рассмотрении восприятия и образа окружения [Линч, 1982]. Семантическое разнообразие исторической городской среды, основанное на разнообразии функций, организуемых в этой среде жизненных процессов, имеет также принципиальное значение и для запоминаемости фрагментов среды. По данным опросов, проведенных К. Линчем, эти качества связаны с распределением в городе важных для повседневной жизни объектов: культурных и торговых центров, магазинов, предприятий обслуживания [Линч, 1982]. Встречи со знакомыми, прогулки, покупки

товаров и другие запоминаемые события сопровождают восприятие важных объектов городской среды, в определенной степени окрашивая эти объекты и фрагменты города богатством личных воспоминаний. Разумеется, при восприятии актуализируются многие индивидуальные, личностные значения. Однако основу запоминания объектов городской среды во многом определяет их практическая повседневная значимость. Обобщая, можно сказать, что *разнообразие функционально-материального уровня среды преобразуется в ее семантическое, смысловое разнообразие. В целом семантическое разнообразие, множественность значений формируемой среды определяется следующим:*

– различия процессов деятельности и поведения людей, разнообразие выбора услуг, их сочетания;

– разнообразие материально-пространственных элементов среды;

– различия непосредственно воспринимаемых элементов и отношений окружения, образующие пространственно-визуальное разнообразие.

Представление о различии и взаимосвязи семантического и пространственно-визуального разнообразия позволяет выявить некоторые важные особенности восприятия исторических поселений, ансамблей, уникальных архитектурно-природных территорий, обосновать средства регенерации исторической среды. Именно пространственно-визуальным разнообразием в значительной степени объясняется привлекательность исторически сложившейся городской застройки. В частности, исторические районы европейских и российских городов, сложившиеся в основном в XIX – начале XX в., примечательны не только функциональным разнообразием, богатством культурных значений исторических событий, скрытой символикой различных архитектурных объектов, но и сложностью и неповторимостью пространственно-визуальных элементов: улиц и переулков, их поворотов, силуэтных построений объемов зданий и т. п. Исторический центр города XIX – начала XX в. формировался зданиями разной этажности, разной масштабности и тектоники, различиями текстур, участков фасадов, различным по характеру рисунком архитектурных элементов и деталей. Здесь имеются неожиданные пространственные раскрытия с различными чередованиями объемов, плоскостей, поверхностей. На крутых спусках улиц горизонтальные перепады карнизов, междуэтажных поясов, рядов окон и т. д. контрастируют с очертаниями церковных зданий. Но и в городах классицизма, например в Санкт-Петербурге, – свои признаки разнообразия позднеклассицистской архитектуры с особыми признаками ее разнообразия. Городской застройке эпохи классицизма и ампира свойственны специфические различительные признаки, формирующие разнообразие. Аркаду Гостиного двора оживляют въезды, сквозь которые раскрывается пространство внутреннего двора. По-разному решаются фасады домов, выходящие на площади и боковые улицы; центр площади часто организуется высотной доминантой колокольни. Столь же существенны акцентные завершения перспективы улицы. Иначе говоря, разные периоды формирования городской застройки характеризуются особыми композиционными приемами, определяющими пространственно-визуальное разнообразие среды. Это подтверждает *теоретическое представление о разнообразии, различии как основе информации.* Не будет различий – не будет и значений, информации, участия мыслительных процессов, полноценного восприятия окружения. Благодаря активным контрастам элементов среды эти элементы приобретают также разную значимость при восприятии. Это особенно заметно при сравнении исторического окружения с районами массового индустриального строительства. В окружении, создаваемом объектами массового строительства, повторяемыми объемами, образуется недостаточное пространственно-визуальное разнообразие, тем более что повторяются элементы застройки городского окружения иногда протяженностью в сотни метров. Поэтому при существующем несходстве концепций большинство исследователей городской среды начиная К. Зитте и кончая приверженцем теорией образа города К. Линча видят задачу градостроительной деятельности по формированию исторической среды в том, чтобы наделить эту среду такими свойствами, как сложность, неопределенность, калейдоскопичность, случайность, неожиданность [Линч, 1982]. Даже пестрота, противоречащая принципу целостности среды, стала рассматривается некоторыми профессионалами как свидетельство ее полноценности.

Познавательная (когнитивная) потребность предполагает необходимость не только разнообразия среды, но и условия для ее моделирования, т. е. формирования у человека ясного образа-схемы города, района, квартала, комплекса зданий. Это важно для эффективной деятельности – ориентации, выбора эффективных передвижений и других действий. Запоминать окружение, легко ориентироваться в нем, быстро находить

функционально необходимые предметы позволяют особые коды и соответствующие им характеристики среды. Как на уровне планов городов, так и на уровне фрагментов исторических мест, отдельных ансамблей формирование среды подчиняется организующим структурам. Структуры могут связываться между собой (значимые архитектурные объекты, значимые пространства, активные пространственно-визуальные элементы и т. д.). Эти структуры чрезвычайно многообразны – от выделения геометрически ясных направлений движения, расположения доминант и важнейших ориентиров до зеркально-симметричного или метрического повторения элементов. *Именно необходимостью создания четких структур, формирующих информацию, объясняется использование единых модульных членений пространства, зеркальной симметрии, пропорций, в том числе геометрических подобий, ясных, геометрически правильных конфигураций пространства и силуэтов.* Следует указать на характерные проявления этих структур. К средствам объемно-пространственной организации относятся различные проявления единых организующих структур: фокусирование в пространстве важнейших формообразующих плоскостей; материализация значимых осей; продолжение в пространстве активных формообразующих линий, уравновешенность элементов ансамбля по массам; организация связей элементов на основе пропорций, в том числе геометрических подобий; использование симметрии разных типов. В связи с этим важно учитывать и особую организующую роль зеркальной симметрии. Главная ось симметрии ансамбля не исключает существования дополнительных осей зеркальной и поворотной симметрии, выраженных не только в плане, но и в построениях объемов по вертикали. Наряду с примерами строго симметричных ансамблей имеются многочисленные примеры архитектурных ансамблей с преобладанием якобы случайных асимметричных объемно-пространственных построений. Это объясняется как длительностью их исторического формирования, так и собственно композиционными принципами неупорядоченного, «живописного» построения. Отсутствие в том или ином архитектурном ансамбле явной организованности не означает, что ее там нет. Организующие структуры зачастую скрыты в сложности композиции. Например, с помощью зеркальной и поворотной симметрии организуются крупные элементы объема и пространства. При этом симметрия не просто присутствует в планах – она визуально связывает наиболее крупные объемы, различные элементы, значимые по смыслу в композиции. В этом реализуется необходимость упорядочивания, организации отношений объемно-пространственных элементов окружения (см. гл. 5).

Структурная организованность архитектурных ансамблей способствует формированию мысленных моделей их пространственного строения. Даже при восприятии отдельного архитектурного фрагмента ощущается его связь с другими элементами ансамбля, их местоположением. При этом, как уже отмечалось выше, попадая в фокусные точки планировки ансамбля – в геометрический центр площади – и раскрывая его структурную организацию, человек ощущает и собственную значимость [Goffman, 1971]. Различные структуры, организующие архитектурный ансамбль, взаимосвязаны со значениями отдельных его элементов. Поэтому структурно значимые центры пространства также образуют семантические центры. Основные центры акцентируются активными элементами – портиком, куполом, главой, скульптурными формами. Система семантически значимых, «смысловых» элементов обозначается в иерархии направлений движения и организации пространства – в системах осей и центров. Благодаря структурной организации в соответствии со смысловой структурой создаются условия для отбора значимой информации из окружения. В частности, в архитектурных ансамблях древности и Средневековья оси симметрии обычно совпадают с наиболее значимыми по смыслу перцептивными пространствами-форумами, центрами святилищ, направлениями основных движений; с особо значимыми элементами композиции, такими как средокрестья соборов, парадные входы в здания и т. п. В древнерусских ансамблях связи элементов на основе осей проявляются весьма сложно, в частности как своего рода «шарнирные переключения» в местах планировочного пересечения осей. Эти организующие связи центров, осей и других пространственно-визуальных элементов образуют системы, организующие перцептивное пространство. Арка под надвратной монастырской церковью во многих случаях ориентирована на главный смысловой центр ансамбля – собор. Такой прием имеет индивидуальный характер связей внешнего и внутреннего пространства (как раскрывается собор – сразу или постепенно, как он воспринимается из центральной арки и боковых арок, если они имеются, каковы несоосности арок, т. е. под какими углами воспринимается в проеме каждой из них фокусируемый объект и т. д.). Приемы такого рода являлись результатами структурной организации пространства ансамбля и связывались со структурами важнейших символов – главами соборов, завершениями колоколен, входами в здания, воротами и т. д.

Анализ композиций различных архитектурных ансамблей подтверждает, что организованность элементов архитектурной среды, пространственно-визуальных элементов связаны со смыслом и значимостью воспринимаемых объектов [Somov, 2002; 2007]. Следует подчеркнуть, что пропорции, симметрии, ритмы существуют не только на схемах и чертежах. Они объективно присущи восприятию фрагмента города или архитектурного ансамбля. Для восприятия ось симметрии, проходящая в пространстве, так же реальна, как материальный объект, хотя мы не видим оси. Такова реальность центров планировочных конфигураций ансамблей, пересечений плоскостей или формообразующих поверхностей, осей барабанов и глав соборов, колоколен и куполов. Совпадение пространственно-визуальных центров со смысловыми превращает их в особо значимые элементы при восприятии. Создаются акценты, своего рода композиционные «всплески», например подъем главы или купола, акцентирование усложнением форм входов в храмы, ворот, главных фасадов.

На протяжении всей истории архитектуры активности значимой оси обычно соответствует значимость элемента, который материализует центр – место пересечения с другой осью. В формировании исторической городской среды часто происходит нарушение этой закономерности. Градостроители в этих случаях не ставят перед собой задачу включить новое здание в существующую историческую среду. Вписать здание в существующую среду удается благодаря ряду приемов – и прежде всего благодаря выражению обусловленности, детерминированности его композиции исходной градостроительной ситуацией.

При формировании среды и при ее восприятии разнообразие и организующие структуры тесно взаимосвязаны. Единство организованности и сложности, порядка и разнообразия образует объективную основу когнитивных процессов – мышления и познания, формирования мысленных моделей и образов окружения. Поэтому *в процессах регенерации исторической среды возникает, с одной стороны, необходимость создания ее разнообразия, сложности, живописности, что рождает многообразные значения, с другой – необходимость организованности, ясности строения окружения.*

Многообразные эмоциональные значения реализуются при восприятии сложно организованных во временной последовательности, постепенно раскрывающихся объектов. В концепции психологии эмоций К. Изарда сюда относятся в частности, эмоции интереса [Изард, 1980, Забельшанский, 1985]. Познавательная потребность предопределяет интерес к необычному и сложному городскому ландшафту, к оригинальной форме сооружения или к нестереотипным архитектурным формам. Это служит основой положительных эмоций, вызываемых средой. Эмоциональное сопровождение интеллектуальных процессов может возникать и помимо направленного интереса к воспринимаемым объектам, а только благодаря изменению во времени воспринимаемых сигналов [Моль, 1966]. Поэтому чередование видовых картин при движении по магистрали из окна быстро движущегося автомобиля – это особый объект эмоциональных реакций. Стремительная смена видовых картин, причем одновременно по обе стороны движения, ритмический или аритмичный характер изменения отношений объемов и пространств, чередования интервалов и акцентных элементов – все это вызывает эмоциональные эффекты, связанные с неожиданным появлением все новых объектов. Здесь есть свои закономерности: положительные эмоции возрастают, если воспринимаемая реальность, в основном совпадая с ожидаемым, все же несколько расходится с ним, когда ожидание не оправдывается [Моль, 1965; Jesberg, 1972; Covarrubias, 1977; Эко, 2006]. Характерны и связанные с этим противоречия: ситуация как будто готовила к многозначительному завершению, а на деле ожидание не оправдывается. Например, композиция квартала, выраженная его строем, пластикой, триумфальным метрическим повторением крупных элементов, всей организацией пространства, указывает на что-то очень важное впереди – общественную площадь, особо значимый архитектурный комплекс и т. п., а взгляду открывается скромное здание.

Итак, эмоциональное сопровождение интеллектуального процесса объясняется угадыванием того, что должно произойти. В градостроительной композиции учет этой закономерности восприятия имеет давние традиции. Если с этих позиций подходить, например, к последовательно воспринимаемым ритмам, то они синтезируют в себе, с одной стороны, различия (непредсказуемость, усложнение ряда), а с другой – тождества (единые организующие признаки, определяющие возможность прочтения ритма). Поэтому метризация ритма, или ритмизация метра, столь характерные для архитектурной композиции и описанные как ее существенные средства в пропедевтических курсах В. Ф.

Кринского, И. В. Ламцова, М. А. Туркуса, других архитекторов [Кринский, Ламцов, Туркус, 1968; Мелодинский, 2013], служат наиболее распространенным средством усложнения простого порядка (метра) или упорядочения различий в интервалах и соотношениях элементов ритмического ряда.

Как видно из приведенных примеров, *когнитивная потребность и связанные с нею поиски структур проявляются в многообразных информационных свойствах среды.* При этом существенны как структуры знаков – семантически значимых элементов среды, так и структуры организации пространственно-визуальных элементов разного рода – фигур, сигналов.

Среда формирует многообразные значения отношений человека к человеку и тем самым эмоционально воздействует на него благодаря связи с фундаментальной потребностью в эмоциональном двустороннем контакте. В этом контакте индивид чувствует, что является предметом заинтересованности, что другие «созвучны» его собственным чувствам [Обуховский, 1972. С. 160]. Частью этой потребности является стремление к сопереживанию. Это требует обозначения в среде людей и жизненных ситуаций. Архитектура не изображает страданий или радостей. Однако, определяя архитектурное окружение как человечное, теплое или, напротив, официальное, холодное, отчужденное, мы на основе кодов ощущаем соответствие среды этой фундаментальной потребности. Это впечатление теплоты и уюта во многом возникает в результате восприятия окружения как выражающего заботу о потребителях. И наоборот, в отчужденности архитектурного окружения проявляется своего рода стоящая за образами этого окружения холодность. Само существование в окружении предметов и черт, обозначающих присутствие человека, делает его своеобразной областью эмоционального контакта людей. Жилище, наполненное предметами, с которыми связаны воспоминания о близких людях и памятных событиях, становится дорогим человеку прежде всего благодаря этому комплексу значений. Это же относится к исторической среде поселений в целом.

Воспринимая окружение, человек не только угадывает в нем признаки незримого присутствия других людей, но неосознанно чувствует их отношение к себе. Дома-крепости средневековых городов с узкими щелевидными окнами, поднятыми высоко над землей, создают уверенность в безопасности у их обитателей, а для чужих создают значения угрозы и предостережения.

Историческая среда, как и другие области коммуникации, служит одним из каналов эмоционального контакта. Но если вербальная речь или изображения – это средства прямой передачи от человека к человеку информации о жизненных ситуациях и эмоциональных состояниях, то архитектурные образы несут эту информацию опосредованно.

В процессах восприятия окружения происходит распознавание отношения к нам людей как эмоционально соучаствующих, враждебных или равнодушных. Значения архитектурной среды, касающиеся незримого присутствия в ней других людей, связаны с фундаментальной человеческой потребностью в эмоциональном контакте – с эмпатией.

Особые человеческие значения, свойственные восприятию архитектурных ансамблей, выражаются как через целостные объекты, так и через отдельные их признаки. Истертые, местами выщербленные ступени лестниц, утратившие четкость профили, архитектурные детали, даже стены являются следами жизни обитавших здесь людей, жизни прошлого. Благодаря этим естественным знакам – индексам – создается эффект реального присутствия прошлых поколений, обжитости места. Сделанные по месту для конкретных жителей дворовые пространства, ухоженные участки природы неосознанно воспринимаются как нечто близкое, обозначающее индивидуальные события жизни.

Сохранение, аккуратное и точное воспроизведение архитектурных деталей становятся знаками бережного отношения человека к прошлому, формируют знаковую систему самоидентификации – принадлежности человека к этому историческому прошлому. Эффект незримого присутствия прошлого в окружающей среде обнаруживается и в природном окружении, которого коснулась рука человека.

Характерные особенности среды в значительной степени определяются знаками эмоционального отношения других людей. Поэтому в среде жилища особенно ощущается необходимость уюта и теплоты, в то время как административное, деловое учреждение не требует формирования подобных значений. Например, в советской архитектуре подчеркнутая неприступность, суровость, замкнутость административно-общественных

зданий были характерной их чертой. Облику административных зданий XX в. придавался официозный характер, отталкивающий простого человека. Эти тенденции находили выражение в разнообразных приемах архитектуры и 30–50-х гг., и 70-х гг. – тяжелые гранитные подиумы с мощной кладкой гранитных глыб, подчеркнутая замкнутость и отчужденность зданий от окружения при проявлении общего стремления к парадности композиций, к парадной триумфальности.

Формированию эмоциональных значений среды способствует и ряд особенностей объемно-пространственного строения объектов. Как бы охватывающие человека уютные дворы, дополненные зеленью или полузамкнутые пространства курдонеров, образующиеся благодаря объемно-пространственной композиции, создают впечатление мягкости и покоя среды, соотнесенности ее объектов с человеком. В живописном построении пространств, в сложных конфигурациях участков стен, в полуизолированных элементах пространственной организации фасадов, в мягких, словно обволакивающих человека пространствах могут прослеживаться аналогии с природными формами, в характере пропорциональных построений некоторых элементов – отдаленные аналогии с человеческими фигурами. Эти знаковые образования (метафоры, ассоциативные аналогии) способствуют созданию особой атмосферы «расположенности» среды к человеку, его эмоционального контакта с этим живым окружением, ощущению безопасности и покоя.

Значения, связанные с потребностью в эмоциональном контакте, не могут возникнуть, если среда не создает материальных условий для физиологических потребностей. Традиционные аркады, галереи, уютные внутренние дворики вызывают положительные эмоции в значительной степени потому, что обладают физически реальными защитными качествами. Конечно, существенны конкретные ситуации. Например, в жарком климате, затененные галереи несут прохладу, защищая от солнца, в то время как в холодном климате занесенные снегом лоджии и внутренние дворы оказывают негативное воздействие, становясь признаком вторжения суровой и враждебной стихии едва не в пределы жилища.

Соответственно, особую роль приобретает степень раскрытия обособленного пространства вовне с размеренными соотношениями объемов и пространств, отдельных элементов пространства и т. п.

Таким образом, эмоциональные значения благодаря конкретным ситуациям, физическим условиям среды в некотором смысле переплетаются со значениями безопасности, защищенности, комфортности.

Как показывает опыт анализа, при формировании социально значимых городских пространств возникают два полюса, на одном из которых – официальность, холодность, на другом – уютность, близость к человеку городских общественных пространств.

Фундаментальная потребность создания иерархии мотивов и ценностей, или потребность поиска смысла жизни, обуславливает еще одну группу свойств среды, формирующих важные значения. Поиск основных ценностных ориентаций, постоянно сопровождающий человека, тесно связан с другими фундаментальными потребностями и весьма многообразно проявляется в организации архитектурного окружения. Это проявляется прежде всего в обозначении и выражении знаковыми средствами архитектуры родственных, национальных, сословно-классовых, религиозных общностей людей. Например, жилая среда как форма отражения общности семьи несет значение единства и продолжения рода. Общее для многих народов и периодов истории чувство домашнего очага переносится на другие формы общественной жизни, формируя обостренные чувства единства семьи, рода, родного города.

Утверждение посредством особой организации среды различных общностей людей прослеживается в многообразных знаковых формах – и прежде всего в традиционности тех или иных архитектурных образов. Разумеется, традиционность имеет сложную природу, но одной из причин широкого использования традиций является *осознанное или интуитивное стремление людей ощутить себя частью определенной культурно-исторической общности – стремление к самоидентификации.* Это подтверждается, в частности, многочисленными семиотическими исследованиями самоидентификации архитектурными средствами групп мигрантов в местах компактного проживания [Marcuse, Kempen van, 1999; 2002].

В эволюционно-историческом, диахронном «срезе» выявляются многообразные формы материально-знакового закрепления классово-сословных различий. Само восприятие архитектурных форм жилища

в сословно-классовых различиях общества – от убогих хижин до впечатляющих дворцов – связано с выражением значимостей их обитателей. Владелец дворца или замка независимо от эпохи и культуры стремится к самоутверждению различными знаковыми средствами, подчеркивая богатство или утонченную уникальность своего жилища. Для выполнения этого социального заказа каждая культура и каждый крупный зодчий использовали особые приемы [Somov, 2007]. Выражение общественного престижа становилось устойчивым принципом формирования жилища, находя проявление в различные периоды истории и в разных культурах, органически преломляясь в становлении архитектурных стилей. Стремление к самоутверждению знаковыми средствами, видимо, далеко не всегда эмоционально переживается самим владельцем жилища. Это стремление может стать результатом действующей культурной нормы, хотя в нем есть и собственные эмоциональные значения.

В жилой среде XIX–XXI вв. более многообразно проявляются конкретные мотивы владельцев жилища и концепции архитекторов. Потребительский стиль жизни XX в. проявляется в стереотипных приемах организации жилых домов, их интерьеров, убранства интерьеров. В этом случае удивление и восхищение, возникающие у гостей дома, призваны поддерживать высокий социальный статус владельца. В этих элементарных формах тщеславия также проявляется фундаментальная потребность самоидентификации – поиска смысла жизни.

В общественно значимых объектах значения смысла жизни обозначаются обычно в более развитых формах, нежели в искусственной среде в целом. В формировании среды культовых или государственных архитектурных ансамблей значения смысла жизни реализуются как беспрекословное подчинение высшим силам или государственной власти. Возможности знаковых систем среды существенны и в утверждении достоинства – возвышении человека. В частности, значения праздничной приподнятости связаны с таким решением ансамбля, когда движение организуется с постепенным подъемом вверх, символизируя восхождение к высшему. В древности было нормой размещение языческих капищ, святилищ, храмов на возвышенности. Постепенный подъем во время торжественных праздничных шествий объективно символизировал восхождение к небу и переживался человеком как духовный подъем. Разумеется, это значение подъема исторически конкретно. Древние эллины, поднимаясь к Акрополю, чувствовали приближение к месту обитания богов. В наши дни туристы, посещающие античный ансамбль, также переживают восхождение, хотя современные интерпретации этого восхождения отличны от интерпретаций людей эпохи классической Греции. Но именно благодаря своему общему значению приемы организации торжественного ансамбля (с постепенным подъемом к месту, занимаемому значимым объектом) используются и сейчас.

Благодаря потребности ориентации в среде и в социуме знаковыми средствами обычно создается ощущение человеком своего центрального положения в архитектурном пространстве [Сомов, 1985]. В истории архитектуры известно немало приемов, которые позволяли вызвать у человека ощущение подчиненности ему окружающего пространства и собственной значимости в нем. Зодчие умели тонкими средствами создавать эти состояния. Так, в протяженной дворцовой анфиладе активно подчеркивалась центральная ось, подчеркивались проемы, их обрамления и ритмические особенности. Ось настолько доминировала, что люди ощущали не только торжественность анфилады, но и жесткий диктат предписанного ею движения. Таким образом, если у владельца дворца развертывание бесконечных пространств усиливает состояние власти и величия, то у посетителей – скорее зависимости и подчиненности. Для иллюстрации этих взаимосвязей в семиотике архитектуры приводится пример композиции Версаля. Но эта структура дворцов характерна для многих ансамблей и для различных культур.

В других случаях, например в залах с перекрытиями купольного и шатрового типов, архитектурно-композиционные приемы призваны усиливать значимость позиции наблюдателя. В таком пространстве посетитель стремится в центр зала, чтобы в полной мере почувствовать воздействие формы пространства и ощутить самого себя главным действующим лицом архитектурной среды. Центр подкупольного пространства воспринимается как особая физическая реальность. Этому способствует и торжественность такого пространства, символический смысл купола как небесного свода, сопутствующие этому пластические, цветовые, светотеневые признаки. Относительно небольшие подкупольные залы благодаря архитектурным приемам иногда воздействуют даже активнее значительно больших по размерам. Такого рода эмоциональные

значения в определенной степени размыты в отношении конкретности образов и форм, но основой их возникновения являются именно мотивы самоутверждения, самоидентификации человека в пространстве.

«Эмоциональный процесс обычно не учитывает всех интересов субъекта – устойчивых и временных, общих и частных, настоящих и прошлых. Чаще всего его особенности определяются актуальной иерархией отношений в системе регуляции, т. е. доминирующими в данный момент потребностями» [Рейковский, 1976. С. 48]. Это позволяет понять, почему для создания разных типов среды используются вполне определенные средства воздействия, отвечающие доминирующим в данных процессах влечениям, стремлениям, мотивам.

Выше рассматривались свойства среды, проявляющиеся в основном в непосредственном взаимодействии человека с архитектурным окружением. Но существуют и такие характеристики среды, особенно существенные для понимания закономерностей исторической среды, которые связаны с устойчивыми эмоциональными отношениями – с чувствами [Шингаров, 1971. С. 152]. Архитектурное окружение создает определенный образный фон главных жизненных событий и основных чувств и потому само является причиной пробуждения последних. Знакомая улица, родной дом или город, связанные в памяти с главными событиями человеческой жизни, служат источниками глубоких чувств в течение всей жизни. Но этому отношению к ним способствует запоминаемость места, фрагмента среды, основанная на отличиях от других мест и фрагментов – на их индивидуальности. Это соответствует обычному представлению о том, что безликое не сохраняется в памяти. Неслучайно поэтому, что тенденция индивидуализации места особенно заметно проявилась в период индустриального строительства в 70–80-е гг. XX в. Начиная с 70-х гг. все отчетливее проявлялась тенденция к формированию индивидуальных качеств городов, их отдельных зон, небольших населенных мест. Индивидуальность места, способствующая чувственному отношению человека к городу или дому, в определенном смысле вовлекается в орбиту его межличностных контактов и отношений. О необходимости формирования индивидуального облика городов, районов, кварталов, населенных мест было сказано немало. В информационно-знаковых аспектах важно, что же делает среду и ее объекты запоминаемыми. Это особенно существенно при значительных градостроительных преобразованиях.

Запоминаемость окружения и его отдельных объектов определяется как функциональной значимостью окружения, так и некоторыми свойствами его организации. Для выявления этих свойств используется теоретико-информационный подход – вероятностные модели теории информации [Моль, 1966; Jesberg, 1972]. Большая «вероятность», т. е. обычность облика архитектурного объекта в ряду подобных объектов, известных из опыта, уменьшает степень его запоминаемости и снижает индивидуальность. И наоборот, меньшая «вероятность», т. е. оригинальность в данном фрагменте информации делает его более запоминающимся. В самом деле, даже вполне полноценный с точки зрения архитектуры индивидуализированный жилой дом, тиражированный как типовой в одном городе в сотнях экземпляров, полностью утрачивает свою индивидуальность и становится безликим. Поэтому, в частности, оказывается необязательной, а иногда даже бессмысленной задача создавать уникальный жилой дом. Но место, фрагмент существующего поселения – городской район, квартал, улица, двор – требуют сохранения, регенерации и определенного развития индивидуальных качеств.

Часто оказывается неэффективной индивидуализация каждого здания архитектурного комплекса. Значительно эффективнее индивидуальность места может формироваться при посредстве объемно-пространственной организации улицы, квартала, архитектурного комплекса, характера связей зданий с градостроительно-природным окружением и «архитектурой земли». Особое значение приобретает возможность варьировать отношения элементов застройки на пространственном и пластическом уровнях.

В исследованиях, посвященных проблемам регенерации исторических городов, раскрываются некоторые закономерности сохранения и развития индивидуальных признаков образа исторического города или его исторических кварталов. В первую очередь это продолжение и развитие наиболее характерных признаков планировочной структуры исторической застройки, особенностей ее связей с природным ландшафтом. К признакам такого типа относятся также характерные индивидуальные изломы и повороты улиц и переулков или, наоборот, активно выраженные прямолинейные направления; это и развитие признаков силуэтности исторической застройки и других ее особенностей.

Индивидуальные черты образа исторически сложившихся кварталов могут быть выражены и в новых архитектурных формах. Важно, чтобы были найдены знаковые системы выражения этой индивидуальности. Регенерация исторической застройки дает ясную картину того, в каком направлении целесообразно развивать индивидуальные черты. Градостроительная практика демонстрирует приемы, с помощью которых придается индивидуальный облик исторически сложившимся архитектурным комплексам и городам. Поиск этих средств осуществляется исходя из понимания индивидуальности фрагментов исторической среды, а не отдельных зданий. Это поиск своеобразия прежде всего в самих принципах организации среды, в индивидуальных объемно-пространственных особенностях окружения, в характере силуэтов, в связях объемов с землей, в распределении акцентов, а уже затем и в образно-индивидуальных чертах отдельных зданий и их элементов.

Основные эмоциональные значения среды, как мы видели, отвечают фундаментальным человеческим потребностям. В процессах формирования архитектурной среды осуществляется цикличный процесс: потребности, мотивы и связанные с ними эмоции материализуются в определенных свойствах среды, а затем в процессах поведения и деятельности человека в среде эти свойства способствуют формированию определенных значений.

Выше уже отмечалось, что выражение в исторической среде определенных значений, в том числе эмоциональных состояний, исторически конкретно. Фундаментальные потребности людей по-разному проявляются в организации искусственной среды в зависимости от социальных условий жизни, от изменений общества и личности, от господствующих в обществе стремлений, ценностных ориентаций, социальных норм. Те или иные оттенки среды отражают доминирующие особенности личности данной эпохи, культуры, классово-сословной принадлежности. Однако взаимосвязи фундаментальных потребностей, мотивов (интенций) со свойствами среды имеют устойчивый характер. Поэтому *организация среды как гуманной – приближенной к человеку, его потребностям, жизненным процессам – должна отвечать всему комплексу фундаментальных человеческих интенций, проявляющихся в конкретных исторических условиях у конкретных групп потребителей.*

Наряду с общими фундаментальными свойствами искусственной среде присущи свойства, обусловленные конкретными процессами поведения и деятельности людей. Существует, в частности, различие между восприятием среды человеком, включенным в определенную деятельность, и человеком, свободным от этой деятельности. Например, движение в крупном торговом центре или торговом городском квартале – во многом утилитарная деятельность с соответствующим ей характером восприятий и действий. Общее решение такой среды должно облегчать ориентацию в процессе движения и поиска товаров [Мейтленд, 1989]. Это и пространственная организация движения, и распределение так называемых магнитов – особо привлекательных торговых зон на путях движения, освещения, рекламы товаров и услуг и т. п. На этом примере видно, что организация среды предполагает учет конкретных процессов деятельности.

В исследованиях по проблемам среды различаются *материально-утилитарные и духовные процессы деятельности* [Савельева, 1979]. *В процессах первого типа, как видно из самого определения, доминируют потребности, мотивы, цели материально-утилитарного характера. Ко вторым относятся процессы познания окружающей городской среды, различные формы общения между людьми, эстетическое восприятие и другие процессы духовного уровня (среда сакральных процессов, культовых ансамблей, музейных комплексов, театральных центров, общественных площадей, мемориальных комплексов и т. д.).*

Анализ различных типов среды показывает, что ее организацию обусловливают следующие типы восприятия:

– узко избирательное восприятие, направленное на отбор из окружения определенных объектов (или их признаков), необходимых в связи с утилитарными целями деятельности – выбором маршрутов движения, процессами ориентации, поиском необходимых товаров и услуг и т. п.;

– восприятие объектов, не принадлежащих среде, но требующих особого внимания или являющихся источниками эмоционального воздействия (восприятие театрального действия, спортивных состязаний, общение людей и т. п.);

– восприятие окружения, в котором доминирует созерцание, познание, эстетическое отношение к среде, архитектурному окружению, процессам. Такое восприятие связано с собственно познавательными интересами, эстетическим отношением к архитектурному окружению с различными

ритуальными процессами, происходящими в культовых зданиях и комплексах, с парадами, демонстрациями, другими торжественными мероприятиями.

Конечно, различение указанных типов восприятия весьма условно. И все же, если проектировщики стремятся добиться адекватности создаваемой среды человеческим потребностям, они должны мысленно представлять происходящие в среде процессы в соответствии с их наиболее общими различиями. Например, при проектировании аэропорта, вокзала, транспортного узла возникают определенные задачи организации процессов. С одной стороны, необходимо так организовать материальное и перцептивное пространства, чтобы было легко ориентироваться, – выявить различные функциональные зоны и направления движения в организации конфигураций пространства, в системах акцентов, в специальных визуальных коммуникациях [Hall, 1976]. С другой стороны, необходимо подойти к организации пространства как среды, которая создает запоминающиеся эффекты, как занимательной пространственно-визуальной информации и как среды, создающей условия для отдыха и созерцания окружения. В данном случае организация среды объективно взаимосвязана с разными типами деятельности, поведения и восприятия, с условиями отбора релевантной информации, необходимой для процессов утилитарного характера (эффективного ориентирования), поиска товаров и услуг и т. д.

Имеются принципиальные отличия восприятия в разных процессах поведения и деятельности. Цели, потребности и интересы утилитарно-материального типа в процессах эстетического восприятия окружения будто бы перестают существовать. Меняются характер информации, «отбираемой» из окружающей среды и ее значения. В таком восприятии, выходящем за пределы утилитарно-практических интересов, среда предстает не столько в своих предметных значениях (жилой дом, торговый центр, маршрут движения и его ориентиры), сколько как множество значений, включенных в духовный мир человека, как обобщающие символы эпохи, культуры, государства, религии, этноса и т. д. За внешней оболочкой архитектурных объектов, за их пространственным строением осознанно или бессознательно «прочитываются» известные из историй и мифов исторические события и их герои, закономерности формирования и развития градостроительно-природных, естественноисторических образований, социальные структуры организации общества. Многомерность кодов делает историческую среду многообразной потенциальной информацией, что соответствует идее бесконечного семиозиса художественных произведений [Eco, 1971; 1976]. Таким образом, восприятие материально-утилитарных объектов в процессах поведения и деятельности людей дополняется восприятием среды, архитектурного окружения как многих непредметных значений. Это предопределяется и характером конкретных жизненных процессов и собственно архитектурной организацией объектов, в знаковых системах которых реализуются многообразные коды и знаки.

Организация конкретной исторической городской среды во многом зависит от особенностей деятельности и поведения определенных групп людей. Самостоятельной стороной процессов поведения и деятельности, активно влияющей на организацию среды, являются доминирующие настроения – окрашенность определенными эмоциональными значениями и их интенсивность. Городская среда является своеобразной материализацией эмоциональных значений, сопровождающих определенную деятельность той или иной группы людей данной культуры. Так, торжественность церемоний в разных религиях и культурах выражалась особым построением перцептивного пространства, что определялось его общим строем, конфигурациями, структурными признаками, ритмами и т. д.

Особенности формирования исторической среды разных типов. В регенерации городской среды формирование общественной площади принципиально отличается от проектирования торгового комплекса или офисного центра, а формирование нового жилого комплекса – от консервации исторически сложившегося фрагмента застройки, приспособления к новым функциям музея производственных зданий на территориях исторических кварталов. Классифицировать типы и задачи формирования исторической среды можно по разным признакам, что делается в различных специальных исследованиях. В данном случае целесообразно показать *некоторые существенные различия и особенности организации исторической среды разных типов.*

Формирование искусственной среды, как уже отмечалось, во многом зависит от характера происходящих в ней процессов деятельности и поведения людей, связанных с ними особенностей восприятия.

В конкретной среде могут находить преимущественное преломление определенные потребности и мотивы либо весь комплекс этих потребностей без преобладания каких-либо определенных. Среда может подчиняться определенному типу поведения и деятельности или обеспечивать условия для разных типов процессов поведения и деятельности и групп индивидов. При этом среда формируется либо как информация и знаковые системы основных происходящих в ней процессов, либо ослабляет эти знаковые системы и сопутствующие им воздействия. Чтобы показать, как конкретно преломляются в проектировании эти особенности организации знаковых систем среды, целесообразно обратиться к характерным особенностям нескольких ее типов.

Жилые комплексы (доминирующий в городском пространстве тип среды) в особой степени нуждаются в целенаправленном формировании эмоционального воздействия. В жилой среде материализуются и различные формы жизнедеятельности – общение, труд, отдых, занятия спортом, контакты с природой, и различные потребности, в частности познания и самоидентификации. Все это предопределяет потенциальное многообразие семиотических систем жилой среды. Жилая среда в городе как место долговременного пребывания человека призвана создавать для него спокойный эмоциональный настрой, общую психологическую комфортность. Важной задачей является формирование чувства родного, обжитого места. Жилая среда призвана также создавать условия для познавательно-интеллектуальных процессов и удовлетворения соответствующих потребностей, развития мышления и воображения. Эти стороны духовного контакта человека со средой актуализируются в пространственно-визуальной организации окружения. Элементы среды материализуют сложный комплекс воспоминаний, вызываемых у человека родным для него местом жизни. При спонтанном формировании городской жилой среды индивидуальность жилых зданий и комплексов возникает как естественный результат такого процесса. Участие самих жителей в создании жилища приводит к выражению в среде их собственной индивидуальности, их духовного мира. В этом случае объективно-материальные факторы закономерно преобразуются в индивидуально-конкретные характеристики среды (знаки, индексы в классификации Ч. С. Пирса).

Своеобразие окружения во многом зависит от того, насколько выражены в нем метафоры архитектурных традиций. Использование традиционных элементов в композиции жилых комплексов оправдано тем, что они являются особыми знаками городской среды. Следование традициям не может сводиться к прямому заимствованию элементов и деталей. Напротив, использование традиционных аналогий, как правило, более органично, если оно связано с неконкретными метафорами. Для создания таких ассоциаций иногда достаточно только традиционного сочетания материалов или намека на какую-либо культурную форму. В то же время, как отмечалось в специальных исследованиях, возможность создания уютной жилой среды, выявление значений историко-культурных традиций во многом связаны с разработкой архитектурных деталей – обрамлений окон, порталов, дверей, цветников и т. д. Поэтому в современных жилых комплексах, формируемых в исторической среде европейских городов, используются, например, такие приемы, как акцентирование обрамлений окон путем создания контраста между ними и остальной поверхностью стены по фактуре, цвету, геометрическим конфигурациям элементов. Это позволяет выделить обрамления и сами окна как особые носители культурных значений. Неслучайно в законодательных актах по охране среды исторических мест в странах Европейского союза в градостроительные регламенты включаются особые требования к воссозданию в новых объектах исторических кварталов традиционных архитектурных элементов и деталей.

Воздействие исторической городской среды всегда было связано с обозначением и выражением социального статуса людей. Фасад жилого дома выражал достаток, богатство, сословную принадлежность, иногда характер деятельности людей, другие стороны их социального существования. Стена жилого дома, его внешняя форма представляет собой знаковую систему, обозначающую общественное положение обитателей. В сложной разработке фахверкового европейского жилого дома XV–XVI вв. обогащение фасада архитектурным декором было связано с выражением достатка бюргера или богатого ремесленника, в развитом языке архитектуры ренессансных палаццо; в дворцовых комплексах барокко и классицизма, в специфических украшениях фасадов купеческих домов в России XIX в. с их вазами, цветами и т. п. Везде, где мы сталкиваемся с обозначением в среде образа жизни и общественного положения обитателей здания, закономерно действует *смыслоразличительная тенденция к подчеркиванию места жителей в социальной иерархии* [Forston,

1975; Hutchinson, Krause, 2005].

В архитектуре жилых домов при доминировании социально-демократических тенденций, а тем более в условиях социализма жилище закономерно развивалось как выражение однородного характера социума. Поэтому при регенерации исторических кварталов жилой застройки существенны различия функциональных зон.

Некоторые неправильности, случайные элементы основных поверхностей зданий исторических кварталов воспринимаются скорее как богатая информация, сложно наслаивающаяся во времени. Даже разного рода неровности, следы копоти на фасадах старинных домов в исторически сложившихся кварталах способствуют богатству значений исторической среды. Различные элементы зданий и сооружений воспринимаются в контексте более общих фрагментов – площади, улицы, квартала, центра города с происходящими на этих пространствах жизненными процессами. Свидетельства долгой жизни домов исторического города придают им индивидуальные черты, знаки старины, связанной с различными реальными и мифологическими событиями истории.

При формировании городской жилой среды особенно важны поиски таких знаковых средств, которые способствуют уюту и комфорту. В организации городской жилой среды преломляются различные потребности и мотивы. Существует тенденция выражения индивидуальности обитателей жилища, насыщения его предметами, связанными с воспоминаниями. Профессиональные поиски направлены прежде всего на пространственно-визуальное упорядочение жилой среды, способствующее формированию спокойствия, уравновешенности, комфорта.

Характерным типом исторической среды с организацией, подчиненной главному процессу, является *среда культовых, ритуальных процессов.* Культовые комплексы всегда были исключительным по значимости объектами, поскольку включали человека в сложные процессы религиозных ритуалов. Эта среда неотделима от направленности, характера ритуальных процессов. В специальных теоретических исследованиях по формообразованию культовых зданий показано, что социальные особенности участников действий также опосредованно сказываются на организации среды. В культурах древности культовые ансамбли были центром жизни. Это во многом определяло среду ритуальных процессов, в первую очередь организацию пространства ансамблей. Их архитектурная композиция в значительной мере выражала сословную иерархию религиозных церемоний в структуре пространств и их организации. Изменения эпохи позднего Средневековья, времени расцвета городов в европейской культуре, стирание сословных различий прихожан, утрата своей репрезентативной функции и демократичное уплотнение застройки в средневековом европейском городе, дифференциация храмов в городах, появление наряду с общегородскими небольших церквей приводят к тому, что здания утрачивают прежнюю самостоятельную градостроительную значимость и обособленность от города. В наше время продолжают развиваться различные тенденции взаимосвязи культовых ансамблей, церковных зданий, ритуалов.

Еще одна важная область формирования среды – *культурные центры городов.* Тенденции формирования культурных центров, встраивания театральных зданий в исторически сложившуюся среду, приспособление под музеи, театры территорий земельных участков и зданий с другими функциями – железнодорожных вокзалов, производственных корпусов и т. п. Встроенность новых культурных центров в историческую городскую среду в определенной степени символизирует их включенность в конкретную культуру с ее историческими и региональными традициями. Историческая среда, наполненная новыми жизненными процессами, приобретает новые значения.

Если в организации жилых кварталов одна из задач заключается в достижении разнообразия среды, уюта и комфорта дворов, то в организации городской среды с государственно-административными функциями имеются тенденции к обобщению пространственно-визуального материала и созданию целостных ансамблей, торжественных улиц и площадей.

Как показывает анализ, *особенности организации среды разных типов определяются прежде всего характером происходящих в ней процессов, их структурами, доминирующими потребностями и мотивами, определяющими информацию среды.* От этих характеристик зависит направленность формирования тех или иных информационно-знаковых характеристик проектируемой среды.

4.4. Семантика исторической среды и композиция архитектурных объектов

В мышлении человека воспринимаемые объекты, признаки, структуры окружения предстают в многообразных отношениях. *Отношения архитектурных объектов или их элементов к различным обозначаемым объектам, опосредуемые мышлением,* рассматриваются как семантика. Семантика среды – это устойчивые связи воспринимаемого окружения с объективным миром в целом, с человеческой культурой.

Семантика представляет собой отношения знаков к обозначаемым объектам, в том числе их отношения к различным реальностям, которые создаются средствами архитектуры (реальности определенных культур, периодов истории, стили архитектурные фантазии и т. п.). Согласно ряду семиотических концепций [Eco, 1980b] в объектах искусственной среды выделяются разные уровни значений: 1) *предметные области значений* (значения безопасности объектов, тектоники, масштаба, силы и слабости, статичности, динамичности и др.); 2) *непредметные области значений* (выражение определенных эмоций, культурно-семиотических явлений, характерных текстов культуры, историй, мифов, вышеуказанных реальностей). Многие значения выражаются в архитектурном окружении и актуализируются при восприятии под сильным влиянием знаковых систем конкретной культуры. В частности, элементы зданий и комплексов, устойчивые архитектурные формы несут значения тех или иных традиций: региональных, местных, стилевых. Типы значений выделяются также по линии взаимосвязи с уровнями восприятия (ощущениями, эмоциями, действиями, представлениями и т. д.) [Brandt, 2004]. Это позволяет выделять и различные слои семантики исторической среды. Часть значений связана с вербализацией и концептами. Эти значения предстают как смыслы. В формировании городской среды закономерно возникают тенденции формирования и акцентирования смыслов, что формулируется в требованиях феноменологического подхода к городу и развивается некоторыми отечественными теоретиками архитектуры. При регенерации исторических городов в центре этой задачи находится воссоздание утраченных смыслов доминирующих в городской среде храмовых комплексов, памятных мест, символизирующих смысл существования человека.

Отдельные архитектурные элементы, характерные для исторической городской застройки, в определенном смысле фокусируют разные группы значений. Обрамления дверей и окон, например, выражают в равной степени те и другие значения, с одной стороны, подчеркивая проемы и тектонику стены, с другой стороны, символизируя в разных архитектурных традициях и стилях преграды для проникновения невидимых сил.

Обусловленности значений парадигматикой и языком либо синтагматикой и текстом, соединение значений разных типов кодов порождают *средства разных уровней конкретности.* Значение незримого присутствия человека, делающее среду эмоционально близкой людям, во многом определяется иконическими знаками – антропоморфными метафорами архитектурных форм. Так, активные элементы, соответствующие по пропорциям фигуре человека, присутствуют в композиции античных архитектурных ансамблей [Витрувий, 1936. С. 65]. Это и античные колонны, наделенные ассоциативными признаками человеческих фигур, связанные с символикой мужского и женского начал [Витрувий, 1936. С. 26–27], и готические окна, и византийские и древнерусские арочные порталы, отдаленно напоминающие фигуры святых, головы которых обрамлены кольцами нимбов, и торжественные ритмы двухъярусного ордера барочных дворцов, пропорциями и конфигурацией напоминающие ряды человеческих фигур. К метафорам такого рода относятся также пропорциональные аналогии с человеком некоторых построений фронтонов, порталов, башен, барабанов и глав соборов, других многообразных элементов, образующих воспринимаемое пространственно-визуальное окружение [Сомов, 1990]. Неосознаваемые «прочтения» при восприятии подобных знаков объясняются действием кодов распознавания образов, а именно отбора в воспринимаемом объекте существенных признаков и их соотнесения с признаками определенного класса образов [Шехтер, 1973; Biederman, 1987]. Такого рода антропоморфные метафоры способствуют возникновению эмоционального контакта человека со средой как с себе подобными существами, что соответствует общей теории метафоры как фундаментального знакового образования [Лакофф & Джонсон, 2004].

Можно создавать историческую среду города, продолжая ассоциации с человеческими фигурами или архитектурными традициями намеками либо более элементарными средствами – путем цитирования в конкретных формах элементов стилей, ордеров, конкретных зданий, архитектурных

деталей и т. д. С разными уровнями конкретности связаны различные средства регенерации исторической застройки. При реставрации и консервации многих повторяющихся объектов городской среды, какими являются рядовые жилые дома, их фасады, участки фасадов, образующие фронт застройки улицы, профессионалам нет необходимости создавать архитектурные произведения, имеющие свой индивидуальный неповторимый образ. Достаточно повторить стандартный участок стены, окно, оконное обрамление, ограждение балкона, угол наклона крыши, материал кровли, традиционные ворота, двери и т. п. (см. гл. 9). При использовании абстрактных приемов в удачных регенерациях улиц и кварталов исторических мест при отсутствии рядовых объектов исторической застройки или их элементов часто применяются вставки с использованием новых материалов, изделий и технологий. Но и в этих ситуациях существенно, что сохраняются и восстанавливаются наиболее активные признаки исторической среды – топологические структуры пространства, характерные для городской застройки, замкнутые, разомкнутые, Г-образные и другие конфигурации участков стен, ритмические построения и очертания силуэтов (см. гл. 9). Такого рода средства формирования своеобразия образуют неисчерпаемые возможности формирования традиционной образности городов.

Эти связи в то же время обусловлены происходящими в среде жизненными процессами. Отдельные элементы окружения становятся знаками тех или иных объектов, поскольку участвуют в процессах ориентации. Например, активно-динамичный угловой фасад указывает, что путь разветвляется, и тем самым ориентирует человека в среде. Для этого угол должен быть как-либо выделен – эркером, фронтоном, выражен в силуэте и т. д. В данном случае активный угол связан как знак (репрезентамен) с объектом (раздвоенным пространством). Такого рода закономерные связи порождают различные тенденции формирования среды. В частности, значением музея или мемориального комплекса являются место, связанные с ним исторические события и герои. В этой ситуации основной является связь мемориала и реального исторического события (денотата) или связь этого мемориала и события, описанного в определенных литературных источниках (десигната). В формировании среды возможно развитие либо знаковых систем значений, подчеркивающих какую-либо реальную связь (обозначение исторических событий, жизненных процессов, конструктивных систем сооружений и т. д.), либо значений, которые вносятся произвольно (введение черт, напоминающих определенные архитектурные традиции, метафор с природными явлениями, отдаленных напоминаний, вызывающих образно-эмоциональные воздействия и т. д.). Разграничению этих разных типов значений и различий их формирования в архитектуре было уделено большое внимание в трудах итальянского семиотика и теоретика архитектуры У. Эко [Eco, 1980a, b]. В последние годы появляются новые типологии значений невербальных знаковых систем [Brandt, 2004; 2006].

Сложность осмысления семантики исторической городской среды связана с различиями значений, реализуемых при восприятии людьми разных культур, знаний, верований, мировоззрений. Иначе говоря, значения подвержены влияниям интерпретации, зависят от особенностей интерпретаций конкретно-исторического и личностного характера, хотя при этом существуют и некоторые устойчивые значения среды.

Формирование архитектурного окружения, фрагментов исторической среды предполагает их содержательность – насыщение многообразными значениями. Античные ордеры способствовали семантике ряда исторических периодов благодаря синтезу многих значений. В процессы восприятия храмов включаются значения обрядов, знаков религиозной символики и мифологии. Все они связываются в сложную ритуально-пространственную, изобразительную, световую, цветовую, акустическую целостность. Насыщенностью архитектурной среды многими значениями определяется ее духовное богатство. И наоборот, среда, лишенная развитой семантики, оказывается бездуховной, малопривлекательной или даже отталкивающей. Так, во многих современных типах городской среды, например в индустриальных микрорайонах, сформированных по жесткой планировочной системе из типовых зданий, отсутствуют культурные значения. Зачастую нет даже ясных ориентиров, позволяющих найти свой дом и подъезд. Между тем уже элементарное семантическое обогащение среды придает ей необходимую содержательность. Это осуществляется выявлением ориентировочных признаков, элементов масштабности, привнесением символов традиционности, активизацией социальной роли различных пространств и отдельных архитектурных объектов и т. п. Элементы городской среды неосознанно связываются при восприятии с определенными факторами и в определенной степени стремятся превратиться в системы значений.

Роль многообразной семантики в формировании исторической среды наиболее наглядна там, где велика роль отработанных приемов, канонов, сложившихся систем архитектурных элементов (система ордеров, связанные с небом лучи шпилей культовой архитектуры Средневековья, метафоры фигур воинов, святых и молящихся, характерных для различных этносов и регионов, знаковые аналогии с элементами изобразительного искусства или развитой эпиграфикой Ислама и т. п.). Пропорциональный строй ордеров является носителем признаков человека (общие пропорции портиков и колонн, аналогичные пропорциям человеческого тела, метафоры стройных каннелированных колонн с античными тогами, мужественное героическое начало в дорическом ордере и женственное в ионическом. Признаки тектоничности опор, усиленные энтазисом колонн, активизируют метафору – человеческую фигуру. Все эти значения конкретизируются символикой и мифологической основой конкретных храмов, дворцов, общественных площадей, мест их расположения, сложным содержанием жизненных процессов. Многообразно трансформируясь, ордерные системы окрашиваются значениями героизма – эпоса Эллады и Рима, Возрождения, классицизма XVIII в. героического начала в архитектуре ампира и т. д. Различные отношения и элементы ордерной системы, обусловленные многообразными значениями, закрепляются в развитых знаковых системах, образуя особый архитектурный язык, исторически разветвляющийся на национальные, региональные, этнокультурные, местные диалекты.

Для формирования семантики особенно важны закономерности конкретизации. Это можно пояснить на примере замкнутого архитектурного пространства. Если его геометрические признаки и пропорции характерны для дворов конкретного города или региона, это пространство приобретает региональную историческую окраску. Удобное для различных типов деятельности, соответствующее образу жизни архитектурное пространство окрашивается значениями городской культуры. Одни значения приобретают ту или иную степень конкретности во взаимосвязи с другими. Если традиционное по пропорциям и натуральным размерам пространственное построение площади лишь отдаленно намекает на знакомые прототипы, то введение колоннады или аркады с определенными пропорциями интерколумниев и высотой колонн, напоминая исторические прототипы, конкретизирует образ площади, связывая его с образами Возрождения, русского классицизма, ампира. Отдельные означающие – пропорции и натуральные размеры объемных и пространственных элементов, характерные формы, цветофактурные сочетания поверхностей и другие характеристики во взаимосвязи между собой создают конкретные сочетания, так называемые пучки признаков. Иначе говоря, объединение неопределенных в отдельности признаков образует знаки [Somov, 2013; 2014]. Их конкретизация подобна конкретизации знаков в знаковом выражении словесного языка, где происходит, например, уточнение слова, которое формализуется как пересечение его семантического поля с семантическими полями других, соседних, слов, образующих контекст.

Значения архитектурной среды многообразны, как многообразны ее отношения к жизни. Можно выделить основные типы значений, разные способы их формирования и закрепления в знаках. Значения развиваются в самостоятельные знаковые системы. При этом прослеживаются *две принципиально различные, противоположные тенденции формирования знаковых систем: в самих процессах формообразования и извне, из сферы культурного опыта и художественных идей.* Значения, вливающиеся в форму с разных сторон, материализуются в разных типах знаков. Какие именно значения получают преимущественное развитие в те или иные периоды, в различных культурах, архитектурных течениях и стилях, определяется общими процессами исторического развития мировосприятия – доминирующими семантическими структурами. Так, семантические оппозиции реального и потустороннего, земного и небесного, человеческого и божественного, находившиеся в основе мировосприятия Средневековья, получали развитие в архитектурном формообразовании, причем не только в символических, но и в иконических знаках в развитых семиотических системах. Так, основные элементы соборов (барабаны и главы в крестово-купольной системе; шпили, шатры, витражные окна в готике) обозначают божественную энергию света, что соответствует более общей семантике собора как материализации небесных сил. В готике эта иконическая знаковая система дополняла аналогию с кораблем – метафора церкви, спасающей души грешников.

Для раскрытия обусловленного, закономерного характера формирования информационно-знаковых систем архитектурной среды необходимо исходить из того, что любой архитектурный объект реально существует и воспринимается во многих своих информационных свойствах

в определенных процессах жизнедеятельности людей, как отвечающий многообразным сторонам существования человека. Воздействие среды обусловлено жизненными процессами, происходящими в этой среде. Они влияют на характеристики создаваемых архитектурных объектов, системы ориентиров, информационные признаки функций, необходимые эмоциональные воздействия и т. п. Эти процессы, организуемые по определенному сценарию, задают определенный настрой восприятию окружения – возвышенно-символический или буднично-прозаический, направленно-избирательный или созерцательный. Влиянию жизненных процессов на формирование среды как духовных явлений присущи особые закономерности. Эти закономерности в целом, а также их специфику в разные периоды истории и в разных типах среды и архитектурных объектов отмечал Г. Гегель. Существенно введение им различия «самостоятельного зодчества» и «зодчества в собственном смысле, служебного зодчества», подчиненного организации жизненных процессов. «Основное понятие собственно зодчества состоит в том, что духовный смысл вложен не в само архитектурное произведение, которое вследствие этого становится самостоятельным символом внутреннего, а наоборот, уже этот смысл приобрел свое свободное существование вне архитектуры» [Гегель, 1969. Т. 3. С. 55]. Идея духовности самой жизни как основного символического содержания архитектурного формообразования определяет в «Эстетике» Г. Гегеля и понимание эволюции формообразующей архитектурной деятельности, которая становится духовным наполнением жизни при переходе к так называемой классической архитектуре. Мышление, освобождаясь и от чисто символического, и от чисто утилитарного формообразования, в классической архитектуре служит духовному началу самой жизни, происходит изменение и в конкретном архитектурном формообразовании. Архитектура в определенном смысле поворачивается лицом к духовному миру человека и его жизни.

Анализируя современные фрагменты архитектурной среды, можно заметить различные типы значений. Современное развитие архитектуры убеждает, что выделенные типы сосуществуют в различные исторические периоды. Особенно остро сталкиваются они в условиях массового строительства. Для архитектурной практики характерны скопления утилитарных объектов – жилых домов и кварталов массовой жилой застройки. Учреждения бытового обслуживания, магазины, школы, детские сады, полностью подчиненные строительной технологии, технологически организованные кинотеатры предельно утилитарны в типовом исполнении. В сфере индивидуального проектирования развились явления, диаметрально противоположные утилитаризму и технологической рациональности, тяготеющие к уникальности (огромные претенциозные монументы, независимые от окружения и безразличные к их восприятию; представительные общественные сооружения, оторванные от окружения и реальных жизненных процессов, с чертами архаики, мощным рустом, порталами, грандиозными лестницами в духе «символического зодчества» древнейших цивилизаций). Вместе с тем для массовой архитектуры характерны активные поиски человеческих значений, связей с конкретными процессами восприятия окружения, с созданием необходимого «эмоционального климата» среды. Это соответствует тенденциям средового подхода, который ориентирует на создание архитектурного окружения, «развернутого» к человеку и процессам его жизнедеятельности, на создание условий для всестороннего развития личности. Во взаимосвязи с человеком в процессах его поведения и деятельности в искусственной среде проявляются различные способы организации архитектурных объектов как информации, отсюда и принципы организации материального пространства жизнедеятельности. Так, уже само пространственное размещение объектов в городе определяет их социальную значимость, а следовательно, и смысловое соотношение различных процессов, их информационно-эмоциональное воздействие на человека.

Связи с традициями архитектуры «обрастают» культурными значениями в истории. Значения традиционности могут закрепляться в очевидных для восприятия, а также в скрытых знаковых формах. Восприятие человека настраивают на близкие ему образы не только конкретные формы, но и различные структурные образования. Ритмические, пропорциональные, геометрические и другие построения отчасти составляют традиционные знаковые образования. Например, трехчастность как особый композиционный принцип проходит через всю историю развития крестово-купольных систем. Подобные структурные признаки как носители информации о традициях имеют обычно богатую предысторию и проявляются как знаки традиций. Конкретность форм исторически изменчива, в то время как метро-ритмические структуры переходят из одного исторического стиля в другой, получают развитие в новых образах. Подобные структуры и предопределяют возможность синтеза старого и

нового. К сожалению, в процессах реконструкции исторических центров городов, когда зодчему приходится встраивать новый объект в историческую среду, часто обрываются столь необходимые связи нового со старым. Между тем существующая структура дает возможность развивать эти связи на основе ритмических особенностей основных объемов старой застройки, выраженных в силуэте и принципах расчленения участков фасадов. Знаки традиций выявляются, в частности, в ритмах и числовых принципах расчленения фасадов и других признаках. Это открывает широкие возможности для развития традиционных образов, если, разумеется, отображаются основные признаки, которые их формируют. Особое место среди культурных значений занимают символические. В архитектурной теории представления развиваются главным образом в русле философии символизма. Сторонники этого направления зачастую усматривают главное содержание композиции и формообразования в развитии глобальных символов, свойственных эпохе, культуре или архитектурному течению (Тафури). В соответствии с этим в образных и знаковых особенностях формы реализуются глобальные символы художественного мышления эпохи. Символ в некотором смысле выше и значительнее других знаков в архитектурном формообразовании. Однако в связи с этим важно видеть различие уровней, на которых проявляются семантика и знаковые системы. Символ во многом характеризует художественный образ. Но символы входят и как элементы, иногда даже второстепенные, в общую информационно-знаковую систему архитектурного объекта. В этом случае термин «символ» приобретает чисто семиотический смысл в архитектурном формообразовании. Он нередко оказывается независимым по отношению к формированию образа, что отвечает его осознанному использованию как особого средства воздействия. В магических учениях знак наделяется самостоятельной силой воздействия и превращается в сознательно скрываемый от человеческого восприятия. Древнеиндийские мандалы; кресты, лежащие в основании большинства христианских храмов; семиугольники счастья, треугольники Троицы, магические круги, выявленные в многочисленных исследованиях готики; крестообразные и спиралевидные символы архитектурной эпиграфики ислама, восходящие к зороастризму; планировочные символы буддизма – все эти и многие другие символические структуры, активно включавшиеся в архитектурное формообразование различных объектов Средневековья, были весьма отдаленно связаны с образами реальных архитектурных объектов, в которых они находили воплощение. Такие символические структуры не принадлежат в полном смысле ни перцептивному, ни материальному уровню среды и ее объектов, а завуалированно присутствуют на обоих уровнях. Например, пятиконечная звезда, лежащая в основании плана Театра Советской армии К. С. Алабяна и В. Н. Симбирцева, является продолжением магического средневекового символизма. Участие символов в реальном воздействии архитектуры на человека на самом деле не ограничивается условиями их конкретной обозреваемости и узнаваемости. То, что мы непосредственно воспринимаем и осознаем, далеко не исчерпывает возможностей воздействия. Символические системы могут не только не осознаваться при восприятии (подобно структурам мифов, заложенным в текстах естественного языка и в мифологии коллективного бессознательного), но вообще могут использоваться в расчете на некие биофизические воздействия.

Формирование исторической среды в семантическом аспекте предстает как наполнение материальной и перцептивной неоднородности многообразным содержанием и как целенаправленное изменение этих неоднородностей под воздействием определенных комплексов значений. Это позволяет понять двуединый характер формирования информации в искусственной среде. Она формируется и через синтез значений посредством синтеза знаков перцептивного уровня, и через формирование функционально-материального уровня. Понимание этих разных механизмов закрепления значений позволяет объяснить происхождение многих приемов формирования среды и их исторические изменения. Развитие новых значений в определенном типе объектов на определенной территории и в определенном месте приводит к существенному изменению среды и композиции архитектурных объектов. Это особенно заметно, когда развиваются сложившиеся прототипы. Необходимость обозначения и выражения новых значений активно изменяет материальные носители, заставляя искать новые конструктивно-строительные приемы, выявлять утилитарные функции пространства, структуры жизненных процессов среды. Формирование готических храмов было связано с переходом к конструктивной системе, позволяющей создать окна с тонкими витражами и льющимся сверху светом, ажурные устремленные ввысь изящные архитектурные формы с многочисленными элементами символики и декора, развивающими и обогащающими структуру общей конструктивной системы. Таким образом формировались принципиально новые комплексы

значений, некое новое образно-символическое, идейно-эмоциональное содержание, обозначенное понятием «готика». Поиски новых конструктивных решений направлялись символическими структурами, необходимостью активного выражения связи земного и потустороннего, организации более развитого и образно воздействующего внутреннего пространства ритуалов. Активное устремление пространства и архитектурных элементов вверх символически связывало два мира световыми потоками, развивало подобный музыкальному сложный строй ажурных деталей, наполненный развитой символикой, иконическими знаками и текстами, о которых мы уже говорили выше. Поиски материальной морфологии и пространства среды во многом обусловлены выражением новых значений.

Материализация значений, их закрепление и развитие в композиции осуществляются наиболее полно благодаря профессиональным приемам и методам. Прежде всего для этой цели используются архитектурные элементы, обладающие богатством значений. Их использование позволяет достичь художественной образности и символичности и в то же время создать обусловленное, закономерное в построении живое, наполненное богатством значений архитектурное окружение. Многочисленные проявления этих закономерностей дает древнерусская архитектура. Композиция ансамблей кремлей органично включила в себя особенности крепостной, культовой, позднее – дворцовой архитектуры. Объемно-пространственные композиции создавались в результате органичного и живого развития асимметрии, различных усложнений. В целом все это позволяло создавать синтез разных значений и знаковых форм. Традиционные византийские приемы и формы привносили развитую символику восточнохристианской архитектуры. Использование приемов асимметричного усложнения, развитие во внешних формах пространственно-функциональных особенностей зданий, выявление контрастных отношений в сочетаниях основных элементов – все это способствовало формированию многообразной информации о сложной обусловленности среды многими факторами.

4.3. Формирование исторической среды и синтактика композиции

Если признавать закрепление знаков в материальных формах, реальность знаков и отношений между ними, то следует прийти к выводу о существовании *правил, действующих в организации этих отношений* [Bense, 1982 [1965]; Моррис, 2001]. В вербальном языке, речи, словесном тексте такие правила, как и сами отношения между знаками (различными морфемами, фонемами, словосочетаниями и др.), хорошо изучены. Если рассматривать *правила в отношениях знаков в среде, то они отчасти описываются* в традиционной теории композиции и в эстетике *как различные закономерности гармонизации: симметрии, ритмы пропорциональные системы размерных отношений, подобия частей и целого, числовые характеристики групп элементов, целостности геометрических фигур*. В то же время правила синтактики охватывают более широкие и менее наглядные области знаковых систем, а не только гармоничные отношения воспринимаемых пространственно-визуальных элементов: отношения организации жизненных процессов, пространственно-временных условий восприятия окружения, организации перцептивного пространства, пространственно-визуальных неоднородностей среды. Преломляясь в каждой пространственной композиции на основе единого замысла, на этих разных уровнях складываются следующие средства формирования среды: *1) зонирование – организация физического пространства жизненных процессов, определяющая интеграцию и дифференциацию функционально-пространственных зон и их взаимосвязи; 2) программирование условий восприятия окружения – коммуникативных ситуаций; 3) организация перцептивного (непосредственно воспринимаемого) пространства; 4) организация визуального материала (рис. 3.5)*. Следует объяснить особенности каждой из этих групп средств организации архитектурного окружения.

В процессах зонирования, организации физического пространства различных процессов деятельности и поведения могут совмещаться или дифференцироваться в одном пространстве различные функции. Организация физического пространства процессов деятельности существенна и в плане собственно эмоционального воздействия среды. Для подтверждения этой мысли целесообразно обратиться к примерам. Процессы деятельности и поведения, связанные с узко практическими целями и условиями строго избирательного восприятия объектов, трудно совместимы с процессами отдыха, созерцания, познания окружающей среды. Столкновение этих разных типов деятельности в одной архитектурной среде может создавать состояние дискомфорта. Поэтому, пытаясь выразить ощущение неуютности пространства, часто прибегают к его сравнению с вокзалом или проходным двором, где доминируют

беспокойство и невозможность уединения и спокойного отдыха. Между тем пространства многих городских площадей, объективно несущие культурно-исторические значения и традиционно выполняющие функции общения людей, зачастую поглощаются транспортными развязками и пешеходными потоками. Такие планировочные решения возникали еще в 60-е гг. Даже при выделении на таких площадях островков зелени они утрачивают особую традиционную для городских площадей роль среды жизненных процессов. Функционально-планировочная организация, формирующая движение людей и машин, подчиняет себе восприятие среды [Сомов, 1985]. Значительные скопления людей в такого рода транспортных узлах приходят в противоречие с условиями восприятия исторической среды города. Включаясь в потоки автомобилей и пешеходов, люди начинают воспринимать городское окружение узко избирательно. И если архитектура площади достойна стать объектом эстетического восприятия, утилитарный характер происходящих на ней процессов во многом исключает эту возможность. Эти явления связаны с организацией транспорта и пешеходного движения. Поэтому получили широкое распространение альтернативные решения, когда зона центральных улиц и площадей города или по крайней мере отдельные особо значимые в эстетическом отношении элементы городского пространства вообще освобождаются от транспорта и служат пешеходными зонами – в этих случаях архитектурные объекты включаются в восприятие исторической среды города. Содержательность, наполненность значениями улиц и площадей исторических городов связана прежде всего с их многолюдностью, с калейдоскопичностью многочисленных магазинов, кафе, ателье, с мозаичностью витрин – словом, с богатством разнообразной информации [Линч, 1982]. Разумеется, планировочная организация учреждений торговли и обслуживания в городе не может определяться исключительно факторами восприятия среды. В основе размещения и планировочных решений этих учреждений лежат объективная необходимость доставки крупных партий товаров, организация автостоянок, технология торговли, условия пешеходной доступности и т. д. И все-таки пространственное расположение часто посещаемых учреждений сферы торговли и услуг требует формирования городской среды, наполненной людьми, направлений основных маршрутов движения в ней.

В проектировании так или иначе программируются *условия восприятия окружения – коммуникативных ситуаций*. Таковы, в частности, условия для восприятия в среде различных объектов – людей, природных или городских пейзажей, фрагментов архитектуры. Отсюда стремление к организации среды как некоторого набора видовых картин, открывающихся человеку по определенной заложенной в проекте программе. Существует, в частности, немало возможностей программирования видовых картин городской жилой среды с учетом движения в жилом комплексе, его восприятия с дальних точек, при движении из застройки в архитектурно-градостроительное окружение и т. п. Это, в частности, программирование пространственных раскрытий, создание различных архитектурных неожиданностей на путях движения людей, увеличение или уменьшение количества визуальной информации путем создания сгущений, разрядок и т. д.

Средства организации перцептивного пространства определяются функционально-планировочной организацией процессов. *Пространственно-визуальный материал* испытывает на себе влияние организации материального и перцептивного пространства и последовательной смены видовых картин. Средства организации этого уровня подчиняются единому замыслу и в первую очередь организации самих процессов поведения и деятельности и процессов восприятия. С этим связана роль ряда композиционных приемов построения пространства, синтезирующих различные структуры. Таковы, в частности, приемы строго симметричной организации храмовых и дворцовых комплексов в разные периоды истории и в разных культурах. Выше уже говорилось о роли зеркальной симметрии как о средстве ориентации в пространстве, средстве формирования моделей и образов окружения. Однако осевые симметричные построения не являются лишь способом организации и создания определенности объемов, масс, пространств архитектурных ансамблей. Объемно-пространственные композиции великих архитектурных ансамблей, построенные по этому принципу, не отвечали бы эмоциональному содержанию торжественных массовых действий, ради которых они создавались, – религиозных шествий, военных парадов, придворных церемоний, общественных праздников и т. д. В частности, применение симметрии во многих случаях обусловлено именно эмоциональными значениями этих процессов. Зеркальная симметрия организующих пространство крупных объемов порождает значения торжественности, праздничности, триумфальности. В симметричной композиции пространственно закрепляются развернутые во времени структуры процессов, различающихся по значимости, что способствует

осознанию их иерархии. Движение, подчиненное основному направлению, приобретает особую величественность благодаря центральному положению движущегося человека, ритмическому чередованию элементов среды, например больших и малых залов, колоннад и т. д. При этом особой значимостью отличаются главные элементы, расположенные по оси симметрии, замыкающие движение и останавливающие направление взгляда. Центричная постановка архитектурного элемента, приковывая к нему внимание и выявляя его значимость, создает кульминацию при восприятии.

В высказываниях о среде нередко понятия «эстетическое воздействие» и «эмоциональность» непосредственно связываются с понятиями «порядок», «организованность», «метр», «ритм» и др., характеризующими различные стороны структурной организации архитектурных объектов. Значимость этих средств в композиции архитектурных ансамблей, центров городов, отдельных зданий и сооружений традиционно связывалась с гармонией, эмоционально-эстетическим воздействием. В истории эстетики идеи об этой связи прошли сложную эволюцию от эпохи Древнего мира до XX в., найдя отражение в профессиональных представлениях об эвритмии, соразмерности, пропорциональности, гармонии.

Организация элементов среды оказывается отчасти самостоятельной по отношению к тому, какую семантическую нагрузку несут архитектурный ансамбль в целом, отдельные здания, архитектурные элементы, как выражаются в среде такие значения, как теплота и уют, торжественность и парадность и т. п.

Различные воспринимаемые элементы и отношения предстают как носители, включенные во все три измерения информации и знаков: в прагматику, семантику и синтактику. Выявляется, в частности, автономность элементов в формировании семантики и синтактики – их относительная самостоятельность как подчиненных правилам определенности, организованности, разнообразия пространственно-визуального материала. Различные визуально воспринимаемые элементы выступают как сложные носители предметно-функциональных значений, способствуя созданию картины окружения, ориентации в нем человека, закреплению многообразной информации для деятельности и познания. Повторяя обобщающую семиотическую идею О. В. Куайна, можно сказать, что тождества цивилизационного уровня преобразуются в тождества образа жизни, а из них – в тождества самоидентификации социума [Quine, 1973]. С этой стороны *организация воспринимаемых элементов объекта подчиняется выражению значений* (традиционные пропорции, символические числа). Поиск размерных отношений элементов определяется индивидуальными особенностями среды, например созданием пропорциональной системы элементов, отражающей культурные традиции. В композиции комплексов при относительной простоте объемов и отдельных архитектурных элементов отображаются их многообразные значения. На уровне формирования массивов исторической застройки размерные отношения объемов и образуемых ими пространств выражают свободу или сдавленность пространства; через размерные отношения объемов акцентируются смысловые различия зданий; объемно-пространственный строй архитектуры создает ощущение праздничной торжественности важных общественных центров или будничности и уюта жилой среды. Создается эффект неожиданных раскрытий пространства и видовых картин, стимулируются познавательный интерес к среде, познавательные процессы при восприятии.

Отвечая потребности человека в получении информации, не теряющей новизны и потому постоянно пробуждающей интерес, архитектор закономерно стремится к некоторому смысловому и визуальному разнообразию жилой среды. Необходимое же стремление к ориентации требует ее организованности, что достигается с помощью создания различных ориентиров, единой структуры пространственных элементов композиции, выделения композиционных центров осей и т. п. Речь идет не только об утилитарной цели не заблудиться, быстро найти нужное место, сориентироваться среди разнородных объектов – не менее важна ориентация в среде в целом. Если человек не находит ориентиров, он теряет представление о среде, т. е. в определенном смысле теряет самого себя. Если окружение хаотично, мысленное моделирование затруднительно, неизбежно возникает сложность при ориентации и связанные с этим неудовлетворенность окружающим, беспокойство, т. е. эмоциональный дискомфорт. Подобных явлений немало в индустриальной жилой застройке [Сомов, 1986а]. Например, протяженные объемы жилых зданий иногда располагаются не параллельно, а под незначительными углами друг к другу. Отступления от строгой параллельности архитектурных объемов сами по себе не являются препятствием для высокой степени организованности пространства. Малый угол часто являлся активным признаком,

организующим перцептивное пространство ансамбля, способствуя восприятию расширения пространства, фокусируя значимые элементы этого ансамбля, обостряя его индивидуальные черты. Таковы трапециевидные построения площади Капитолия в Риме, площадей Сан-Марко и Пьяцетты в Венеции, Соборной площади Московского Кремля (см. гл. 5). В каждой конкретной ситуации подобное геометрическое усложнение используется для развития и выражения композиционного замысла, например для активизации роли акцентного сооружения, стоящего в створе развернутых зданий. По контрасту эти сложные композиционные построения игнорируются при проектировании массовых жилых районов, в пространственной организации жилых массивов зачастую не обнаруживается принципа, определяющего развернутые протяженные фасады. Прием становится ничем не оправданной случайностью. Возможно, при проектировании принимались во внимание какие-либо факторы, например рельеф, но эти факторы не нашли убедительного выражения. В результате возникает впечатление ошибки. Отступления от схем необходимы, чтобы смягчить жесткую упорядоченность, избежать угнетающей монотонности окружения, пробудить интерес к необычному. Эти явления рассматривались во взаимосвязи с оригинальностью информации. Возникновение таких ситуаций можно программировать, применяя в организации пространства своего рода композиционные загадки – приемы, способствующие эмоциональному воздействию среды. Данные тенденции проявляются в сложной организации пространства, в остроте неожиданных пространственных раскрытий, в активизации контрастов. Своеобразная трактовка городских жилых кварталов как пространственно целостных и композиционно развитых образований находит выражение и в элементах. Сложный силуэт отвечает общему замыслу, поддержанному природным окружением. Разнообразие достигается унификацией первичных элементов. С этой целью в 70–80-е гг. XX в. использовались, в частности, активные различия в трактовке проемов – их горизонтальное объединение с дематериализацией углов, сдвижки по отношению друг к другу и т. п.

Преобладание разнообразия или организованности определяется взаимоотношением различий и тождеств групп элементов и отношений. *Если пространственно-визуальное разнообразие – это совокупность различий воспринимаемых элементов, то пространственно-визуальная организованность, упорядоченность среды – это совокупность тождеств.* Соотношение различий и тождеств играет существенную роль и в организации жилых комплексов, и в регенерации исторической городской среды [Сомов, 1986а]. В частности, в индустриальных жилых комплексах тождества подавляют различия. В грандиозных по масштабам системах индустриальных типовых элементов ощущается необходимость развития различий и активизации этих различий в формировании среды. От этого зависит пространственно-визуальное разнообразие крупных массивов застройки. Далеко не каждая из таких систем и завершенных на их основе композиций обеспечивает необходимый уровень различий. Чаще всецело доминируют тождества. Они господствуют не только на уровне стеновой панели, проема или балконного ограждения, но и на уровне крупных внутриквартальных пространств, идентичных по величине и по характеру взаимосвязей элементов. Тождественны секции, а следовательно, и конфигурации объемов зданий. Абсолютно преобладают параллелепипеды. Поскольку тождество заложено в шаге секций, одинаковый метр в определенном смысле пронизывает композицию застройки, диктуя также тождественное решение фасадов. При этом фасадные элементы строго подчиняются структуре жилых домов без выделения каких-либо особых акцентов. Все это неизбежно усиливает однообразие. Метрические повторения элементов традиционно осознанно использовались как организующее начало композиции. Однако в их доминировании в городской среде нельзя не видеть одной из причин монотонности [Сомов, 1986а]. Вторжение подобных образований в историческую среду городов было губительным. Поэтому в советский период в 70–80-е гг. XX в. приходилось спасать исторические центры древних русских городов, городов Закавказья и Прибалтики от их «засорения» типовыми жилыми домами крупнопанельного домостроения, разрабатывая и внедряя систему запретов на массовое строительство в охранных зонах, выделяемых на исторических городских территориях.

Организация нижнего яруса застройки городских кварталов особенно существенна и требует прежде всего проработки архитектурных элементов и деталей, воспринимаемых вблизи и на уровне глаз, – входов в дома, дверей, витрин, лестниц, мощений, подпорных стенок и других элементов. Созданию благоприятного «эмоционального климата» способствует сочетание природных и архитектурных форм – дикого камня, зелени, дерева с его цветофактурой и т. п. Существенна также деталировка архитектурных элементов в материале. Свободные, живописные по

характеру построения элементы «архитектуры земли» и малых форм смягчают геометрично-индустриальную жесткость жилого дома. Поэтому в зоне земли получают развитие индивидуальные формы, контрастные повторяемости элементов жилого дома. Разработка обрамлений входов в жилые подъезды по контрасту с дверями, ведущими в различные учреждения в пристроенных объемах, использование панелей с крупнофактурной поверхностью, создание подпорных стенок, введение цветовых различий – все это в сочетании с природными формами позволяет организовать информативно насыщенное окружение в том числе и в районах массовой застройки.

Выше разнообразие и организованность рассматривались во взаимосвязях с моделированием среды. Следует обратиться также к комплексу значений, обусловленных фундаментальной потребностью в эмоциональном контакте с другими людьми. Жилая среда в различные эпохи и в разных культурах характеризовалась такими качествами, как теплота, уют, выражение чувства родного дома или города, – всем комплексом воздействий, связанных с эмоциональным контактом людей, с утверждением их семейной, родственной, национальной общности. Данная тенденция проявлялась в различных знаковых формах, выражающих индивидуальные особенности жизни семьи, поселения, региона или нации. В доиндустриальные периоды это достигалось естественными механизмами. Традиционные особенности функционально-планировочных решений, конструкций и материалов выражались в устойчивых внешних признаках архитектуры жилых домов – носителях значений своеобразия. Это способствовало формированию индивидуальных особенностей поселений, городских кварталов, отдельных жилых домов. Материальные элементы естественным образом закреплялись в качестве особых знаковых форм индивидуальности. Домашний очаг объективно становится метонимией рода или семьи в различных культурах, приобретая вместе с тем образно-эмоциональные значения в зависимости от конкретных особенностей организации жилища (камин, русская печь, голландская печь и т. п.). В процессах формирования жилища отдельные элементы в определенном смысле поднимались из слоя собственно материального существования до уровня их художественного-духовного существования. При этом элементы городской среды были традиционно взаимосвязаны с социальными функциями; крупные пространства и их функциональные элементы, отдельные архитектурные объекты, отдельные фасады зданий приобретали не только частный (приватный), но и общественный (публичный) характер [Pred, 1983; Pinxten, 1983; Day, 1994; Crawford, 1995]. Таким образом, отношения элементов функционально-материального уровня выражают многие значения, могут служить для решения ряда содержательных задач и, следовательно, включаются в сложную ткань исторической среды города.

Такая многосложность свойственна также отношениям перцептивных, пространственно-визуальных элементов. Организация пространства, светотеневой структуры ансамблей, отдельных фрагментов, зданий, взаимного расположения и конфигураций, объемов, отношений визуально активных горизонталей и вертикалей фасадов есть одновременно организация определенных знаков и потенциально закрепленных за ними значений. Различные типы упорядоченности этого пространственно-визуального материала позволяют достичь целостности фрагмента городской среды, обозначить и выразить его обобщенные образно-символические черты.

Синтактика основана на различных типах отношений элементов, она реализуется на разных уровнях как организация элементов, несущих значения (собственно знаков), и как организация отношений воспринимаемых элементов (фигур, сигналов). *При семиотическом подходе выделяются три и также четыре уровня* [Prieto, 1964, 1986; Sharov, 1999; Somov, 2012] (рис. 3.3). В соответствии с этим важно видеть прежде всего *различие элементов и отношений уровня знаков и элементов и отношений фигур. Элементы уровня знаков представляют собой объекты, дифференцированные по обозначаемым объектам (денотатам) и по значимости* – по функциям, конструктивно-материальным особенностям, метафоричности, символическому смыслу, социальной значимости и т. д. Здание организует комплекс жизненных процессов, имеющий некоторую социальную символическую значимость в городе. На этом уровне *здание является знаком. Это же здание представляет собой определенный воспринимаемый объем, соотносимый с другими объемами и прилегающими пространствами, геометрическое тело, вписанное в геометрию окружения, его текстурный и цветовой фрагмент, т. е. представляет собой фигуру или сигнал.*

Соответственно, выделяются *организующие тенденции во взаимоотношениях элементов определенного уровня.* Прежде всего требуют

определенной формальной организации пространственно-визуальные элементы – фигуры. Возникает необходимость связать между собой различные типы элементов и отношений этого уровня, в частности отношения направления крупных и значимых элементов, геометрические центры, пространственные оси и направления планировочных конфигураций, участки фасадных поверхностей зданий. Организация этих элементов, в свою очередь, основывается на структурах. Это повторение числа элементов, пропорциональные системы размерных отношений (в том числе геометрические подобия элементов), метро-ритмические структуры, общие организующие объемы и пространства плоскости и поверхности, объединяющие поверхности в пространстве, единые направления и точки фокусов этих направлений, силуэтные построения с обобщающими контурами, крупные конфигурации участков фасадов зданий, цветовые общности, связывающие различные объемы и поверхности [Барбышев, 1991; Сомов, 1990].

Те же вставки отличаются от старых зданий по признакам крупных расчленений поверхностей, текстуры, цвета, фактуры, по характеру рисунка деталей. Но тождественность по наиболее активным признакам с семиотической точки зрения более существенна в формировании знаковых единиц в отождествлениях (сем, семем и других семантических компонентов).

Организующая роль структур, признаков, элементов, отношений взаимосвязана с формированием определенных значений и образов. Это можно проиллюстрировать на анализе пропорций. Единая система интервалов между пропорционируемыми элементами связывает их в единое целое, создает определенный масштаб, общий образный строй, придавая впечатление строгости и стройности либо приземистости и тяжести. Это образует семантику пропорций, возможности их активного использования для развития определенного характера образа, для выражения своеобразия архитектурной среды.

Взаимосвязь синтаксических и семантических функций проявляется, в частности, в различных приемах геометрического подобия элементов. Данный прием не только связывает в единое визуальное целое крупные и мелкие элементы, способствуя целостности, но и усиливает смысловую значимость объединяемых по этому принципу элементов. Повторяясь в очертаниях в единой структуре, пространственно-визуальный элемент усиливает общее воздействие целого.

Представление о правилах организации различных элементов и отношений соответствует традиционным представлениям о связи части и целого в архитектурной композиции, о различных средствах организации композиционных элементов (пропорциональных, метро-ритмических, масштабных, элементов цветовой гармонии и т. д.). Конфигурации, силуэты, формообразующие линии, оси и центры, размерные отношения элементов, крупные организующие объект цветовые элементы наполняются многообразными значениями, включаясь в знаки, хотя правила организации таких элементов (фигур) между собой реализуются независимо от их значений.

В каждом типе элементов и отношений формируются особые правила организации. Принципиально значимы элементы, принадлежащие одновременно разным уровням. Это прежде всего те элементы материально-пространственной организации жизненных процессов и материально-конструктивных систем, которые существенны в формировании среды (площади, улицы, дворы, типы зданий и сооружений, типы помещений, конструктивные системы зданий и сооружений). Все эти функционально необходимые элементы, преобразуясь исторически, приобретают историко-культурные значения, становятся в процессах реальной жизни и в эволюционных процессах культуры интегративными знаковыми единицами с закрепленными за ними комплексами значений. Устойчивая роль таких элементов в городской жизни и культуре делает их активными элементами среды. Агоры, торговые площади средневековых европейских городов, атриумы, палаццо, небольшие пространства, напоминающие площади городов итальянского Возрождения, аркады, традиционные пространственные элементы русской архитектурной традиции – гульбища, крыльца, характерные лестницы и галереи, пешеходные улицы с характерными пропорциями элементов – все это традиционные элементы среды, которые несут историко-культурные значения. Они являются одновременно условиями ориентации в среде, элементами информации о функциях и социальной значимости архитектурного пространства, о характере и смысле происходящих в нем процессов, о работе конструктивных систем сооружений, последовательности и технологии строительства. Они являются также «узлами» различных предметно-функциональных значений настроений и

чувств, историко-культурных значений героев, событий, истории городов. Поэтому характерные элементы такого рода столь значимы в городской среде. Неслучайно именно отсутствие уютных дворов, сомасштабных пешеходу улиц, небольших, но социально значимых площадей ощущается многими профессионалами едва ли не как бедствие, «потеря» города.

Улицы, площади, переулки, традиционные дворы, проходы с характерным изменением перетекающих пространств приобретают в среде особые знаковые функции. Аналогична активная роль функционально значимых элементов здания. Кровля, эркер, лоджия, балкон, их ограждение, каминные трубы, двери и окна, их обрамления, будучи функционально значимыми, активно включаясь в процессы поведения и деятельности людей в архитектурном окружении, приобретают развитую семантику, наполняются многообразными культурными значениями, которые закрепляются как потенциальные при формировании этих элементов. Особые семантические качества и традиционный характер приобретают такие признаки, как местоположение окна на плоскости, пропорции дверей и порталов, окон и их обрамлений, расчлененность фасадов проемами, их вертикальный или горизонтальный строй, пропорции интервалов между проемами, тождества различных групп элементов плоскости фасада и т. д. Эта устойчивая семантика архитектурных элементов и деталей закрепляется в исторически устойчивых знаковых единицах, приобретая в них помимо предметных символические, изобразительные, культурно-исторические и другие значения.

При формировании среды оказываются существенными *различия в отношениях парадигматики и синтагматики.* Ставя в один ряд элементы разных ордеров, иллюстрируют отношения парадигматики, сравнивая элементы одного ордера в одном здании, – отношения синтагматики [Соссюр де, 1977]. Эти взаимоотношения особенно наглядно проявляются при включении элементов с устойчивыми значениями в новые сочетания. Закрепляя условиями человеческой жизни развитые коды и системы языка, среда создает правила парадигматики, а также развитые правила синтагматики – реально ощутимые *закономерности архитектурной композиции.*

В архитектурной композиции наблюдается особая значимость отношений «различие – тождество», дифференциальных признаков, структурных связей «означаемое – означающее» и других характеристик структурной организованности знаковых систем, которая признается как их необходимое свойство.

Слой синтактики в отношениях между собственно знаками определяется смыслоразличительными функциями элементов. Значимость элемента уровня знаков определяет и его активность как элемента плана выражения. В одних случаях требуется более активное, в других – менее активное выявление элементов. Эволюция среды дает примеры выражения значимости элементов различными средствами усиления пространственно-визуальной активности того или иного элемента. Однако если структуры значимых элементов формируются вне человеческих кодов, возникают на чисто технологической основе, это приводит к отрицательному воздействию. Например, при массовом индустриальном строительстве многие элементы стандартизируются, например входы в жилые дома отождествляются с дверями в камеры мусоросборников. У человека возникает неуважительное отношение к своему жилищу, а возможно, к самому себе. Подобные примеры иллюстрируют, смыслоразличительные отношения архитектурной синтактики.

В условиях индустриального строительства смыслоразличительные правила не реализуются. Уменьшение разнообразия пространственно-визуальных элементов, в совокупности формирующих облик жилого массива, приводит к дефициту информации. Конечно, торговый центр можно отличить от школы, детский сад – отличить от поликлиники, но лишь в самых общих функциональных признаках зданий – в объемах (да и то не всегда), в характере остекления, в соотношениях глухих фасадных поверхностей и стен с проемами. Однако это весьма общие признаки различий только для смыслоразличения зданий. В городской застройке необходима дифференциация элементов по ряду признаков – общеструктурных, текстурных, фактурных.

Рассмотренные в § 4.2 неоднородность, организованность, разнообразие, структуры, в которых и на основе которых «вырастает» информация искусственной среды, оказываются в центре профессиональных теоретических представлений об архитектурной композиции, среде, формировании городской жилой застройки. Существенные различия разнообразия и организованности отображаются в характерных различиях подходов к формированию архитектурной среды.

Для регенерации городской среды может использоваться случайность, незапрограммированность композиционных связей ее элементов. Либо, напротив, городская застройка формируется на основе единого композиционного приема, продолжающего историческую ткань города. Первый подход во многом основан на некоторой непредсказуемости изменений в формировании города, несмотря на то, что застройка осуществляется по единой проектной документации. Все новые здания включаются в сложившуюся ткань города, причем не только в дошедшую из отдаленного прошлого, но и в сформированную относительно недавно. В результате композиционные связи элементов значительно усложняются. Если первоначально в данный фрагмент исторической среды была заложена определенная структура, то затем в ходе вынужденных преобразований, различных уплотнений она нередко перестает «прочитываться» в своем первоначальном виде. Помимо непредсказуемости изменения облика застройки в качестве основных аргументов в пользу такого подхода приводится и возможность достижения максимального разнообразия.

При свободных, нерегулярных объемно-пространственных построениях основная функция элементов заключается в необходимости визуальной организованности застройки. Если разнообразие достигается на объемно-пространственном уровне (развитый силуэт, неожиданные раскрытия пространства и т. п.), то организованность формируется на уровне мелких элементов. При этом возможно развитие общих организующих признаков в решении зданий и в «архитектуре земли» (в организации площадок, подпорных стенок, характере замощений и т. д.).

Разнообразие и организованность как условия информативности среды являются взаимодополняющими на разных уровнях организации – объемно-пространственном и пластическом, на уровнях архитектурных элементов и деталей. Хотя соотношение разнообразия и однообразия, случайности и закономерности в формировании городской среды трактуется по-разному. Как утверждал, например, крупнейший советский архитектор А. К. Буров, «Ленинград красив именно однообразием своих улиц, которые служат “средой” для уникальных индивидуальных сооружений – памятников» [Буров 1960. С. 83]. И в ряде других, более современных отечественных и зарубежных источников формирование городской застройки рассматривается на основе использования единых организующих принципов. В то же время имеется немало сторонников распространения разнообразия, увеличения количества информации пространственно-визуальных элементов, сторонников многократного членения композиции застройки на множество приемов. Высказывания многих современных архитекторов дополняют и конкретизируют эти различные подходы. Анализ накопленного опыта дает основание утверждать, что эти различные подходы не являются взаимоисключающими. Каждый из них имеет определенные границы, те или иные преимущества и в конкретных ситуациях может дополняться другим [Сомов, 1986а]. Распространение принципа «случайности и пестроты» на всю объемно-пространственную и визуальную организацию фрагментов городской среды едва ли вытекает из условий их формирования. Часто отсутствие взаимосвязи в облике разных зданий приводит к таким «незапрограммированным случайностям», которые нельзя считать положительным явлением. В зданиях, разрабатывавшихся раздельно, без учета координации, даже в условиях общей организующей системы метра, применения симметрии в решениях групп зданий, взаимосвязи объемов по высоте и единой объемно-планировочной структуре часто не возникает ни необходимого единства, ни композиционного разнообразия застройки. Здания оказываются случайно близкими, не дифференцированными по основным признакам.

Неорганизованные отношения активных вертикальных и горизонтальных элементов на разных фасадах одновременно воспринимаемых домов, неопределенность в группировке элементов этих фасадов, в их светотеневой структуре и фактурных отношениях отнюдь не приводят к разнообразию крупных массивов застройки. Как показывает анализ многих зарубежных комплексов, например в городе Велико-Тырново и др. (см. гл. 9), их разнообразие лишь на первый взгляд может представиться результатом множества «случайностей». На самом же деле каждый из этих комплексов построен на основе строго продуманного приема, естественно, с учетом технологических возможностей, тесно взаимосвязанных с решением собственно архитектурных задач целенаправленной композиционной разработки архитектурного комплекса [Сомов, 1986а].

При проектировании крупных массивов застройки на больших свободных территориях и при отсутствии характерных природных факторов использование случайности (в общекомпозиционном решении, в сочетаниях объемов, в организации их элементов, цветовых отношений и

т. п.) объективно не обусловлено. Для информативного насыщения городской среды в этих ситуациях эффективны различные отступления от строгой упорядоченности, в частности отступления от элементарного метрического повторения, усложнение планировочных конфигураций и силуэта отдельных зданий и жилых групп, объемно-пространственные раскрытия и т. д. Это возможно также на уровне разработки отдельных фасадов путем отступления от жестких систем организации.

Безоговорочное распространение организованности на различные ситуации, особенно при реконструкции исторической городской среды, также неоправданно. Использование жестких средств организации и прежде всего многократного метрического повторения одинаковых зданий вносит диссонанс в сложную ткань исторического города, создавая чужеродные образования, не находящие связей с окружением. Преобладание тождественных признаков повторяющихся типовых объектов, включаемых в объемно-пространственную ткань исторической застройки, в материале облицовки фасадов, основных членениях, форме элементов и т. д. приводит к неисправимым искажениям облика исторического города. Для 60–80-х гг. обычна ситуация, при которой в историческую среду включались несколько однотипных жилых домов с метричным чередованием крупных, во весь фасад, групп лоджий. Эти два-три дома в композиционном отношении представляют собой лишь оторванный от более крупного целого строго упорядоченный фрагмент. Подобные абстрагированные от места жилые образования нарушают целостность крупных – иногда весьма ценных в художественном отношении – фрагментов исторической городской среды. В подобных ситуациях предпочтительнее включение в застройку более сложных архитектурных образований, соответствующих сложности исторической среды. Для подтверждения действенности такого подхода обращаются к историческим примерам, в частности к архитектуре средневекового европейского города. Вслед за К. Зитте ищут разгадку яркого воздействия городской среды. Не только в городах эпохи Средневековья, но и в городах и кварталах середины и конца XIX – начала XX в. разнообразно-пестрой городской среде доходных домов сохранившейся в Москве, Петербурге, других крупных городах улицы, площади, переулки привлекательны своим разнообразием. В городской среде это разнообразие связано с закономерностями информации. Застройка средневекового западноевропейского города по разнообразию, сложности, богатству отношений и в то же время по единству образующих ее элементов уникальна. Это определяют основные связи между объемно-планировочной организацией средневекового жилого дома и его внешней, визуальной формой. Крутые скаты крыш формируют активные силуэтные очертания зданий. Элементы фахверка дополняют и усиливают эту композиционную тему. Этих признаков достаточно, чтобы обеспечить визуальное единство крупных фрагментов средневекового города. Организующим началом является также фронт застройки – единая поверхность, композиционно связывающая многие здания улиц и площадей. Таким образом, организованность и разнообразие застройки средневекового города не являются результатом действия каких-либо случайных факторов. В синтактике и ее организованности основную роль здесь играют структурные признаки, являющиеся результатом взаимодействия функционально-планировочных и конструктивно-технологических факторов. Разнообразие средневековой застройки – результат отличий отдельных зданий, дополняемый индивидуальными условиями строительства и функционирования каждого жилого дома, хотя и в рамках единых норм.

Как показано выше, организация застройки определяется многими объективными конкретно-историческими условиями, обусловлена образом жизни. В то же время остается широкий диапазон возможностей использования традиционных пространственно-визуальных элементов исторической городской среды (см. гл. 9). При этом особое значение приобретают признаки случайности, которая позволяет найти черты преемственности в новом без копирования каких-либо исторических форм организации жизни людей или конкретных архитектурных форм. Это осуществляется благодаря скрытым знакам – коннотациям.

В результате сопоставления планировочных систем городов, фрагментов застройки прослеживаются *два подхода к формированию пространственных элементов. В одном доминирует принцип регулярной организованности, в другом – принцип свободного структурообразования и случайности.* Доминирующая роль того или иного принципа определяется многими факторами [Алексеев, Сомов, 2014]. Эти различия находят выражение в поиске традиционных черт исторического города, во взаимоотношении различных по назначению объектов, в необходимости выявления общественной значимости, в создании эмоционального воздействия,

соответствующего комфортности жилой среды.

Тексты – знаковые системы, по правилам которых формируются конкретные фрагменты городов и городских пространств, городские архитектурные ансамбли. Выделяются два подхода к анализу и конструированию текстов. В концепциях структурализма текст рассматривается как *структура коммуникативного акта и основные присущие ему функции* [Якобсон, 1975; Барт, 1989], как *структуры последовательно раскрывающихся знаковых образований* [Лотман, 1972]. Тексты фрагментов исторической среды могут рассматриваться при таком подходе как *системности, формируемые в структурах коммуникативных актов и коммуникативных ситуаций.* Регенерация городской среды может основываться, в частности, на воссоздании смены видовых картин, пространственных раскрытий, значимых акцентов исторического города (т. е. на изменениях коммуникативных ситуаций), что реализуется в европейских исторических городах при комплексной реконструкции улиц и площадей. В то же время следует учитывать второй, более широкий, подход, который сложился в постструктурализме и прежде всего в концепции Ю. Кристевой, при применении которого тексты рассматриваются как реализации непереводимых, подсознательных стремлений и невербализуемых моделей мировосприятия. Это отчасти соответствует представлениям историков архитектуры, в которых модели мира, лежащие в основании многих городов и архитектурных ансамблей, являются основой для «прочтения» этих текстов и их отдельных значений. Но модели мира исторически подвижны, они по-разному интерпретируются разными группами коммуникантов. С этим связана необходимость рассмотрения интерпретативности текстов.

Интерпретативность текстов городской исторической среды образует особую область их исследования и формирования [Bonta, 1979; Scruton, 2013 [1979]]. Для описания интерпретаций теоретики регенерации исторических мест вводят понятие «дискурс», получившее развитие в работах У. Морриса, а затем в семиотических методах в антропологии, этнографии, политологии и других науках [Gottdiener, Lagopoulos, 1986]. Дискурс может рассматриваться как *коммуникативный канал, который приобретает определенность* благодаря участию в коммуникации определенных групп коммуникантов с определенными интенциями и целями [Dijk van, 1985]. *В интерпретации городского окружения участвуют различные городские дискурсы.* В соответствии с ними отчасти осуществляется восприятие тех или иных фрагментов города. В то же время интерпретативность городских текстов не может абсолютизироваться и требует в целом ряде ситуаций подчинения вполне определенным глобально-историческим образам и символам, например при воссоздании среды православных центров, исторических ансамблей государственной власти, военных мемориалов и т. д.

ГЛАВА 5.
Фрагменты исторической среды, архитектурные ансамбли, уникальные историко-культурные и природные комплексы

Уникальные территории, требующие охраны и регенерации, представляют собой многие складывающиеся на протяжении столетий территории городов и поселений, архитектурные ансамбли, историко-культурные и природные комплексы. В данной главе рассматриваются характерные особенности этих архитектурно-градостроительных образований, требующие анализа и учета при разработке проектных решений по их охране и регенерации.

Прежде всего необходимо описать, что такое место.

5.1. Место и его историко-культурные особенности. Фрагменты исторической среды

Место обычно описывают как имеющую определенные размеры территорию в окружении более крупной территории. В аспекте охраны культурного наследия основополагающую роль играет история места и связанные с ней мифы. Эта роль исторических событий особенно наглядна в древнейших поселениях. Вот, например, Дербент в Дагестане – древнейший город на территории России.

Дербент (от перс. Дарбанд – «Закрытые (связанные) врата») – город в узком проходе между Каспийским морем и предгорьем Кавказа. Баб-аль-Абваб (в сокращенной форме аль-Баб) – арабское наименование города. Буквально Баб-аль-Абваб (аль-Баб) означало Ворота ворот. Город так назван вследствие роли, которую он играл в геополитике раннего Средневековья, являясь важнейшим стратегическим пунктом на торговых путях из Европы в Азию.

Дербент считают одним из древнейших «живущих» городов мира. Первые поселения возникли здесь в эпоху ранней бронзы– в конце IV тысячелетия до н. э. [8]. Первое упоминание о Каспийских Воротах (наиболее древнее название Дербента) относится к VI в. до н. э., его приводит известный древнегреческий географ Гекатей Милетский. Современный город был основан в 438 году н. э. как персидская крепость, состоящая из расположенной на холме цитадели (Нарын-кала) и двух идущих от нее к морю каменных стен, которые запирали узкий (3 км) проход между морем и горами Кавказа и ограждали с севера и юга территорию города.

Город расположен на западном берегу Каспийского моря, на реке Суходол, к северу от устья реки Рубас, там, где горы Большого Кавказа ближе всего подходят к Каспийскому морю, оставляя лишь узкую 3-километровую полосу равнины; замыкая ее, город образовывал так называемый Дербентский, или Каспийский, проход. Роль Дербента и Дербентского прохода в древности была велика, он был расположен в одном из самых стратегически важных и топографически удобных мест знаменитого Прикаспийского пути, связывающего Восточную Европу и Переднюю Азию. Важное значение Каспийского прохода было причиной захватнических устремлений скифов, сарматов, аланов, гуннов, хазар и других народов. Он пережил бурные исторические события, штурмы и разрушения, периоды упадка и расцвета. Здесь пролегал один из важнейших участков Великого шелкового пути, Дербент выступал перекрестком цивилизации, связывавшим Восток и Запад, Север и Юг.

Древнегреческий историк Геродот одним из первых приводит сведения о Дербентском проходе в V в. до н. э. Огромный интерес к городу проявляла и империя Селевкидов, первая экспедиция которой была организована при Селевке I в 290–281 гг. до н. э. В 66–65 гг. до н. э. осуществляются военные походы Лукулла и Помпея на Кавказ, одной из главных целей которых являлся захват Дербента. Преемниками Рима и Парфии в борьбе за Кавказ в раннем Средневековье становятся Византия и Сасанидский Иран. Важным фактом в истории Дербента, входившего, согласно мнению ряда авторов, в состав Кавказской Албании под названием Диауна, было принятие христианства в 313 г. Город служил северным форпостом Албании. Во второй половине V в. албанский царь на некоторое время сделал Дербент главным христианским оплотом Албании в борьбе с зороастризмом – традиционной религией огнепоклонников. С V в. начинается активное развитие города, а также грандиозное фортификационное строительство. Стены города должны были защитить Переднюю Азию от новых набегов кочевников – тюркских племен гуннов и хазар. Персидские цари изнурили страну, собирая архитекторов и изыскивая разные материалы для построения великого здания, которое соорудили между Кавказским хребтом и Каспийским морем (рис. 5.1–5.4).

В 439–457 гг. осуществлялось строительство фортификационных сооружений. В 488–531 гг. происходила замена сырцовых стен каменной кладкой. Крепость начинает приобретать вид, который сохранился до нашего времени. От крепости, расположившейся у подножия горного хребта, к морю спускались две стены, перегородившие Каспийский проход и призванные защищать город и торговый путь.

Растущая мощь и богатство Дербента не могли не привлекать могущественных соседей. В 552 г. происходит нападение хазар. Чтобы спасти патриарший престол, его переносят из Дербента в город Партав. В 626 г. западные тюрки через Дербент снова вторглись в Закавказье. Штурм Дербента был красочно описан армянским историком Мовсесом Каганкатваци. Персидский наместник из агванских князей

описывал, что происходило с защитниками великого города и с войсками, находившимися на стенах. «При виде страшной опасности со стороны безобразной, гнусной, широколицей, безресничной толпы, которая в образе женщин с распущенными волосами устремилась на них, содрогание овладело жителями; особенно при виде метких и сильных стрелков, которые как бы сильным градом одождили их и, как хищные волки, потерявшие стыд, бросились на них и беспощадно перерезали их на улицах и площадях города. Глаз их не щадил ни прекрасных, ни милых, ни молодых из мужчин и женщин; не оставлял в покое даже негодных, безвредных, изувеченных и старых; они не жалобились, и сердце их не сжималось при виде мальчиков, обнимавших зарезанных матерей; напротив, они доили из грудей их кровь, как молоко. Как огонь проникает в горящий тростник, так входили они в одни двери и выходили в другие, оставив там деяния хищных зверей и птиц».

Новый этап развития города был связан с вторжением арабов в VII в. Первые арабские отряды в 642–643 гг. появились у ворот Дербента. В 651 г. арабы захватили Дербент, однако прочно закрепиться они смогли лишь при Масламе ибн Абд аль-Малике в 733–734 гг. Халиф Омар передал управление Дербентом Абд ар-Рахману ибн Раби'а, который был «комендантом» крепости до 652–653 гг. С этого времени начинается активный процесс исламизации населения города. В это время была построена Джума-мечеть.

С завоеванием Дербента арабами город превращается в главный опорный пункт Арабского халифата на Кавказе, в важнейший военный, политический и идеологический центр; здесь проводятся значительные строительные работы. Дербент становится крупнейшим средневековым городом Кавказа с развитыми ремесленными производствами (гончарство, стеклоделие, металлообработка, ювелирное дело, камнеобработка и строительное дело, ткачество, ковроделие, производство бумаги, шелка, мыла) и сельским хозяйством (земледелие, садоводство; возделывание шафрана, марены, хлопка, льна и т. д.). Средневековый Дербент – крупнейший порт на Каспии, важнейший центр международной транзитной торговли Востока и Запада, Севера и Юга. Дербент поддерживал тесные торговые связи со многими областями и городами Ближнего и Среднего Востока, Восточной Европы – об этом свидетельствуют и средневековые авторы, и многочисленные археологические находки. Сюда прибывали торговые караваны и корабли из Хазарии, Руси, Волжской Булгарии, Джурджана, Табаристана, Дейлема, Хорасана, Хорезма, Индии и т. д.

В период распада халифата, в 869 г., жители Дербента провозгласили Хашима ибн Сурака своим эмиром, ставшим основателем династии Хашимитов. Во время правления его сына Мухаммеда I в 901 г. на Дербент напали хазары, но нападение было отбито. В 969 г. эмир Ахмад построил цитадель и укрепился в ней. Джума-мечеть является самым древним храмом города и одним из древнейших исламских храмов. Этот храм был переделан в мечеть после завоевания города арабами. Об этом свидетельствует то, что вход в здание находится с южной стороны, хотя вход в мечеть должен находиться с северной стороны так, чтобы ниша Михраб указывала направление на Мекку.

В XI в. в Переднюю Азию вторглись тюрки-сельджуки, которые создали державу, охватывающую Месопотамию, Сирию и большую часть Ирана. В 1067 г. в Дербент вступил первый сельджукский отряд. В 1075 г. город окончательно перешел под власть Сельджукидов. В XII в. в Дербенте вновь образовалось самостоятельное княжество, которое просуществовало до 1239 г., когда Дербент, завоеванный монголами, вошел в состав Золотой Орды. В этот период город постепенно приходил в упадок.

В 1395 г. через Дербентский проход в долину на севере вышел великий завоеватель Тамерлан. Он нанес сокрушительное поражение золотоордынским ханам. В том же году завоеватель передал Дербент иранскому ширваншаху, поручив ему охрану Дербентского прохода.

В эпоху Средневековья Дербент служил важнейшим центром связи между Востоком и Западом. Через него прошел в Китай венецианец Марко Поло. С XVI в. Дербент, как и весь Ширван, находился в составе государства Сефевидов. Но уже с начала XVII столетия город все в большей степени оказывался в сфере влияния России. В марте 1668 г. город Дербент взял штурмом донской атаман Степан Разин во время похода по Волге и Яику на Каспийское море. Взятие Дербента стало началом персидского похода Разина, закончившегося сожжением персидского флота в Каспийском море.

В начале XVIII в. над Дербентом нависла угроза персидского и турецко-османского завоевания. Тогда Петр I предпринял известный прикаспийский поход. 5 августа 1722 г. русская армия под командованием генерал-адмирала Ф. М. Апраксина двинулась к Дербенту, а 15 августа к городу прибыла транспортная флотилия из 21 судна с артиллерией и провиантом под командованием капитана Вердена. 23 августа русская армия заняла город. Население города во главе с местным наибом Имамом Кулибеком и мусульманским духовенством торжественно встречали русского императора и подарили ему два серебряных ключа от городских ворот и «Книгу о Дербенте», рассказывающую об истории города.

Петр I обратил особое внимание на его исторические памятники. Ученые и специалисты, находившиеся в его свите: Д. К. Кантемир, И. Г. Гербер, Л. Я. Соймонов – дали первое описание исторических памятников, положили начало

изучению Дербента. Были приняты меры по охране и благоустройству города, было приказано построить гавань по чертежу, были открыты продовольственные склады, лазареты, фактории русских купцов. Петр I предоставил жителям города право свободной торговли в пределах России, планировал развитие здесь виноградарства, виноделия, шелководства.

12 сентября Россия заключила с Персией мирный договор, по которому Россия получила город Дербент с прилегающими к нему областями. В 1735 г. по Гянджинскому договору Дербент вновь отошел к Ирану. Весной 1795 г. персидские войска во главе с основателем династии Каджаров Ага Мохаммедом вторглись в Кахетию, а 12 сентября захватили и разграбили Тбилиси. Выполняя свои обязательства по Георгиевскому трактату 1783 г., русское правительство направило Каспийский корпус (около 13 тыс. человек) из Кизляра через Дагестан в Персию.

2 мая 1796 г. главнокомандующий генерал-поручик граф В. А. Зубов подошел к Дербенту и приступил к штурму города. 10 мая на крепостной стене был выброшен белый флаг, а вслед за тем в русский лагерь явился и хан Шейх Али-хан. В тот же день 13 мая главнокомандующий В. А. Зубов торжественно въехал в город. Шейх Али-хан оставался в русском лагере почетным пленником, пока не совершил побег. В. А. Зубов восстановил спокойствие в Дербенте, а ханство передал в управление родному дяде хана Кассиму [26]. С вступлением на российский престол Павла I и изменением внешней политики в декабре того же года русские войска из Закавказья были отозваны, а все завоеванные области были возвращены.

В 1813 г. по Гюлистанскому мирному договору Дербент был снова присоединен к России и с 1846 г. это губернский город, входящий в состав Дагестанской области. С 1840-х гг. город переживал быстрый экономический подъем, связанный, в частности, с развитием выращивания марены – растения, из которого получали дешевый краситель. Занятиями жителей Дербента в XIX в. были садоводство, виноградарство и рыбный промысел. В 1898 г. через Дербент прошла железная дорога Порт-Петровск (прежнее название Махачкалы) – Баку.

Монументальный свидетель эпохи Великого переселения народов и выдающийся памятник оборонительной архитектуры, Дербентский крепостной комплекс выполнял оборонительные функции на протяжении 1500 лет. Он включает в себя крепость Нарын-кала, куда ведут две длинные городские стены, которые полностью перекрывали проход и уходили в море, образуя порт. В 2003 г. ЮНЕСКО признало всемирным наследием человечества старую часть Дербента с традиционной застройкой, особо выделив следующие памятники:

– Дербентская стена – двойная стена времен Сасанидов, перекрывающая Каспийские ворота. Стена на протяжении 15 веков использовалась в оборонительных целях персами, арабами и монголами. Стена представляет собой единственный сохранившийся памятник древнеперсидского фортификационного зодчества;

– Нарын-кала– древняя крепость площадью 4,5 га, которая возвышается над Дербентом. Внутри сохранились бани, резервуары для воды на случай осады и руины древних зданий. К их числу принадлежит крестово-купольная церковь V в., позднее перестроенная в храм огнепоклонников и мечеть. Шахский дворец дошел до нашего времени в развалинах;

– Джума-мечеть – древнейшая мечеть в России. Это храм, созданный задолго до появления арабов в Дербенте, захваченный ими и переделанный в мечеть. Перед мечетью расположено медресе XV в;

– Дербентский маяк (построен в 1853 г.). Самый южный маяк России.

Дербентская крепость является частью грандиозной оборонительной системы, защищавшей народы Закавказья и Передней Азии от нашествий кочевников с севера. Система включала в себя городские стены, цитадель, морские стены и горную стену Даг-бары (рис. 5.3).

Дербент был расположен в наиболее уязвимом в стратегическом отношении месте Каспийского прохода, где горы Большого Кавказа ближе всего подходят к морю, оставляя лишь узкую 3-километровую полосу равнины. Цитадель занимает вершину ближайшего к морю холма. Путь вдоль берега преграждали две параллельные крепостные стены, примыкавшие на западе к цитадели, а восточной оконечностью уходившие в море, препятствуя обходу крепости по мелководью и образуя гавань для судов. Между этими стенами и располагался город Дербент. К западу от цитадели на 40 км тянулась горная стена, призванная предотвратить обход крепости по горным долинам и перевалам. Неудивительно, что слово «ворота» входило в название города на языках многих народов.

Насыщенная событиями история города, как и сохранившиеся уникальные фрагменты архитектурно-природного ландшафта, сооружения, памятники делают город уникальным объектом, требующим сохранения и воссоздания всей его исторической среды, реставрации отдельных памятников и фрагментов территории.

В формировании границ достопримечательных мест, зон охраны и регулирования объектов культурного наследия, а также при определении характера новых и реставрируемых объектов городского окружения так или иначе

приходится сталкиваться с необходимостью уточнения понятия «место». «Естественное стремление архитектуры как художественной деятельности к формированию среды, обладающей качествами целостности (эстетической, деятельностной), сталкивается с трудностями выявления в современном городе фрагментов, осознаваемых как объекты восстановления или объекты преобразований. Целостность как теоретическая характеристика объекта отражает свойства интегрирования, самодостаточности, автономности, противопоставленности окружению, связанной с внутренней активностью объекта» [Добрицына, 1989. С. 65–66]. Современные представления о среде все в большей степени трансформируют традиционные понятия композиции в аспекте жизненных процессов и психического мира человека. Согласно И. А. Добрицыной, в круге понятий средового описания выделяется ряд понятий для обозначения, с одной стороны, фрагментов города: «место», «среда»; структурные элементы среды: «путь», «ворота», «границы» и т. п.; с другой стороны – качественных характеристик среды: «осмысленность», «освоенность», «вообразимость», «пространственность», «обжитость», «контролируемость» и др. В соответствии с концепцией К. Линча, ориентационная деятельность является основой некоей психологической притягательности среды, средством «цементирования» ее целостности. В городе она является постоянной составляющей деятельности (деловой, сервисной, досуговой и др.) [Линч, 1982].

Таким образом, представляя пространственные изменения в историческом городе, историческом квартале, ансамбле важно концентрировать внимание на обусловленности средообразования процессами поведения и деятельности людей. Наряду с этим имеются значительные области формирования среды как своеобразного продолжения психического мира. Жилой дом является для человека важнейшим потенциальным знаком семейного очага. Поэтому столь существенны оказываются все особенности организации городов и поселений как своих, родственных, знакомых с детства, как родной среды обитания. *Проблемы поиска архитектурно-градостроительных средств* такого рода принято называть проблемы идентификации. В условиях развития туризма и туристического бизнеса интерес к сохранению, восстановлению и развитию местного своеобразия усиливается. Материалы ежегодных международных и национальных конференций по регенерации исторических городов, различных исторических мест свидетельствуют о приоритете историко-культурных традиций в градостроительном планировании и проектировании. В окружении закрепляется многообразная информация, которая выполняет различные функции в процессах поведения и деятельности людей (ориентирующие, смыслоразличительные, эмотивные и т. д.). Художественный образ, художественное содержание архитектуры также опосредованно соотносятся с различиями и особенностями отдельных мест – территорий со свойственными им жизненными процессами.

Для понимания семиотической природы формирования исторической среды места необходимо кратко характеризовать, что собой представляет место в семиотике поведения в пространстве (проксемике).

Проксемика, первоначально развитая Э. Холлом в связи с практическими задачами урбанистики и культурной антропологии, была основана на семиотических принципах. Исследования проксемики выявили различия пространственного поведения представителей различных культур [Watson, 1970], более поздние исследования – значение различий других детерминант пространственного поведения: пола, возраста, индивидуальности, психических состояний и др. [Harper и др., 1978. С. 246–270; Sundstrom, Altman, 1976]. Специальная отрасль этой области [Mehrabian, 1976] исследовала влияние места на состояние людей, психологию окружающей среды [Rohmer, 1978].

Измерения места образуют различные уровни. Соответственно, была предложена классификация пространственного поведения в соответствии с его пространственными измерениями и культурным уровнем [Hall, 1966; Watson, 1974]. Пространственно-временное расширение поведения происходит в измерениях, которые охватывают микро-, мезо-, и макроместо. *Микроместо* – непосредственная среда индивидуума, которая образует личную сферу. *Мезоместо* – ближайшая окружающая среда. *Макроместо* – городские территории. Место может рассматриваться как пространственно-визуальное целое в пределах процессов общения и как информация, как знаковая система. Различаются *инфра-, пред-, и микрокультурные уровни пространственного поведения. Уровень инфракультурного пространственного поведения* внедрен в человеке биологически [Hall, 1966. С. 95]. Этот уровень обычно описывается как территориальное поведение. *Предкультурная проксемика* относится к сенсорным – осязательному, визуальному и другим невербальным типам восприятия места. Только на *микрокультурном уровне* формируется пространственное поведение, определяемое главным образом в соответствии с культурными соглашениями в процессах коммуникации между людьми.

Проксемика может рассматриваться как составная часть семиотики [Nöth, 1998]. Э. Холл не рассматривал проксемику в структуре семиотики. Он лишь предпринял попытку анализировать пространственное поведение как систему, аналогичную языку. Но автономная система, рассматриваемая по аналогии с языком, требует особым образом организовать объект исследования как одну из областей семиотики [Vine, 1975]. Благодаря У. Эко и М. Ватсону [Eco, 1968. С. 344–49; Watson, 1970; 1974; Watson & Anderson, 1987] *проксемика стала развиваться как составная часть семиотики.*

Аналогии между пространственным поведением и языком заключается в следующем. Проксемика изучает коды пространственного поведения, имеющие силу для различных культур [Forston, 1975]. Как и в лингвистике, здесь требовались «грамматики» различных языков. Однако это требует решения вопроса о том, насколько далеко простираются аналогии между языком и пространственным поведением. Э. Холл исследовал поведение на основе особенностей организации пространства в проектах, которые определяются как характеристика языка. При сопоставлении кодов и процессов пространственного поведения обнаруживались, в частности, такие особенности кодов поведения, как произвольность, взаимозаменяемость, смещение и др. Были установлены также специализация и дуальность (как в вербальных языках) в кодах пространственного поведения [Hall, 1963б. С. 1018–19]. При обсуждении выясняется, что язык проксемики параллелен процессам поведения, показаны его особенности. Однако, по мнению большинства исследователей, пространственное поведение все же не направляется системой кодов точно так же, как речь направляется языком. Следует подчеркнуть, что *особенность, которая характеризуется как дуальность, для многих исследователей является наиболее важным критерием существования семиотического кода* [Иванов, 2009]. Это относится к двум уровням структур в семиотической системе. Первый образуется из значащих элементов, второй – из несемантических различительных элементов (подобно фонемам языка). Э. Холл пришел к выводу, что коды языков проксемики имеют эти два уровня, которые описываются как наборы элементов [Hall, 1963б]. Однако термин «проксема», представленный в этом контексте [Watson, 1974. С. 339], не всегда ясно определяется относительно этих двух уровней. Иногда он обсуждается по аналогии с фонемой как элемент второй артикуляции [Hall, 1963б. С. 1022], но в другом месте термин «проксема» означает элемент первой артикуляции [Watson, 1974. С. 339].

Развитие представлений семиотики, исследований по семиотике среды и архитектуре в настоящее время позволяет синтезировать различные представления об исторической городской среде и получить целостную картину ее реального существования, охраны и развития в процессах градостроительных преобразований территорий с позиций современных представлений о среде как информации и знаковых системах. Следует особо подчеркнуть, что семиотические аспекты исторической среды шире художественности и включают в себя художественные явления. В связи с этим приведем высказывание специалиста, историка архитектуры и градостроительства. «Язык (и семантика) архитектуры в большинстве работ по архитектурной семиотике рассматриваются как чисто эстетический, образный, подобно языку других видов искусства. Однако в действительности вследствие специфики архитектуры как средообразующей, материально-, пространственно- и поведенчески-организующей деятельности ее язык несопоставим с языками других видов искусства» [Хайт, 1989]. Стоит говорить о совокупности языков архитектуры. В теоретических концепциях семиотики урбанистики она связывается не столько с предметностью архитектурного окружения, сколько с жизненными процессами – в первую очередь с процессами деятельности [Степанов, Нечаев, Иванова, 1993; Бурцев, 2007], со свойствами, характеристиками, структурами этого окружения, существенными во взаимодействии с человеком в процессах его деятельности, с пространственно-визуальными воспринимаемыми неоднородностями – признаками, элементами, отношениями. Общенаучное содержание категории информации позволяет рассматривать архитектурные элементы как особые материальные носители многообразной информации, создаваемой по закономерностям выражения различных значений и организации их материальных носителей [Клаус, 1967; Мельников, 1982; Groth, Bressi 1997; Bondi, 1992].

Границы места обусловлены морфологией объектов. Их физические границы основываются на опыте идентификации этих объектов. При этои значения места рассматриваются исходя из каждодневных процессов жизни данного места. Исследования места в урбанистике основаны на описании его знаковых систем. Имеются различные модели описания знаковых систем и образа места [Relph, 1976; Bames & Duncan, 1992; Zukin, 1996; Tuan, 1991; Stock, 1995]. Они обсуждаются и совершенствуются специалистами-градостроителями. Ниже указаны наиболее существенные характеристики места как знаковой системы, *обеспечивающие системный способ анализа и понимания знаков места.* Изучение места как семиотического явления предполагает его рассмотрение как знака в ряду других знаков и значений места [Agnew, Duncan 1989; Bachelard, 1969 [1938]; Canter, 1977; Casey, 2001; Cresswell, 1996; Eick, 2005]. Внимание к значениям определенных пространств, зданий, архитектурных элементов привлекается благодаря их окружению. Соответственно, наиболее распространенной является *концепция фона, или контекста формирования значения.*

При исследовании города знаковые системы контекста места часто игнорируются. Между тем фон (подготовка) к другим объектам образует важную часть коммуникативных процессов, восприятия фрагментов окружения в целом. Как говорят семиотики, «место – "бумага, на которой пишется проект нового объекта", тишина, которая заставляет музыкальные звуки приобретать значение относительно других звуков» [Caines, 2006. С. 176].

Место как знаковое образование не существует без функционального назначения его объектов. Объекты и цели предполагают некоторые отношения к другим объектам и целям. Значение места возникает, когда выявляются различные значения этого места, независимые от воспринимаемых объектов

(значения людей, встреч, событий и т. д.). Именно так начинает выявляться место как существенный знак или знаковая система. *Знаки города, следы исторической памяти* в семиотике места связываются с определенным временем. Поэтому теоретики утверждают, что время является способом расширения значений места.

При этом, как отмечают исследователи места, правильная интерпретация реальных событий имеет несущественное значение для формирования знака места. Почти так же, как дерево существует не только для того, чтобы обеспечить людей дровами, создать затенение от солнца или оцениваться с точки зрения его красоты. Все значимые события будут интерпретироваться в пределах пространственного контекста значимого места. Поэтому убедительного выражения в архитектурно-градостроительном развитии места требуют образы прошлого, закрепленные в историях и мифах. Вербальные тексты позволяют описывать информацию, идеи, перцептивные элементы опыта. Знаковые особенности, которые будут придаваться месту, демонстрируют также точку зрения, контекст, набор условий и факторов, которые могут ограничивать или расширять значения объектов, признаков, форм при восприятии – значения, основанные на пребывании в определенном месте.

Место как таковое не вызывает реакцию, пока оно не становится подготовкой к чему-либо, что будет восприниматься. Место конкретизируется в процессах восприятий и воспоминаний человека как особая знаковая система и особое значение. Эта конкретизация осуществляется благодаря сочетанию различных знаковых систем.

Место рассматривают более детально: как ряд семиотических систем и как целостную систему – текст. В исследованиях по семиотике урбанизма подчеркивается, что регенерация исторической среды не обязательно требует восстановления семиотических систем города, в том числе текстов прошлого [Mazzucchelli, 2011], а значит, не обязательно требует восстанавливать утраченные объекты – здания, сооружения, архитектурные элементы и детали. В то же время единая системность, формирующая своеобразие места, требует сохранения и развития, прежде всего связей с различными наиболее существенными знаками. Если исходить из общей структуры коммуникативного акта, которая включает в себя коды, языки, тексты, контексты [Якобсон, 1975], *формирование семиотической системности места* может опираться на следующие знаковые системы:

– знаки исторического периода основных сохранившихся объектов – время (период) строительства, культура, признаки своеобразия региона, религиозные и политические языки, стилевые черты, объединяющие культуру и время;

– контексты – знаки местного своеобразия, черты природного или искусственного ландшафта, характерные признаки сохранившейся архитектуры, а также обрядов, одежды, утилитарных предметов, контекст жизненных процессов;

– тексты – знаковые системы историй, мифов, художественных, в том числе литературных, произведений, связанных с историей места; знаковые системы деятельности и поведения;

– коды и знаки всех типов пространственно-визуальных и других каналов информации.

Место – более широкое, чем ансамбль, информационно-знаковое образование. Понятие «место» возникло из потребности понять характер целого в современном формировании среды, выделить его на общем фоне окружения. Оно рассматривается как «представимое пространство», как позиционно фиксированный фрагмент города [Добрицына, 1989. С. 69].

Выполняя важнейшую роль в формировании архитектурной среды в различные периоды и в различных культурах, место является важнейшим объектом изучения, наблюдения в профессиональной архитектурной деятельности (указания Витрувия, методы и приемы Фэн Шу, японские профессиональные методы композиции, наблюдения теоретиков архитектуры XIX–XX вв.). В конце XX – начале XXI в. место становится самостоятельным объектом исследования в семиотике урбанизма (Эко; Вентури; Скотт-Браун; Лагопулос и др.). Наиболее концентрированное воплощение в виде текста знаковые системы находят в композиции и формах архитектурных ансамблей.

Как отмечают исследователи, общее для места и ансамбля качество – целостность. В существовании ансамблей целостность может быть наблюдаема лишь в определенные периоды соответствия архитектурно-градостроительной формы породившим ее образу жизни и культуре. Ансамбли, формировавшиеся в русле больших стилей, несут в себе «ценности самого человеческого существования», и именно это качество роднит ансамблевую структуру со средой места. Как говорят теоретики, «ансамбль при этом – предельно концентрированная, а место – более размытая форма удержания человеческих смыслов среды» [Добрицына, 1989. С. 69]. Это объясняется тем, что место не имеет выраженной структуры текста, в отличие от ансамбля. Характеристики несходных по структуре пространств города значительно различаются. Так, К. Линч соотносит с понятием «место» и небольшие поселения, и районы города, и небольшие его фрагменты, если они обладают качествами смысловой и образной целостности. В «средах», выделяются локусы (пространственно-поведенческие целостности, близкие к понятию «места поведения», введенному Р. Бакером)

[Baker, 1990], рассчитанные на относительно постоянный контингент осваивающих эти места людей.

Таким образом, в проблеме целостности исторической среды обозначаются различные уровни. В качестве объекта сопоставления с ансамблевой целостностью необходимо выделять не место вообще, а особый тип места – ориентационную целостность, характеризующую прежде всего поведение, деятельность, восприятие и потому образно воспринимаемую как пространственную целостность, что соответствует аспекту прагматики знаковых систем.

5.2. Архитектурный ансамбль и его композиция

В художественных текстах архитектурных ансамблей интегрируются разные коды и языки. Исследователи ансамблей выделили два основных кода: *иконический (пространственный) и конвенциональный* [Лотман, 1972]. Согласно этому различению в композиции, пространственных элементах, отдельных архитектурных формах можно выделить две различные системы: 1) воспринимаемую; 2) связанную со словесным языком, повествованием, мифом.

Специфические знаковые системы представляют собой ансамбли центров исторических городов – уникальные явления художественной культуры. В городских архитектурных ансамблях сосредотачиваются государственные, культовые, общественные здания и пространства. Формирование таких ансамблей часто представляет собой многовековые наслоения объектов разных периодов, культурных традиций, соединение разнородных семантических и визуально-знаковых образований. На каждом крупном историческом отрезке развития города, как правило, складывается некоторое законченное решение его фрагмента, т. е. складывается определенная художественная целостность разнородных объектов. Многие из дошедших до нашего времени известных ансамблей центров городов складывались веками. В разные периоды истории они представляли собой различные ансамбли. Современное состояние таких ансамблей – лишь один из синхронных срезов в ряду других возможных срезов на разных этапах исторических изменений. В том или ином синхронном срезе исторического времени ансамбль существует как сложившийся. Но одновременно он образует исходную ситуацию для формирования нового архитектурного ансамбля, для замены какого-либо из его элементов, встраивания нового и т. п. Разумеется, существуют ансамбли, культурно-историческая ценность которых столь велика, что у современников вряд ли возникнет желание завершения или изменения таких ансамблей. В современную эпоху это относится ко многим уникальным ансамблям прошлого. А в действующем российском законодательстве, как отмечалось в гл. 2, такие уникальные архитектурные ансамбли входят в реестр объектов культурного наследия, имеют свои зоны охраны, и никакие изменения в них не допускаются.

Как уже отмечалось, в исследованиях исторической среды и исторической композиции подчеркивается *развитая системность архитектурного ансамбля.* Системность ансамбля обычно не является реализацией системности архитектурного стиля. Ансамбли связаны с конкретным местом – с конкретными особенностями организованных комплексов жизненных процессов, с историей места, с градостроительно-природным контекстом, с особенностями поэтапных изменений жизненных процессов и архитектурных объектов данной территории. Кроме того, в силу действия целого ряда конкретно-исторических факторов архитектурные ансамбли часто формируются архитектурными объектами разных стилей. В категориях архитектурной семиотики ансамбли можно характеризовать как *семиотические системности конкретной коммуникативной ситуации и текста* (в отличие от семиотических системностей культуры и ее кодов, характеризующих архитектурные стили и языки). Соответственно, *выявление семиотической системности тех или иных архитектурных ансамблей наиболее близко к методам семиотического анализа коммуникативной ситуации и текста* [Лотман, 1972]. Этому соответствуют представления ряда отечественных архитектуроведов, рассматривавших ансамбли и отдельные архитектурные произведения как тексты [Лихачев, 1982; Топоров, 1983 и др.].

Специфичность ансамбля как особого типа исторической среды выявляется при общем сопоставлении известных архитектурных ансамблей. Ансамбли центров городов демонстрируют различные стилевые обусловленности, сочетания и наслоения. Это характерно для ансамблей многих городов Европы, формировавшихся в разные периоды в исторически различных условиях доминирующих государственно-политических, этногосударственных и конфессиональных влияний. Ансамбль пражского Вышеграда соединяет диаметрально различные проявления стилей – готики и барокко. В центре Загреба представлены романская архитектура и классицизм. Центр Венеции – ансамбль площадей Сан-Марко и Пьяцетты – объединяет в пространстве театрализованных венецианских торжеств византийскую архитектуру собора Сан-Марко, готические мотивы Палаццо дожей, архитектуру Возрождения зданий библиотеки и Прокураций. Созданные в разные периоды, формировавшиеся в течение нескольких столетий и синтезировавшие в своих структурах, пространствах, архитектурных формах многие традиции, эти и другие архитектурные ансамбли европейских городов представляют собой уникальные художественные целостности. Они являются объектами изучения, эстетического восприятия, паломничества туристов. Не менее многообразны уникальные архитектурные ансамбли городов России, складывавшиеся в течение столетий благодаря

напластованию различных стилевых тенденций, жизненных процессов, верований, изменяющихся знаковых систем культуры. Центральный ансамбль столицы – Московский Кремль – представляет собой сложное соединение зданий, сооружений, архитектурно-пространственных фрагментов разных исторических периодов. Многочисленные кремли и монастыри российских городов, сохранившиеся городские центры также представляют собой архитектурные ансамбли, формировавшиеся в течение столетий в результате сложных преобразований исторической среды. Кроме того, имеются уникальные архитектурные ансамбли, формировавшиеся практически в одно время и по единому замыслу, образующие архитектурно-стилевые целостности. Таковы, в частности, ансамбли русской архитектуры XVI–XVII вв. ростовского кремля, монастыря в Борисоглебске и др.); ансамбли барокко, классицизма, ампира XVIII–XIX вв., сложившиеся по единому замыслу в относительно краткосрочные периоды.

Ансамбль как художественная целостность представляет собой особым образом организованное знаковое образование – художественный текст. Законченность и совершенство различных ансамблей объясняются тем, что благодаря согласованным композиционным замыслам крупных мастеров архитектуры они сформировались на различных уровнях организации информации и знаков в построении различных компонентов (структурная организация материальных пространств и жизненных процессов, элементов перцептивного пространства, видовых картин, раскрывающихся в движении, отношений этих видовых картин между собой в последовательности их восприятия, организация многих значимых пространственно-визуальных элементов, знаков, семантических компонентов).

Особенности организации знаковых систем архитектурных ансамблей заключаются в сложных естественноисторических процессах формирования и реализации определенных художественных принципов. Формирование архитектурного ансамбля, как правило, представляет собой соединение разнородных архитектурных объектов, формирующих данную пространственную общность, – процесс, в котором осуществляются материальные изменения, направленные в основном на развитие художественной системы этих архитектурных объектов. Иначе говоря, формообразование носит ярко выраженный художественный характер, хотя сами конкретные факторы перестройки центра города, монастыря или усадьбы чаще всего не являются художественными. Они, как правило, заключаются в необходимости строительства новых зданий с пространственным расширением улиц и площадей, связаны с различными материальными условиями развития города, с увеличением вместимости различных объектов, изменением их назначения и т. п.

Процесс формирования ансамбля – это прежде всего процесс возведения новых функционально необходимых зданий, сооружений – процесс целесообразного градостроительного преобразования сложившегося архитектурного организма. Но логика материально-утилитарного уровня формообразования служит лишь основой для развития художественной системы и связанных с нею систем коммуникативно-средового уровня (ориентации, общения, познания окружения, выражения социальных значений и смыслов и др.). Исходными факторами изменений, приводящих к созданию и преобразованию городских ансамблей, являются утилитарно-функциональные, социально-пространственные факторы, соображения, относящиеся к улучшению функционально-планировочных решений центров городов, уплотнению застройки, созданию новых более просторных помещений для нужд городских учреждений и т. п. Но основой формирования художественной информации ансамблей являются принципы организации художественного текста.

В этих процессах особенно наглядно различие уровней, существенных характеристик материального и художественного уровней. Отсутствие прочных взаимосвязей между уровнями объясняется тем, что при формировании ансамблей существенные для развития художественных систем элементы и отношения не обусловлены жестко экономическими ограничениями или материально-утилитарными факторами. По этим причинам становится первостепенным *уровень организации ансамблей как художественных текстов.* В то же время художественные системы ансамблей формируются во взаимосвязи с организацией жизненных процессов. Это прежде всего относится к семантике пространственных элементов ансамбля, образующих его зданий и сооружений, отдельных элементов. Каждый объект, вовлекаемый в формирование ансамбля, несет свою особую систему значений, имеет собственное символическое содержание. Отношение к этим значениям и содержанию архитектурных объектов со стороны зодчих не может быть только личностным, индивидуальным. Ансамбль, в который входят здания, символизирующие государственную власть, характер государства, отражающие устройство общества, роль основной религии, взаимоотношения народа и правящей элиты, культурные особенности государства, региона или города, формируется в развитии художественной семиотической системности. Эта системность является средоточием участвующих в коммуникации групп людей, культур, политико-идеологических дискурсов и других «надличностных» семиотических систем. Цитадели и ратуши, дворцы и соборы – важнейшие государственные учреждения и религиозные святыни приобретают в мышлении многих людей символические значения, становятся символами существования народов и государств. Поэтому ансамбли центров городов объективно символизируют страну и народ, являются национально-государственными символами. Этот символический характер закрепляется множеством исторических событий, зафиксированных в различных текстах

культуры, а сам архитектурный ансамбль представляет собой определенную историческую ткань. Художественная логика формирования ансамбля в значительной степени является проекцией определенной семантики – материализацией символических историко-культурных значений, заданных создателям ансамблей будто бы извне – событиями истории, памятью, культурой.

Не меньшую роль при формировании ансамблей играют правила синтактики – организации взаимоотношений между собой различных элементов. В этой организации также становятся существенны знаковые образования, естественно формирующиеся в процессах сложения ансамблей – здания общественного характера, части зданий, перцептивные пространства, ориентиры, входы, подходы к зданиям, центры площадей. Такие знаковые образования объективно приобретают символические значения, вырастают до уровня символов эпохи и культуры, становятся самостоятельными художественными образами. Отношения между такими элементами плана содержания приобретают характер объективных отношений в закономерно складывающейся художественной системе. Значимость государственного центра, выраженного зданием, порталом, общественным пространством, определяет подчиненность зданий, порталов, пространств, образующих ансамбль, заставляет искать такие отношения этих элементов, которые создавали бы необходимую смысловую, а значит и пространственно-визуальную соподчиненность. Простые порождаемые смыслоразличительной функцией семантические и знаковые различия, преломляясь в художественной деятельности крупнейших зодчих, реализуются в необычных, наполненных другими (знаковыми, семантическими, формальными) признаками конкретных решениях.

Не только семантические различения и отождествления многочисленных объектов, образующих ансамбли, но и отношения непосредственно воспринимаемых элементов (фигур) оказываются весьма существенными для создания художественной целостности и входят в создание этой целостности. Пространства, образующие ансамбли, взаимоотношения крупных объемов и отдельных геометрических форм, различия и тождества значительных поверхностей зданий и «архитектуры земли» с характерными признаками взаимного расположения элементов на этих поверхностях, с особенностями распределения светотени, светотеневой текстурой стен – эти и другие пространственно-визуальные элементы и отношения в соответствии с принципами синтактики требуют организации. Поскольку естественно формирующиеся элементы и отношения ансамблей, как правило, разнородны, в архитектурной композиции возникают различные средства, организующие эти элементы и отношения, каждый раз появляются новые оригинальные приемы этой организации. Например, в ансамбле центра Венеции в VII в. Я. Сансовино неожиданно решил проблему нового крупного здания библиотеки, образующей вместе с объемом Дворца дожей площадь Пьяцетты. Он придал объему здания признаки, контрастные по отношению к дворцу и к собору Сан-Марко, подчинив метрически однотипную архитектурную систему сложности форм этих главных по смыслу объектов.

Важную роль в формировании архитектурных ансамблей приобретают различные организующие структуры, признаки, отношения групп элементов. К ним относятся, в частности, построения, основанные на общих топологических структурах, зеркальной и поворотной симметрии, общих осях и центрах (особенно в местах пересечения осей), общие метро-ритмические построения объемов, системы отношений геометрических форм, плоскостей, поверхностей, конфигураций по их тождествам и различиям. Значительна роль единых организующих признаков. Таковы прежде всего признаки организуемых архитектурных пространств, их прямоугольные, в плане близкие к квадрату, либо трапециевидные построения, включение криволинейных очертаний с использованием полуциркульных или овальных скруглений.

Роль тех или иных знаковых средств в формировании художественной целостности ансамбля существенно различается в зависимости от того, формируется ли этот ансамбль на основе общих семиотических систем в едином архитектурном стиле или же он складывается из стилистически разнородных систем, отношений элементов. В частности, ансамбли древней русской архитектуры – комплексы кремлей и монастырей (рис. 5.5–5.26) – формировались в единой системности (так же, как это происходило в других регионах мира в эпоху Средневековья). Начиная с эпохи Возрождения возникли проблемы включения в эти ансамбли стилистически отличных, инородных объектов. Эти проблемы стали особенно существенны в европейских городах в XVI–XVIII столетиях, когда строились соборы, дворцы, различные государственные здания в стилистике Возрождения, барокко и классицизма, дополнявшие средневековую архитектуру (рис. 5.27–5.37). В формировании стилистически однородных архитектурных ансамблей организованность и единство различных элементов и отношений во многом обеспечивались общностью стилевой системы архитектуры. В частности, в формировании ансамблей древнерусской архитектуры значительную роль играли крестово-купольные системы храмов с различиями объемов нижней и верхней венчающих частей с барабанами и главами, их характерными силуэтами, а также системности поясов, арочных форм проемов. В этих системностях элементов доминировали символические системы: трехчастные построения, отвечавшие символике Святой Троицы, и пятичастные символические структуры, обозначавшие Христа и четырех евангелистов; формы и пространства, ограничивающие алтари и апсиды; сложившиеся в русской

архитектуре числовые и метро-ритмические структуры расположения проемов на фасадах; характерные расчленения фасадных поверхностей архитектурными элементами; цветовые взаимоотношения (белого камня и золота, белого камня и ярких цветных поверхностей фасадов). Аналогичные по их роли в знаковых системах формирования архитектурных ансамблей признаки, элементы, системы можно обнаружить в романской архитектуре, готике, китайской средневековой архитектуре, архитектуре Средней Азии эпохи Тимуридов – вообще в архитектурных ансамблях любой культуры. Само формирование архитектурных языков во многом объясняется формированием основных архитектурных ансамблей как главных культовых, общественных, государственных центров.

В то же время художественная целостность архитектурных ансамблей необязательно создается едиными языковыми системами. Иначе формировалась художественная целостность архитектурных ансамблей, которые складывались под влиянием различных культурных этнических традиций и стилей, формировались в эпохи, разделенные столетиями. В этих ситуациях мастера архитектуры создавали знаковые образования, не закрепленные в стиле. Различны по стилевому происхождению архитектурные объекты, сформировавшие центральные площади многих европейских городов, где можно видеть рядом произведения готики, архитектуры Возрождения, барокко или классицизма. Аналогичны по происхождению многие еще сохранившиеся площади древних русских городов, где соединялись произведения древней русской архитектуры, классицизма, ампира, здания периода конца XIX – начала XX в. Соединение разнородных с точки зрения архитектуры объектов при формировании городских ансамблей вносит необычные и сложные обусловленности в творческие поиски мастеров архитектуры. При формировании таких ансамблей центров исторических городов, как правило, возникали и решались задачи создания каждый раз новой художественной целостности. Многие ансамбли видоизменялись, и всякий раз перед зодчими возникали вопросы выражения новых культурных и государственно-политических значений при условии развития сложившихся образно-символических черт. Происходили процессы достраивания и перестраивания информационно-знаковых систем, возникших в предшествующие периоды. Наиболее ярко и рельефно эти процессы раскрываются при анализе известных и хорошо изученных в аспекте исторических изменений архитектурных образований.

Отличительные качества целостностей ансамблей многочисленны и разнообразны также в семантическом аспекте. *Ансамбль образует единый комплекс значений или группу доминирующих значений,* композиционную напряженность пространства, которое воплощает некую программу значений, т. е. создает атмосферу приподнятости, праздничности, возвышенности либо строгости и силы. Ансамбль пространственно иерархизован, специфика культурных прототипов оказывает сильное воздействие на сознание и поведение людей. Как отмечают исследователи, ансамбль обладает качеством повышенной событийности благодаря значимости происходящих в нем ритуальных действий. Место может быть насыщено средовыми событиями из-за массового присутствия людей. Однако «рисунок» жизненных процессов не имеет определенной схемы. Основа целостности жизненных процессов в ансамбле – их подчиненность некоторому сценарию.

Ансамбли Средневековья, Ренессанса, классицизма, эпохи промышленной революции как пространства жизненных процессов соразмерны с городским организмом как единым целым. Важнейшая особенность, отличающая ансамбли, – сохранение в городе на протяжении веков коммуникативной деятельности, многообразного общения людей. Ансамбль предполагает театрализацию происходящих в среде процессов, которая, по мнению ряда исследователей, в наибольшей степени проявлялась в Европе в эпоху Ренессанса. Хотя и формирование древних ансамблей – ансамбля афинского Акрополя на пути Панафинейских шествий, ансамбля Пергамского алтаря, ансамблей улиц городов Рима с триумфальными арками на главных путях движения – рассчитано на зрелищные театрализованные действия. В основе переживания пространства, закрепившегося за пространством, – причастность горожан к ритуальным массовым действиям различного содержания: сакральным, общественно-церемониальным, карнавально-праздничным, а также своеобразное подобие декорациям – архитектурно-художественная оформленность действий, создающая эффект совмещения масс людей с картиной ансамбля. Как отмечают исследователи, жизненные процессы и город постоянно находятся в процессе приспособления друг к другу, а пространственный рисунок деятельности весьма изменчив [Добрицына, 1989]. Поэтому пространственно-временные целостности исторической городской среды также относительны, неопределенны и подвижны в пространстве, они следуют динамике изменений процессов поведения и деятельности [Goeppert, 1970; Goffman, 1971; Day, 1994; Gottdiener, 1994; Crawford, 1995].

Особенности архитектурного ансамбля как художественного текста заключаются в организации взаимосвязей различных знаковых образований, реализуемых при восприятии в аспектах прагматики, семантики и синтактики. Эмоционально-эстетическое, духовное существование архитектурного объекта в значительной мере определяется его организацией как материального и перцептивного, воспринимаемого. Мысль о существовании особых носителей эстетического воздействия направляет многие исследования от традиционных поисков закономерностей гармонии к современному подходу к художественному

произведению как к определенному художественному тексту. Изучение организации объектов, обладающих свойством эмоционально-эстетического воздействия, основано на том, что эстетические переживания материализуются, закрепляются, кодируются в объекте эстетического восприятия [Morris, 1971 [1939]]. С этим связаны различные профессиональные представления о композиции и архитектурной форме.

Основными условиями эстетического воздействия архитектурных ансамблей, как уже говорилось, являются, с одной стороны, их содержательность – полисемантичность, с другой – их целостность и определенность. Чтобы понять, как обеспечивается синтез этих начал, необходимо уточнить сами понятия содержательности и определенности. В семиотике широко отмечается способность эстетических знаков и художественных текстов концентрировать в своей организации многие различные знаки и, соответственно, многие значения. Неповторимые особенности этой «фактуры эстетического знака» и дают возможность соединять, объединять, материализовать неповторимые комплексы различных значений [Столович, 1972]. Соединение многообразных знаков, потенциальных значений в неоднородности, признаках, отношениях объекта представляет возможность его длительного восприятия и познания. Например, исторически сложный район города, складывавшийся в течение многих десятилетий, отображает в своих формах – как в отдельных чертах, так и в облике этого фрагмента в целом – исторические события, связанные с деятельностью конкретных исторических личностей, характерные преобразования, а также стилевые наслоения различных эпох.

Насыщенная многообразными знаками среда культурно-исторического характера представляет собой объективную основу сохранения и продолжения исторически сложившегося образа города. Но конечно, не только старинная застройка богата значениями. Напоминать историю может и новый архитектурный комплекс, если в его композиции преломляются связи с традициями города, культурой, образом жизни людей, индивидуальные приметы места. Для этого достаточно намеков. Сама организация пространства выражает эти и другие многообразные значения. Эта множественность потенциальных значений пронизывает различные компоненты композиции комплекса – объемно-пространственные построения, системы коммуникативных ситуаций (раскрытия видовых картин), светотеневые, пластические элементы, признаки архитектурных форм, характер разработки деталей, т. е. все составляющие пространственного кода. Если же объект не несет значений на этих уровнях композиции, он не воспринимается в качестве носителя существенной социальной информации.

Восприятие может наполняться в каждом случае особым содержанием, доминирующими значениями (семантика). Чтобы быть воспринятым в качестве семантической целостности, ансамбль должен обладать активно выраженной структурой, строиться на основе определенных способов связи знаков и фигур – непосредственно воспринимаемых пространственно-визуальных элементов (синтактика). Это прослеживается в разные периоды и в разных культурах. Насколько явно различие форм древнерусской архитектуры и форм классицизма – но даже произведения, принадлежащие столь разным стилям, объединяет общность, которая обычно не осознается при непосредственном восприятии ансамбля и обнаруживается только при сопоставлении признаков разных периодов и стилей. Определенной общностью строения при очевидном и глубоком содержательном различии характеризуются также развитые симметричные композиции классицизма и асимметричные, но строго геометризированные формы многих объектов современной архитектуры. При всех различиях этих значимых архитектурных объектов в них есть существенное общее качество, которое можно характеризовать как *определенность, единство принципов строения, способов связи элементов.* В одних архитектурных стилях это качество проявляется в правильности геометрических форм (в частности, в строгой повторяемости и зеркальной симметрии элементов), в других – в живописности построений активно асимметричных приемов со свободными планировочными конфигурациями. Но и сама эта живописность ансамбля основана на определенных принципах.

Определенность проявляется в столь же обширном диапазоне значений. Ясность среды – условие, делающее ее объектом эстетического восприятия. Поэтому она может быть свойственна художественным образам с различной окрашенностью. Определенность композиций классицизма выражена, в частности, такими приемами организации фрагментов города, отдельных зданий, ансамблей, как преобладание четких осевых построений и связанных с ними акцентов (портики, шпили, арки, соответствующие раскрытия пространств и т. п.).

Большинство древнерусских ансамблей кремлей, монастырей, палат основано на принципе смещения акцентов с осей, на «шарнирном» переключении осей, на постепенных и неожиданных видовых раскрытиях, т. е. на более сложной системе соподчиненности частей и целого. По этому принципу организованы многие западноевропейские ансамбли Средневековья и раннего Ренессанса. Здесь композиционные построения скорее угадываются в процессах движения, а эмоциональные эффекты во многом основаны на неполном совпадении ожидаемого и воспринятого. Однако и классицистические, и средневековые ансамбли подчиняются принципам определенности. Поэтому можно говорить о двух типах определенности: о строгой упорядоченности и о более сложных связях

воспринимаемых элементов – об их разнообразии.

Структурная организация объектов во многом подчиняется различным материально-практическим факторам, прежде всего функционально-планировочным и инженерно-технологическим. Тем самым определенность оказывается во многом связанной с обозначением практической целесообразности. Прямые линии и углы, общая строгая геометрия планировочных систем, повторения укрупненных объемно-планировочных и конструктивных элементов, зеркальная симметрия планов многих сооружений, подчас до элементарности упрощенный характер конструктивных элементов и другие признаки геометрической правильности обусловлены в основном практической целесообразностью, в том числе экономическими требованиями. В других случаях структурные свойства объекта в большей мере связаны с его эстетической организацией. Подчинение форм строгой симметрии, характер метрических повторений или ритмов может объясняться необходимостью активно организовать сложный пространственно-визуальный материал, подчинить его единым организующим структурам. При этом структурная организация архитектурного ансамбля может в значительной степени подчиняться художественному замыслу – идее триумфальной городской магистрали или общественно значимой площади, общественного центра или движения к нему.

Таким образом, целостность и определенность архитектурного ансамбля либо являются результатом обозначения собственно материальных сторон объекта, либо приобретают свою семантику в символике, метафорах, коннотациях, не связанных непосредственно с материальным уровнем формирования ансамбля.

Правильность, определенность, визуальная целостность ансамбля может иметь различное происхождение, но сама эта организация существенна. Так, многочисленные повторения глав, восьмериков, надоконных арочек, порталов в древнерусской архитектуре дают примеры создания единого художественного образа храма, а в более широком плане – единого образного строя архитектуры этой культуры. Точно так же повторения острых, треугольных очертаний силуэтов, контрфорсов, частей фасадов готических сооружений, шпилей, нависающих башенок в сочетании с утонченными формами стрельчатых арок создают основу исторической среды средневекового западноевропейского города. При этом структурная организованность пространственно-визуального материала активизирует различные типы знаковых образований – традиционные черты культурных форм, различные коннотации. Последнее наглядно проявляется, например, в аналогиях силуэтов химер с пространственными «окнами», образуемыми аркбутанами готических соборов, в наделении образами химер архитектурного пространства. Тождество скульптурных и пространственных конфигураций образует коннотации, а благодаря последовательной организованности и единству пространственно-визуальных элементов создается эмоционально окрашенный образ. Сложно и тонко формировались коннотации и метафоры в системности древнерусских ансамблей. Взаимосвязи этих различных знаковых средств и содержательного эмоционального воздействия ансамбля прослеживается в русских ансамблях XVI–XVII вв.

Борисоглебский Ростовский монастырь – мужской православный монастырь на дороге из Ростова в Углич, входящий в Золотое кольцо России. Архитектурный комплекс монастыря был одним из богатейших в Ростовской митрополии и у московских князей и первых русских царей считался «домашним». Ансамбль монастыря складывался с XIV по XVII в., после XVII в. его облик не изменялся.

Монастырь был основан пришедшим из Новгородской земли иноком Феодором и присоединившимся к нему позднее иноком Павлом на месте, которое указал святой Сергий Радонежский. Основатели монастыря канонизированы как святые. Их погребение находится в северо-западном углу Борисоглебского монастыря и служит местом почитания этих святых. Живший в монастыре в конце XVI – начале XVII в. Иринарх-затворник (его мощи также погребены в монастыре) благословил Минина и Пожарского в 1612 г. на защиту Москвы от поляков.

Монастырь стал духовным и экономическим центром, вокруг которого возникли Борисоглебские слободы.

Художественная целостность ансамбля Борисоглебского монастыря достигается общностью признаков, связывающих объемно-пространственные и цветопластические образования и главные элементы – надвратную церковь Сретения, звонницу, монастырские башни. Высокие свободно поставленные барабаны создают приподнятый образно-индивидуальный строй ансамбля. В объемно-пространственной композиции особую роль играют активно воспринимаемые конфигурации неба в просветах между барабанами и главками, в промежутках между основными объемами церквей и башен монастыря. Конфигурации неба, изменяющиеся при восприятии архитектуры в движении, придают ощущение легкости, и масса нигде не подавляет пространства. Удлиненность барабанов и глав, дополняемая удлиненностью пропорций фасадных элементов – лопаток и участков стен между ними – становится активным признаком, который организует ансамбль и формирует его индивидуальность. Особую значимость приобретают признаки стен и проемов как чашеобразных заглублений. Переход от стены к проемам напоминает раковину, что создает сложный рельеф стены. Конфигурации крупных наличников аналогичны по их признакам аркам главных ворот монастыря, также

напоминающим рельефные раковины перехода от стены к проему. Активно выраженные контрастом красного и белого, эти наличники наряду с множеством нарядных поясов образуют сложный цветовой рисунок, который, в свою очередь, характеризуется самостоятельными признаками. Висящие на стенах тонкие жгуты, характерные для русской архитектуры XVII в., напоминают расшитые праздничные одежды, что вместе с вытянутыми объемами и пластическими элементами стен создает метафору с образами стройных человеческих фигур. Вне этой метафоричности отдельных элементов ансамбля нет и его воздействия. Но и метафоры нет вне отношений визуально воспринимаемых элементов. Отдельные признаки, активно выраженные в элементах ансамбля (удлиненность глав, барабанов, обрамлений окон, конфигураций участков стен, линейный характер цветопластического рисунка и др.), связывая элементы ансамбля в единое целое, одновременно представляют собой знаковые образования, несущие самостоятельную семантическую нагрузку. Объединение различных элементов общими признаками и в данном случае не является только способом организации визуального материала. В объемно-пространственной и цветопластической системности выражается определенная художественная идея. Таким образом, скрытые коннотации в данном случае одновременно организуют визуальный материал, что соответствует общей теории коннотаций в семиотике [Somov, 2006]. В подобных архитектурных ансамблях особые знаковые системы формируются на основе включенности архитектурных признаков в мир художественной культуры. При этом традиционные архитектурные элементы приобретают многообразные культурные значения. Так, характерные для русской архитектуры XVII в. мотивы, заимствованные из деревянного зодчества, яркий цветовой рисунок придают ансамблю сказочный характер. Красота архитектурных форм приобретает, таким образом, развитую содержательность.

В некоторых древнерусских ансамблях особую значимость приобретают повествовательные коды, связывающие архитектуру с историей и легендами.

Авраамиев Богоявленский монастырь – древнейший православный мужской монастырь в Ростове – стоит на берегу озера Неро. Как и другие средневековые монастыри, он имел облик монастыря-крепости, но крепостные стены были утрачены. В житии Авраамия Ростовского содержится предание об основании монастыря. До Крещения Руси на этом месте находилось языческое капище, стоял каменный идол Велеса. Основатель монастыря Авраамий в конце XI – начале XII в. сокрушил идола жезлом, который, согласно легенде, передал ему Иоанн Богослов. Этот жезл долгое время хранился в монастыре. Иван Грозный во время паломничества перед походом на Казань забрал его. После взятия Казани царь построил в монастыре собор во имя Богоявления Господня (1553–1555 гг.).

Грандиозный собор, ровесник храма Василия Блаженного в Москве, был построен по велению Ивана Грозного. Всего в храме три придела, посвященные Авраамию Ростовскому, Иоанну Богослову и небесному покровителю Ивана Грозного – Иоанну Предтече. Собор неоднократно подвергался перестройкам. Вместо фигурного закомарного покрытия было сделано более простое – четырехскатное. В то же время общий строй сохранился. В композициях ансамблей Борисоглебского и Авраамиевого монастырей, как и в формировании многих других архитектурных ансамблей, существенны две знаковые системы: 1. связанная с мифами, историческими событиями и 2. с организациями пространств, объемов, всеми перцептивными компонентами ансамбля, – системы, которые выделяли исследователи архитектурных текстов [Лихачев, 1982; Лотман, 1972 и др.].

В наглядном виде эти системы проявляются в крупных ансамблях, формировавшихся в одно время и по единому плану, например, в процессе создания Версаля – грандиозной загородной резиденции Людовика XIV. В его общей структуре находят себе место две системы и две их структуры. Первая система связана с изобразительным искусством; ее создавал главный художник короля Ш. Лебрен. Вторая система – целостная структура знаков различных пространств и сооружений; ее создавал главный садовник короля А. Ленотр. Скорректировал эти две системы архитектор Ж. Ардуэн-Мансар.

Для понимания принципов и средств построения ансамблей русской архитектуры XV–XVIII вв. и более поздних периодов необходимо представлять развитие ансамблей периода Возрождения, а затем периода барокко и классицизма в Европе.

Античная Флоренция занимала центральный район современного города, где и ныне еще ощущается правильная планировка по типу римского лагеря. Однако архитектурные памятники древнего периода в их первоначальном виде не сохранились. Городской план Флоренции в основном сформировался в Средние века, хотя получил развитие более древний план античной Флоренции. Появились характерные для средневековых городов узкие изломанные переулки. Но территориальное расширение (как в Средние века, так и в эпоху Возрождения) происходило концентрически – вокруг старого центра. К XIII в. город занял всю прибрежную полосу между левым берегом реки Арно и подножием холма Сан-Миниато. Столь же интенсивно развивалась и правобережная часть Флоренции, расположившаяся к северу, западу и востоку от античных кварталов.

В 1294 г. флорентийское бюргерство издало знаменитый строительный декрет, во исполнение которого архитектор А. ди Камбио заложил собор Санта-Мария-дель-Фьоре. Одновременно с этим он построил аббатство Бадиа, монастырь Санта-Кроче и палаццо Веккьо (дворец Синьории), увенчанный громадной

башней. Эти сооружения определили все последующее развитие Флоренции и придали городу его образные особенности.

В эпоху Возрождения планировочная структура Флоренции не претерпела больших изменений. Флорентийские улицы этого периода не обладали ни правильностью, ни единством общего архитектурного замысла. Жилые дома и дворцы имели разную длину и ширину, различались по высоте, по сложности и богатству форм и отделочных материалов. Однако выдающиеся выносы деревянных и каменных карнизов, а также родственность форм и пропорций оков и дверей создавали архитектурную общность.

Лишь в 1560–1574 гг. Дж. Вазари выполнил единственную во Флоренции регулярную улицу – улицу Уффиций. Эта улица – около 130 м в длину и 18 м в ширину; вместе с тротуарами ее ширина достигает 31 м, что превосходит в 3–4 раза среднюю ширину улиц Флоренции. Улица Уффиций была проложена между рекой и палаццо Веккьо – местом официальных приемов флорентийских герцогов.

Воздвигнутое по обеим сторонам улицы большое здание Уффиций (государственных канцелярий) дало возможность оформить эту улицу в едином ордере. Западное крыло Уффиций упирается верхними этажами в лоджию деи-Ланци, другое крыло выходит к переулку у палаццо Веккьо. Концы крыльев у набережной реки Арно были связаны крутым переходом, опертым на три пролета с полуциркульной аркой в середине. Этот прием завершил композицию улицы при взгляде на нее со стороны палаццо Веккьо. При рассмотрении улицы в обратном направлении в ее конце выступают угол палаццо Веккьо и его грандиозная башня (высота 95 м). С верхнего этажа галереи Уффиций можно видеть башню палаццо Веккьо и весь купол собора Санта-Мария-дель-Фьоре. Купол и башня с ее зубчатым верхом создают контрастное сочетание богатых архитектурных форм (рис. 5.29).

Почти все флорентийские площади возникли в период господства романского и готического стилей – площадь Синьории, Соборная площадь, площадь Санта-Мария-Новелла и ряд других, менее значительных площадей. В эпоху Возрождения все эти площади достраивались или украшались скульптурой. Законченной и характерной площадью Ренессанса считают только одну – площадь перед церковью Сантиссима-Аннунциата.

Под влиянием античных образцов площади в эпоху Возрождения имели правильный план. Прямоугольник с отношением сторон 4 : 5, 2 : 3 или 1:2 стал характерным планом площади. Наряду с прямоугольными появились и трапециевидные площади, к числу которых относятся площади Сан-Марко и Пьяцетты в Венеции. Правильный план площади сочетался с однородной застройкой по периметру. Лишь один фасад выделялся как главный; и таким образом главное здание все же не преобладало в той степени, как собор или ратуша на средневековых площадях.

Поскольку площади в эпоху Возрождения выполняли те же функции, что и древние форумы, их середина оставалась свободной. Скульптура вплоть до конца XVI в. размещалась вне центра площади, дабы не мешать массовым шествиям и зрелищам – монументы Гаттамелате (Донателло) на площади Санто в Падуе, Коллеони (Вероккио) на площади Санти-Джованни-э-Паоло в Венеции, «Давид» (Микеланджело) на площади Синьории во Флоренции и ряд других.

Площадь Синьории была местом народных собраний Флоренции. Именно поэтому она разместилась перед дворцом городского управления (палаццо Синьории (Веккьо) и лоджией деи-Ланци, служившей ложей для патрициата (рис. 5.27–5.28). Площадь образовалась в результате сноса двух обособленных кварталов, примыкавших к палаццо Веккьо, которое было заложено А. ди Камбио в 1298 г. Реконструкция кварталов была произведена почти одновременно с постройкой палаццо. Площадь охватывает палаццо с западной и северной сторон, а с юга близ палаццо располагается трехарочная лоджия деи-Ланци, построенная в 1356–1382 гг. Площадь имеет неправильную форму. Глубина ее против лицевого фасада дворца – 68 м, ширина вдоль того же фасада – 84 м.

Палаццо Веккьо (рис. 5.27) доминирует в ансамбле площади; здание сложено из грубо отесанных каменных блоков; редкие окна прорезают толщу стены, зубчатое завершение и высокие башни придают дворцу суровый, все еще средневековый характер. С глухим объемом дворца контрастирует открытое пространство лоджии деи-Ланци, что придает главному углу площади особую выразительность.

План площади Синьории с XIV в. почти не изменялся. В эпоху Возрождения площадь была украшена скульптурой. Перед фасадом палаццо Веккьо были поставлены «Давид» Микеланджело, «Геркулес» Баччо Бандинелли, «Марцокко» (лев) Донателло и «Фонтан Нептуна» Бартоломео Амманати. Мрамор и бронза скульптур образуют отчетливые силуэты то на фоне серо-коричневых стен дворца, то в просвете улицы Уффиций.

Если площадь Синьории являлась местом гражданских собраний, то расположенная близ нее Соборная площадь – религиозным центром Флоренции. Обе площади соединялись улицей Кальцайоли. В праздники народ заполнял эту улицу и обе площади, которые декорировали и освещали фонарями и факелами. Во времена инквизиции по улице Кальцайоли проходили процессии,

сопровождавшие осужденного на костер на площади Синьории.

Как и площадь Синьории, флорентийская *Соборная площадь характерна для Средневековья*. Ее середину заполняет громадный собор с неизменным спутником кафедральных церквей – баптистерием (крещальней). Эта площадь имеет неправильные очертания. Но ее неправильность не ощущается, так как внимание зрителя целиком привлекают к себе здания, стоящие в середине площади. Баптистерий Сан-Джованни был заложен еще в 1128 г. В 1293 г. его перестраивали, а окончание постройки относится к XV в., когда Л. Гиберти отлил из бронзы две прославленные двери баптистерия – северную и восточную.

Прямо напротив восточной двери баптистерия находится гигантский трехнефный собор Санта-Мария-дель-Фьоре. Продольная ось собора совпадает с главной осью баптистерия и служит организующей осью всей площади. Флорентийский собор строился в течение 600 лет. В XIV в. после А. ди Камбио над ним работали Ф. Таленти и Джотто, построившие колокольню. Купол сооружался Брунеллески в 1420–1434 гг., а главный (западный) фасад получил существующую облицовку лишь в конце XIX в. Несмотря на то, что собор был закончен значительно позже баптистерия, в архитектуре обоих зданий есть много родственных черт. Баптистерий представляет собой крупно расчлененный компактный объем, и собор, в свою очередь, состоит из больших архитектурных объемов. Его граненые абсиды и купол аналогичны формам баптистерия. Лишь в отделке фасадов собора ощущается измельченность, однако она оправданна, так как собор расположен в стесненном пространстве и рассматривается почти в упор.

К западу от Соборной площади у границы древнего римского лагеря находится площадь Санта-Мария-Новелла. Она имеет многоугольную форму вследствие того, что ограничена косо идущими улицами. Единственный прямой входящий угол придает очертаниям площади геометрическую правильность. По форме и расположению главного здания площадь Санта-Мария-Новелла принадлежит к средневековым композициям. Церковь стоит в углу площади и несмотря на плоскостную трактовку фасада воспринимается с угла как объемная форма. В XVII в. возникла мысль усилить фронтальную точку зрения. Для этого были поставлены обелиски, которые выделили полосу против фасада церкви и объединили церковь с расположенной напротив нее лоджией ди-Сан-Паоло.

Площадь Аннунциаты сложилась на территории, освоенной в Средние века к северо-востоку от собора. Здания, оформляющие площадь, были построены в разное время. В 1419 г. Брунеллески заложил лоджию Воспитательного дома (закончена в 1445 г.). В 1518 г. А. да Сангалло-старший и Б. д'Аньоло построили лоджию, расположенную напротив первой. Позже в тех же пропорциях и в том же ордере был построен фасад церкви Сантиссима-Аннунциата, автором которого был Дж. Каччини.

Площадь Аннунциаты имеет правильную четырехугольную форму с отношением сторон 4 : 5. Размеры площади Аннунциаты – 72 × 60 м, общая высота боковых лоджий – около 16 м, лицевого фасада церкви – 13,2 м. Ансамбль подчинен продольной оси, проходящей через церковный вход. Главный фасад площади лишь слегка преобладает над боковыми. Подобно древнегреческим агорам, площадь Аннунциаты имеет почти равные по значимости фасады. Только вместо античных колоннад ее оформляют легкие и совершенные по формам аркады. В начале XVII в. по сторонам площади были поставлены два живописных фонтана, которые вместе с монументом Фердинанду I усилили ее продольную ось.

Флоренция представляет особый интерес как город, образующий ансамбль в целом – в величественный гармонический ансамбль сливаются отдельные ансамбли. Образ города, воплощенный в архитектуре суровых палаццо эпохи Данте ощущается повсюду. Но особенно замечательна панорама Флоренции, видимая с южных холмов. В центре города возвышается колоссальный купол собора Санта-Мария-дель-Фьоре (высота креста 115 м, внешний диаметр 53 м). Этот купол господствует в силуэте города, с ним конкурирует по высоте только башня палаццо Веккьо. а все остальные вертикали всецело подчиняются ему.

Над черепичными крышами жилых домов Флоренции помимо башен возвышаются кубические объемы дворцов Ренессанса: палаццо Строцци, палаццо Фарнезе, палаццо Ручеллаи и др. Зубчатая линия домов на берегах реки контрастирует дворцам и башням. Ясно выделяется в застройке набережных вход на улицу Уффиций с реки Арно; столь же отчетлив и единственный застроенный мост Флоренции – Понте-Веккьо. Силуэт Флоренции сформировался в Средние века и в эпоху Возрождения и после этого уже не изменялся. Таков он и в наши дни.

Венеция, подобно Флоренции, имеет ясно выраженный архитектурный образ, но образ Венеции совсем иной. Венеция – город каналов и лучезарного неба, карнавалов и празднеств – отобразилась в архитектуре дворцов и церквей. Достаточно побывать на площади Сан-Марко или проследовать по Большому каналу, чтобы понять архитектурный образ Венеции. В нем характерней чертой является легкость мраморных тканей фасадов, их богатый убор и поразительный блеск красок.

Венеция имеет отчетливо выраженный архитектурный центр, которым всегда являлась площадь Сан-Марко, составляющая вместе с площадью Пьяцетты единый комплекс сооружений. Площадь возникла перед собором Сан-Марко и Дворцом дожей, вероятно, еще в период основания города. Долгое время площадь

служила местом торговли, но с ростом Венеции рынок был перемещен в район Риальто, а площадь стали использовать для народных собраний. Массовые театральные зрелища, карнавалы и шествия, обставлявшиеся в Венеции с особенной пышностью, всегда происходили на площади Сан-Марко, да иначе и не могло быть, так как она была единственной крупной площадью города.

Площадь Сан-Марко складывалась постепенно, на протяжении многих столетий. Вместе с ней многократно перестраивались и украшались собор и Дворец дожей. К XV в. эти здания были закончены. После этого началась генеральная реконструкция самой площади. Конец XV в. и весь XVI в. были ознаменованы небывалым расцветом строительства в Венеции. В это время сложилась венецианская архитектурная школа, во главе которой стояли П. Ломбардо и его ученики, так называемые великие венецианцы: Я. Сансовино, А. Палладио, В. Скамоцци и строитель мостов А. да Понте.

Реконструкцию площади начал П. Ломбардо, который в 1496–1517 гг. построил здание Старых Прокураций. В результате площадь получила единообразный украшенный аркадами боковой фасад и одновременно значительно расширилась в глубину. В 1536–1553 гг. Я. Сансовино соорудил библиотеку на площади Пьяцетты. С постройкой библиотеки колокольня освободилась от примыкающих к ней построек, а самая площадь расширилась. По замыслу Я. Сансовино двухъярусная галерея библиотеки должна была быть продолжена, чтобы оформить вторую боковую сторону площади Сан-Марко. Однако этот проект не был осуществлен из-за смерти автора. Сооружение бокового здания (так называемых Новых Прокураций) поручили В. Скамоцци, который в 1592 г. заложил здание, решив его высоту независимо от библиотеки и противолежащего дворца. Если П. Ломбардо, предвидевший расширение площади, определил высоту своего дворца в четверть от средней линии трапециевидного плана площади, то В. Скамоцци ориентировался уже на треть той же средней линии трапеции. Новые Прокурации получили вследствие этого значительно большую высоту, и в точке соприкосновения с библиотекой появился уступ. Современники резко осуждали В. Скамоцци за нарушение спокойного силуэта застройки, хотя и признавали высокие художественные достоинства самого дворца.

В начале XIX в. была разрушена небольшая старая церковь Сан-Джиминьяно и на ее месте построена соединительная галерея между дворцами Старых и Новых Прокураций. Прорезанные в новом корпусе арки образовали второй парадный вход на площадь Сан-Марко.

План площади Сан-Марко представляет собой трапецию, близкую к прямоугольнику. Глубина площади 175 м, ширина у собора – 90 м, другое основание трапеции – 56 м. Территория, занимаемая площадью, – 1,28 га.

Ансамбль площади Сан-Марко принадлежит к числу наиболее замечательных в мире. С приземистым и сложным объемом собора контрастирует высокая и лаконичная вертикаль колокольни (высота 100 м). Им обоим противопоставлена простая единообразная по высоте обстройка площади с галереями, соответствующими входным галереям собора. Простой объем Дворца дожей повторяет в плане ранее находившуюся здесь цитадель. Этот объем гармонирует с собором. Он не спорит с роскошью его форм, богатством пластики и светотени. Система ансамбля завершается библиотекой Сан-Марко. Насыщенные пластикой и светотенью формы библиотеки при общей простоте ее внешних очертаний активно контрастируют с Дворцом дожей, организуя пространство площади Пьяцетты. Библиотека и Дворец дожей вместе с двумя колоннами между ними обрамляют выход пространства площади к набережной лагуны (см. рисунки).

Напротив Пьяцетты среди лагуны находится островок Сан-Джорджо-Маджоре. На островке издавна стояла старая базилика. В 1556 г. А. Палладио перестроил базилику и соорудил рядом с ней высокую колокольню. Базилика с колокольней и расположенная неподалеку от нее купольная церковь Санта-Мария-делла-Салюте дополняют архитектурную композицию городского центра Венеции. Композиция образует видовую картину со стороны площади Пьяцетты.

Принципы и средства композиции архитектурных ансамблей можно детально изучать на примерах их создания реального существования и восприятия в различных культурах. Наиболее общие, устойчивые из этих принципов и средств характерны для русской архитектуры, для главных исторических центров российского государства.

В центре Московского Кремля располагается главная, *самая древняя площадь Кремля – Соборная. Она сохранила уникальные черты архитектурного ансамбля Средневековья и в то же время в период формирования Успенского и Архангельского соборов приобрела черты архитектуры Возрождения.* Основа планировочной структуры площади была заложена в первой половине XIV в., когда по указу великих князей Ивана Калиты и затем Дмитрия Донского на верхнем плато Боровицкого холма были построены первые белокаменные храмы. Они не сохранились, но определили пространственную композицию будущего ансамбля, поскольку в конце XV – начале XVI в., когда Москва стала столицей единого государства и великий князь Московский Иван III строил свою резиденцию в Кремле, новые храмы были поставлены на местах своих предшественников.

Планировка площади сложилась в XIV в., когда были построены первые, не сохранившиеся до наших дней Успенский собор, Архангельский собор, церковь Иоанна Лествичника под колокола. Позднее появился первый примыкающий к великокняжескому дворцу Благовещенский собор, а в середине XV в. –

Ризоположенская церковь. Нынешний облик площади сложился в конце XV – начале XVI в., когда соборы и церкви были выстроены заново, возведена Грановитая палата, а вместо церкви Иоанна Лествичника появилась колокольня Ивана Великого, к которой позднее была пристроена звонница с церковью Вознесения. В 1600 г. по велению царя Бориса Годунова колокольня Ивана Великого была надстроена до нынешней высоты 81 м.

С Соборной площадью связаны многие исторические события. В Грановитой палате проходили земские соборы, принимались иностранные послы. В Успенском соборе происходила коронация русских царей, а впоследствии – императоров.

Истории создания отдельных сооружений Московского Кремля, в частности истории формирования Соборной площади, посвящены многочисленные исторические исследования, так или иначе затрагивающие семантику ансамбля. Здесь важно показать центральный аспект художественного текста – структурную организацию ансамбля, связанную с его семантикой.

Композиция ансамбля Соборной площади убеждает в том, что единство признаков, их сведение в систему представляет собой основу выражения различных значений и одновременно основу целостности, единства этого ансамбля. Эти единые признаки ансамбля, определяющие его целостность, отчетливо проявляются на двух уровнях: на уровне общей объемно-пространственной организации и на уровне организации отдельных элементов. Элементы и отношения объемно-пространственного уровня образуют единое знаковое образование. Поскольку основу ансамбля образует тип пятиглавого крестово-купольного храма, он во многом предопределил единство площади. Это единство достигается компактностью соборов и монолитностью их масс. В процессе длительного исторического развития, перестроек и архитектурных наслоений некоторые из этих объемов оказались частично встроенными в другие объемы ансамбля. Несмотря на это, в композиции сохранился общий принцип: доминируют активные композиционно автономные массы соборов – Успенского, Архангельского, Благовещенского, Кремлевской звонницы и столпа Ивана Великого. Эта системность активизируется благодаря единому принципу завершения зданий. Весь верхний пространственный уровень площади, все, что формирует пространство выше закомар храмов, организовано в единой системе символических архитектурных элементов – цилиндров барабанов и глав. Самый верхний уровень образован ажуром золотых крестов. При этом доминирует не только тождественность, но и визуальная активность этих форм. Эта активность проявляется в их отношениях как между собой, так и с охватывающим их пространством. Пространственно активное, выраженное в сложных отношениях силуэтных конфигураций пятиглавие древнерусского храма, группы золотых шлемов – глав соборов и Ивана Великого образуют наиболее активные признаки ансамбля, формирующие его особую символическую структуру[3].

В объемно-пространственных построениях площади присутствуют общие признаки, которые проявляются неявно. К ним относится планировочное расположение основных сооружений, оси которых пространственно развернуты по отношению друг к другу. Эта сложность организации объемов и основных плоскостей вносит неопределенность и служит основой интеллектуальных процессов при восприятии.

Кроме того, многообразие отступлений от строгих планировочных построений способствует множественности значений, которые актуализируются при восприятии и характерны для художественных текстов, а также индивидуализации образа. Сложность информации, которая не раскрывается одномоментно и однозначно, невозможность заранее представить, как ансамбль будет восприниматься с других точек, создает непредсказуемость видовых картин.

Несмотря на сложную живописность ансамбля, все его объекты связаны между собой структурами взаимного расположения. Одной из них является зеркальная симметрия. Несмотря на относительно скромную роль Грановитой палаты в композиции площади, ее положение в системе осевых закономерностей (она находится между главными осями Успенского и Архангельского соборов) придает ей особую смысловую и композиционную значимость в ансамбле.

Общим признаком объемно-пространственной композиции площади является также организация алтарной части храмов. Канон восточной ориентации алтаря находит выражение в богатом объемно-пространственном ритме абсид. Односторонняя направленность каждого из храмов придает площади в целом динамичный характер. Объемы каждого из соборов завершены в себе, композиционно самодостаточны благодаря смещениям пятиглавий в сторону алтарной части, асимметричному расположению входов, общей композиционной направленности, а также индивидуальной архитектурной разработке каждого из храмов.

Единая структура ансамбля формировалась на протяжении столетий. В соответствии с ним каждый из храмов представляет собой часть, подчиненную более общему целому.

Эта целостность ансамбля формируется характерными признаками общности объемно-пространственной и пластической организации. Одним из этих признаков является построение пятиглавия с высокой главой в центре и более

низкими по периметру (пирамидальность верха соборов). Этот признак во многом определяет силуэтное построение ансамбля.

Существенным признаком, объединяющим элементы ансамбля, является общее нарастание сложности форм снизу вверх, усложнение объемно-пространственных отношений элементов. Нарастание сложности от монолита основного объема к закомарам, барабанам, главам, ажурной сетке крестов образует ритм, развивающийся вверх и в определенном смысле растворяющийся в пространстве, что соответствует восприятию неба. Это построение существенно для восприятия каждого храма в качестве единого признака, оно служит основой целостного эмоционального воздействия архитектурного ансамбля в целом.

И еще один более частный, но очень активный признак общности – очертания арочного контура. В сущности, все объемно-пространственные, конструктивные и декоративные элементы объектов ансамбля в определенном смысле пронизаны этим единым признаком, берущим начало в конфигурации абсид.

В других ансамблях, как правило, также встречается компактность массы собора, с пятиглавием, с односторонней направленностью и формой абсид, наконец с несоосностью, с отсутствием в плане строго параллельных линий и их пересечений под прямыми углами. Некоторые из этих признаков обусловлены самим типом храма, структурой крестово-купольной системы, устойчивыми формами ее выражения. Здесь реализуется стилевой механизм формирования художественного текста ансамбля, когда общность архитектурных форм определенного стиля, вырастающая из общности типологии сооружений, становится основой формирования целостности исторической среды. Однако общность ансамбля формируется далеко не только на основе тождества устойчивых прототипов и их конкретных художественно-символических форм.

Развитие определенных признаков общности в функционально-планировочной и объемно-пространственной организации, формах, отдельных элементах и деталях всякий раз представляет собой уникальное явление. Общие признаки являются условием организованности ансамбля, а различные собственно творческие интерпретации выливаются в индивидуальную композицию, что представляет собой характерную реализацию древнерусских систем ансамблей кремлей и монастырей. В этом ансамбле благодаря участию в его создании выдающихся зодчих с особой наглядностью проявляются преобразования архитектурных типов в сложную целостность.

Единство организованного пространства площади символизирует единение народа, заполняющего эту площадь.

Тип замкнутого пространства площади несет особое значение, связанное с чувством защищенности, спокойствия. К этим значениям добавляются торжественность, приподнятость ансамбля. Это объясняется не только всем строем площади, ее пропорциями, масштабом, но и метафорой художественного зала. Во всех интервалах между соборами возникают фрагменты, ярко запоминающиеся, образующие видовые картины, замыкающие этот «зал» по периметру. Динамическое равновесие окружающих площадь объемов способствует превращению находящегося на ней человека в смысловой центр композиции, пробуждая в нем представление о собственной значимости. Равномерность распределения по периметру сложных, пластически богатых архитектурных акцентов (входов в соборы, декора стен, арочных проемов, а выше – богатых обрамлений барабанов, золотых глав и крестов) располагает к неторопливому движению, к разглядыванию отдельных элементов архитектуры. Все это способствует пробуждению интереса, стремления вникнуть в историко-культурное содержание архитектурно сложного материала. Здесь интерес к архитектурной среде сопровождается интересом к истории, так как ансамбль несет значительное число исторических значений. Величественное архитектурное обрамление Соборной площади отмечает значимость этой площади как центра всей торжественной композиции Кремля, является завершением путей к главным объектам ансамбля.

При многократном повторении типа сооружения и его элементов отсутствует ощущение монотонности. Напротив, каждый объект характеризуется многими отличительными чертами, определяющими его индивидуальные образные особенности в системе ансамбля. Образ каждого храма становится запоминающимся благодаря сложному контрасту с соседними объектами. Эта сопоставимость индивидуальностей однотипных сооружений приобретает особую роль в формировании художественного образа ансамбля в целом. Мощь и строгость, даже суровость Успенского собора становятся неотъемлемыми чертами его художественного образа во многом благодаря контрасту с Архангельским и Благовещенским соборами. Архангельский собор утонченно богат, и это развитие сложного мотива его фасадов связано не только с ренессансными традициями архитектурного языка Алевиза, но в значительной степени и с задачей противопоставить его Успенскому собору, создав таким образом напряженность в системе различий образов ансамбля.

В общий художественный текст Соборной площади органично включаются колокольня Ивана Великого и Кремлевская звонница, окончательно сформировавшиеся по замыслу О. Бове в период восстановления памятников Москвы после пожара 1812 г. В завершенной композиции они символизируют мужское и женское начала – царя и царицу. При этом группа объемов Успенского собора, звонницы и колокольни Ивана Великого связывается единой системой.

Высота и форма звонницы выявляет общую закономерность ритмического положения в пространстве золотых глав. Пятиглавие собора, венчание звонницы и колокольни связаны единой как бы взлетающей в небо и как бы пронизывающей пространство спиралью. Спиральное построение композиции в верхней зоне не только способствует визуальной целостности ансамбля, но и семантическому объединению сооружений. Золотые шлемы Успенского собора связываются с царственной парой колокольни и звонницы.

В отличие от европейских ансамблей Соборная площадь характеризуется сравнительно немногими различиями архитектурных элементов. В западноевропейских ансамблях Средневековья и Возрождения в результате многих исторических изменении чаще всего множественность пространственно-визуальных признаков определялась разными стилями, сменявшимися во времени, разными способами строительства и т. д. Это придает среде таких комплексов многообразную содержательность, выраженную в том числе в разнохарактерности архитектурных элементов. В архитектуре Соборной площади принципиально иная организация, где исторически последовательно в течение столетий продолжалось развитие общих объемно-пространственных и стилевых признаков.

Полисемантичность ансамбля вовсе не обязательно определяется множественностью используемых архитектурных элементов – скорее она является результатом выражения их содержательных отношений.

Эти элементы и их отношения представляют собой чередования гладкой стены с рельефно насыщенной, обогащенной светотенью. Соотношение гладкой и насыщенной светотенью поверхностей развивается в ансамбле площади, выливаясь в самостоятельную систему нарастания сложности этого признака снизу вверх. В пасмурный день, когда нет активных теней, читаются тонкие соотношения по-разному освещенных «фактур». В солнечный день контраст усиливается, и визуальная неоднородность дополняется отношениями более мелких элементов (тяг, арочных поясков, миниатюрных арочек, барабанов, орнаментальных вставок и т. п.). Этот же признак выражен темой опоясывающих чередований – сплошных арочек, идущих на одном уровне оконными проемами. Чередование гладкого и рельефного образует в ансамбле единую систему. Как отмечали исследователи ансамбля, в нем умышленно создана система элементов разных масштабов [Некрасов, 1994].

Другой признак организации ансамбля – взаиморасположение групп элементов, например в объемах колокольни Ивана Великого и звонницы идентичны арочные проемы, воспринимаемые на просвет. Свои системы образуют и включения групп мелких элементов в аналогичные по конфигурациям более крупные, когда, например, контур закомары и несущих колонн визуально вычленяет крупный фрагмент стены с идентичными малыми конфигурациями в нем – окнами, порталом и входной аркой, поясом декоративных арочек. Группы тождественных элементов ансамбля соотносятся между собою при восприятии по активным признакам. Различие «прочитывается» через тождество. Поэтому особое значение приобретают различия в отношениях групп тождественных элементов (так называемые градации признака). Таковы равномерные градации многочисленных глав, контуров закомар, кокошников и т. п., которые способствуют формированию самостоятельной системы признаков.

В единстве все отмеченные отношения элементов ансамбля формируют его сложную тему. Здесь проявляются одновременно разнообразие и организованность, визуальная сложность и ясность, развитая символика и формально-композиционное совершенство. Структурная организация этих отношений элементов оказывается объективной основой символического смысла ансамбля, основой выражения многообразных значений.

Ансамбли периода барокко характеризуются целым рядом композиционных особенностей.

Переход от Ренессанса к пышному и живописному искусству барокко совершился постепенно, и современники этого перехода не заметили. Однако барокко в период своей полной стилистической зрелости резко отличается от Ренессанса. Композиции Ренессанса обладают классической простотой – композиции барокко всегда сложны, и в этой сложности заключается один из художественных принципов барокко.

Композиции Ренессанса оперируют классическим ордером и не нарушают классического принципа спокойствия. Барокко – искусство чувственное, искусство увлечения, движения, порыва. Мастера барокко также оперируют классическим ордером, но у них он является только набором архитектурных деталей, которые можно располагать так, как этого требует замысел. Барокко не признает классического спокойствия.

Композиции Ренессанса являются плоскостными. В силу этого большую роль в них играют внешние контуры, силуэты, линии, и неизбежно на первое место выходят размерные отношения и пропорции. Проблема оптимальных отношений и пропорций была основной теоретической проблемой архитектуры эпохи Возрождения. Композиции барокко телесны, скульптурны. В барочных композициях играют роль не линии, а массы стены, контрастно сочетающиеся с дверными и оконными проемами. Отсюда некоторое пренебрежение пропорциями и влечение к живописности, к эффектам игры света и теней.

Композиции Ренессанса, по определению Г. Вёльфлина, таковы, что части, составляющие целое, пользуются известной свободой. Композиции барокко образуются едиными признаками и группами элементов. В них частности служат целому и без этого целого не могут существовать. Поэтому барочные композиции всегда имеют ось симметрии или отчетливо выраженный композиционный центр.

Городские улицы и системы улиц. Эстетика прямолинейной улицы, оформленной в одном ордере, зародилась в теоретических трактатах мастеров Ренессанса. Но на практике им удалось построить только одну такую улицу – улицу Уффиций во Флоренции. В отличие от Ренессанса, барокко стало периодом активного строительства улиц.

Работавший при папе Сиксте V Д. Фонтана в течение ряда лет был главным архитектором Рима. Развивавшийся город требовал строительства новых улиц, и вот, чтобы соединить его крайние точки – площадь дель-Пополо с Латеранским дворцом Д. Фонтаны, – была проложена система прямолинейных улиц, образующих на востоке громадное полукольцо. В этом реализовалось стремление к осевым композициям и к целеустремленным перспективам. Эта тенденция, характерная для барокко, закономерно приводила к приемам направления прямолинейной улицы на выдающееся здание или установки в конце улицы того или иного монумента. В руинах античного Рима сохранились древние обелиски, в свое время привезенные из Египта. Эти обелиски и были поставлены на концах прямолинейных улиц.

Важным нововведением стало применение системы двух или трех лучевых улиц, точка схождения которых обозначалась обелиском, колокольней или фасадом собора. Таким образом, в период барокко появилась та лучевая планировочная композиция, которая легла в основу Версаля, и затем Санкт-Петербурга, Вашингтона и ряда других городов мира.

В XVII в. площади создавались не столько для практических целей, сколько для украшения города. Этому способствовало то, что ранее построенные торговые площади и площади общественного назначения с избытком удовлетворяли запросы населения. Новые площади возникали в связи с постройкой церквей и дворцов и в ряде случаев являлись их дополнением.

Как и в Средние века, церкви возникали в середине площади или выступали на площадь из фронта зданий. Например, на миниатюрной площади Санта-Мария-делла-Паче в Риме полукруглая паперть церкви настолько выдается вперед, что заполняет всю середину площади.

Еще чаще посреди площади ставились монументы. Начиная с конной статуи Марка Аврелия на площади Капитолия в Риме почти все площади получают поставленный посередине памятник, обелиск или фонтан. Многочисленные повторения этого приема заметны в последующие эпохи, особенно в XIX в. Однако у барочных мастеров каждый монумент в полной мере включался в ансамбль и служил не только скульптуре, но и архитектурным задачам организации пространства.

В противоположность площадям эпохи Возрождения барочные площади имели сложный план. Живописная кривая, трапеция или сложное сочетание этих форм часто применялись для организации пространства. Площадь Петра в Риме (и особенно ее реконструкция по проекту К. Фонтаны) создавала комбинацию пространств, ориентированных на единую ось симметрии, на которой стоит собор.

Площади Рима XVI–XVII вв. резко отличались от средневековых римских площадей. Так же, как и площади Флоренции более позднего периода, они имели правильные прямоугольные очертания, свободную середину и фронтальную композицию.

Примером площади, стоящей по своей композиции на пороге стиля барокко, является площадь Капитолия (рис. 5.36, 5.37), расположенная на плоской вершине Капитолийского холма. Радикально перестроив старый замок, Микеланджело создал из него так называемый палаццо Сенаторио. Верхние этажи дворца он организовал огромным ордером, опертым на нижний этаж, решенный в виде цоколя и украшенный великолепной наружной лестницей. Микеланджело не смог закончить весь ансамбль, и после его смерти постройку продолжали его ученик Т. Кавальери и ряд мастеров периода барокко.

Они построили два дворца по сторонам площади – палаццо Консерватории и музей Капитолино.

Площадь Капитолия замощена каменным паркетом в виде звезды, в центре которой высится античный конный монумент Марка Аврелия, поставленный Микеланджело. Площадь открыта к Марсову полю; парадная лестница-пандус образует главный вход на нее, а статуи Диоскуров украшают начало лестницы на самом верху. Несмотря на свои небольшие размеры (глубина 79 м, ширина 40–60 м), площадь производит исключительно сильное впечатление.

Площадь дель-Пополо служит парадным въездом в папский Рим. Расположенная у начала трех лучевых проспектов, она стала организующим центром для всей северной части города. Свое архитектурное оформление площадь получила в период барокко (в конце XVII в.), т. е. через 100 лет после прокладки боковых магистралей. В 1628–1664 гг. К. Райнальди и К. Фонтана построили две купольные церкви по сторонам улицы Корсо. Таким образом была

подчеркнута центральная магистраль, а площадь получила ориентацию в сторону города. Ранее, в 1587 г., в центре площади был поставлен обелиск. От обелиска, находящегося в геометрическом центре трех лучевых проспектов, открывается общая панорама радиальных улиц, так как угол в 47° (между крайними улицами) дает возможность охватить их перспективу одним взглядом.

В период Ренессанса и барокко под влиянием новых идей и на почве высочайшего расцвета искусства сложились многие планировочные приемы, применяемые в градостроительстве до сих пор. Мастера Возрождения разработали идею регулярного радиального плана города. Мастера барокко на практике применили лучевые системы планов с архитектурно обработанной точкой схода. Городские площади, в свою очередь, получили много новых композиционных решений. На смену нерегулярной средневековой площади, архитектурная эстетика которой заключалась в контрасте громадного здания и небольшого пространства перед ним, пришла спокойная площадь правильной формы. Впоследствии организация площадей усложнялась, и в период барокко творческая фантазия архитекторов создала арсенал разнообразных форм, рассчитанных на живописный эффект. Тщательно учитывая назначение площади и конкретную окружающую среду, они умели выбрать место для монумента, найти его размеры, удачное освещение и архитектурный фон.

Расцвет искусств, каким была отмечена эпоха Возрождения, не мог остаться исключительно итальянским явлением. Это искусство постепенно распространялось во Францию, Чехию и Южную Германию. Закономерности композиции ансамблей этого времени существенным образом повлияли на формирование ансамблей в городах России, – сначала на формирование древнерусских ансамблей XV–XVIII вв., затем России XVIII–XIX вв., а впоследствии – и на их композиционные особенности в советский период градостроительства.

Несомненно поворотным этапом в истории русского градостроительства явилась эпоха Петра I, когда наиболее ярко выступило несоответствие старых, стихийно выросших и плохо спланированных городов экономическим и политическим задачам, которые были поставлены Петром.

Поездка Петра I за границу, предпринятая им еще до начала войны со Швецией, сыграла огромную роль в развитии русского градостроительства. Ознакомившись с регулярными городами Западной Европы, Петр I убедился в их практических преимуществах, оценил их эстетику и пожелал иметь такие же города у себя в России. Уже в строительных указах 1701 и 1704 гг. предписывалась регулярная каменная застройка в Москве, однако с основанием Петербурга основные градостроительные преобразования происходили в первую очередь в новой столице России.

Концентрация строительных и архитектурных сил в Петербурге позволила развернуть здесь грандиозное строительство, стоявшее на чрезвычайно высоком художественном уровне. Петербург стал школой для русских градостроителей, которые в дальнейшем составляли многочисленные планы губернских и уездных городов Российской империи.

Период с основания Петербурга и до 60-х гг. XVIII в. рассматривают как первоначальный период в истории русского градостроительства, когда формировалось русское планировочное искусство, ставшее на путь строительства регулярных городов. Планировка производилась почти исключительно в Петербурге и только для Петербурга. После Петра I над планировкой городов работали И. Ф. Мичурин (в Москве), П. М. Еропкин, И. К. Коробов и М. Г. Земцов (в Петербурге). Но принципиальные градостроительные вопросы были поставлены при решении плана Петербурга. П. М. Еропкин, И. К. Коробов и М. Г. Земцов применили и развили систему трех лучевых проспектов, сочетали проспекты с каналами, соединили радиальные и кольцевые магистрали с кольцами парков, впервые применили в России регулярную застройку, целенаправленно формировали силуэт города, и благодаря этому при смене стилей от петровского барокко к барокко Растрелли сумели создать архитектурно целостный образ Петербурга, отвечавший представлениям тогдашнего общества о столице громадного государства. Этот образ сформировался основными архитектурными ансамблями улиц, площадей, набережных Невы.

При Екатерине II количество городов, застроенных по предварительно установленному плану, резко возрастает и градостроительство приобретает широчайший размах. В 1763 г. вышел указ «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо».

Градостроительные работы в широком смысле слова начались после создания 11 декабря 1762 г. Комиссии для устройства городов Санкт-Петербурга и Москвы под руководством И. И. Бецкого. В качестве архитектора к комиссии был прикомандирован А. В. Квасов, который, несомненно, сыграл важную роль во всех ее планировочных работах. Вторая половина XVIII в. характеризуется быстрым ростом количества русских городов. Увеличение количества городов вызывалось развитием промышленности и торговли и возрастанием числа административных центров, особенно на юге России.

Родовитые светские и духовные феодалы, а за ними и мелкопоместные дворяне переселялись в города, где широко развернулось гражданское и церковное строительство. В екатерининский период было составлено множество

новых генеральных планов для русских городов. Получив высочайшее утверждение, эти планы приобретали силу закона и в течение 50 с лишним лет почти не изменялись. По мере амортизации городского строительного фонда исчезали характерные для древнерусских городов узкие извилистые улицы, неправильные кварталы и тупики и на их месте появлялась регулярная городская застройка.

В начале XIX в., после Отечественной войны 1812 г., Россия с триумфом вышла на европейскую политическую арену. Подъем национального чувства, сознание мощи и величия России и, наконец, экономический расцвет городов отразились в архитектуре.

В Петербурге, Москве и других городах возникают новые площади, улицы и городские центры. Стиль ампир, получивший в России национальное художественное выражение, перерастает рамки единичных построек и становится преобладающим стилем ансамблей русских городов.

В Петербурге – столице Российской империи – ампир обладает огромным размахом и дышит строгостью и величием; в Москве он отражает теплоту и уют дворянских особняков и усадеб. Следует отметить, что ампирные ансамбли прекрасно сочетались с древнерусскими архитектурными памятниками, монастырями и кремлями, создавая в единстве с ними необыкновенное богатство форм и красок.

После Отечественной войны 1812 г. в Петербурге был создан Комитет для строений и гидравлических работ, в который помимо председателя, инженера А. А. Бетанкура, вошли К. И. Росси, и В. П. Стасов. Под их руководством проводилась планировка и застройка Петербурга александровского и николаевского времени, оставившая после себя Дворцовую и Сенатскую площади, Михайловский дворец, Театральную улицу (ныне – улица Зодчего Росси) и ряд других высокохудожественных ансамблей.

Одновременно с этим и в Москве не менее напряженно велись работы по формированию ансамблей центра города (создание Манежа, Большого театра и ансамбля Театральной площади).

Работа над планировкой русских провинциальных городов в екатерининское время производилась непосредственно в Петербурге. По этой причине влияние Петербурга как источника планировочных композиций возрастало. Многие большие и малые города России повторяют веерный план Петербурга, а в трактовке главных магистралей, площадей и городских центров варьируют Невский проспект и петербургский центр. Так, площадь перед Ильинской церковью в Ярославле с отходящими от нее радиальными улицами напоминает план центральной части столицы, но, разумеется, уступает ей в размерах.

Удачные примеры веерных планов дают Одоев, Тверь, Ярославль, Богородицк и отчасти Кострома. План Одоева (небольшого городка бывшей Тульской губернии) весьма прост. Его костяк составляли три лучевые улицы, сходящиеся у восьмиугольной главной площади города. В плане Твери имеются столь же простые лучевые улицы. Но вследствие крупных размеров города и сложной местности Тверь получила более сложный план. Три лучевые улицы Твери расходятся от полукруглой площади, причем средняя улица, ориентированная на кремль, весьма удачно замыкается колокольней. Лучевые улицы Твери, несмотря на свое большое архитектурное значение, организуют только часть городской территории. Остальное пространство заполняется сетью прямолинейных улиц, пересекающихся под прямым углом.

В наиболее ответственном пункте веерного плана – точке схождения радиальных улиц – обычно располагались дворец, башня, церковь или группа церквей, образующих монастырский ансамбль (Ярославль, Кострома и ряд других городов). Но, помимо этого, в екатерининское время появлялись веерные планы, точка схождения которых лежала вне города и материализовалась в загородном дворце. Живописные озера, искусственные руины и свободно растущая зелень составляли декорацию главной доминанты, к которой устремлялись радиальные улицы. Дворец, размещенный среди зелени пейзажного парка, имел решающее композиционное значение. Об этом свидетельствует Богородицк.

Наряду с радиальными планами на рубеже XVIII и XIX вв. нередко появлялись регулярные прямоугольные планы. В планах наиболее удачных из них (например, в Богородске, Бронницах и других городах) всегда имелись хорошо подчеркнутый центр в виде главной (обычно прямоугольной) площади или системы взаимно связанных площадей. Одна из них предназначалась для базара, а другие – для размещения казенных зданий, постоялых дворов и магазинов. Кроме того, выделялась главная, а иногда и две главные улицы, которые вели от центра к заставам, украшенным воротами, а иногда и обелисками из дерева или камня. Наличие в городе крупного центра и главных улиц делало городской план хорошо организованным и хорошо ориентирующим человека в пространстве. В планировке городских кварталов этого периода также не допускалось однообразия, столь характерного для многих городов XX в.

В конце XVIII и начале XIX в. появилось немало городских планов, решенных в виде многоугольника (города Золочев, Серпейск), квадрата с диагоналями (Семенов), треугольника со срезанными углами (Ефремов) и других геометрически неправильных фигур. Некоторые из них объяснялись естественной топографией. Но большинство планов при перенесении в натуру обнаружили

символичность, не связанную с факторами местности. Так, излучина реки Пахры разрушила прямоугольный план Подольска, в той же мере ручьи и овраги разъединили Золочев, а четыре обособленные части сделали среднюю – многоугольную часть ничем не обоснованной.

В 30-х гг. XIX в. постепенно утрачивались оригинальность и острота композиционных замыслов и планировка сводилась к механической разбивке городской территории на сеть прямоугольных улиц и равных прямоугольных кварталов. Таковы Нахичевань, Моздок, Кизляр и ряд других городов.

Городская площадь как самостоятельная единица в русском градостроительстве XVIII в. приобрела большое композиционное значение в плане города. Площади показывались на всех генеральных планах Петербурга начиная с плана Ж.-Б. Леблона.

Интерес к архитектуре городских площадей пробудил имевший международное значение конкурс на проект Дворцовой площади в Петербурге.

С проекта Дворцовой площади было начато проектирование и строительство площадей по всей России. Комиссия И. И. Бецкого предложила проектировать несколько площадей в Петербурге; в Твери была сооружена Фонтанная площадь; спроектированы площади для Ярославля, Костромы, Богородицка, Калуги и других больших и малых городов. Широкое строительство площадей началось уже в александровское время, в период господства стиля ампир.

Из практики строительства площадей к началу XIX в. вырабатывались общие правила: 1) классифицировать площади по их назначению; 2) определять размеры и расположение площадей на городской территории сообразно с их назначением; 3) застраивать площади однородными зданиями, сосредоточивая на главных площадях здания общественного назначения; 4) трактовать пространство площади, ее застройку, а также и улицы, примыкающие к ней, как единое художественное целое, как ансамбль.

Во всех без исключения русских городах этого времени проектировались главные площади. На них сосредоточивались здания государственного и общественного назначения (дворцы и министерства в столицах, губернские и уездные учреждения в провинции). Главная площадь использовалась для обнародования государственных актов, происходили на ней и военные парады, хотя значительно чаще для этой цели служили специально создававшиеся плац-парады близ казарм. Наряду с главными (почти всегда гражданскими) площадями сооружались соборные площади, торговые площади, площади у застав, у приходских церквей и вообще в тех местах, где усиленное городское движение или выгодность места в планировочной системе города подсказывала устройство площадей.

Концентрация на площадях зданий однородного назначения в ряде случаев облегчала задачу создания ансамбля. Имея в своем распоряжении сооружения более или менее равных размеров и родственной или идентичной тематики, архитектор мог выдержать силуэт застройки на задуманных уровнях, соблюсти общий для всей площади архитектурный масштаб, ввести необходимые тождества и различия в пластическую обработку стен и окраску фасадов. Многие рыночные площади непосредственно организовывались только единообразными аркадами торговых рядов и тем не менее производили впечатление торжественных ансамблей.

Размеры площадей конца XVIII в. и начала XIX в. почти всегда были очень велики. Площади в 2–3 га встречаются даже в небольших городах и очень часто производят впечатление пустынных. Однако гигантские площади с многоэтажной застройкой в столицах вполне оправдали себя. Сооружая их, великие мастера классицизма и ампира не нарушали предельного соотношения высоты здания и соответствующей глубины площади. И если для площади, обстроенной со всех сторон и обладающей свободной серединой, предельное соотношение составляло 1 : 6, то это был абсолютный максимум. Площадь перед Александринским театром в Петербурге, Театральная площадь в Москве и ряд других площадей построены именно при соблюдении данного отношения.

Имеются принципиальные художественные отличия ампирной площади от площадей предшествующего периода, периода барокко. В композициях барокко всегда господствовало то или иное здание, перед которым (или вокруг которого) разворачивалась площадь (например, Дворцовая площадь). Мастера русского ампира рассматривали площадь как господствующее пространство и подчиняли ему все то, что окружало площадь. Поэтому фасад здания в их трактовке не был принадлежностью отдельного здания; наоборот, он служил монументальной рамой пространства площади. Та же Дворцовая площадь, законченная архитектором К. И. Росси в стиле ампир, является ярким примером такой композиции.

Улицы и кварталы в петровскую эпоху пережили переломный период. В первые же годы строительства Петербурга Петр I запретил усадебный способ застройки кварталов и предписал дома возводить вдоль улицы, а все служебные постройки размещать за домом, в глубине квартала. Неукоснительное проведение в жизнь этого строительного закона в корне изменило архитектурный облик улиц русских городов. Широкие и прямолинейные улицы с большим количеством зелени были окопаны канавами, а промежутки между домами огораживались чугунными и каменными оградами. Сочетание регулярной застройки с зеленью

деревьев и со шпилями церквей и башен, замыкавших уличную перспективу, придавало улицам Петербурга эпохи Петра I большую живописность. В послепетровское время вместе со сменой стилей и ростом этажности неоднократно изменялся характер улицы, но основные принципы, установленные Петром, оставались незыблемыми. К их числу относятся: 1) прямолинейность уличной трассы; 2) регулярность застройки, выровненной в смысле этажности и поставленной строго по единым заранее установленным – красным линиям улицы; 3) устремление перспективы улицы к башням и другим значительным зданиям, замыкающим уличный пролет.

В 30-х гг. XVIII в. в практике русского градостроительства было принято регулирование высоты застройки. Тем самым был сделан шаг к упорядочению силуэта улицы. Через 30 лет, в 60-х гг. XVIII в. по докладу комиссии И. И. Бецкого Екатерина II предписала строить впредь дома вдоль Невы высотою в 10 сажен (21 м). Эта высота была распространена на застройку Невского проспекта и других улиц Петербурга и в конечном счете обеспечила столице строгую горизонтальность в высотах, нарушаемую отдельными мощными башнями и куполами.

В екатерининское время в целях ограничения территориального роста Петербурга была предписана сплошная периметральная застройка (без разрывов между домами), после чего улица в полной мере превратилась в коридор, ограниченных фасадами каменных домов.

Стиль ампир не изменил коридорного типа улицы, но внес в ее архитектуру жизнерадостное сочетание цветов: белого (колонны, карнизы, русты нижних цокольных этажей) и желтого, покрывавшего поле стены. Примером ансамбля ампирной улицы, полностью сохранившейся до наших дней, является Театральная улица (ныне – улица Зодчего Росси) в Санкт-Петербурге.

Строительство улицы, трактовавшейся мастерами ампира в виде протяженного и постепенно воспринимаемого ансамбля, потребовало решения ее поперечного сечения – соотношения высоты застройки к ширине улицы. Проектируя Театральную улицу, К. И. Росси принял для нее классическое отношение 1 : 1; разрез Миллионной улицы в Твери строится на соотношения 1 : 2 (при высоте зданий в 13 м и ширине улицы в 26 м); Невский проспект, не имеющий постоянной ширины, дает несколько соотношений: от 1 : 1 у здания Главного штаба и до 1 : 2 у Гостиного двора.

Работая над застройкой улиц, архитекторы старались сделать улицу архитектурно целостной на всем ее протяжении и организовать ее фасады с таким расчетом, чтобы пробудить интерес зрителя к движению по улице и к постепенному восприятию ее ансамблей, отдельных частей, фрагментов.

Характер воздействия архитектуры во многом зависит от культуры коммуниканта. На человека, менее подготовленного к восприятию архитектуры, воздействуют обычно активные визуальные признаки и значения, обусловленные фундаментальными кодами, – движения, выраженные осями пространства, масштаб, предельно выраженные контрасты, значимость входов и т. п. Сложнее осуществляется влияние архитектурных метафор, коннотаций, культурных значений, знаковых образований, интерпретация которых связана культурой, эпохой, дискурсами городской жизни.

Раскрытие связей признаков архитектурных ансамблей с культурой, с характером восприятия человека и его деятельностью позволяет понять, что те или иные композиционные построения не существуют самостоятельно, независимо от процессов восприятия архитектурного ансамбля, от его объективного символического содержания, обусловленного значимостью, местоположением, многими культурными значениями. Организация ансамбля на основе единой художественной идеи как определенной системы значений находит выражение и в соответствующей системе пространственно-визуальных элементов. Если район города формируется не просто как естественноисторическое напластование зданий, но как некое целое, он представляет собой систему текста, требуя от профессионалов обращаться к теории и семиотическим методам анализа художественного текста.

5.3. Уникальные историко-культурные и природные комплексы

Целый ряд особенностей имеют территории уникальных историко-культурных и природных комплексов как объекты охраны культурного наследия. Наиболее многочисленные из них на территории центра России – ансамбли садово-паркового искусства. Для понимания того, что важно сохранять в этих ансамблях, как связана охрана этих уникальных объектов с решением вопросов, связанных с недвижимостью, землепользованием, градостроительно-планировочными мероприятиями, необходимо дать самое общее представление об архитектурно-планировочных особенностях садово-парковых ансамблей.

Рассмотрение дворцово-паркового ансамбля Версаля как феномена определенного этапа развития европейской культуры и как архитектурной композиции основывалось на анализе его как организованной знаково-информационной системы художественного текста [Хохлова, 2005]. Версаль привлекал внимание исследователей как преломление придворной жизни XVII–XVIII вв. С этим были связаны особенности его семантики: идеи «недосягаемости королевской персоны», «присутствия всевидящего государя». Исследователями

проводилась параллель между стилистикой Версаля и мировоззрением той эпохи – влиянием философии рационализма Р. Декарта. Доминирование рационального мира человеческого мышления было тесно связано с архитектурно-композиционным мышлением, с доминированием порядка, симметрии, геометрической правильности в создаваемой человеком «второй природе». Порядок города переносился на природу, разума и мира врожденных идей на создания человека.

Классицистически-барочный синтез в стилистике Версаля был интерпретирован как противопоставление чувственного и умозрительного на первом этапе в эстетических принципах А. Ленотра и новой сверхчувственной модели мира на втором этапе в творчестве Ж. Ардуэна-Мансара, как воплощения «роскошнейшего театра власти» [Прокофьев, 1995. С. 10].

Сад как текст [Лихачев, 1982], задающий общее направление интерпретации этого вида художественной деятельности. Мир уподоблялся книге, сад – миру; следовательно, сад – это книга.

«Сад разума», отличающийся математической выверенностью пропорций и геометрической правильностью. Театральные зрелища также существенно повлияли на композицию ансамбля.

Интерпретации отдельных пространств, сооружений, фрагментов Версаля исследователи находят в путеводителях XVIII в. Их составляли очень известные литераторы, в частности великий сказочник Ш. Перро. Сам Людовик XIV составлял путеводитель Версаля. Это говорит о том, насколько продуманы, осмыслены были архитектурно-композиционные особенности архитектурных ансамблей эпохи абсолютизма и насколько бережно нужно подходить сегодня ко всему, что дошло до нас в неискаженном виде в садово-парковых ансамблях классицизма.

Первая система связана с изобразительным искусством. Ее «написал» главный художник короля Ш. Лебрен. Вторая система – целостная структура знаков пространств и объемов, искусственных и естественных элементов ансамбля – континуальная система, как ее называл при рассмотрении ансамблей Санкт-Петербурга Д. С. Лихачев. Ее «написал» главный садовник короля А. Ленотр. Скорректировал эти системы Ж. Ардуэн-Мансар. Этому различию систем отвечают и два типа семантики: 1) связанная с аллегориями; 2) связанная с образно-пространственным строем.

В России расцвет садово-паркового искусства начался в XVIII в., когда возникли дворцово-парковые ансамбли столицы Петергоф, Ораниенбаум, Летний сад и Царское село. В композициях садово-парковых ансамблей данного периода доминировал дворец. Одним из памятников русского искусства этого периода является *архитектурно-парковый ансамбль Кусково* (рис. 5.38). Этот ансамбль в полной мере отражает достижения усадебного строительства своей эпохи. Своеобразные архитектурные ансамбли под Москвой получают распространение в конце первой трети XVIII в. в древних родовых вотчинах знатного дворянства. Из уцелевших подмосковных усадеб Кусково – наиболее ранняя, дающая представление о типе усадеб времени императрицы Елизаветы. Она находилась недалеко от Москвы, между Владимирской и Рязанской дорогами. Первое упоминание о подмосковной усадьбе бояр Шереметевых относится еще к началу XVI в. Земля, малоудобная для обработки, не представляла хозяйственного интереса, зато болотистые леса служили местом охоты. С 1715 г. эти земли принадлежали сподвижнику Петра I, видному военачальнику, герою Полтавской битвы фельдмаршалу Б. П. Шереметеву. Граф был одним из самых образованных и передовых людей своего времени. В конце жизни он задумал строительство загородного дворца, но осуществить свой план не успел. Устроителем усадьбы стал его сын П. Б. Шереметев (1713–1788), который отдавал дань новым формам жизни – торжественным приемам, пышным ансамблям, многолюдным праздникам. Усадьба Кусково была превращена в «летний загородный увеселительный дом». Центральное место во владении занимал парк. Из ранних сооружений сохранилась церковь, возведенная в 1737 г., и построенный к 1749 г. «голландский домик» в память петровской эпохи.

Ансамбль Кусково создавался на протяжении нескольких десятилетий. В 1755 г. здесь был вырыт большой пруд, что позволило осушить низменное болотистое место. Всего было устроено 17 прудов, крупных было 3. Помимо прудов были созданы каналы, каскады, которыми полнилась живописная речка. Извиваясь и разделяясь на протоки, она образовывала островки.

Несмотря на длительное формирование усадьбы, создается впечатление, что она создавалась единовременно – так целостно складывалась композиция. Однако Кусково строил не один архитектор. До 1754 г. всеми работами руководил Ю. И. Кологривов, долго живший в Италии и хорошо знавший итальянскую архитектуру. После его смерти строительством ведал крепостной Ф. С. Аргунов, а с 1765 по 1781 г. – известный московский архитектор К. И. Бланк. Упоминаются и другие архитекторы и садовники – крепостные и вольные.

Господский дом (1770 г.) и церковь расположились на берегу пруда. Они отделили от воды наиболее ухоженную, насыщенную дорожками, подстриженную и разукрашенную часть парка. Это капитальное здание усадьбы построено из дерева – традиционного материала русских мастеров, но с соблюдением пропорций каменной архитектуры и декорированное под каменные формы. При этом некоторые парковые павильоны выполнялись из кирпича и камня. Дом

лишен большого парадного подъездного двора, но его отделка, нарядная церковь, кухонный флигель, украшенный фигурными наличниками на окнах, колокольня с золоченым шпилем, симметрично расположенный по сторонам от центральных дверей пандус образуют торжественную композицию, придают ансамблю праздничность и парадность. Дворец немного возвышается над прилегающей территорией. Его основанием является каменный подклетный этаж с винными погребами. Барский дом отвечал вкусам эпохи барокко и был богато отделан изнутри. До наших дней сохранились его изящные интерьеры и роскошная обстановка. Каждая комната имеет особую отделку и украшена гобеленами, бронзой, фарфором, мрамором. Здесь собраны художественные предметы, старинные картины, «картины-обманки», редкие книги, уникальное оружие, различные исторические реликвии.

Дворец, его убранство и парк представляют собой единый ансамбль. Вестибюль дворца создает впечатление торжественности. В его нижнем ярусе находятся ниши с монументальными вазами в виде греческих амфор, в верхнем размещены живописные панно на античные темы, имитирующие скульптурные рельефы. Стены и пилястры расписаны под мрамор. Из вестибюля открывается анфилада парадных комнат, которые были обязательной принадлежностью усадебных домов XVIII в. Каждая из них имеет свои отличительные особенности – назначение, размеры, освещенность, эмоциональный строй. Их своеобразное повторение продолжено в парковых композициях, которые развивают пространственную систему комнат дворца. При восприятии ансамбля у зрителя создается впечатление театрального действия, где одни видовые картины и декорации сменяются другими, каждый раз новыми и неожиданными. Этот принцип применяется и в парке.

Значительную роль в создании образно-эмоционального воздействия играет цвет. Цветовая гамма дворца находится в прямой зависимости от оттенков окружающего парка, прудов, солнечного освещения. В самой нарядной комнате, стены и мебель которой обиты малиновым шелком, сочетание белого и малинового цветов создает особый нарядный и праздничный образ. Постепенно, от гостиной к гостиной, торжественность нарастает. Этому способствуют также паркет в орнаментах, высокие торшеры, мебель на тонких изящно выгнутых ножках, зеркала в резных золоченых рамах, парадные портреты, расписные плафоны, создающие впечатление бескрайнего голубого неба. В огромных окнах дворца виден танцевальный зал. Пышное великолепие этого ансамбля поражает посетителя. Зеркала зала благодаря неоднократному отражению в них окружающих природных элементов – деревьев, прудов, дальних перспектив – раздвигают пространство зала, связывая его с живописной природой. Таким образом парк будто бы входит в интерьер. При этом одна стена зала всеми окнами выходит в сад, другая полностью в зеркалах. Благодаря этому кажется, что зал открыт в парк с двух сторон. Рисунок цветного паркета, составленный из перетекающих один в другой кругов, это движение усиливает. Во многом этому способствует и освещение. Концентрируют на себе внимание две огромные люстры, почти невесомые по виду в этом «бесконечном» зале. Хрустальные элементы многократно повторяются в хрустале настенных бра. Их формы повторяются в ритме величественных канделябров в виде задрапированных в античные одежды женских фигур с золочеными ветвями светильников в руках. Зал был особенно эффектен при зажженных свечах, когда свет играл в хрустале всеми цветами радуги, а зеркала множили бесконечно сверкающие огни, рассыпающиеся в перспективе парка.

Основная композиционная ось ансамбля проходит через центр дворца и далее от фасада через пруд по каналу в сторону села Вешняки, с другой стороны – по главной аллее регулярного сада к оранжерее и далее на север мимо лабиринта.

За прудом вдаль уходил канал, отмеченный двумя колоннами, несущими на капителях светильники-маяки. Между ними был создан раздвижной мост. Канал заканчивался пышно декорированной белокаменной стенкой с фонтанами-каскадами. Большой пруд усиливал связь архитектуры с природным пейзажем, отражая в своем зеркале дворец. Из его окон в дни празднеств открывалась картина театрализованных представлений, происходивших на пруду. По воде скользила увеселительная флотилия: раззолоченная шестипушечная яхта, шлюпки, «китайское судно», барка, гондолы, ялики, челноки, ботики, разукрашенные разноцветными фонариками, с гребцами в национальных одеждах. Среди широкой водной глади выделялся зеленый остров. На нем устраивались пикники и затейливые фейерверки, которые отражались в воде. По берегу были живописно разбросаны руины, рыбачьи хижины, стилизованные беседки. В соответствии с модой конца XVIII в. в усадьбе появился «английский сад», в котором созданы природные эффекты: ручьи, пруды и водопады, груды камней, темные чащи, живописные горы и овраги.

Сохранились богатые архивные материалы: документы, планы, гравюры, позволяющие составить представление об усадьбе Кусково в годы его расцвета (рис. 5.38). Именно этот период, примерно до 80-х гг. XVIII в., был временем наивысшего расцвета усадьбы, когда здесь появились основные памятники архитектуры и садово-паркового искусства. За домом находится разделенный боскетами партер, украшенный мраморной скульптурой и цветочным ковром – буленгрином. Это была самая торжественная часть парка. Огороженный, словно стенами, ровными линиями шпалер, фасадами дворца и оранжереи, он производит впечатление огромного зала под открытым небом. Вдаль уходила перспектива подстриженных деревьев, образующих бесконечные лабиринты

зеленых стен. Формированию ансамбля служили многочисленные белые статуи вдоль паутины дорожек на зеленом ковре. Согласно преданию, некоторые из расставленных среди зелени античных мраморных статуй были подарены Екатериной II. Другие – копии – были выполнены московскими мастерами. Парковые статуи имели театральные позы и благодаря этому становились в своем роде участниками разыгрываемых представлений-пантомим. Зритель ощущал движение, создаваемое выразительными силуэтами скульптур динамичных очертаний, расположения на фоне естественно колеблющейся листвы, игрой света и тени при зажженных свечах. В усадьбе были и сооружения мемориального характера.

Кусково создавалось прежде всего как увеселительная усадьба с выдумками и курьезными затеями, вычурными и экзотическими сооружениями. В парке размещались десятки оригинальных хором, беседок, павильонов, лабиринтов, мостов, каруселей, трельяжей, руин, выполненных, как правило, руками крепостных. На эти затеи затрачивалось больше труда и средств, чем на «серьезные» сооружения. Тупиковые аллеи заканчивались зеркалами или нарисованными «перспективами-обманками», скрывающими реальное пространство. В аллеях парка встречались расписные деревянные фигуры нарядно одетых людей. Многим сооружениям в соответствии с их «игровым» назначением придавались фантастические формы. Они подражали по внешнему виду китайским, индийским, турецким зданиям, в то время казавшимся особенно экзотическими. К сожалению, эти многочисленные «затеи» не сохранились. До наших дней дошли только каменные строения.

В праздничные дни нарядная толпа в напудренных париках, шурша шелками, заполняла парк. Их поражали невиданные звери, цветы диковинных растений, вынесенных из оранжерей. Пели редкие птицы, воздух благоухал. В одной роще парка гремела музыка, в других ставился балет, пел хор, играла музыка. С разукрашенных скользящих по пруду лодок, из аллей парка доносились смех и шум веселья. Все гости становились участниками театрализованной феерии, попадая в особый фантастический мир. Вечером зажигались гирлянды цветных огней и фонариков, возникал мерцающий свет от пламени костров, свечей, светились каналы, пруды, обелиски, колонны, скульптуры, подсвеченная зелень. И наконец, праздник завершался излюбленным зрелищем гостей – фейерверком.

Особенность усадьбы Кусково – сочетание парадной роскоши и возможности уединения, отдыха в укромных уголках. Это достигается во многом тем, что все сооружения гармонично включены в единую планировку, в то время как парковая архитектура дополняет живописный ландшафт. Каждый пейзаж в парке воспринимается законченным благодаря тому, что он замкнут среди деревьев и скульптуры, а также потому, что его отличает свойственное только ему индивидуальное оформление. Здесь находятся островерхая «китайская пагода», беседки, обелиски, разноцветное покрытие аллей и площадок (мраморная крошка, песок) и спокойная гладь прудов. Узоры цветов партера повторяют рисунок паркета во дворце. Единство архитектуры и природы достигалось прежде всего тем, что каждый павильон или сооружение были композиционным центром своего микроансамбля, который в свою очередь был составной частью более сложного ансамбля. Несмотря на то, что части усадьбы разнохарактерны по стилю, все они подчиняются общей архитектурно-пространственной композиции.

Одновременно с главным домом рядом с ним было построено каменное сооружение по проекту Ф. С. Аргунова, имитировавшее естественный грот. Сооружение напоминает грот в Царском Селе, построенный В. В. Растрелли. Дополненный белокаменными деталями, карнизами, колонами, пилястрами, фронтонами с лепниной и балюстрадой, он приобретал черты выразительного барокко. В дополнение к обильно декорированным фасадам в нишах грота устанавливались белокаменные статуи. Круглые линии стилобата «омывают» здание, и оно повторяется в своем отражении в зеркале пруда. В предназначенном для отдыха гроте создавалось сказочное «Нептуново царство». Стены его кабинетов были выложены узорами из разных по форме и размеру раковин. Из вкраплений стекла, мелких кусочков минералов и маленьких ракушек на цветной штукатурке создавались фантастические рисунки с подводными растениями и животными.

Недалеко от грота, за прудом размещался «итальянский домик», который напоминал маленький дворец (построен под руководством К. И. Кологривова, отделку осуществил Ф. С. Аргунов). «Итальянский домик» был окружен небольшим садом в «итальянском вкусе». На берегу пруда на пригорке возвышалась статуя сирены над фонтаном, а вокруг дома были расставлены мраморные вазы и скульптуры. От «итальянского домика» мостик вел к менажерии – пяти изящным домикам для птиц с воротами, решетками и колоннами. Здесь содержались журавли, американские гуси, фазаны и пеликаны. Рядом по обводному каналу плавали лебеди. Эти пять маленьких домиков на восточном берегу пруда, стоящие полукругом, отделялись друг от друга пятью оградами. Изящные домики с пилястрами, их каменные ограды, обнесенные общей золоченой оградой, являются одной из наиболее нарядных миниатюрных композиций усадьбы.

Два небольших пруда, Итальянский и Голландский, получившие свои названия от домиков на их берегах, стали композиционными центрами юго-восточной и юго-западной частей сада. Домик под высокой черепичной крышей – своеобразная декорация уголка старой Голландии. Это одна из ранних построек усадьбы (1749 г.). Его внутренние стены были отделаны изразцами и украшены

картинами мастеров фламандской школы. Домик окружали цветники из гвоздик и тюльпанов. Из «голландского сада» лестница вела к воде. На берегах пруда находились две беседки: одна была выполнена в «китайском стиле», другая представляла собой открытую колоннаду.

От «голландского домика» можно было попасть в «персидскую» или «китайскую» палатки, раскидывавшиеся только летом и наконец в монументальный двухэтажный павильон «Эрмитаж». Это оригинальное по форме сооружение с бюстами в нишах и статуей первоначально Флоры, а затем Ганимеда было одной из главных диковин Кускова. Эрмитаж будто бы вобрал в себя изящество классицизма и пышность барокко. С балконов павильона открывался вид на великолепие парка – лабиринты, дальние перспективы, темные каналы, золоченая яхта в большом пруду. Уютные и в то же время необычно оформленные роскошные помещения предназначались для интимных бесед и собраний. На верхний этаж гостей поднимал подъемник. Специальное устройство позволяло обходиться без прислуги. Снизу поднимались диваны и стол на 16 персон. «Эрмитаж» занимал уединенное место, он отделялся от сада березовой рощей, в него вели шесть дорожек с шести разных сторон.

От «Эрмитажа» вдоль обводного канала вглубь сада вела аллея с каруселями и различными игровыми устройствами. Перед выходом из сада находилась «пещера огнедышащего дракона», обвивавшего дерево с двумя маленькими «гадинами». Недалеко от пещеры в двух шалашах находились восковые фигуры. Они поражали сходством с живыми людьми (особенно «девушка с блюдом грибов»).

Большим успехом у гостей пользовался «воздушный театр» в восточной части регулярного сада – его очертания хорошо сохранились. Все здесь было сделано из земляных насыпей, покрытых дерном, и стриженого кустарника. Сценой в нем была небольшая лужайка, декорациями – живые деревья. Театр освещался гирляндами цветных фонариков и плошек. Нередко представление заканчивалось фейерверком.

Парк усадьбы славился зеленым убранством. Среди насаждений были редкие для Подмосковья виды кустарников и деревьев. До сих нор еще живы лиственницы и пихты. Украшением усадьбы была оранжерея, созданная Ф. С. Аргуновым. В ней лавровые, лимонные, апельсиновые и даже кофейные, чайные деревья достигали таких же размеров, как у себя на родине. В 1786 г. по случаю приезда в Кусково императрицы оранжерея была превращена в зал, в котором проходил танцевальный бал.

Парк Кусково в значительной степени обязан своей славой оранжереям. Искусство кусковских садоводов было названо «важным периодом для истории ботаники и садоводства в России». В оранжереях выращивали огромное количество деревьев и цветов для парка.

Подбор пород деревьев был обычен для садов середины XVIII в. Подстригали преимущественно липу. У «итальянского домика» были посажены березы. Топиарная стрижка также составляла гордость сада. Самшит, буксус и тисы благодаря мастерству садовников превращались в диковинных зверей, птиц, людей. Сохранилось изображение этих зеленых скульптур на гравюрах П. Лорана. Архивные документы подтверждают их существование. Так, существует «реестр имеющимся в селе Кусково деревьям» 1761 г., представляющий собой перечисление зеленых скульптур.

Большой интерес представляет также территория парка за прудом. Настоящим украшением пейзажа был вековой лес с просеками. Здесь же были «руины», обелиски. В лесу находился зверинец с каменной 3-километровой оградой и 600 зверями. В центре зверинца размещалась круглая беседка с колоннами. Рядом со зверинцем размещались конюшенный, скотный и псарный дворы, построенные в виде обширного замка.

В начале 1780-х гг. в расположенной недалеко от усадьбы роще Гай появляется целый ряд новых затей: «английский сад», лабиринт, «дом уединения» (построенный в 1782–1786 гг.), «философский домик», «храм Тишины», павильон Лакасино, образцовый скотный двор Шомьера с восковыми фигурами, пировавшими за столом, птичник. В роще стояла «китайская башня» с колокольчиками. Небольшое озеро в конце рощи соединялось с другими озерами искусственными каналами. Их берега украшали высокие кедры, а полукруглые мостики с раззолоченными решетками и перилами вели в глубину рощи, к уютному домику с зеркальными стенами, полами и расписным плафоном. На границе рощи находился знаменитый шереметевский театр.

Сын П. Б. Шереметева Н. П. Шереметев долго жил и учился за границей и был представителем иного, нового мировоззрения. При нем кусковский театр стал лучшим в России. Однако после 1792 г. Н. П. Шереметев потерял интерес к праздникам и гуляниям. Он начал строительство дворца-театра в Останкине. Средоточие искусств и развлечений, рассчитанных на ценителей изящного, – вот что стало теперь привлекать его. Создавая Останкино, куда вскоре переехал и кусковский театр, Н. П. Шереметев забросил Кусково, которое опустело и медленно разрушалось. Аллеи зарастали, постройки разрушались и горели. Интересно, что ядро усадьбы, созданное в середине века, сохранялось значительно лучше, чем последние новшества конца века. Так, «дом уединения» был разобран, театр сгорел, пейзажный парк отдан под строительство дач. Дожди смывали краски, остатки позолоты, выдумки художников, превращавшиеся

в ненужную бутафорию – непонятную и ненужную. Еще в большее запустение пришла усадьба во время Отечественной войны 1812 г., после того как она была разграблена французами.

На протяжении двух веков в Кускове периодически велись реставрационные работы. В частности, в 1958–1968 гг. была реставрирована большая каменная оранжерея. Эта реставрация имела большое значение для всей усадьбы, так как создавался партер – центральная часть парка между дворцом и оранжереей. Новый этап реставрационных работ был начат в 1976 г., когда снова обратились к оранжереям, которые дошли до нашего времени в разрушенном виде. Чертеж крепостного мастера А. Миронова «Вид теплиц в саду села Кускова», найденный в Государственном музее творчества крепостных в Останкине, помог ученым-реставраторам. Благодаря ему появилась возможность подтвердить размеры и расположение оранжерей, полностью совпадавших с размерами на плане.

Помощь оказали и другие документы, редкие книги, раскрывающие секреты ремесла оранжерейного искусства XVIII столетия.

На основе сохранившихся записей, рисунков, чертежей, используя работы современных исследователей, реставраторы воссоздают первозданный вид этой жемчужины садово-паркового искусства России. Наравне с петербургскими ансамблями усадьба оказала большое влияние на последующее развитие садово-паркового искусства в России. И сейчас, являясь уникальным памятником, она относится к числу выдающихся произведений русского зодчества середины XVIII в.

Парки России последней трети XVIII в. относятся к периоду расцвета садово-паркового искусства, к периоду раннего классицизма, романтических тенденций и организации наиболее крупных парков со свободной планировкой, отображающей свободно-живописные природные образования, возникает так называемый пейзажный стиль. В этот период по всей России строительство садов и парков при дворцах, в городских и загородных дворянских усадьбах приобрело самый широкий размах.

Но дело, конечно, не только в количественных изменениях. 1770–1780-е гг. связаны с радикальными изменениями в садово-парковом искусстве – с отказом от регулярного и утверждением живописного пейзажного стиля.

Художники-профессионалы и любители искусств обращаются к античной эпохе, осваивают вновь открытые ценности Геркуланума и Помпеи, величественные в своей простоте и ясности памятники Греции и Рима. Одновременно активно изучается культурное наследие эпохи Возрождения. Устоявшиеся каноны барокко пошатнулись, все более крепнет идея «возвращения к природе» и к простоте. Отказ от той вычурности, искусственности и чрезмерной пышности, которые господствовали в стилях конца XVII – первой половины XVIII в., становится неизбежным.

Регулярные «французские» сады как проявление «искусственности» отвергнуты и почти повсеместно переделываются в «английские», т. е. в пейзажные, которые строятся будто бы в подражание природе и олицетворяют собой идею «естественности» [Швидковский, 1984].

В это время ряд теоретиков, а за ними и практиков высказывает свои представления о том, каким должен быть сад, соответствующий новой эпохе.

Виды на «внешнюю» природу, будто бы продолжающие парк, становятся важным компонентом его эстетики. Композиция строится на последовательном раскрытии многоплановых пейзажных картин, на смене светотеневых и цветовых контрастов самой природы. Но «природность» пейзажных парков XVIII в. все-таки остается в большой мере условностью, художественным символом. Это фактически некие идеализированные, сентиментальные живые картины, «выстроенные» по законам искусства.

Центральная идея пейзажных садов – следование природе. Поскольку природа «избегает прямых линий», то все регулярные строго симметричные построения отвергаются. Торжественные шпалеры и боскеты, расчерченные по геометрической сетке партеры превращаются в тенистые изогнутые аллеи, зеленые лужайки и поляны, густые массивы и живописные, «свободно» растущие группировки деревьев и кустарников. Вместо величественных террас, оформленных широкими лестницами и балюстрадами, создаются, – а там, где они есть, сохраняются – холмы и долины, утесы и ущелья. Вместо великолепных фонтанов и декоративных водных зеркал, закованных в мраморные «рамки», – романтические водопады, ручьи, тихие заводи, прихотливо изрезанные берега прудов с полуостровами и мысами.

Парки пейзажного стиля должны сливаться с окружением, границы их стираются, делаются незаметными, физически исчезает даже сама ограда, заменяясь рвом, валом (садовый прием).

Значительные преобразования осуществлялись в Санкт-Петербурге и в Москве. В Москве по генеральному плану 1775 г. закреплялась сложившаяся планировка, вдоль стен Кремля и Китай-города создавались более просторные площади, здесь размещались крупные общественные учреждения – университет, гостиный двор, сенат, воспитательный дом и др. На месте снесенных стен и валов возникли первые бульвары, которые образовали зеленое полукольцо, огибающее центральные кварталы. Интенсивно застраивались и окраины: рядом с Калужской

дорогой появляется Голицынская больница, на дороге в Петербург – Петровский дворец, перестроены и расширены дворец и военный госпиталь в Лефортове и т. д. Важно подчеркнуть, что эти ансамбли резко изменяли вид прилегающих кварталов и пустырей, они окружались садами и парками, к ним подводились благоустроенные подъезды. В эти же годы проводились работы по расширению старых московских усадеб, сады таких имений, как Кусково, Останкино, Нескучное, перестраивались под влиянием новых тенденций.

Ориентация города на реку, размещение городского центра и основных зданий на самых заметных точках рельефа, забота о силуэте города, контраст высотных ориентиров и невысокой рядовой застройки – все это стало характерными особенностями русского градостроительства. Эти принципы получили самое широкое распространение, были подхвачены многими зодчими, работавшими в провинциях. Не только в столицах, но и в таких городах, как Тверь, Ярославль, Астрахань, Казань, Калуга, Таганрог, Екатеринбург, Богородицк и многие другие, наиболее представительные здания ставились на главных площадях, эти центры закреплялись четкой структурой улиц. Все это обеспечивало композиционное единство города. При этом неотъемлемой частью города становилось его внешнее природное окружение – реки и заливные луга, холмы, леса – все то, что примыкало к застройке или воспринималось благодаря широким и прямым улицам, расположению площадей на возвышенности, береговой террасе и т. д.

Усадьбы рассматривались в это время как некий город в миниатюре, в котором есть свое компактное рационально организованное ядро, места для работы и отдыха и, наконец, природа, стихия. Основные элементы усадьбы были тесно взаимосвязаны и в то же время организованы по своим правилам. Дворец – абсолютная доминанта поместья, олицетворяющая идею рациональности, порядка, просвещения. К нему примыкают флигели, подчеркивающие доминанту и развивающие ее в пространстве. Главный дом и стоящие по бокам флигеля, часто связанные между собой колоннадами, образуют парадный двор – курдонер или П-образный двор. Дворец выделялся центральным положением, размерами, выразительностью портика, рисунком проемов, выступов боковых флигелей. Эта иерархическая структура особенно важна в классицизме, она в определенной степени отражала устоявший порядок в социуме.

Ниже, скромнее делались многочисленные служебные корпуса. Они почти никогда не решались только лишь как утилитарные элементы – они также украшались, ставились в определенном порядке, таким образом, чтобы композиционно акцентировать центр ансамбля. Центр выделялся также планировочными средствами. К строго симметричному, подчеркнутому портиком фасаду, как правило, перпендикулярно подводила прямая аллея. Главная осевая линия проходит мимо монументальных выездных ворот, через парадный двор, вестибюль и зал и выводила в сад.

Ближний сад еще не рассматривался как «природа», он скорее являлся продолжением ансамбля и поэтому формировался также регулярно. И уже за ним начинался пейзажный парк. Он мог подступать к дому с боков, мог «проглядывать» через колоннады двора, однако важно, что в годы раннего классицизма сад не подходит к жилищу вплотную.

«Искусственное» и «природное» были в некотором роде разделены и противопоставлены.

Место центра усадьбы выбиралось обычно на возвышении, у подножия холма, на краю речной террасы или у пруда. Это уже было стремление не господствовать над природой, а подчинять ей человека. Проявлялось желание украсить и одухотворить природу, выразить гармоническую связь человека с природой. Парк только по-своему упорядочивал ее, раскрывал уже заложенную в ней живописность. Отсюда стремление расположить усадьбу в живописной местности, поставить дворец рядом или на одной композиционной оси с каким-либо выдающимся по своим данным пейзажем. При этом учитывались потенциальные возможности, например наличие понижений, тальвегов для устройства каскада прудов.

Исходя из сложности барокко, его эмоциональной напряженности и провозглашая господство естественности, гармонии, ясности в композиции, подход классицизма породил в то же время необычайно развитые повествовательные семантические системы пейзажного парка.

Этот подход не был лишь желанием показать красоту естественной природы. Характерной чертой парковых композиций этого периода было использование пейзажных, скульптурных, архитектурных символов, романтическая направленность создаваемых композиций. Романтические пейзажи повествовали о богах и героях античности, изображали природу экзотических стран, символизировали значительные исторические события, стремились придать композиции ансамбля драматичность, создать развернутые во времени последовательности восприятия видовых картин. Каждый уголок парка населялся мифами и легендами. Это исключало обыденность, уводило в иную, воображаемую реальность архитектурных фантазий. Парк воспринимался в контексте общекультурных кодов и знаков в ореоле произведений литературы и изобразительного искусства. Он являлся и своеобразной областью выражения индивидуального видения мира.

Осуществлялась мифологизация парка, что в большей или меньшей мере проявилось в созданных пейзажах этого периода. Характерный пример – парк

в Павловске, сыгравший наиболее заметную роль в момент, когда данная тенденция только зарождалась в России.

Достаточно указать на несколько знаковых систем в парке Павловска, связанных с античным миром: колоннада Аполлона, павильон Трех граций, храм Дружбы, амфитеатр (объекты архитектуры); «Аполлон-кифаред», «Венера Каллипига», «Флора», «Церера», «Дети Ниобы», мост Кентавров, «Меркурий», «Терпсихора» и т. д. (скульптура); Старая и Новая Сильвия, Парнас у колоннады Аполлона на берегу реки Славянки; лабиринт.

Характерны и основные семантические элементы других парков периода классицизма в России. Таковы, например, элементы парка Софиевка, который создавался на 15 лет позднее парка в Павловске: античные – хаос, Елисейские поля, подземная река Стикс, грот Венеры, павильон Флоры, статуя Еврипида, грот Дианы, терраса Муз и т. д.; «географические» – Амстердамский шлюз, Венецианский мост, Кавказская горка, «мечеть», «китайская беседка»; ландшафтно-экзотические – Большой водопад, Мертвое озеро, Шумовой (Львиный) грот; связанные с «местными» легендами – скала Смерти, усеченная колонна, грот Страха и сомнений и т. д.

Конечно, в качестве примера здесь приведен очень крупный парк в Павловске, но даже в парках среднего размера, не отличавшихся особым богатством, также были свои «мифы», свои «мавзолеи», «руины» и «грации», которые их населяли и одухотворяли. Предпринимались даже попытки изобразить целиком топографию какой-либо отдаленной местности или исторического события – например сад у стен Новоиерусалимского монастыря воспроизводил в миниатюре план древнего Иерусалима. Но значительно чаще это один или два объекта в виде скульптуры или архитектурного сооружения, выполненные в духе античности или Средневековья, которые вызывали целую цепочку исторических, литературных или художественных образов и сопоставлений, – многое домысливалось соответственно настроенным зрителем. Важно понимать также очень распространенную в те годы тенденцию «цитирования» образов разных парков, «напоминания» в провинциальных усадьбах о сооружениях великолепных царских резиденций Санкт-Петербурга, широко известных западноевропейских парков. Художественный текст романтического пейзажного парка может восприниматься, только если зритель представляет себе мифологический вербальный текст, связанный с художественным текстом парка.

Семантика парков эпохи классицизма неустойчива. С течением лет она оказывалась завуалированной позднейшими наслоениями или вообще становилась малодоступной для интерпретации. Поэтому, изучая становление того или иного паркового ансамбля, исследователям приходится учитывать не только изменения в приемах организации пространства, но и смену идеологических воззрений, в тот или иной период доминирующих в культуре.

Новая концепция парков изменила и подход ко всем его природным компонентам. Прежде всего стало иным отношение к дереву. Это уже не просто растительный материал для композиции шпалер и боскетов. Дерево приобретало самодовлеющее значение, индивидуальность, видовые отличия, особенности развития, способность гармонично сочетаться с другими растениями. Стало важным распределять посадки таким образом, чтобы они производили впечатление естественных.

Главным материалом композиции в пейзажном парке стало разнообразие насаждений, их подбор и расположение, чередование полян и рощ, цветовые контрасты, рисунок листвы и кроны. Деревья, травы, кустарники, цветы, чередуясь и зрительно накладываясь друг на друга, образовывали пейзажную картину с ближними и дальними планами, с общим настроением и неожиданными эффектами. Живой пейзаж должен волновать и сообщать что-то новое, а сверх того – и в этом заключается преимущество садового искусства – обеспечивать постоянную смену впечатлений от утра к полудню и к сумеркам, от весны к лету и золотой осени, от тихого туманного дня к солнечной погоде. В годы расцвета пейзажного искусства эти знаковые системы природы стали главными в формировании садово-парковых ансамблей.

В парках, подобных Павловскому, живые пейзажные картины выражают многообразные значения, оттенки настроений – величия и интимности, грусти и мечтательности, праздничности и торжественности и т. д. Смена этих картин на первый взгляд может показаться случайной. На самом деле их последовательность тщательно обдумывалась, увязывалась с маршрутом прогулок, внешним окружением парков. Между особенно эффектными видами и панорамами вводились паузы, зрителю старались дать передышку, чтобы затем снова приобщить к восприятию пейзажей.

В этом учитывались тонкости искусства, которые теперь уже трудноразличимы. «Читать» тексты пейзажа непросто, тем более если они создавались более 200 лет назад, но об их существовании нужно знать для сохранения первозданного облика уникальных ансамблей.

Пейзажная композиция не ограничивается одним лишь растительным материалом. Русская архитектура парков умело сочетала растительность с рельефом и водными источниками. Активное использование прудов и усадьбы – пожалуй, наиболее устойчивый ландшафтный признак русских парков этого периода, который, бесконечно видоизменяясь, представлен во многих десятках и

сотнях вариаций. Почти все пруды используются не только как место любования природой, но и в хозяйственных целях – для разведения рыбы, для строительства мельниц и т. д. Очевидно и полное соответствие самому духу классицизма: каскад прудов демонстрирует рационалистическое начало – знаки человеческой деятельности в природе.

Русская усадьба обязательно включала в себя пруды. Если их нет в непосредственной близости от дома, они располагаются поодаль, часто на продолжении главной оси ансамбля (например, в Никольском-Черенчицах под Торжком); иногда они образуют центральное открытое пространство.

В парках периода классицизма осуществлялись сочетания симметричных, центрально-осевых построений и сложных живописных элементов. Такова пейзажная планировка в парке в Ораниенбауме, где с 1762 г. создавалась летняя резиденция Екатерины II. Здесь поначалу отдельные элементы нового стиля вводились робко и лишь в тесных границах места. Южный район парка вблизи Китайского дворца получил регулярную планировку, но центральная ось уже была усложнена введением асимметричных построений, например изломов в трассировке аллей. Более живописный пейзажный характер имел район фигурных прудов, которые образовывали сложный лабиринт в виде спирали с множеством островков, соединенных «разноманерными» подъемными мостиками. В центре парка было выделено место для рощи с запутанной сетью криволинейных дорожек, напоминавших лабиринт. В то же время схема парка в целом во многом была подчинена геометрической правильности.

При создании одного из первых пейзажных парков в России в начале 1770-х гг. в Гатчине, в имении Г. Г. Орлова, были удачно использованы природные условия – ключевые озера, обилие леса, слегка всхолмленный рельеф, река Гатчинка. Сначала здесь был благоустроен огромный лесной массив, превращенный системой просек и площадок в зверинец. Основой собственно парка стало большое озеро, вокруг которого были сформированы пейзажные картины. Естественные контуры берега были художественно подчеркнуты группами древесно-кустарниковой растительности. Искусственные острова усилили глубинную перспективу от дворца, с пристани и других наиболее важных точек восприятия. Художники и строители скрывали следы своего труда, создавая впечатление нетронутого человеком прекрасного пейзажа. Неслучайно, что Г. Г. Орлов уже через 3 года после начала строительства решил пригласить к себе философа Ж. Ж. Руссо – одного из первых вдохновителей пейзажного стиля, призывавшего «возвратиться к природе».

Сооружения Гатчинского парка не доминируют над своим природным окружением, а очень органично с ним связаны. Самое монументальное из таких сооружений – пристань, сложенная из местного пудожского камня. С этой террасы и ее широких лестниц – сходов к воде открываются разнообразные виды на ландшафты Белого озера. При взгляде с противоположного берега она воспринимается как монолитное основание Большого дворца, расположенного на холме. Подобные оптические эффекты, учет осей и точек восприятия характерны для всего парка в целом. Чесменский обелиск был поставлен на мысу в лагуне, которая немного напоминала очертаниями Чесменскую бухту в Средиземном море. Таким образом, не только сам монумент, но и его естественный фон приобретал изобразительный мемориальный характер, напоминая о победах русского оружия.

Каждая постройка акцентировала ту или иную многоплановую пейзажную картину. Например, павильон Венеры воспринимался с основных аллей через Малое озеро, просеку на острове Длинном и Белое озеро, которые играют роль ландшафтных «кулис». В первые периоды развития гатчинского ансамбля ведущую роль в его создании играл А. Ринальди, а несколько позже – Н. А. Львов, В. Ф. Бренна, а также А. Д. Захаров, В. И. Баженов, К. И. Пластинин.

В отличие от Гатчины, пейзажные парки Царского Села сразу (в 1770-е гг.) включали в себя много построек, характерных для нового стиля. Решенная в духе античности Камеронова галерея или «китайская беседка» над проездной аркой выполнялись как архитектурные акценты пейзажа и придали ему соответствующую окраску. Старые – регулярные – части парка были переделаны в новой стилистике: берега Большого озера получили мягкие живописные очертания; парк у дворца с боскетами и террасами изменил свой облик из-за прекращения стрижки деревьев и кустарников, сглаживания откосов, удаления части скульптур и т. п. Этот ансамбль стал примером, которому последовали многие в Петербурге и его окрестностях, в Москве, Подмосковье, в ближних и дальних провинциях России.

В Павловске, в долине реки Славянки, рядом с Царским Селом, в конце 1770-х гг. начал складываться огромный ансамбль (рис. 5.39–5.43). Ч. Камерон проявил здесь свою эрудицию и показал высокие образцы искусства. Он гармонично вписал в пейзаж такие замечательные парковые сооружения, как храм Дружбы, колоннада Аполлона, холодная баня и др. Павловский парк в течение последующих 50 лет стал наиболее прославленным образцом пейзажного искусства в России. В его создании приняли участие лучшие русские и иностранные зодчие, скульпторы, художники, садоводы, мастера-строители.

Из других резиденций в окрестностях Петербурга он лучше сохранился. В нем в наиболее чистом виде отразился период расцвета русского классицизма, он был создан за довольно короткий срок – за 50 лет – и отличается особой

художественной цельностью ансамбля – садов, архитектуры, скульптуры. Это прославленный шедевр пейзажного зодчества, в котором нашло выражение направление садово-паркового искусства той эпохи.

Павловск начал создаваться в 1777 г. Земля, на которой вскоре раскинется новая летняя резиденция, была подарена в 1777 г. Екатериной II своему сыну Павлу. Это была лесистая местность, охотничьи угодья, расположенные в нескольких верстах к югу от Царского Села.

Участок площадью около 600 га (в момент основания, согласно документам, 362 десятины) прорезает долина реки Славянки, в ней – две деревеньки, остатки бывших шведских укреплений, охотничьи сторожки. Вскоре здесь появляются два небольших деревянных господских дома: Паульлюст– там, где позже будет выстроен дворец, и Мариенталь – несколько выше по течению реки. Вокруг Паульлюста устраивается обычный по тем временам пейзажный загородный сад в «романтическом вкусе» с почти «игрушечными» руинами, деревянными мостиками, «китайской беседкой», искусственными островками и каскадами в русле реки Славянки, цветниками. Здесь еще не ощущается будущего размаха, еще не осознано значение этой загородной резиденции, нет руководящей художественной, архитектурной идеи.

Началом, точкой отсчета, с которой по-настоящему развертывается создание ансамбля, следует считать 1778 г. В имение приглашается архитектор Ч. Камерон, ему предложено превратить скромную увеселительную усадьбу в представительную загородную резиденцию наследника престола. Сразу же, не дожидаясь окончания разработки проекта, начинаются подготовительные работы, расчищается лес, прорубаются просеки, роются осушительные каналы. На правом берегу строится дворец, который еще во многом напоминает дворянский усадебный дом – главный кубовидный трехэтажный корпус, перекрытый куполом, два служебных флигеля и связывающие их полуциркульные открытые галереи. Здание отражает в своем облике те традиционные приемы, которые уже получили широкое развитие в России: купол, членения фасада, соединительные галереи, спаренные колонны, да и сама постановка здания на холме с ориентацией его на реку – все это говорит о том, что Ч. Камерон успел хорошо изучить особенности русского классицизма.

По сравнению с соседним Екатерининским дворец невелик, он не имеет пышной барочной отделки, но поставлен таким образом, что виден – полностью или частично – почти из любой точки освоенной в тот период части парка, образует его главное ядро, организует прилегающие открытые пространства вдоль речной долины путем устройства широкой аллеи, которая впоследствии получила название Тройной.

Почти одновременно со строительством дворца около его южного крыла возникает так называемый Собственный садик. В отличие от других частей парка он имеет строго регулярную «шахматную» планировку и является своего рода непосредственным продолжением внутренних покоев, их «зелеными комнатами». Сюда можно было попасть прямо из залов, минуя лестницы и парадные вестибюли. Центральная аллея садика, продолженная рядами пирамидальных тополей, вела в южном направлении к тому месту, где в будущем будет построен павильон Трех граций. Она проходит точно по внутренней (поперечной) оси главного корпуса. Аллея была перекрыта трельяжем, окаймлена низкими шпалерами, за которыми располагались стриженые акации и фигурные цветники, которые, по свидетельствам современников, поражали всех своими ароматами и тонами. Аккуратно подстриженные газоны уподоблялись восточным коврам. Из оранжерей на летние месяцы сюда выносили кадки с редкими субтропическими растениями. В саду были установлены мраморные бюсты и вазы.

Сугубо частный, интимный характер имела и соседняя Фамильная роща, в которой высаживались деревья как отметки о событиях в семье владельцев парка. В центре был установлен монумент «Урна судьбы», к деревьям прикреплялись памятные таблички с датами рождения детей.

Для того чтобы подчеркнуть значимость дворца, русло реки Славянки перед ним было углублено и расширено с помощью запруды. Таким образом, здание открывалось со стороны западного подъезда. Оно воспринималось в живописном пейзажном обрамлении на вершине крутого склона с зеркальным отражением в реке. Объем здания и его членения были рассчитаны на гармоничное включение архитектуры в пейзажную картину. Постройка масштабно соответствует природному окружению и не подчиняет его себе. Вид дворца открывается со стороны реки и города.

Просторы и определенная интимность, напоминавшая другие загородные усадьбы России, отличали и западный фасад дворца. Однако уже на первом этапе вход в главный дом с запада отличался большей парадностью благодаря строго симметричной, торжественной Тройной липовой аллее. По оси аллеи уже издалека была видна колоннада центрального объема, увенчанного широким куполом.

Планировочная структура дворца и сам прием его размещения в парковом ландшафте находятся в общем русле развития русской усадебной архитектуры второй половины XVIII в., в этом убеждает сравнение работы Ч. Камерона с творениями В. И. Баженова, И. Е. Старова и других русских зодчих.

На планах 1780 и 1784 гг. мы видим, что Павловский дворец окружен садом

в пейзажном стиле со свободной планировкой дорожек, тесно связанных с рельефом местности, с живописными группами деревьев, имеющих естественные очертания.

В основу композиции нового парка положены природные особенности местности, осознано значение долины реки как главной ландшафтной доминанты, к которой тяготеют не только дворец, но и большинство садово-парковых объектов. Местность выделяется как открытое пространство среди леса, занятое прудами, лугами, полянами на прибрежных склонах. Кое-где еще сохраняются участки пашни, которые раньше занимали большую часть долины Славянки. Долина освобождена от зарослей, и лишь отдельные деревья и группы расчленяют пространство, подчеркивают изгибы реки, выступы берега. В течение 5–6 лет здесь появляются и основные архитектурные сооружения, которые до сих пор определяют вид центральной части парка: храм Дружбы (1782 г.), колоннада Аполлона (1781–1783 гг.), обелиск в память основания Павловска (1782 г.), Большой каскад (1786 г.) и др. Все они так же, как и сам дворец, имеют вид античных построек.

Напротив центрального корпуса дворца, на левом берегу белеет на фоне густой зелени колоннада Аполлона – храм бога Солнца, покровителя искусств. В кругу стройных дорических колон – статуя Аполлона Бельведерского, копия известного античного образца.

Храм Дружбы – вполне оригинальное архитектурное сооружение, которое повлияло на дальнейшее развитие классицизма. В частности, в нем впервые с такой полнотой воссозданы формы греческого дорийского стиля. В дальнейшем эта тенденция нашла свое отражение в творениях А. Н. Воронихина, В. П. Стасова и других русских зодчих.

Размещение павильона в пейзаже парка пространственно организовано. Круглый план повторяется в изгибе реки, ритм белых колонн – в стволах берез, тополей и кедров. Он воспринимается по-разному: на фоне открытой поляны, в голубом обрамлении речки, через ажурные кроны деревьев.

Несмотря на свое расположение в низине, храм Дружбы стал фокусной точкой целого пейзажного района, он в разных – и порой в неожиданных – ракурсах виден со стороны Круглого пруда и Висконтьева моста, со склонов дворцового холма, с левого берега.

За храмом Дружбы был создан обширный Круглый пруд и каскад в виде естественного водопада, ниспадающего по живописно разбросанным каменным глыбам в пруд. Позже, в 1792 г., архитектор В. Бренна пристроил к верхней видовой площадке над каскадом балюстраду и подпорную стенку с нишей. В дальнейшем были устроены каскады ниже по течению реки – между Старой и Новой Сильвиями, в Красной долине и ряд других. Всего в Павловском парке насчитывалось до 30 больших и малых каскадов. Наиболее удаленная от дворца точка в долине Славянки была отмечена композицией «Амфитеатр». Это обработанная камнем видовая площадка на вершине правобережного холма и расположенные на противоположном берегу земляные террасы, служившие сценой под открытым небом. «Сцена» окружена живыми декорациями – деревьями – и окаймлена плотным кустарником.

В первый период развития паркового комплекса была освоена и территория, прилегающая к дворцу с восточной стороны по обеим сторонам Тройной липовой аллеи. Но если та часть сада, которая расположена ближе к левому крылу, получила свободную пейзажную планировку, то сад у правого крыла решен в регулярном стиле. Это так называемый Вольерный участок, где в 1781–1783 гг. был устроен птичник. Он представляет собой колоннаду, соединяющую центральный зал и два небольших павильона по бокам. Это скромное на первый взгляд сооружение по замыслу создателей олицетворяло в архитектурной форме аллегорию противопоставления жизни и смерти: среди увитых виноградом, освещенных солнцем колонн порхают певчие птицы, в самих павильонах помещены урны – подлинные, специально для парка привезенные из Италии античные пеплохранительницы и надгробия.

Вокруг павильона расположились цветочные партеры, оранжереи, трельяжи и большой лабиринт из стриженых кустов акации, высаженных в виде запутанной спирали. В дальнейшем, уже в конце XVIII в., рядом устроили открытый зеленый театр, выкопали пруд, установили в нем статую Венеры и окружили его ивами.

Пейзажная часть придворцового сада за Тройной липовой аллеей была задумана в модном тогда романтическом сентиментальном духе. Это в определенном смысле сельская идиллия – здесь строятся Шарбоньер («жилище угольщика») в виде дома-шалаша, но с богатой внутренней отделкой; так называемый молочный домик под соломенной крышей. Эти постройки аналогичны Березовому домику в другом парке, также принадлежавшем Павлу I, – в Гатчинском. Здесь совсем рядом с дворцом были построены и «руины» – полуразрушенные башня, стена и мост, очевидно, под влиянием картин французского пейзажиста Ю. Робера.

В 1779 г. закладывается Английский парк в Старом Петергофе. В основе его композиции лежат созданные еще при Петре I пруды и протоки, которым придавались более живописные очертания. Искусственные водоемы украшаются мостами, их берега оформляются ценными породами деревьев. Дж. Кваренги строит здесь в 1781 г. выполненный в строгих формах классицизма Английский

дворец и – как романтическую антитезу ему – Березовый домик под соломенной крышей, но с богато обставленным интерьером. Парк не изменил общего регулярного характера ансамбля Петергофа, но он внес новый подход. В XIX в. пейзаж этого огромного комплекса был усилен новым живописным парком Александрия.

Примеру царских резиденций следовали вельможи. Так, И. П. Елагин в 1770–1780-х гг. осваивает один из островов дельты Невы. Он поручает обнести остров дамбой, осушить заболоченные территории и создать систему полян, тенистых аллей и живописных прудов с мостами. При доме И. П. Елагина был устроен зимний сад.

В последние десятилетия XVIII в. велось особенно активное строительство усадеб вокруг Москвы. Большинство подмосковных усадеб, которые в каком-либо виде сохранились до наших дней, были созданы в те годы.

Многие старые усадьбы, сложившиеся еще в прошлые десятилетия, расширялись и перестраивались. Новые пейзажные парки либо дополняют старые регулярные сады (Архангельское, Кусково), либо вытесняют (точнее, замещают) их по мере того, как липовые аллеи, шпалеры и боскеты принимают после прекращения стрижки все более естественный вид. В отличие от петербургских дворцово-парковых комплексов, которые создавались начиная с первых десятилетий XVIII в. в малоосвоенной прежде местности, на свободных территориях, усадебные парки Москвы и Подмосковья, как правило, были связаны с ломкой уже сложившейся структуры. Новые пейзажные композиции здесь в некотором смысле наследуют старую планировочную основу, что придает каждому саду неповторимый облик.

В 1770–1780-х гг. появляется пейзажный парк в Кускове. Он расположился в северной части усадьбы за регулярным садом и оранжереей, где под руководством Ф. Л. Аргунова были вырыты пруды, устроены ручьи с малыми каскадами, насыпные горки. Парк украсили храм Дианы, Китайская башня, Воздушный театр, Дом уединений, павильоны «Кофейня», «Стог сена» и другие сооружения. Были превращены в прогулочные аллеи просеки большого зверинца за прудом.

Усадьба Архангельское также подверглась перепланировке. Здесь строят дворец и великолепные террасы, которые сохранились до сих пор. Сложившийся регулярный характер центральной части был закреплен, переделки в новом пейзажном стиле затронули главным образом периферию и были незначительны по своим объемам. По сути, природное окружение Архангельского столь эффектно, что нужно было лишь суметь показать его. Это прекрасно понимали создатели ансамбля Де Герн, С. П. Мельников, В. Я. Стрижаков, которые ограничились прокладкой видовых дорог, устройством обзорных площадок, спусков к Москве-реке, запруд в ее пойме.

Московские сады, в числе первых принявшие вид пейзажных парков, – Нескучный сад и Царицыно. Нескучный сад, расположенный на холмах правого берега Москвы-реки, уже благодаря своему исключительно живописному расположению отвечал требованиям нового стиля. С открытых полян, чередующихся с березовыми рощами, группами сосен, дубов, открывались далекие перспективы на Кремль, Новодевичий монастырь, Воробьевы горы. На этих полянах устраивались фейерверки и праздничная иллюминация. Украшались гирляндами, огнями и прямые липовые аллеи, сохранившиеся от старой усадьбы, распланированной в регулярном стиле.

По пути создания новых пейзажных парков наряду с поддержанием регулярного сада пошло строительство многих подмосковных усадеб, таких как Ярополец (усадьба Чернышевых), Никольское-Гагарино. В некоторых усадьбах переход к пейзажным приемам совершался достаточно решительно. К концу века пейзажные композиции появились, например, в Горенках, Ольгове, Черемушках, Горках, Остафьеве, Яропольце.

С еще большей полнотой композиционные приемы нового стиля продемонстрированы в ансамбле в Царицыно.

Вслед за столицами начинается процесс создания пейзажных парков в ближних и дальних провинциях. С 1780–1790-х гг. Пейзажные парки создаются в Калужской, Тверской, Смоленской, Ярославской губерниях, в Поволжье, под Выборгом, на Украине, где появляются сады-шедевры в Яготине, Качановке, Белой Церкви, Умани, и в других провинциях России.

Одно из интереснейших явлений в русском садовом искусстве конца XVIII в. связано с постройками псевдоготического, или, как его еще называют, национально-романтического, стиля, таких, например, как дворец, Оперный дом, Виноградные ворота, мосты и другие сооружения в подмосковном Царицыне (1775–1785 гг.).

Эти сооружения по своему духу близки традициям допетровского зодчества, в частности церквам, выполненным в стиле нарышкинского барокко, и еще более древним сооружениям, таким как храм и царские чертоги в Коломенском. Вполне естественно, что русские зодчие, хорошо зная и повседневно наблюдая такие постройки, находились под их эстетическим воздействием, вдохновлялись ими. Но сам размах и быстрое распространение этого стиля были вызваны, так сказать, соответствующим «социальным заказом».

В европейских странах, и прежде всего в Англии, наряду с увлечением античностью и Возрождением все больше рос интерес к средневековому прошлому. Образ английского пейзажного парка гармонировал с подлинными готическими сооружениями. Это имело существенное значение при тесных культурных связях с Англией в конце XVIII и начале XIX в. Поездки в эту страну русских людей, среди которых были и художники и архитекторы (например, отец и сын В. И. Неелов и П. В. Неелов), закрепляли ассоциацию «пейзажный парк – готика» и стимулировали моду на оформление садовых и хозяйственных построек в духе Средневековья. Это вполне соответствовало господствовавшим в те годы сентиментально-романтическим настроениям в искусстве.

Готика стала противопоставлением классике, ее строгому «нормативному» духу, она давала более свободный выход самовыражению, рождала новые архитектурные образы, создавала более широкие возможности для игры воображения.

Формы русской готики имели выраженный национальный характер. Сочетание красного кирпича с белым камнем, приемы расположения построек, декор были близки древнерусской архитектуре. В этом убеждают сооружения не только царицынского ансамбля В. И. Баженова – М. Ф. Казакова, но и многие другие, например в подмосковных усадьбах Вороново, Быково, Михалково, Марьинка и др. Позже, в XIX в., использование романтических форм приобретет еще большие масштабы и, как мы покажем, несколько изменит свой характер.

Примером романтического парка конца XVIII в. является *подмосковный ансамбль Царицыно*. В 1775 г. Екатерина II приобрела имение Кантемиров Черная Грязь для постройки новой подмосковной резиденции вместо устаревшего дворца в Коломенском. Местность была живописной, с изгибающимися низинами и оврагами, в которых можно было устроить большие пруды. Когда-то здесь были непроходимые лесные дебри и болота. Все это позволяло рассчитывать на формирование в этом живописном месте «романтического» пейзажного парка. Решить эту задачу было предложено В. И. Баженову. Уже через год он представил проект ансамбля в модном тогда «мавританско-готическом стиле». Все здания усадьбы располагались на холме вблизи большого пруда в виде свободной, живописно разбросанной группы без какой-либо центральной оси симметрии. Такая «хаотичность» в расположении зданий на самом деле была тщательно продумана.

В. И. Баженов представлял себе ансамбль многоплановым – здания на разных расстояниях от берега, на выступах высокой берега и в глубине паркового зеленого массива, они органично связаны с рельефом и водным пространством, рассчитаны на восприятие со стороны прудов. Дворец состоял из двух соединенных друг с другом корпусов, предназначенной для самой владелицы поместья и ее сына Павла с семьей. Перед ним находился главный «кавалерский» корпус. Остальные хозяйственные и «кавалерские», т. е. свитские корпуса, малый дворец, старая церковь, Оперный дом, ворота и мосты тяготели к краям холма. Постройки выполнялись из красного кирпича с отделкой белым камнем, украшались стрельчатыми окнами, ажурными карнизами, причудливыми парапетами, арками, башенками-пинаклями. Здания относительно невелики, архитектурный масштаб их был сознательно уменьшен, отчего они казались «игрушечными». Панораму завершала башня с часами, поставленная в глубине участка на самом высоком месте. В целом все это производило впечатление загадочного сказочного городка, будто бы выросшего среди холмов и озер за дремучими лесами. Ассоциации с древнерусской архитектурой здесь очевидны.

За восточным фасадом дворца был намечен больший регулярный партер, который впоследствии заменила обширная поляна, окруженная сосновым бором. Все остальные части парка мыслились как чередование живописных пейзажных картин, объединенных прогулочными дорогам, из которых наибольший интерес представляла так называемая утренняя дорожка. Здесь вдоль южных склонов, обращенных к прудам, было особенно много солнечного света и простора, один вид на заливы пруда сменялся другим, причем в наиболее эффектных местах располагались беседки и «руины», получившие сентиментальные названия Нерастанкино, Миловида, храм Цереры, Русалкины ворота и т. д.

Царицыно – видовой парк. Отличительная особенность ансамбля заключается в том, что даже самые крупные здания решены как парковые сооружения. Они умело вписывались здесь в пейзаж и формировались как элементы, дополняющие живописный природный пейзаж.

Возрождение дворянских усадеб привело к новым тенденциям садово-паркового искусства в XIX – начале XX вв. В конце XIX столетия пробуждался интерес к усадьбам и усадебным паркам в широких слоях городского населения.

В конце XIX столетия пробуждался интерес к усадьбам и усадебным паркам в широких слоях городского населения. Образ дворянской усадьбы теряет в восприятии современников сословное значение и чаще воспринимался как неотъемлемая принадлежность русской культуры. Разночинцы с их отстраненным восприятием усадьбы, не отягощенным материальными бытовыми соображениями, открывали в ней новое эстетическое содержание. Именно те, которые не имели ничего собственного, поэты, литераторы и художники, чиновники, мечтающие о прелестях усадьбы, бедные горожане, задыхающиеся летом в душных петербургских квартирах, – все они полюбили усадьбу и ее

архитектурные красоты. Большой интерес к старой дворянской усадьбе был в конце XIX в. одним из проявлений пробуждающегося стремления к красоте. Кроме того, усадьба в русском искусстве рубежа веков приобретает новый смысл как место пребывания на природе в связи с начинающейся урбанизацией.

В усадьбах появлялись парки особого рода, прежде неизвестные. В некоторых из них, например, складывались своеобразные художественные центры, в которых под эгидой богатого хозяина-мецената собирались музыканты, живописцы, скульпторы, архитекторы, театральные деятели, писатели, любители разных жанров искусства, объединенные общими вкусами и интересами. Иногда такие усадьбы становились художественными школами, связанными с развитием того или иного направления в искусстве, например Абрамцево и Мураново в Подмосковье, Талашкино под Смоленском и т. д. В этих случаях усадебный парк становился местом эксперимента, центром разнообразных искусств. Иногда и сами художники старались привлечь в свои усадьбы единомышленников. Их сады становились выставками и мастерскими под открытым небом. В формировании таких парков отражались представления об органической взаимосвязи человека и природы.

Художник В. Д. Поленов приобрел в 1890 г. отличавшийся особой живописностью участок на правом берегу Оки в Калужской губернии. Он построил здесь дом в «скандинавском стиле», мастерские для себя и своих товарищей, служебные помещения. Все это было сделано из сосны и местного известняка. Художник называл его «тарусским мрамором». Все постройки объединялись не столько общностью форм, стилевых черт, материала, сколько идеей превратить усадьбу в место для творческой работы на лоне прекрасной природы. Художник сам спроектировал парк, который является частью природы, но при этом слегка благоустроенной, приспособленной для обитания колонии художников и семьи. Прокладываются дороги, тропы, расчищается просека с видом от холма, где стоит дом, на долину реки. В композицию построек включены высокие вязы, клены, заросли акации и боярышника, плодовый сад, цветники, но главное украшение усадьбы, предмет гордости хозяина, – высокий сосновый бор, окружающий поляну на холме, крутой поворот Оки под ним, исчезающие в дымке дали, уходящие к Серпухову и Тарусе. В целом усадьба отобразила стремление живописца выявить красоту родной природы не только на полотне, но и в рельефных формах паркового искусства.

Неподалеку от древнего русского города Смоленска, близ деревни Талашкино, известная художница-меценатка М. К. Тенишева создает в своей новой усадьбе художественный центр прикладного искусства. Как и в подмосковном Абрамцеве, здесь начиная с 1890-х гг. складывается кружок художников, которые стремились возродить так называемый русский стиль, забытое народное искусство. С. В. Милютин строит в духе древнерусского зодчества целый комплекс оригинальных построек: главный дом усадьбы «Теремок», церковь Святого Духа, театр, мастерские. Все они располагаются в саду, украшенном резными изображениями сказочных богатырей, фантастических птиц, расписными рядами, воротами, мостиками, скамьями и т. п. К усадьбе подходят широкие поля, березовые рощи, озера – та поэтическая сельская природа, которую всегда так ценили русские художники. В течение почти четверти века усадьба привлекала многих выдающихся деятелей русского искусства, таких как Н. К. Рерих, И. Е. Репин, М. А. Врубель, К. А. Коровин, А. Я. Головин, И. Ф. Стравинский и др. Здесь создается Музей старины, где выставлены местные археологические находки и самые разнообразные художественные коллекции, организуются керамические, столярные, вышивальные мастерские, продукция которых с успехом экспонировалась даже в Париже.

Немалое значение в создании благоприятной обстановки для общения и творчества имел талашкинский сад. Его лужайки служили живыми декорациями для театральных и хоровых выступлений, играли роль природного фона для выставок скульптуры. Окружавшие усадьбу рощи, полевые дороги, пруды, холмы использовались как натура для живописцев.

Представление о садах и парках дворянских усадеб второй половины XIX в. в русских провинциях дают сохранившиеся мемориальные объекты, посвященные памяти выдающихся деятелей русской литературы, в частности И. С. Тургенева, А. Н. Островского, Л. Н. Толстого. К настоящему времени подавляющее большинство усадебных парков и садов практически исчезли. Поэтому охрана мемориальных усадеб России приобретает с каждым годом особую важность.

Рис. 5.1. **Дербент. Общий вид цитадели Нарын-Кала. Источник: www.derbentmuzei.ru, В. Юсуфов**

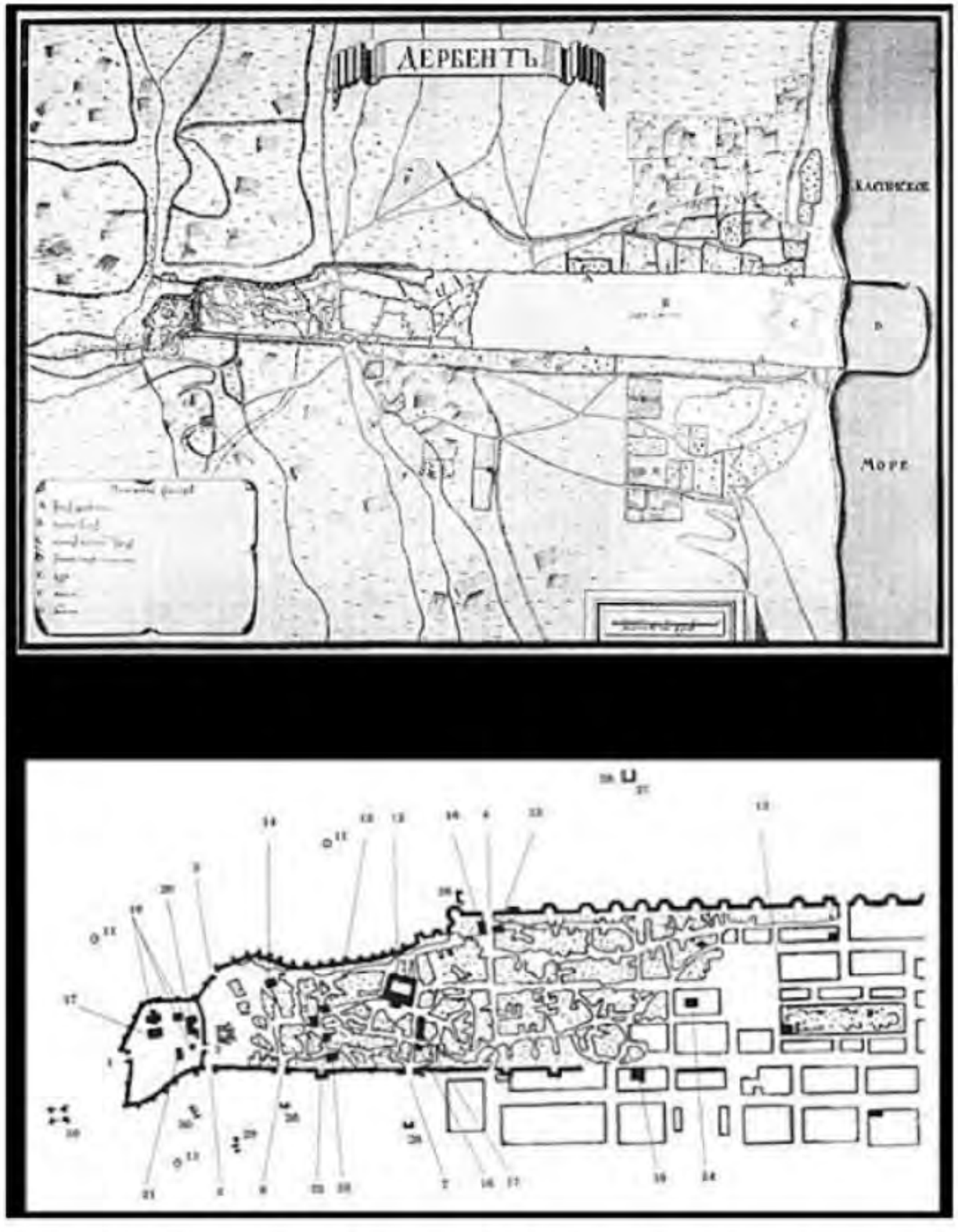

Рис. 5.3. **Схема основных памятников Дербента: 1 – Западные ворота**

цитадели; 2 – Нарын-кала-капы; 3 – Джарчи-капы; 4 – Кырхляр-капы; 5 – Кала-капы; 6 – Баят-капы; 7 – Орта-капы; 8 – Дубары-капы; 9 – Древняя сырцовая стена; 10 – остатки форта Горной стены; 11 – места расположения круглых отводных башен; 12 – Джума – мечеть и медресе; 13 – Кырхляр – мечеть; 14 – Минарет – мечеть; 15 – Кильса – мечеть; 16 – Бала – мечеть; 17 – бани XVII в.; 18 – бани XIX в.; 19 – водохранилище; 20 – ханский дворец; 21 – гауптвахта; 22 – караван-сарай; 23 – дом А. Бестужева-Марлинского; 24 – армянская церковь; 25 – место землянки Петра I; 26 – родники у городских ворот; 27 – группа могил Кырхляр; 28 – ханский мавзолей; 29 – группа могил «Джум-Джум»; 30 – группа могил семейства Эсфендияр; 31 – Дербентский краеведческий музей.

Источник: www.derbent.ru/city/turizm/musei/

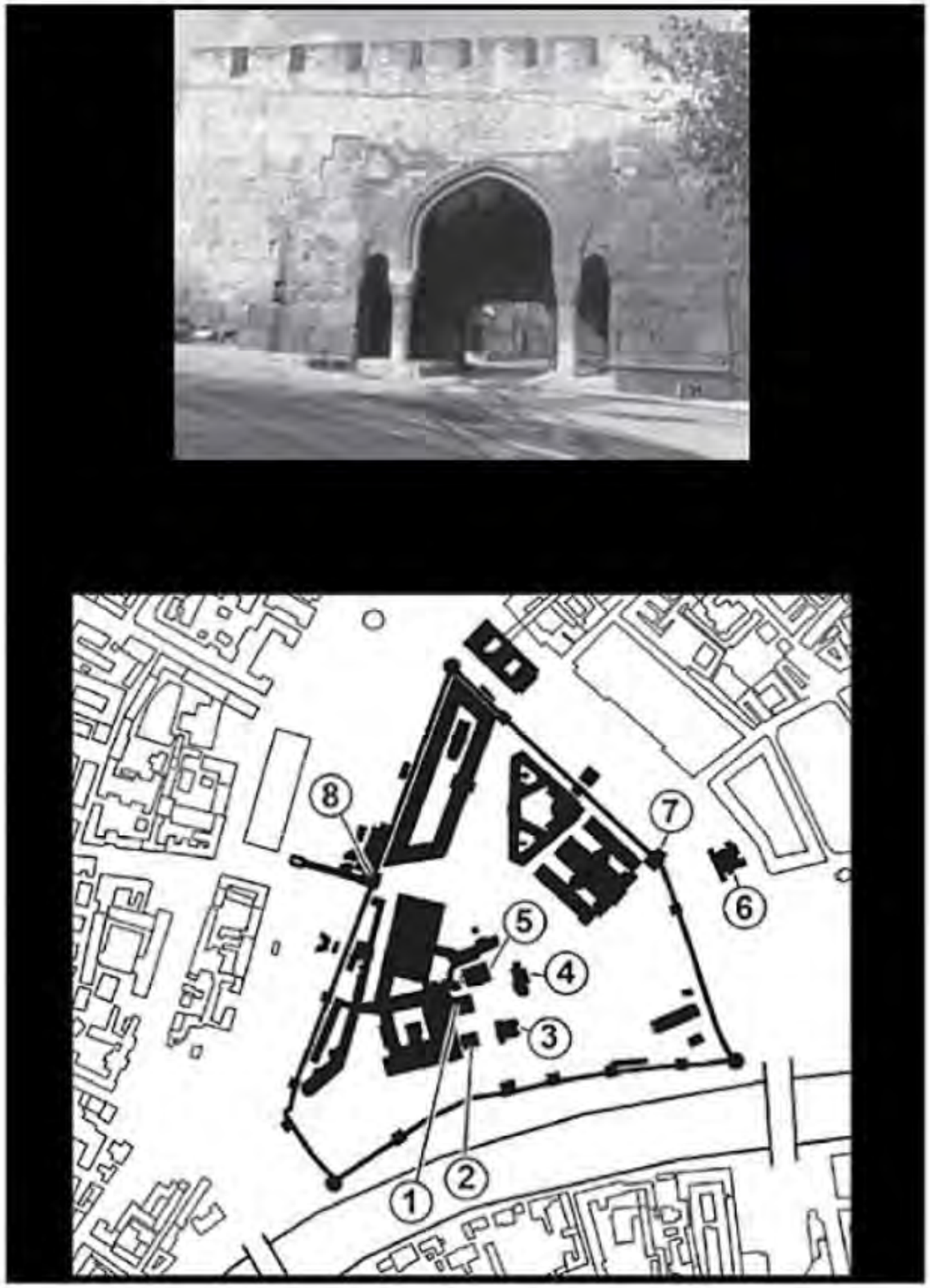

Рис. 5.5. **Схема плана Московского Кремля (современное состояние): 1 – Грановитая палата; 2 –Благовещенский собор; 3 – Архангельский собор; 4 – колокольня Ивана Великого; 5 – Успенский собор; 6 – храм Василия Блаженного; 7 – Спасская башня; 8 – Троицкая башня.**
Источник: Памятники архитектуры Москвы (под гл. ред. М. В. Посохина), М.: Искусство, 1983

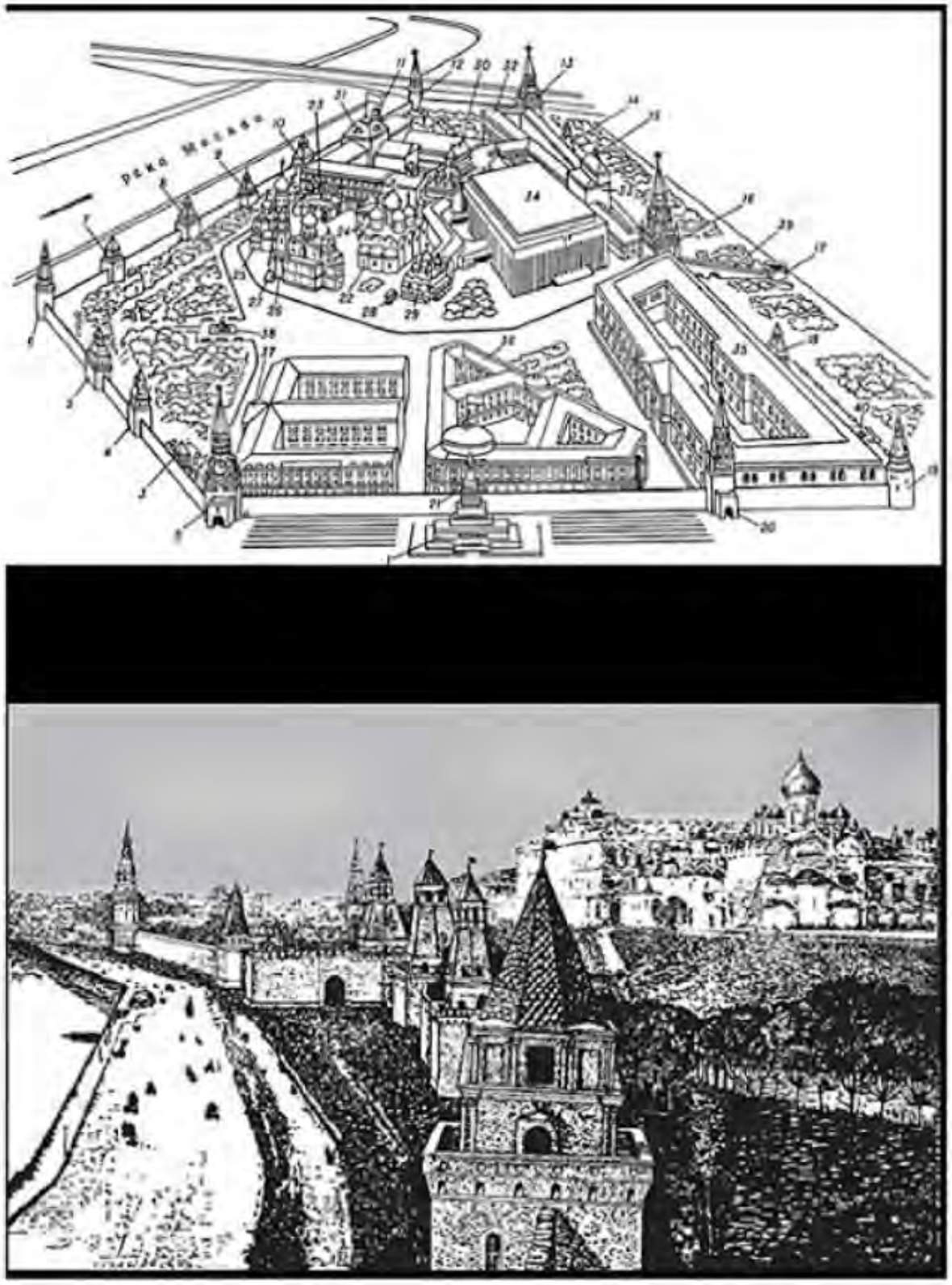

Рис. 5.7. **Башни Московского Кремля по стене, обращенной к Москве-реке, общий вид (современное состояние).**
Фотографика: С. А. Астафьев

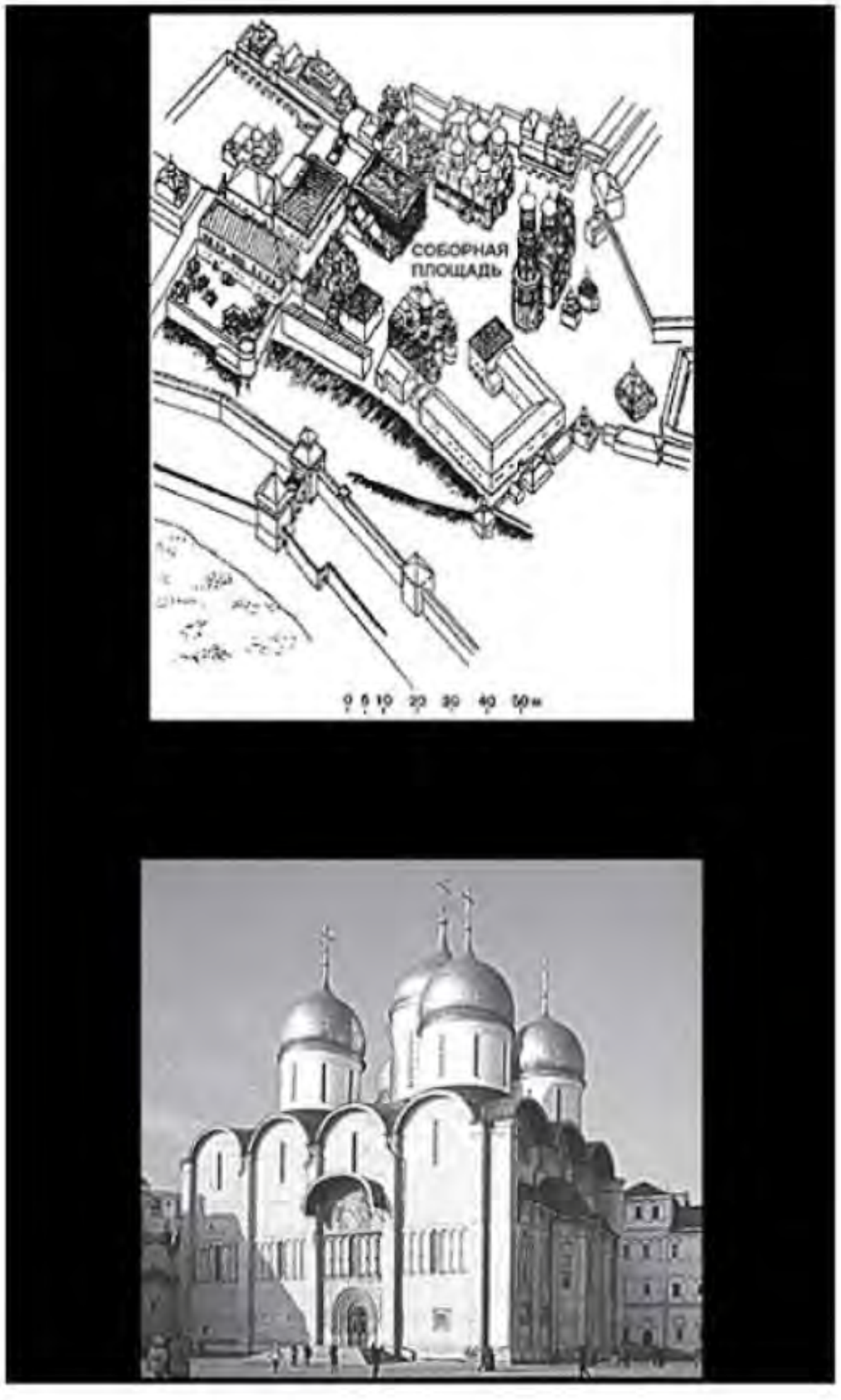

Рис. 5.9. **Успенский собор Московского Кремля, 1475–1479 гг., архитектор А. Фиораванти (современное состояние).**
Фото авторов

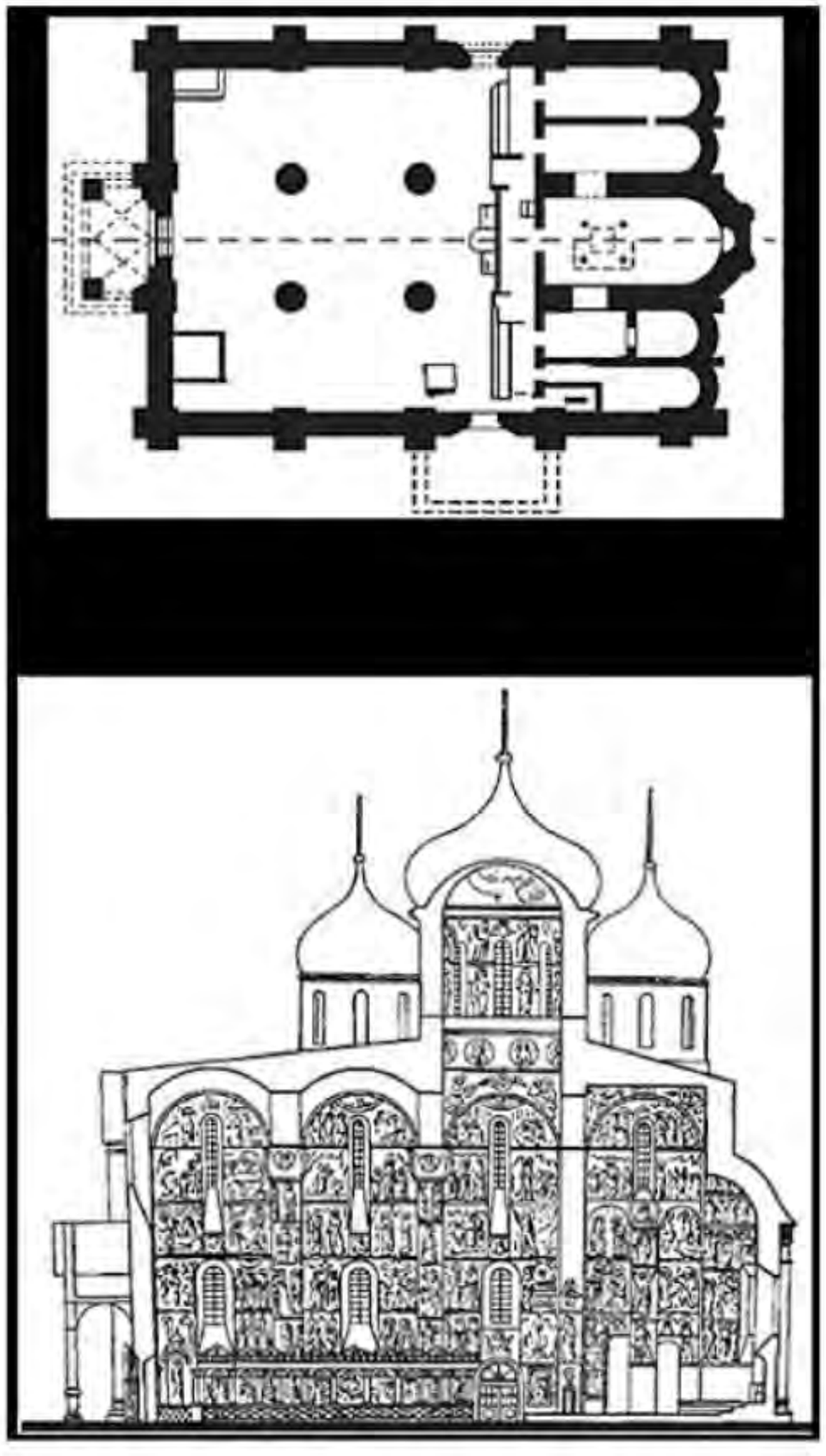

Рис. 5.10. **План Успенского собора Московского Кремля. Источник: Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. М.: Искусство, 1982**

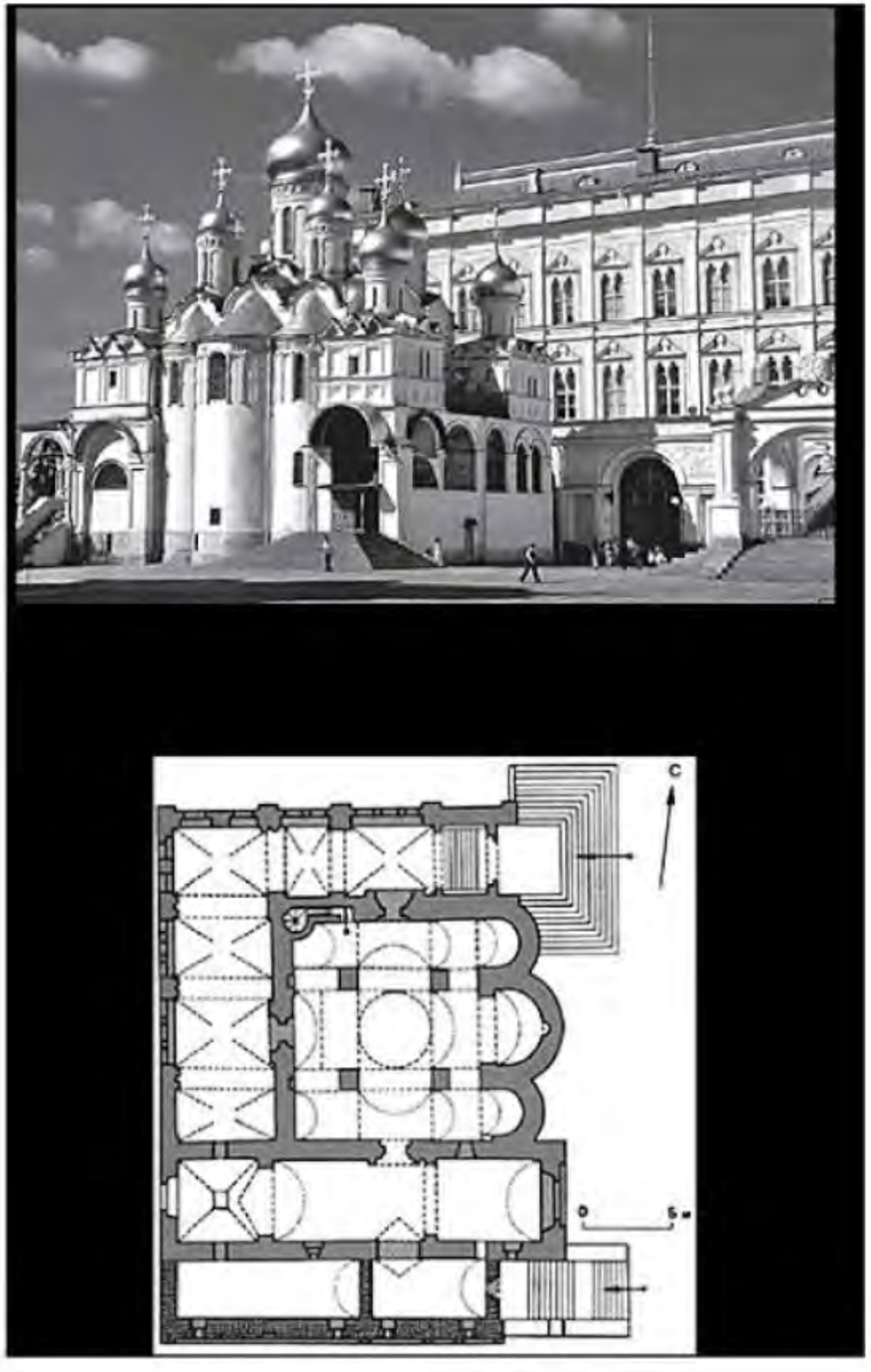

Рис. 5.13. **План Благовещенского собора Московского Кремля (современное состояние).**
Источник: Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. М.: Искусство, 1982

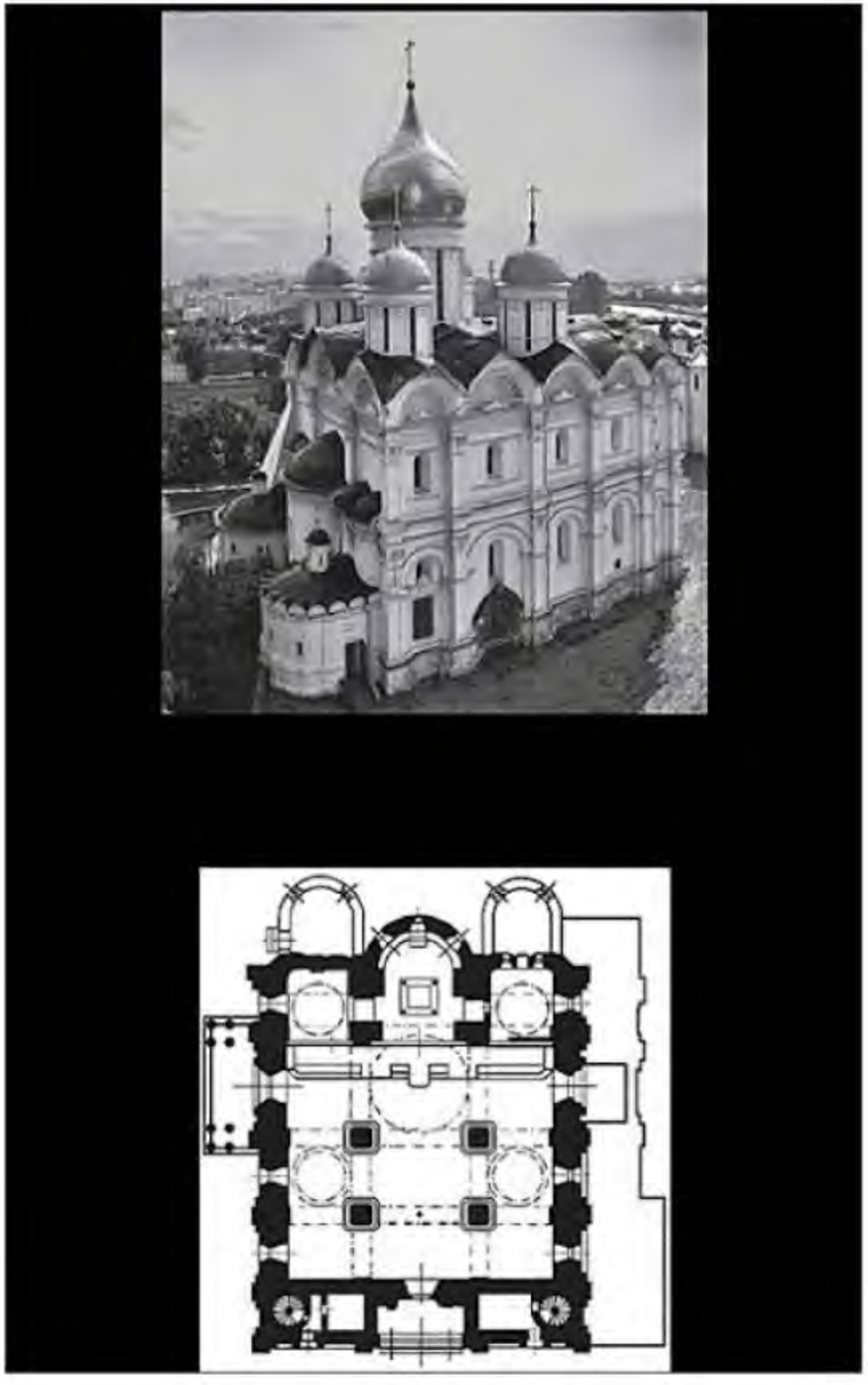

Рис. 5.15. **План Архангельского собора Московского Кремля. Источник: Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. М.: Искусство, 1982**

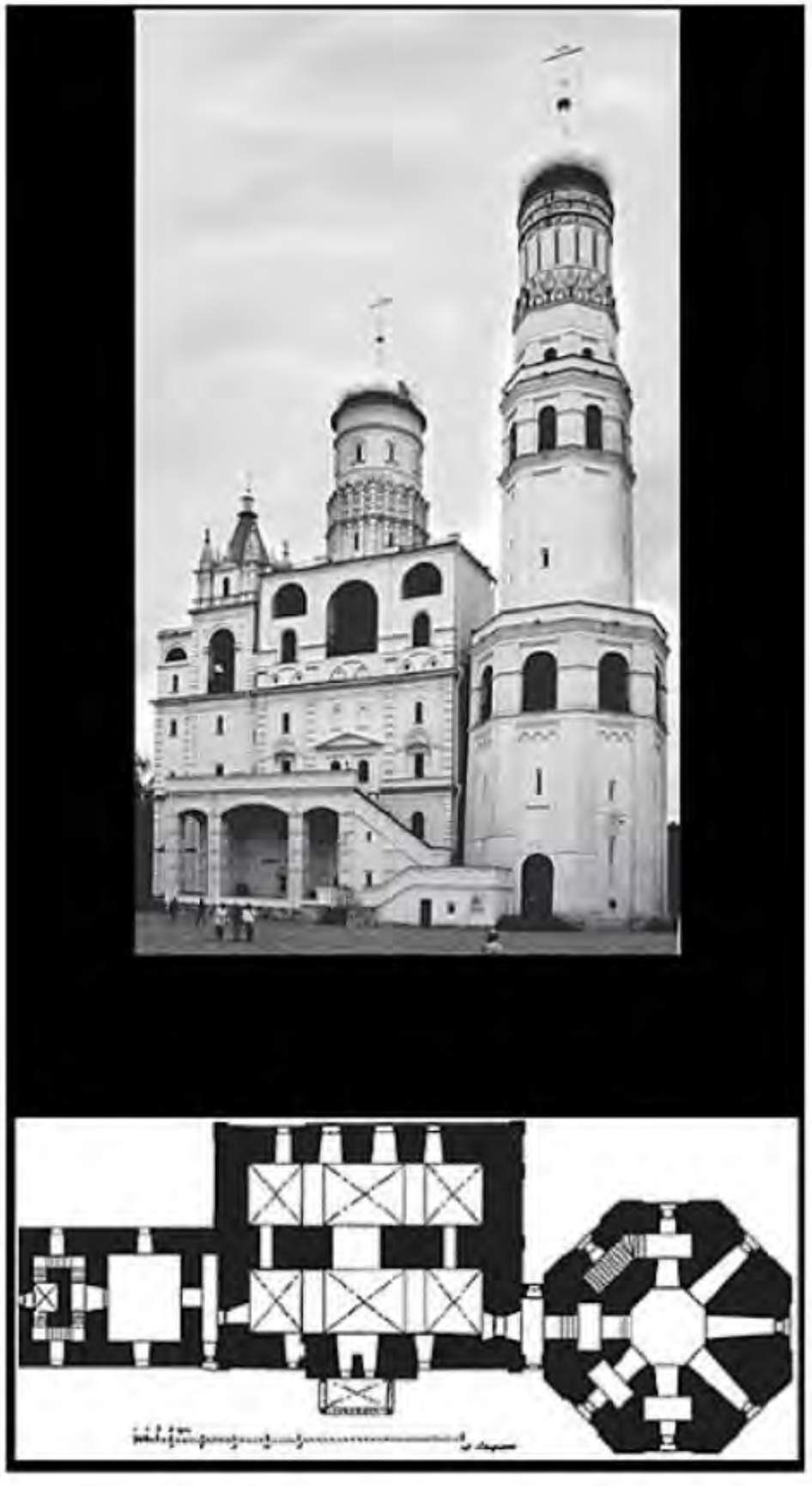

Рис. 5.17. **План столпа Ивана Великого и звонниц Московского Кремля, выполненный И. В. Еготовым в 1813–1827 гг.**
Источник: Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. М.: Искусство, 1982

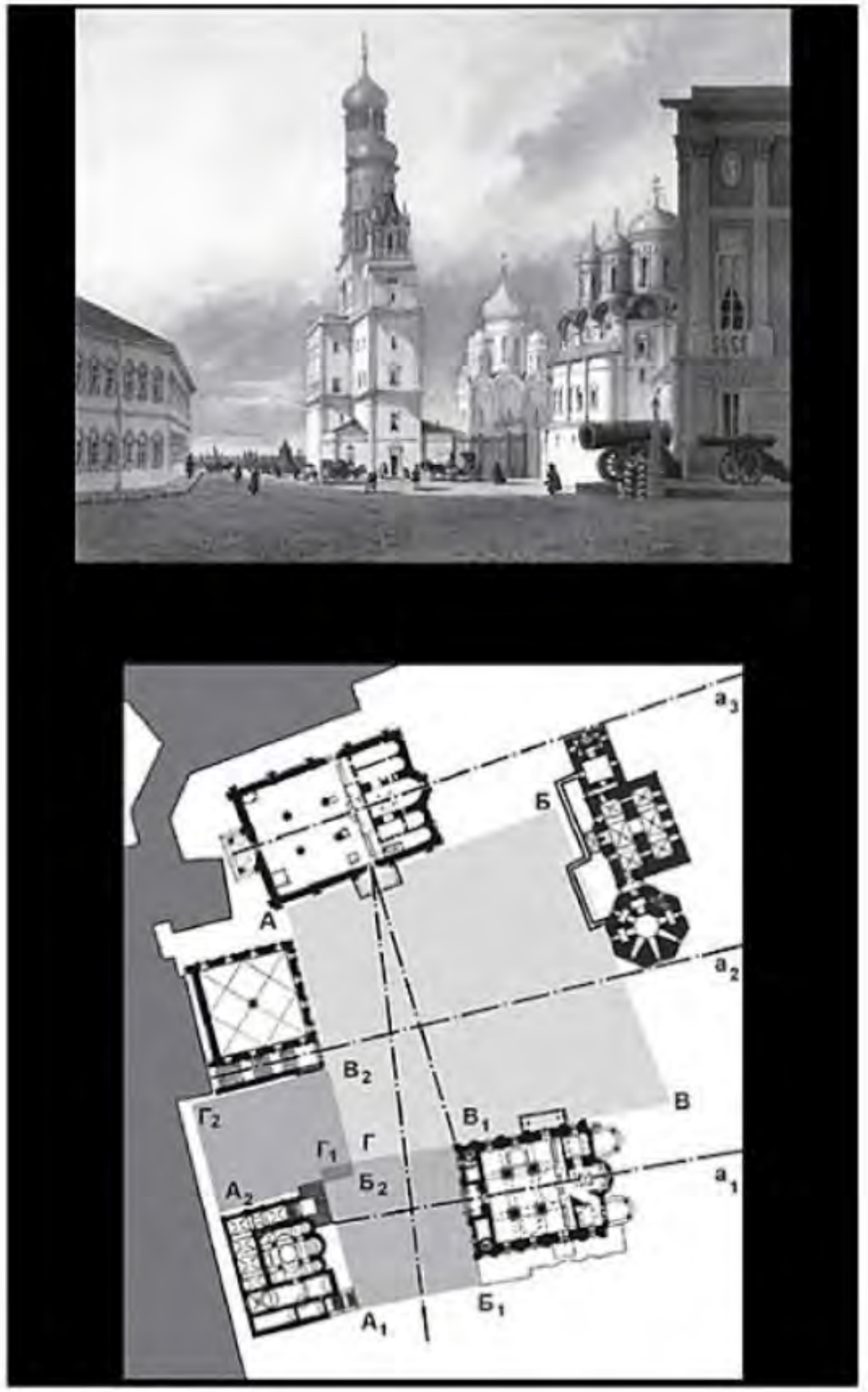

Рис. 5.19. **Принцип организации перцептивного пространства ансамбля Соборной площади Московского Кремля: АБВГ, А1Б1В1Г1; А2Б2В2Г2 – трапециевидные планировочные конфигурации основных пространств; а1, а2, а3 – оси основных веерообразных расширяющихся элементов композиции ансамбля.**
Рисунок: Г. Ю. Сомов

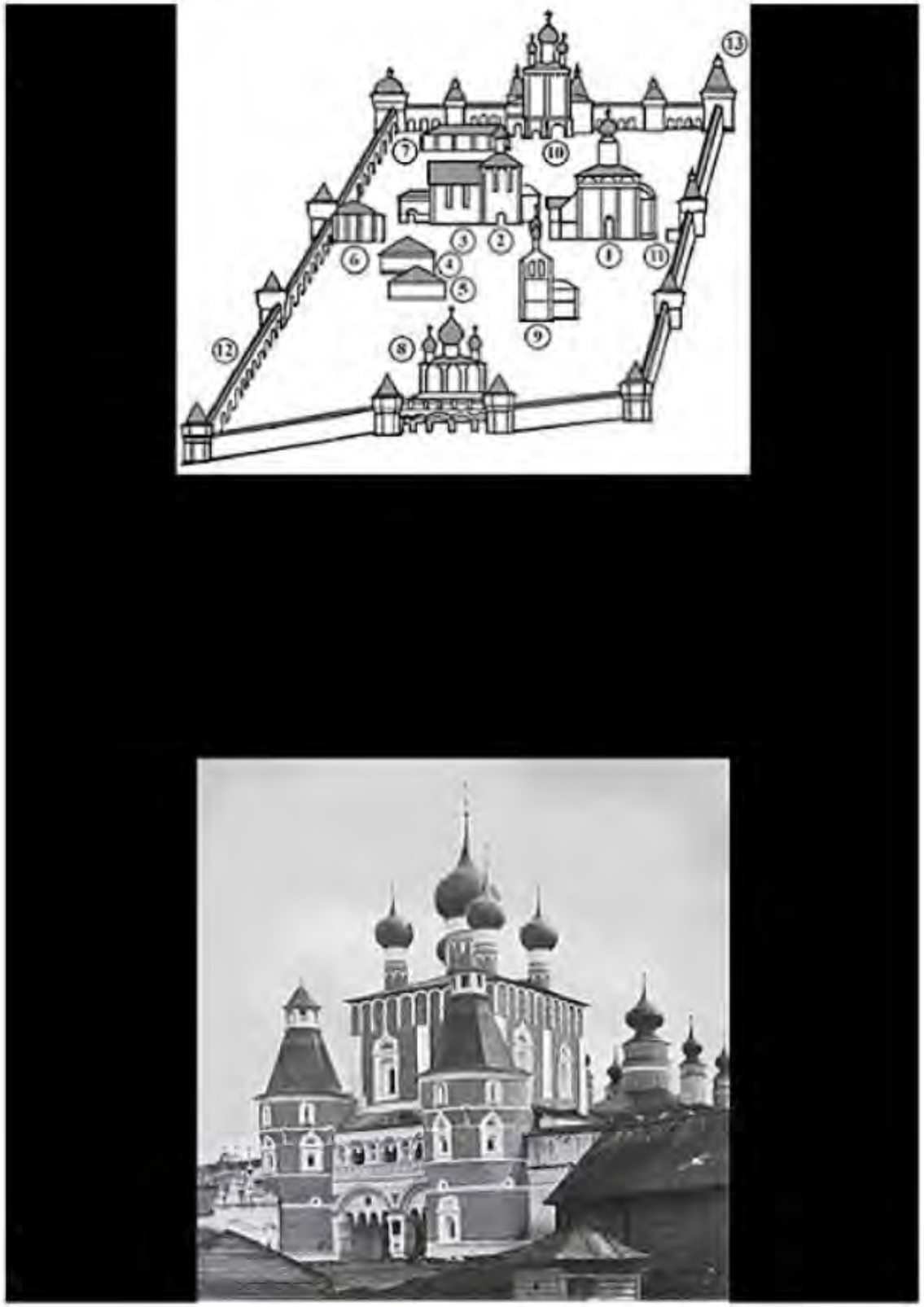

Рис. 5.21. **Борисоглебский монастырь. Сретенская надвратная церковь (фотография начала XX в.).**
Источник: И. Грабарь, Русскіе города разсадники искусства. Ростовъ Великій Угличъ, М.: І. Кнебель, 1913

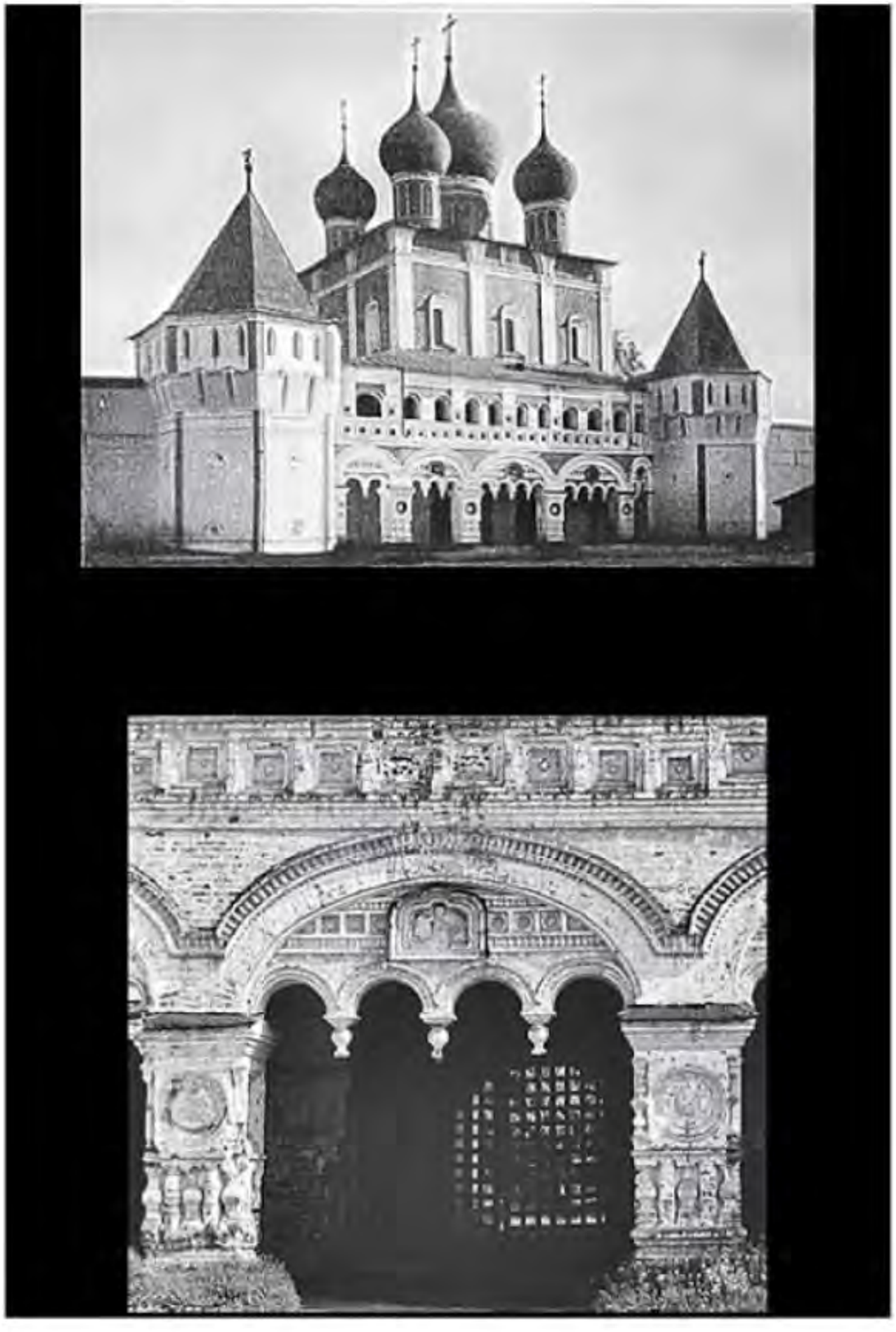

Рис. 5.23. **Фрагмент ворот под Сергиевской надвратной церковью Борисоглебского монастыря.**
Источник: И. Грабарь, Русскіе города разсадники искусства. Ростовъ Великій Угличъ, М.: I. Кнебель, 1913

Рис. 5.25. **Собор Богоявленского Авраамиевого монастыря, 1554 г. (фотография начала XX в.).**
Источник: И. Грабарь, Русскіе города разсадники искусства. Ростовъ Великій Угличъ, М.: І. Кнебель, 1913

Рис. 5.27. **Площадь Синьории во Флоренции. Общий вид. Источник: vlasshole.livejournal.com, автор фото: А. Власов**

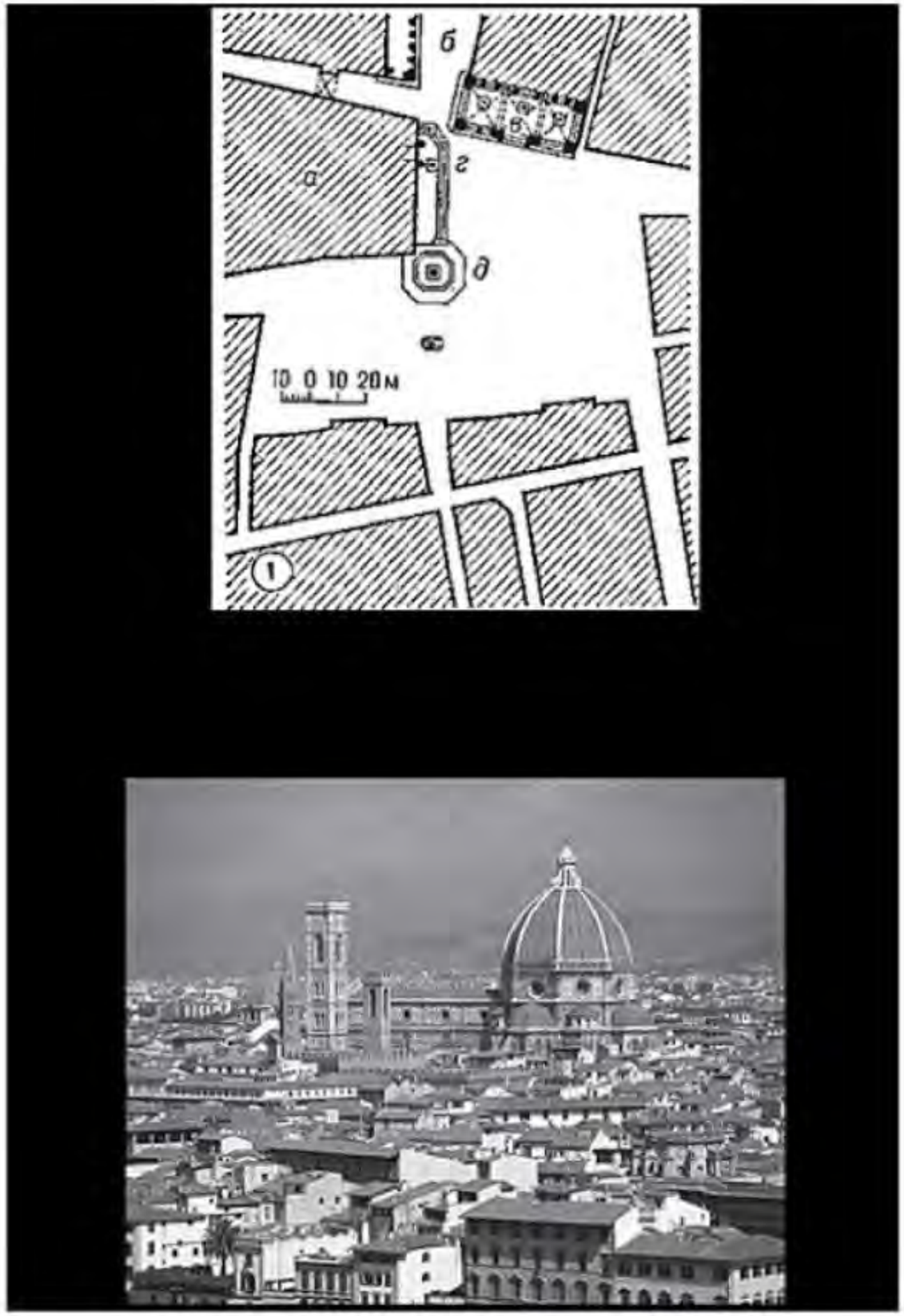

Рис. 5.29. **Вид Флоренции с собором Санта Мария-дель-Фьоре (XIII–XIV вв.) на площади Синьории.**
Фото авторов

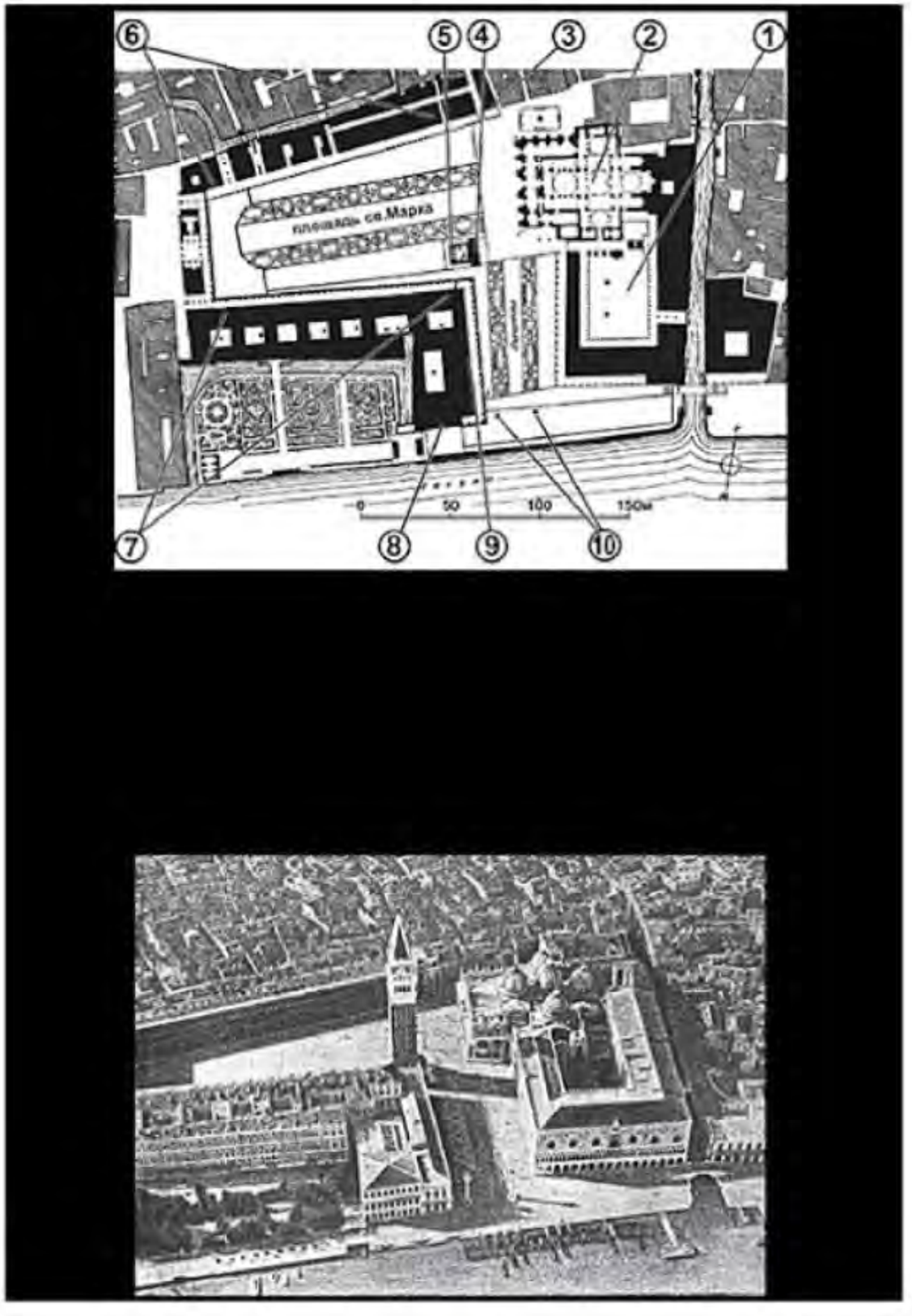

Рис. 5.31. **Центр Венеции. Площадь Сан-Марко и Пьяцетта (аэрофотосъемка). Источник: А. В. Бунин, М. Г. Круглова, 1940 (см. Литература, т. I)**

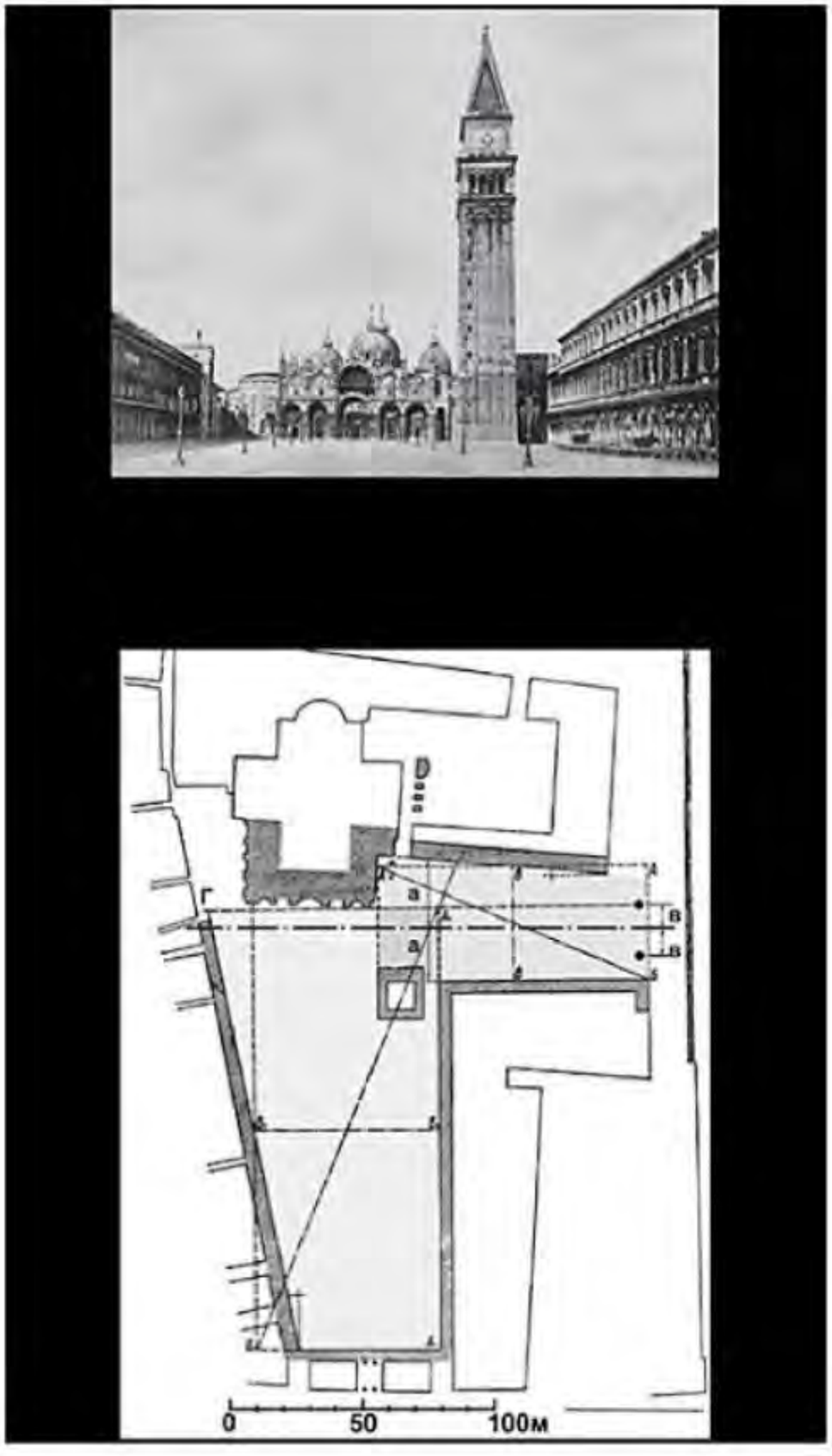

Рис. 5.33. **Венеция. План площади Сан-Марко и Пьяцетты. АБ, А, Б – пропорциональные системы пространства площадей. Трапециевидные планировочные конфигурации АБ, А1, Б1, Г – принцип организации перцептивного пространства.**
Источник: А. В. Бунин, М. Г. Круглова, 1940 (см. Литература, т. I)

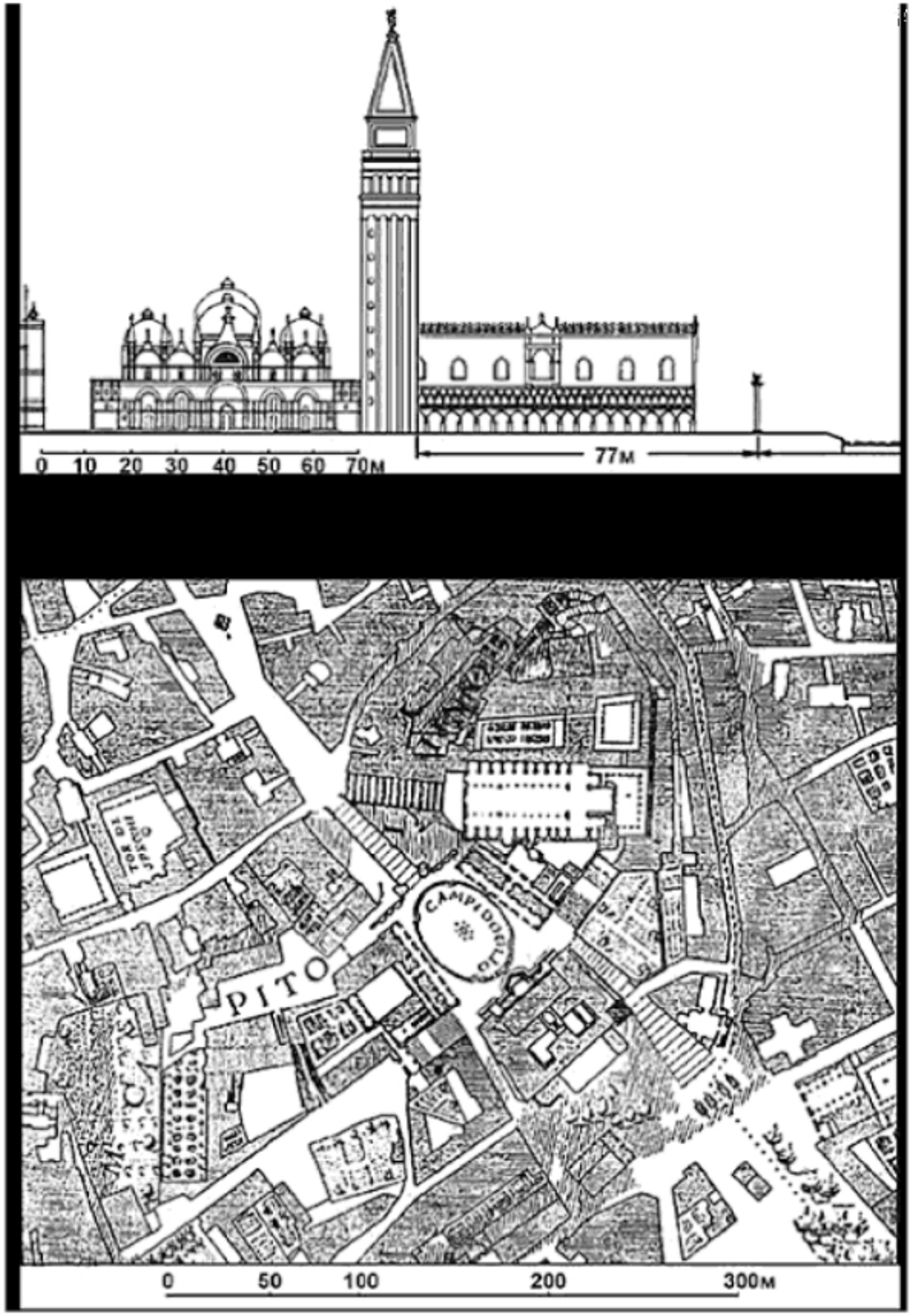

Рис. 5.35. **Площадь Капитолия в Риме и окружающие ее кварталы (по плану Нолли), построена по проекту Микеланджело в XVI–XVII вв.**
Источник: А. В. Бунин, М. Г. Круглова, 1940 (см. Литература, т. I)

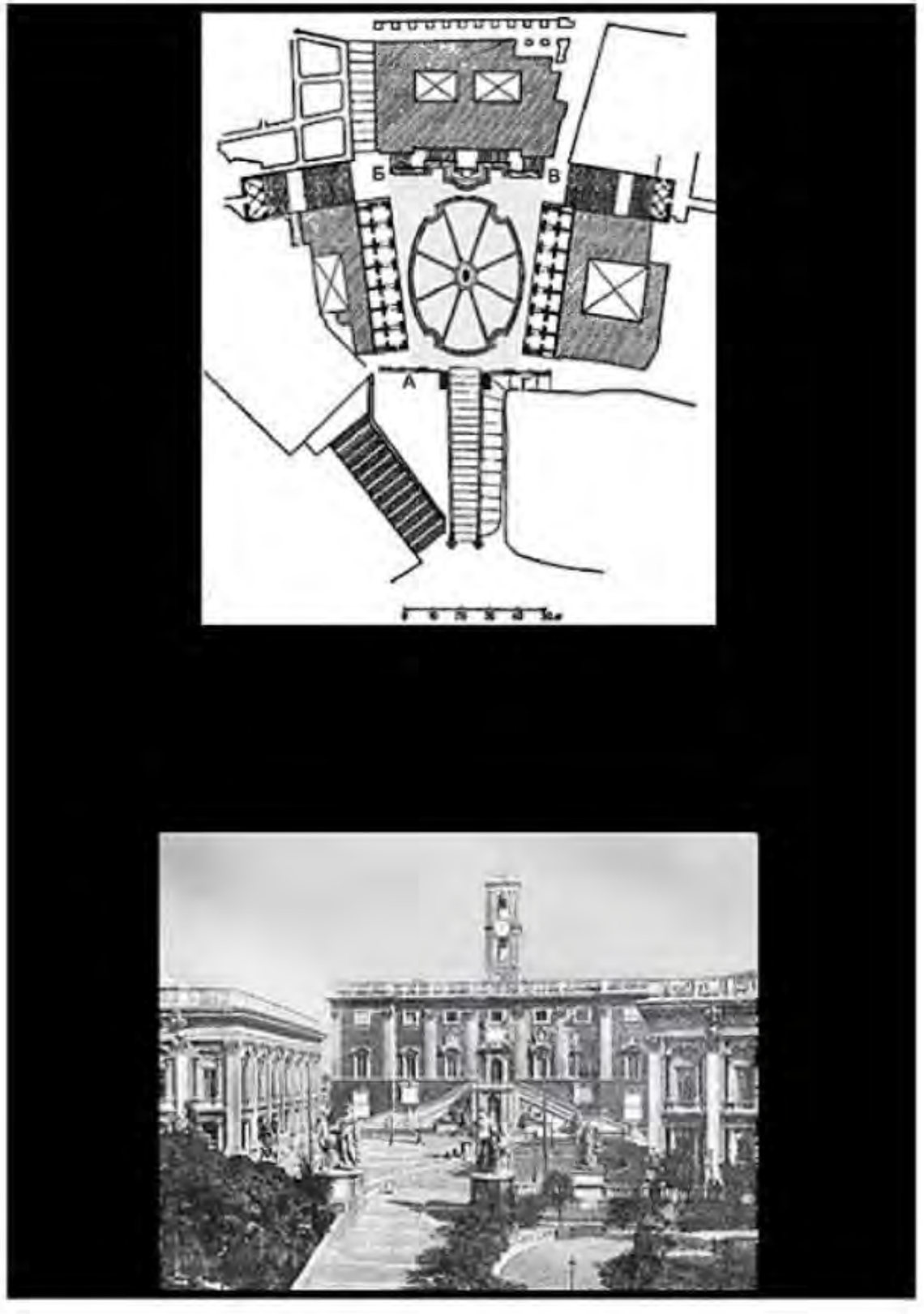

Рис. 5.37. **Общий вид площади Капитолия в Риме; справа – палаццо Консерватории, в глубине – палаццо Сенаторе, слева – музей Капитолино, на переднем плане – статуя Диоскуров.**
Источник: А. В. Бунин, М. Г. Круглова, 1940 (см. Литература, т. I)

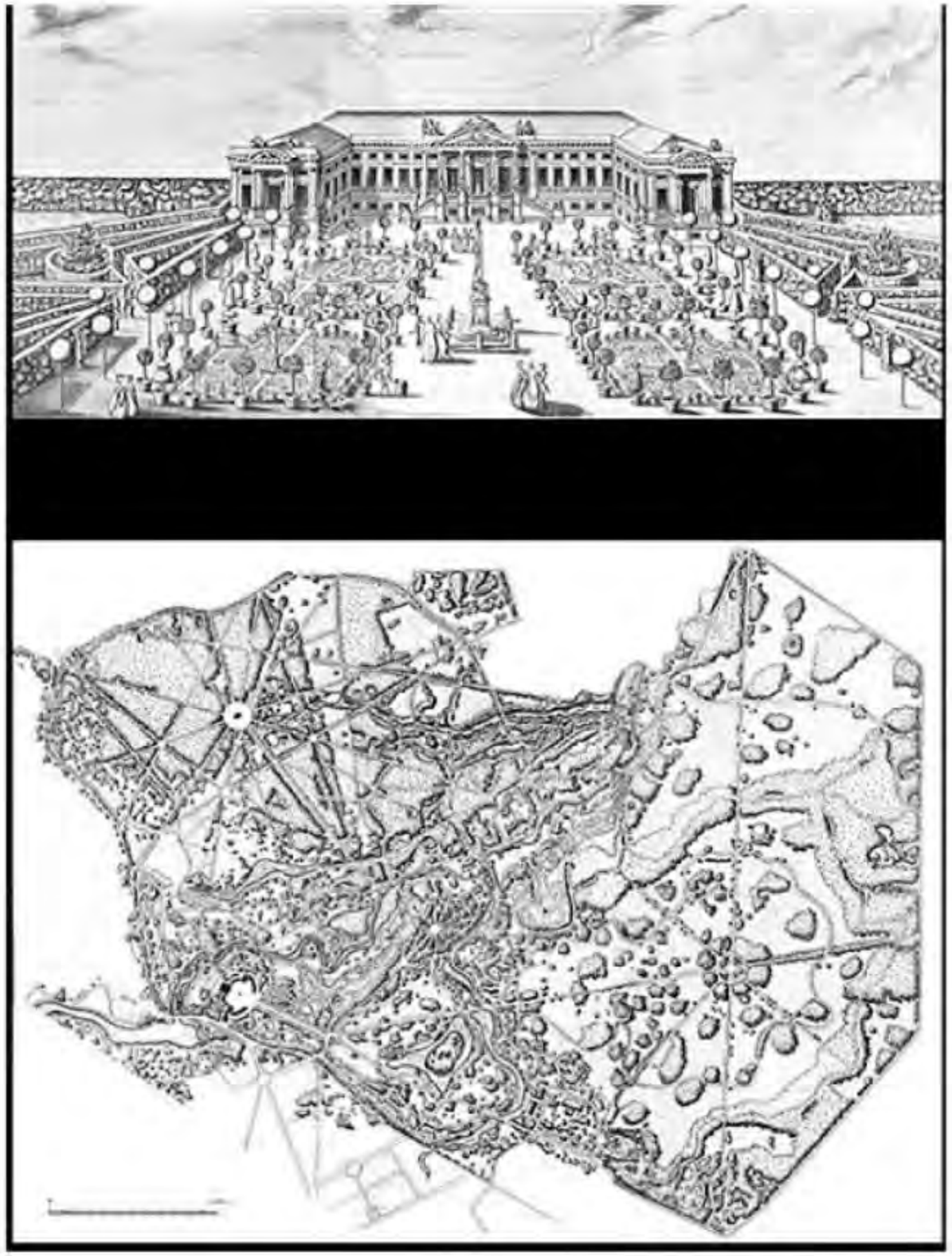

Рис. 5.39. **Павловск. План парка (составлен архитектором Н. Дроздовым в 1937 г. По материалам аэрофотосъемки).**
Источник: А. П. Вергунов, В. А. Горохов, 1987 (см.: Литература, т. I)

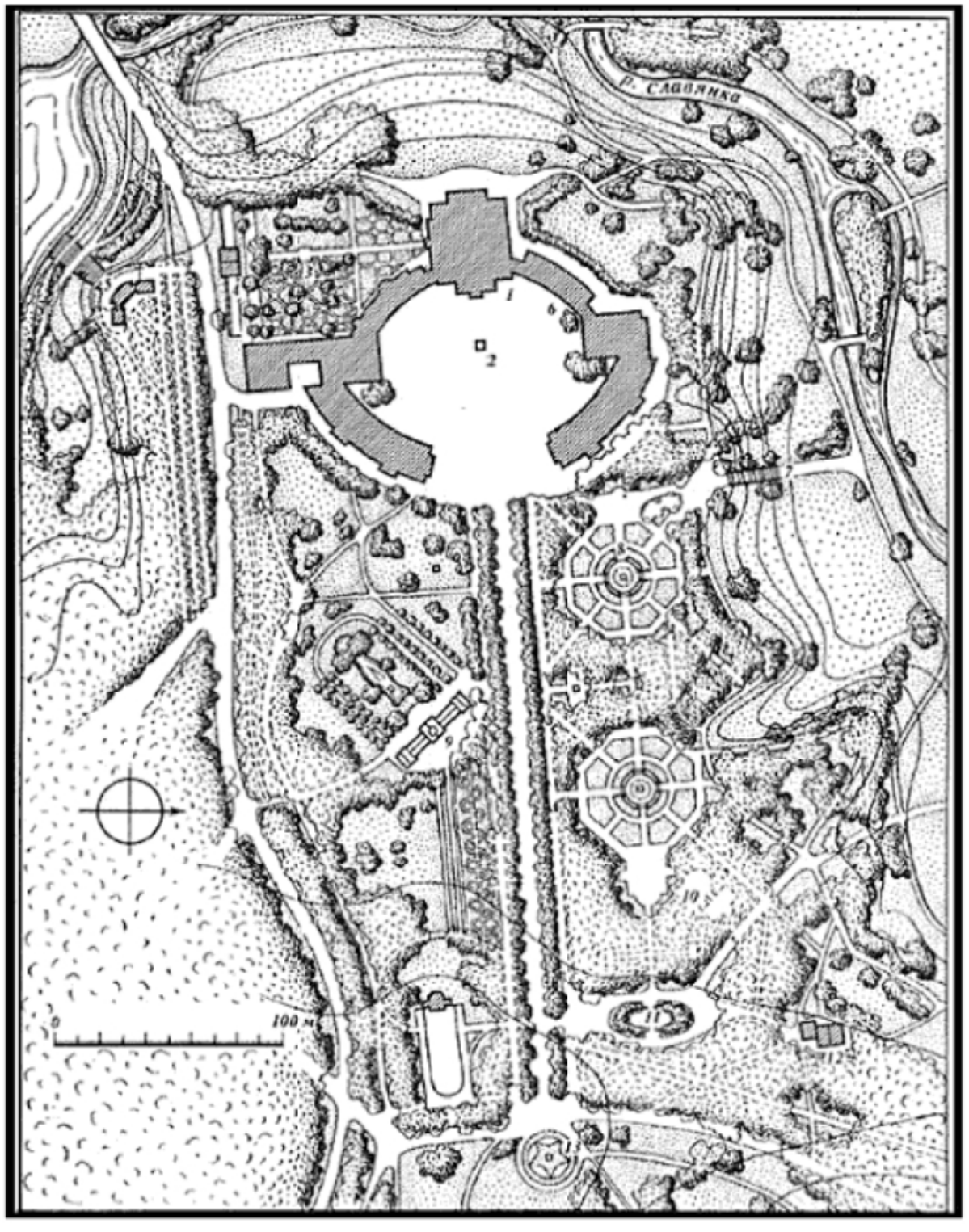

Рис. 5.40. **Павловск. План придворцового района: 1 – дворец; 2 – памятник**

Павлу I; 3 – собственный садик; 4 – павильон Трех граций; 5 – трельяж; 6 – галерея Гонзаго; 7 – большая лестница; 8 – Большие круги; 9 – вольер; 10 – летний театр; 11 – Турецкая беседка; 12 – молочня; 13 – памятник героям гражданской войны (составлен О. А. Ивановой).
Источник: А. П. Вергунов, В. А. Горохов, 1987 (см.: Литература, т. I)

Рис. 5.42. **Павловск. Пиль-башня.**
Источник: А. П. Вергунов, В. А. Горохов, 1987 (см.: Литература, т. I)

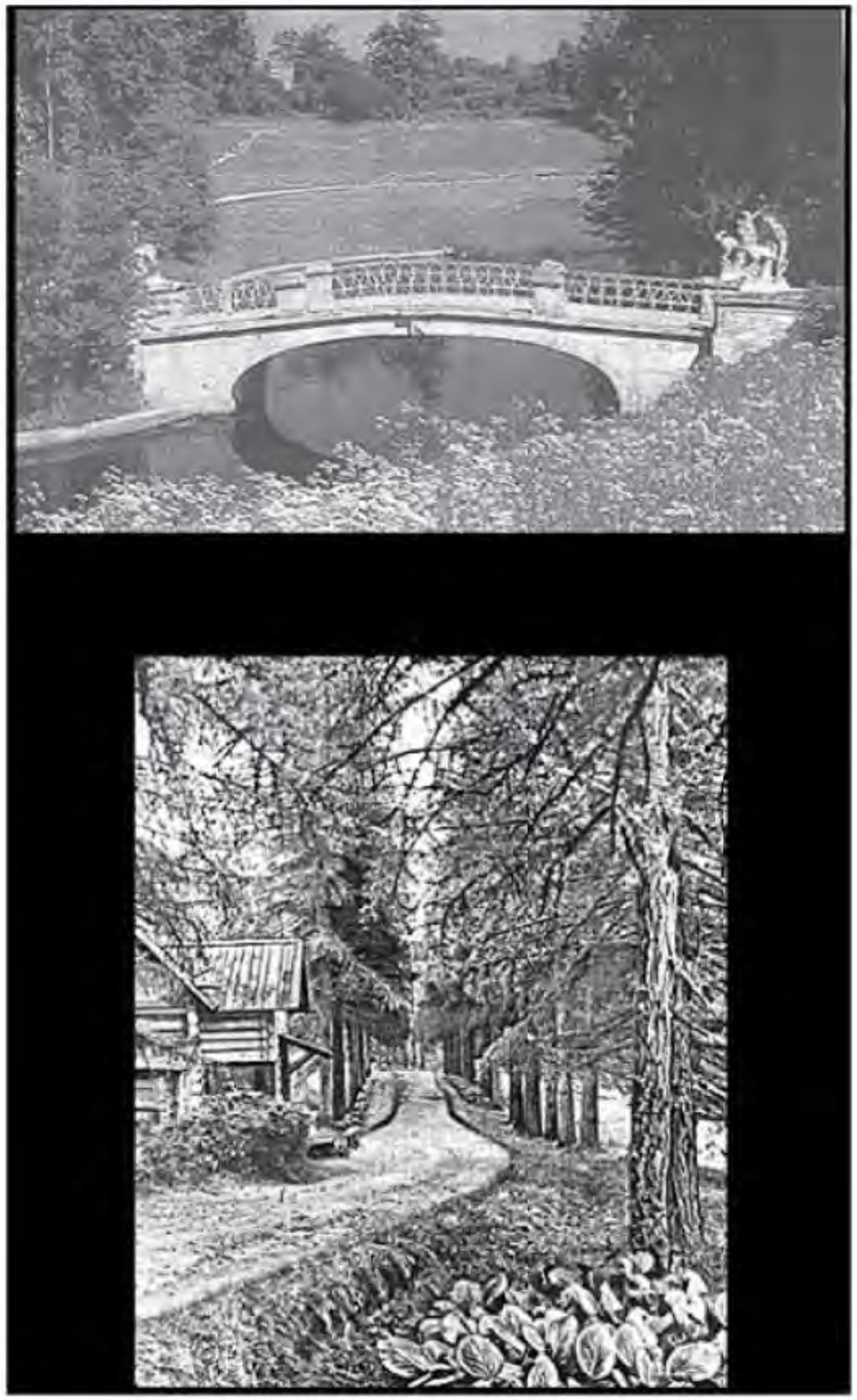

Рис. 5.44. **Соловецкие острова. Старая кедровая аллея.**
Источник: А. П. Вергунов, В. А. Горохов, 1987 (см.: Литература, т. I)

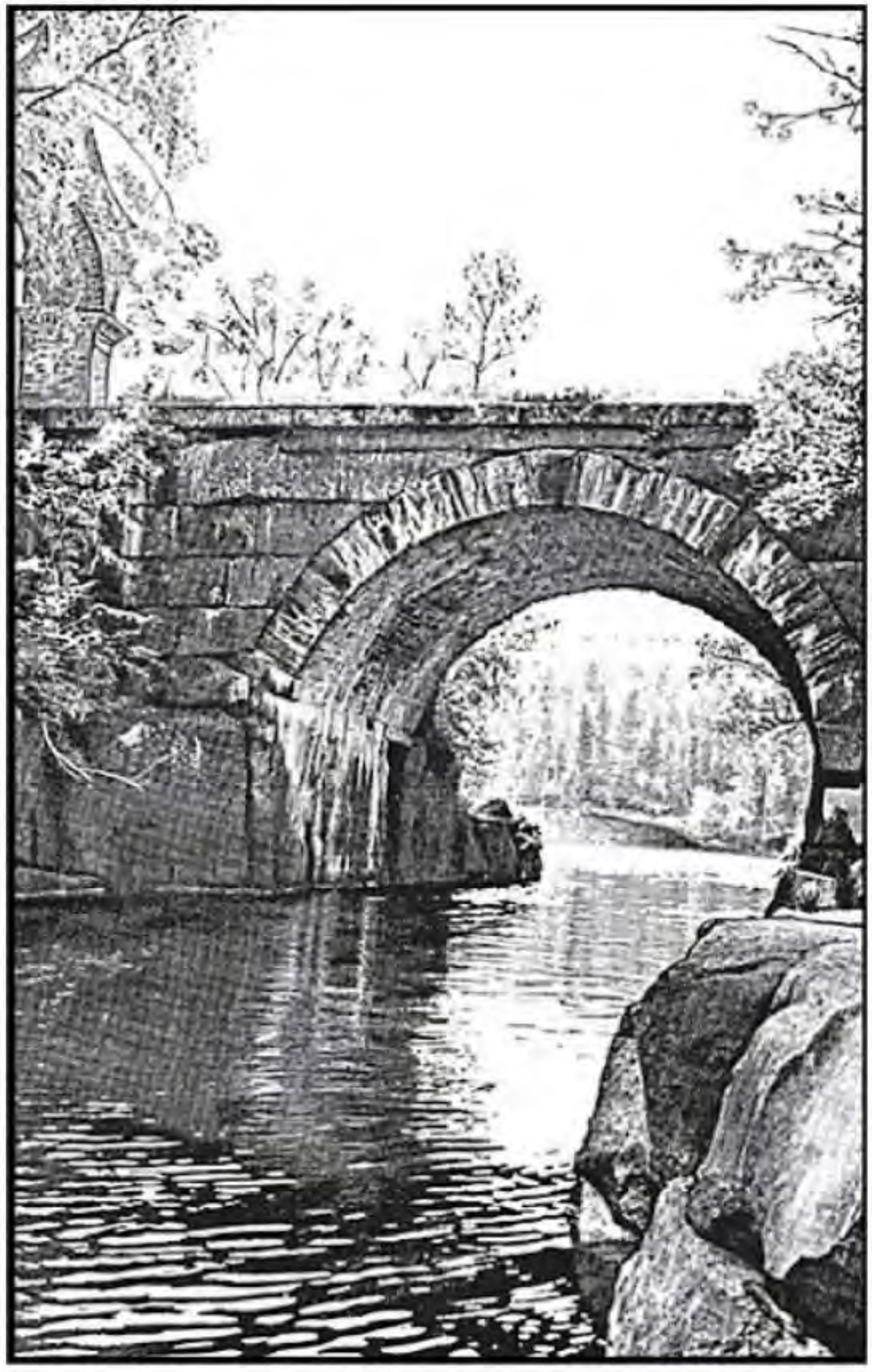

Рис. 5.45. **Валаам. Канал, соединяющий два внутренних озера на острове. Источник: А. П. Вергунов, В. А. Горохов, 1987 (см.: Литература, т. I)**

Рис. 5.46. **Абрамцево. Баня-теремок.**
Источник: А. П. Вергунов, В. А. Горохов, 1987 (см.: Литература, т. I)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Ю. В., Сомов Г. Ю.* Эволюция градостроительного планирования поселений: учебник в 2 т. Т. I. Общее представление о градостроительстве, промышленная революция, индустриальное производство. М.: Изд-во «АСВ», 2014. 368 с. Т. II. Переход к постиндустриальному периоду. М.: Изд-во «АСВ», 2014. 360 с.

2. *Алексеев Ю. В., Сомов Г. Ю., Ройтман В. М.* и др. Градостроительные основы развития и реконструкции жилой застройки. Изд-во Ассоциации строительных вузов, 2009, 640 с.

3. *Алексеев Ю. В., Сомов Г. Ю., Шевченко Э. А.* Градостроительное планирование достопримечательных мест: учебник в 2 т. Т. I. Основы планирования. М.: Изд-во «АСВ», 2012. 224 с. Т. II. Методы и приемы планирования. М.: Изд-во «АСВ», 2012. 176 с.

4. *Алферов И. А., Антонов В. Л., Любарский Р. Э.* Формирование городской среды (на примере Харькова). М.: Стройиздат, 1977. 104 с.

5. *Арнхейм Р.* Динамика архитектурных форм. М.: Стройиздат, 1984. 192 с.

6. *Арнхейм Р.* Искусство и визуальное восприятие. М.: Прогресс, 1974. 392 с.

7. *Артемьева Е. Ю.* Психология субъективной семантики. М.: Наука, 1980. 127 с.

8. *Асмолов А. Г.* Основные принципы психологической теории деятельности // А. Н. Леонтьев и современная психология. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 113–128.

9. *Баден О. Н., Сафонов В. А.* Новостройки и памятники культуры // Материалы пленума Научно-методического совета по охране памятников культуры Минкультуры СССР. М., 1971. С. 10–21.

10. *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М.: Наука, 1983. 188 с.

11. *Байбурин А. К.* Семиотический статус вещей и мифология // МАЭ: Материальная культура и мифология. Т. 37. Л.: Наука, 1981. С. 215–226.

12. *Барабанов А. А.* Чтение города. Семиотика пространства. Екатеринбург: Архитектон, 1999, С. 325–354.

13. *Барбышев Е. Н.* Коммуникативные особенности русских архитектурных систем. В Кн.: Семиотика и язык архитектуры, под ред. Е. И. Россинской. М.: ВНИИ Теории Архитектуры и Градостроительства, 1991. С. 69 –80.

14. *Барбышев Е. Н., Сомов Г. Ю.* Вопросы теории формообразования в архитектуре // Архитектура СССР. 1976. № 8. С. 6–7.

15. *Барбышев Е. Н., Сомов Г. Ю.* Структура и информация – основное звено автоматизации архитектурного проектирования // Теория проектирования и проблемы автоматизации проектной деятельности: материалы всесоюзной научной конференции «Автоматизация проектирования как комплексная проблема совершенствования проектного дела в стране» / под научн. ред. А. А. Гусакова, Э. П. Григорьева. М.: Госстрой СССР, 1973. С. 96–113.

16. *Барт Р.* 1971. Семиология и градостроительство. Современная архитектура 1971. С. 7–10.

17. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

18. *Барт Р.* Основы семиологии // Структурализм – «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. 157 с.

19. *Баталов А. Л.* Московское каменное зодчество конца XVI в. Принципы художественного единства / под ред. Т. Ф. Саваренской. М., 1997.

20. *Баумгартен А.* Эстетика // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. 2. М.: Искусство, 1964. С. 452–456.

21. *Беккер А. Ю., Щенков А. С.* Современная городская среда и архитектурное наследие. М.: Стройиздат, 1986. 200 с.

22. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.

23. *Бирюков Б. В., Геллер Е. С.* Кибернетика в гуманитарных науках. М.: Наука, 1973. 381 с.

24. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Домино, 1995. 172 с.

25. *Божович Л. И.* Потребности в новых впечатлениях // Психология мотивации и эмоций. М., Астрель, 2009.

26. *Бонгард М. М.* Проблемы узнавания. М.: Наука, 1967. 320 с.

27. *Бондаренко И. А.* Древнерусское градостроительство. Традиции и идеалы: учебное пособие. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 192 с.

28. *Бондаренко И. А.* Красная площадь Москвы. Архитектурный ансамбль. М.: Стройиздат, 1991. 296 с.

29. *Бринкман А. З.* Пластика и пространство как основные формы художественного выражения. М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1935.

30. *Брунов Н. И.* Храм Василия Блаженного в Москве. М.: Искусство, 1988.

31. *Бунин А. В., Круглова М. Г.* Архитектура городских ансамблей Ренессанс. М.: Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры, 1935. 232 с.

32. *Бунин А. В., Круглова М. Г.* Архитектурная композиция городов. М.: Академия архитектуры СССР, 1940. 200 с.

33. *Бунин А. В., Саваренская Т. Ф.* История градостроительного искусства. Т. I–II. М.: Экономистъ, 2007.

34. *Буров А. К.* Об архитектуре. М.: Госстройиздат, 1960. 147 с.

35. *Бурцев А. Г.* Семиотика в архитектуре: учебное пособие. Екатеринбург: Архитектон, 2007. 86 с.

36. *Вейлэ К.* Элементы человеческой культуры. Начатки и первичные формы материальной культуры. М.: Пг: Гос. Изд-во, 1923.

37. *Вёльфлин Г.* Ренессанс и барокко. СПб.: Азбука-классика, 2004. 285 с.

38. *Вергунов А. П., Горохов В. А.* Русские сады и парки. М.: Наука, 1987.

418 с.

39. *Вертгеймер М.* О гештальттеории // Хрестоматия по истории психологии. Период открытого кризиса (нач. 10-х гг. – сер. 30-х гг. XX в.). М.: Изд-во МГУ, 1980, С. 84–98.

40. *Ветров А. А.* Семиотика и ее основные проблемы. М.: Политиздат, 1968.

41. *Высоковский А. А.* Визуальные образы городской среды (книга-эссе). М.: Локус Станди, 2008. 236 с.

42. *Высоковский А. А.* Субстанциональные свойства среды // Сборник научных трудов ВНИИТАГ «Городская среда: проблемы существования» / под ред. А. А. Высоковского, Г. З. Каганова. М., 1989.

43. *Габричевский А. Г.* К вопросу о строении художественного образа в архитектуре // Искусство. М.: Изд-во ГАХН, 1927. С. 16–31.

44. *Габричевский А. Г.* Коринфский ордер // Архитектура СССР, ноябрь-декабрь, 1989. С. 94–97.

45. *Габричевский А. Г.* Одежда и здание // Вопросы искусствознания. 1994. № 2–3. С. 381–404.

46. *Габричевский А. Г.* Пространство и масса в архитектуре // Искусство. М.: Изд-во ГАХН, 1923. № 1. С. 292–309.

47. *Ганзен В. А.* Восприятие целостных объектов. Л.: ЛГУ, 1974. 152 с.

48. *Гегель Г. В. Ф.* Эстетика. В 4 т. Т. I. М.: Искусство, 1968. 312 с.

49. *Гегель Г. В. Ф.* Эстетика. В 4 т. Т. III. М.: Искусство, 1969. 621 с.

50. *Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. 464 с.

51. *Глазычев В. Л.* Образы пространства // Творческий процесс и художественное восприятие. Л.: Наука, 1978. С. 159–174.

52. *Глазычев В. Л.* Урбанистика. М.: Европа, 2008. 220 с.

53. *Грабарь И.* Русскіе города разсадники искусства. Ростов Великий; Угличъ; Москва: Издание Кнебель, 1913. Русскіе города разсадники искусства. Ростовъ Великій; Угличъ; Москва: Изданіе І. Кнебель, 1913.

54. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 31.12.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2015) (29 декабря 2004 г.).

55. Градостроительство Московского государства XVI–XVII вв. / под ред. Н. Ф. Гуляницкого). М.: Стройиздат, 1994. 317 с.

56. *Гришкин И. Н.* Понятие информации. М.: Наука, 1973. 212 с.

57. *Гурари М. Н., Лащенко Н. С.* Роль ОКН в градостроительном развитии Большой Москвы XXI в.: социокультурные и социоисторические императивы // Тезисы к докладам конференции «Градостроительные проблемы охраны наследия» / сост., отв. ред. Э. А. Шевченко. Вып. 1. СПб.: Зодчий, 2012. С. 82–91.

58. *Гутнов А. Э.* Эволюция градостроительства. М.: Стройиздат, 1984. 130 с.

59. *Данези М.* Прикладные аспекты семиотики // Критика и семиотика. 2008. № 12. С. 135–154.

60. *Даниэль А. М., Даниэль С. М.* Регулярное поле изображения как объект семиотического анализа // Теоретические проблемы дизайна. Методологические аспекты социологических и историко-культурных исследований. М.: ВНИИТЭ, 1979. С.75–80.

61. *Джекобс, Д.* Смерть и жизнь больших американских городов (пер. с англ.). М.: Новое издательство, 2011, 460 с.

62. *Дженкс Ч.* Язык архитектуры постмодернизма. М.: Стройиздат, 1985. 175 с.

63. *Добрицына И. А.* Ориентационно-поведенческие процессы и целостность среды // Сборник материалов всесоюзной научной конференции «Городская среда». Ч. 1. М.: ВНИИТАГ, 1989. С. 64–71.

64. Древнерусское градостроительство X–XV вв. / под ред. Н. Ф.

Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1993. 392 с.

65. *Дубровский Д. И.* Информация, сознание, мозг. М.: Высшая школа, 1980.

66. *Ельмслев Л.* Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. 1960. Вып. 1. С. 264–389.

67. *Есаулов Г. В.* Архитектурно-градостроительное наследние Юга России: его формирование и культурный потенциал: автореф. … д-ра архитектуры. М., 2004.

68. *Ефимов А. В.* Колористика города. М.: Стройиздат, 1990. 272 с.

69. *Ёдике Ю.* История современной архитектуры. Синтез формы, функции и конструкции. М.: Искусство, 1972, 248 с.

70. *Жуков Н. И.* Информация. Минск: Наука и техника, 1971. 276 с.

71. *Забелин И. К.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М.: Книга, 1990.

72. *Забельшанский Г. Б.* Пути исследования эмоционального воздействия архитектуры // Архитектура и эмоциональный мир человека. М.: Стройиздат, 1985.

73. *Заринская И. З., Павловская Е. Э.* Средовой потенциал полугородской культуры // Сборник научных трудов ВНИИТАГ «Городская среда: проблемы существования» / под ред. А. А. Высоковского, Г. З. Каганова. М., 1990.

74. *Зеликина Н. М.* Функциональные исследования и оценка исторической среды // Сборник материалов всесоюзной научной конференции «Городская среда». Ч. 2. М.: ВНИИТАГ, 1989. С. 65–72.

75. *Земан И.* Познание и информация. Гносеологические проблемы кибернетики. М.: Прогресс, 1966.

76. *Зитте К.* Художественные основы градостроительства. М.: Стройиздат, 1993.

77. *Зубов В. П.* 1977. Архитектурная теория Альберти // Леон Баттиста Альберти. М.: Наука, 1977. С. 50–149.

78. *Иванов В. В.* Бинарные структуры в семиотических системах // Системные исследования. М.: Наука, 1972. С. 206–236.

79. *Иванов В. В.* Дуальные структуры в антропологии. М.: РГГУ, 2009.

80. *Иванов В. В.* К семиотическому изучению культурной истории большого города. Труды по знаковым системам. 19: Семантика пространства и пространство семантики, учен. Зап. Тартусского государственного университета. Вып. 720. Тарту, 1986. С. 24–48.

81. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Структурно-типологический подход к семантической интерпретации произведений изобразительного искусства // Ученые записки ТГУ. Вып. 411. Труды по знаковым системам УШ. Тарту, 1977. С. 103–119.

82. *Изард К.* Эмоции человека. М.: Изд-во МГУ, 1980. 439 с.

83. *Иконников А. В.* Коммуникативная роль предметной среды // Эстетические проблемы дизайна. М.: ВНИИТЭ, 1978. С. 56–62.

84. *Иконников А. В.* Художественный язык архитектуры. М.: Искусство, 1985.

85. *Ильин В. В.* Онтологические и гносеологические функции категорий «качество» и «количество». М.: Высшая школа, 1972. 96 с.

86. *Каган М. С.* Мир общения. Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988. 215 с.

87. *Каган М. С.* Языки культуры. Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы // Общественные науки. 1990. № 1. С. 47–59.

88. *Каганов Г. З.* О средовом воображении // Сборник научных трудов ВНИИТАГ «Городская среда: проблемы существования» / под ред. А. А. Высоковского, Г. З. Каганова. М., 1990.

89. *Кириченко Е. И.* Архитектурные теории XIX в. в России. М.: Искусство, 1986.

90. *Клаус Г.* Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка. М.: Прогресс, 1967. 215 с.

91. *Кнабе Г. С.* Древний Рим – история и повседневность. М.: Искусство, 1986.

92. *Крашенинников А. В.* Обучение средовому проектированию // Сборник материалов всесоюзной научной конференции «Городская среда». Ч. 2. М.: ВНИИТАГ, 1989. С. 13–17.

93. *Кринский В. Ф., Ламцов И. В., Туркус М. А.* Элементы объемно-пространственной композиции. М.: Стройиздат, 1968.

94. *Крогиус В. Р.* «Деревянные» города: их уникальное культурное наследие и основы системного подхода к его сохранению (сотрудничество стран Северо-Европейского региона) // Сборник научных статей по материалам конференции «Культура русского Севера в преддверии третьего тысячелетия». Вологда, 2002.

95. *Крогиус В. Р.* Достопримечательные места – недвижимо-материальные и иные составляющие их наследия (проблема четкого различения) // Тезисы к докладам конференции «Градостроительные проблемы охраны наследия». М.: Минрегионразвития РФ, Минкультуры РФ, РААСН, НИИТИАГ, 2013. С. 106–114.

96. *Крогиус В. Р.* Исторический город – что это такое? // Тезисы к докладам конференции «Градостроительные проблемы охраны наследия» / сост., отв. ред. Э. А. Шевченко. Вып. 1. СПб.: Зодчий, 2012. С. 58–61.

97. *Кубецкая Л. И.* Градоформирующее значение исторического расселения и наследия в стратегии развития поселений // Тезисы к докладам конференции «Градостроительные проблемы охраны наследия» / сост., отв. ред. Э. А. Шевченко. Вып. 1. СПб.: Зодчий, 2012. С. 52–57.

98. *Кубрякова Е. С., Мельников Г. П.* Трактовка понятий «система» и «структура» в современной науке // Общее языкознание. Внутренняя структура языка / под ред. Б. А. Серебрянникова. М.: Наука, 1972.

99. *Кудрявцев А. П.* Реконструкция исторического города и этика профессии // *Кудрявцев А. П.* Архитектура в истории русской культуры. Вып. 2. Столичный город. М.: УРСС, 1998. С. 296–301.

100. *Кудрявцев А., Анисимов И.* Проблемы реабилитации исторической среды городов США // Архитектура СССР, ноябрь-декабрь, 1989. С. 116–121.

101. *Кудрявцева Т. П.* Достопримечательное место. Понятие. Границы. Предмет охраны // Тезисы к докладам конференции «Градостроительные проблемы охраны наследия» / сост., отв. ред. Э. А. Шевченко. Вып. 1. СПб.: Зодчий, 2012. С. 62–67.

102. *Кучеров И. Д.* Функции различий в практическом познании. Минск: Наука и техника, 1972. 317 с.

103. *Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС Эдиториал, 2004. 256 с.

104. *Лащенко Н. С., Гурари М. Н.* Современное архитектурно-градостроительное развитие Москвы: поиск глобальной идентичности или отказ от собственного цивилизационного проекта? // Тезисы к докладам конференции «Градостроительные проблемы охраны наследия». М.: Минрегионразвития РФ, Минкультуры РФ, РААСН, НИИТИАГ, 2013. С. 6–20.

105. *Лебедева Г. С.* О средовом восприятии городских структур // Сборник материалов всесоюзной научной конференции «Городская среда». Ч. 1. М.: ВНИИТАГ, 1989. С. 35–42.

106. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1983.

107. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

108. *Леонтьев А. Н.* Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983.

109. *Леонтьев А. Н.* Потребности, мотивы и эмоции // Психология мотивации и эмоций. Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. В. Фаликман. М.: Астрель, 2009. С. 47–65.

110. *Лепский В. И.* Исторические города, общество, государство и бизнес // Тезисы к докладам конференции «Градостроительные проблемы охраны наследия» / сост., отв. ред. Э. А. Шевченко. Вып. 1. СПб.: Зодчий, 2012. С. 10–17.

111. *Лефевр В.* Конфликтующие структуры. М.: Изд-во «Советское

радио», 1967.

112. *Линч К.* Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.

113. *Линч К.* Совершенная форма в градостроительстве / пер. с англ. В. Л. Глазычева; под ред. А. В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1986. 264 с.

114. *Лихачев Д. С.* Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Л.: Наука, 1982, 343 с.

115. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1972.

116. *Лотман Ю. М.* Избранные статьи: в 3-х томах. Таллинн: Александра, 1992.

117. *Лукашев А. В.* Градостроительство России в двадцатом столетии // Тезисы к докладам конференции «Градостроительные проблемы охраны наследия» / сост., отв. ред. Э. А. Шевченко. Вып. 1. СПб.: Зодчий, 2012. С. 28–37.

118. *Мантатов В. В.* Образ, знак, условность. М.: Высшая школа, 1980. 94 с.

119. *Маркузон В. Ф.* О закономерностях развития и семантике архитектурного языка // Архитектура СССР. 1970. № 1. С. 46–53.

120. *Маркузон В. Ф.* Семиотика и художественные проблемы предметно-пространственной среды // Эстетические проблемы дизайна. М.: ВНИИТЭ, 1978. С. 50–55.

121. *Мартине А.* Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. С. 366–566.

122. *Мартынов В. В.* Кибернетика, семиотика, лингвистика. Минск: Изд-во БГУ, 1966. 275 с.

123. *Мартынов В. В.* Семиологические основы информатики. Минск: Наука и техника, 1974. 192 с.

124. *Мартынюк А. М.* Проблемы функционирования различных типов исторически сложившейся среды в современном городе. Обзорная информация. ЦНИИП градостроительства. М.: ВНИИТАГ Госкомархитектуры, 1990.

125. *Маслоу А. Г.* Теория человеческой мотивации // Психология мотивации и эмоций. М.: Астрель, 2009.

126. Мастера советской архитектуры об архитектуре. Т. I, II. М.: Искусство, 1975.

127. *Мейтленд Б.* Пешеходные торгово-общественные центры / под ред. И. Р. Федосеевой. М.: Стройиздат, 1989.

128. *Мелодинский Д. Л.* Ритм в архитектурной композиции: учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению «Архитектура». М.: Архитектура-С, 2013. 234 с.

129. *Мельников Г. П.* Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Советское радио, 1982.

130. *Меркулова И. Ю., Мокеев Г. Я.* Трансформация древнерусских городов // Архитектурное наследство. М.: Стройиздат, 1986.

131. *Метленков Н. Ф., Степанов А. В.* Архитектура: учебное пособие. М.: Архитектура-С, 2004. 176 с.

132. *Мокеев Г. Я.* О возрождении исторической Москвы // Альманах «Памятники отечества». 1988. № 2.

133. Методические указания об использовании памятников истории и культуры как градоформирующих факторов при разработке генеральных планов и проектов детальной планировки городов / ЦНИИП градостроительства. М.: Стройиздат, 1988. 32 с.

134. *Моль А.* Теория информации и эстетическое восприятие. М.: Мир, 1966. 348 с.

135. *Моррис Ч. У.* Основания теории знаков // Семиотика: антология. Т. 1. М.; Екатеринбург, 2001.

136. *Мукаржовский Я.* Исследования по эстетике и теории искусства. М.: Искусство, 1994.

137. *Нарский И. С.* Проблема значения «значения» в теории познания // Проблема знака и значения. М., 1969.

138. *Нащокина М. В.* Русская усадьба Серебряного века. М., 2008а.

139. *Нащокина М. В.* Русские сады. М., 2008б.

140. *Некрасов А. И.* Теория архитектуры. М.: Стройиздат, 1994.

141. *Никифоров А. А.* Европейское право в области градорегулирования в исторических городах // Тезисы к докладам конференции «Градостроительные проблемы охраны наследия» / сост., отв. ред. Э. А. Шевченко. Вып. 1. СПб.: Зодчий, 2012. С. 22–27.

142. *Никифоров А. А.* Понятие «достопримечательное место» в системе охраны недвижимого культурного наследия // Тезисы к докладам конференции «Градостроительные проблемы охраны наследия». М.: Минрегионразвития РФ, Минкультуры РФ, РААСН, НИИТИАГ, 2013. С. 102–106.

143. *Никонов П. Н.* Проблема сохранения границ исторического межевания // Тезисы к докладам конференции «Градостроительные проблемы охраны наследия». М.: Минрегионразвития РФ, Минкультуры РФ, РААСН, НИИТИАГ, 2013. С. 127–138.

144. *Ноткин Н. И.* Архитектурно-пространственное формообразование исторически сложившихся городов Узбекистана: автореф. дис. ... д-ра архитектуры. М., 1981.

145. *Обуховский К.* Психология влечений человека. М.: Прогресс, 1972. 247 с.

146. *Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П.* Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствометрия. М.: Мир, 1972. С. 278–297.

147. Охрана и реставрация архитектурного наследия – организационно-правовые и экономические проблемы. М.: Информационно-издательский отдел РААСН, 2000. 120 с.

148. *Пиаже Ж.* Схемы действия и усвоение языка // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С.133–136.

149. *Пирс Ч. С.* Начала прагматизма. Т. 2. Логические основания теории знаков. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. С. 352.

150. *Полторацкий А., Швырев В.* Знак и деятельность. М.: Политиздат, 1970.

151. *Потемкин В. К., Симанов А. А.* Пространство в структуре мира. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990.

152. *Прибрам К.* Языки мозга. М.: Прогресс, 1975. 463 с.

153. Проблемы сенсорной изоляции / под ред. А. А. Смирнова, Б. Ф. Ломова, В. Д. Небылицына. М.: Изд-во института психологии АПН СССР, 1970. 204 с.

154. *Пруцын О. И., Рымашевский Б., Борусевич В.* Архитектурно-историческая среда / под ред. О. И. Пруцына. М.: Стройиздат, 1990. 408 с.

155. *Раппапорт А. Г.* Городская среда и драматургия архитектурной композиции // Проблемы теории и истории архитектуры Сборник научных трудов № 5 / под ред. А. В. Рябушина. М.: ЦНИИП градостроительства, 1979. С. 34–44.

156. *Раппапорт А. Г.* Методологические проблемы исследования архитектурной формы. В кн.: Раппапорт А. Г., Сомов Г. Ю. Форма в архитектуре. Пробелмы теории и методологии. М.Стройиздат 1990.

157. *Ребане Я. К.* Информация как мигрирующая структура // Ученые записки ТГУ. Вып. 225. Труды по философии. Тарту, 1969.

158. *Регамэ С. К., Брунс Д. В., Омельяненко Г. Б.* Сочетание новой и сложившейся застройки при реконструкции городов / Центральный научно-исследовательский и проектный институт по градостроительству. М.: Стройиздат, 1988. 143 с.

159. *Регамэ С. К.* Проблемы совершенствования градостроительного законодательства // Тезисы к докладам конференции «Градостроительные проблемы охраны наследия» / сост., отв. ред. Э. А. Шевченко. Вып. 1. СПб.:

Зодчий, 2012. С. 38–51.

160. *Рейковский Я.* Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979. 392 с.

161. *Рогалевич Н. Н.* Словарь символов и знаков. Минск: Харвест, 2004. 512 с.

162. *Россинская Е. И.* Новые методы анализа выразительности архитектуры. М.: ЦНИИТИА, 1981.

163. Русский город (историко-методологический сборник) / под ред. В. Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1976.

164. Русское градостроительное искусство / под общ. ред. Н. Ф. Гуляницкого. В 4 т. Т. 1. Древнерусское градостроительство X–XV вв. М., 1993. 392 с.; Т. 2. Градостроительство Московского государства XVI–XVII вв. М., 1994, 318 с.; Т. 3. Петербург и другие новые российские города XVIII – первой половины XIX вв. М., 1995. 404 с.; Т. 4. Москва и сложившиеся русские города XVIII – первой половины XIX вв. М., 1998. 404 с.

165. Русское градостроительное искусство. Градостроительство России конца XIX – начала XX в. / НИИ теории архитектуры и градостроительства; под общ. ред. Е. И. Кириченко. М., Прогресс-Традиция, 2001, 304 с.

166. Русское градостроительное искусство. Градостроительство России конца XIX – начала XX в. Книга вторая / под общ. ред. Е. И. Кириченко. М., Прогресс-Традиция, 2003. 560 с.

167. *Савельева Н. Т.* К исследованию проблемы эстетической организации среды // Принципы и средства композиции в современной архитектуре. М.: ЦНИИП градостроительства, 1979. С. 88–92.

168. *Савкин К. М.* Взаимоотношение элементов исторической среды города: социокультурный аспект. Историко-культурное наследие: сохранение, освоение и использование. М., 1989.

169. Семиотика пространства: сборник трудов Международной ассоциации семиотики пространства / под ред. А. А. Барабанова. Екатеринбург: Архитектон, 1990.

170. *Симонов П. В.* Теория отражения и психофизиология эмоций. М.: Наука, 1970. 141 с.

171. *Соколова Т. Н.* Возрождение традиций повседневной городской жизни и реконструкция и развитие исторических городов России // Сборник материалов всесоюзной научной конференции «Городская среда». Ч. 2. М.: ВНИИТАГ, 1989. С. 72–82.

172. *Соловьева Е. Е.* Исторические города: развитие/сохранение? // Тезисы к докладам конференции «Градостроительные проблемы охраны наследия» / сост., отв. ред. Э. А. Шевченко. Вып. 1. С.Пб.: Зодчий, 2012. С. 98–105.

173. *Сомов Г. Ю.* Пластика архитектурной формы в массовом строительстве. М.: Стройиздат, 1986. 207 с.

174. *Сомов Г. Ю.* Проблемы теории архитектурной формы // Форма в архитектуре / А. Г. Раппапорт, Г. Ю. Сомов. М.: Стройиздат, 1990. С. 164–334.

175. *Сомов Г. Ю.* Уровни средообразования // Сборник материалов всесоюзной научной конференции «Городская среда». Ч. 2. М.: ВНИИТАГ 1989. С. 116–124.

176. *Сомов Г. Ю.* Эмоциональное воздействие архитектурной среды и ее организация // Архитектура и эмоциональный мир человека. М.: Стройиздат, 1985, с. 82–149.

177. *Сомьен Дж.* Кодирование сенсорной информации. М., 1986.

178. *Соссюр Ф., де.* Курс общей лингвистики. М., «Либроком», 2014. 256 с.

179. *Степанов А. В., Нечаев Н. Н., Иванова Г. И.* Психология и архитектура: учебное пособие для вузов. М.: Стройиздат, 1993. 295 с.

180. *Степанов Ю. С.* Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. 271 с.

181. *Степанов Ю. С.* Семиотика. М.: Наука, 1971. 168 с.

182. *Столович Л. Н.* Природа эстетической ценности М.: Политиздат,

1972.

183. *Страутманис И. А.* Информативно-эмоциональный потенциал архитектуры. М.: Стройиздат, 1978. 118 с.

184. *Тиц А. А., Воробьева Е. В.* Пластический язык архитектуры. М.: Стройиздат, 1986. 310 с.

185. *Тода М., Шуфорд Э. Х.* Логика систем: введение в формальную теорию структуры // Исследования по общей теории систем. М., 1969.

186. *Тондл Л.* Проблемы семантики. М., 1981.

187. *Топоров В. Н.* О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева» // Ученые записки ТГУ. Вып. 284. Труды по знаковым системам Тарту, 1971. С. 9–62.

188. *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983.

189. *Тюхтин В. С.* Отражение, системы, кибернетика. Теория отражения в свете кибернетики и системного подхода. М.: Наука, 1972. 256 с.

190. *Урсул А. Д.* Информация. М., 1971.

191. *Урсул А. Д.* Отражение и информация. М., 1973.

192. *Фаермарк Д. С.* Задача пришла с картины. М.: Наука, 1974.

193. Формирование современного архитектурного облика исторических городов. Обзорная информация Соколова Т. Н., Чедаева Н. Н., Щенкова А. С. М.: ЦНИИТИА, 1986. 56 с.

194. *Фрейдин Е. О.* Старый и новый город: конфликтологический анализ взаимодействия. Проблемы сохранения архитектурно-градостроительного наследия Москвы // Тезисы к докладам конференции «Градостроительные проблемы охраны наследия» / сост., отв. ред. Э. А. Шевченко. Вып. 1. СПб.: Зодчий, 2012. С. 75–81.

195. *Хайт В. Л.* Проектировщик и потребитель в формировании городской среды // Сборник материалов всесоюзной научной конференции «Городская среда». Ч. 2. М.: ВНИИТАГ, 1989. С. 4–13.

196. *Хоум Г.* Основания критики. История эстетики в памятниках и документах / пер. с англ.; под ред. Овсянникова М. Ф. Т. 1. М.: Искусство, 1977.

197. *Хохлова С. П.* Семантика дворцово-паркового ансамбля Версаля. Дис. ... канд. философских наук. Москва, 2005, 251 с.

198. *Чантурия Ю. В.* Научно-методические указания по учету историко-культурного наследия при составлении проектов планировки центров городов БССР. Минск, 1976.

199. *Черноушек М.* Психология жизненной среды. М.: Мысль, 1989. 174 с.

200. *Черри К.* Человек и информация. М., 1975.

201. *Чертов Л. Ф.* Язык предметных форм и пространственных отношений. Дис. ... канд. Философских наук. Спб., 1996.

202. *Чудинова Т. С.* Формирование вертикальной композиции исторических центров приречных городов (на примере городов Поволжья): автореф. дис. ... канд. Архитектуры. М.: МАРХИ, 1984.

203. *Швидковский Д. О.* Архитектор Ч. Камерон. Новые материалы и исследования. М., 1984.

204. *Шевченко Э. А.* Градостроительные проблемы сохранения историко-культурного ресурса России // Тезисы к докладам конференции «Градостроительные проблемы охраны наследия» / сост., отв. ред. Э. А. Шевченко. Вып. 1. СПб.: Зодчий, 2012. С. 18–21.

205. *Шевченко Э. А.* Исторический город. Проблемы идентификации // Зодчий. 21 век. 2011. № 1 (38).

206. *Шевченко Э. А.* К вопросу о разработке генеральных планов поселений и городских округов // Зодчий. 21 век. 2006. № 1 (21).

207. *Шевченко Э. А.* Особенности управления развитием территорий, обладающих богатым историко-культурным наследием (на примере г. Рыбинска) // Тезисы к докладам конференции «Градостроительные проблемы охраны наследия». М.: Минрегионразвития РФ, Минкультуры РФ,

РААСН, НИИТИАГ, 2013. С. 34–43.

208. *Шевченко Э. А.* Урбанизация и среда исторических городов // Зодчий. 21 век. 2004. № 3 (15).

209. *Шевченко Э. А., Никифоров А. А.* Историческое поселение и законодательство Российской Федерации // Тезисы к докладам конференции «Градостроительные проблемы охраны наследия». М.: Минрегионразвития РФ, Минкультуры РФ, РААСН, НИИТИАГ, 2013. С. 82–96.

210. *Шейнина Е. Я.* Энциклопедия символов. М.: АСТ; Харьков: Торсинг, 2007. 591 с.

211. *Шерковин Ю. А.* Психологические проблемы массовых информационных процессов. М.: Мысль, 1973. 213 с.

212. *Шехтер М. С.* Психологические проблемы узнавания. М.: Просвещение, 1967. 220 с.; М.: Наука, 1973. 255 с.

213. *Шингаров Г. Х.* Эмоции и чувства как формы отражения действительности. М.: Наука, 1971. 223 с.

214. *Шоай Ф.* Семиология и градостроительство // Современная архитектура. 1971. № 5. С. 89–92.

215. *Щедровицкий Г. П.* Естественное и искусственное в социотехнических системах // Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995а.

216. *Щедровицкий Г. П.* Исходные представления теории деятельности // Избранные труды. М.: Шк. культ. полит., 1995б.

217. *Щенков А. С.* Реконструкция исторических городов. Основы реконструкции исторических городов. Исторический опыт развития архитектурного ансамбля: учебное пособие в 2 ч. М.: Памятники исторической мысли, 2013. 420 с.

218. *Эко У.* Открытое произведение. СПб.: Симпозиум, 2006.

219. *Эко У.* Отсутствующая структура. СПб.: Симпозиум, 2004.

220. *Эшби У. Р.* Введение в кибернетику. М., 1968.

221. *Якобсон Р. О.* Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.

222. *Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика. Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975, с. 193–230.

223. *Agnew J.* The Dramaturgy of Horizons: Geographical Scale in the «Reconstruction of Italy» by the New Italian Political Parties // Political Geography. 1997. 16. P. 99–123.

224. *Agnew J., Duncan J.* The Power of Place: Bringing Together Geographical and Social Imaginations. Boston: Unwin Hyman, 1989.

225. *Alexander C., Poyner B.* Atoms of the environmental structure. N. Y., 1968.

226. *Allport, G. W. The Person in Psychology: Selected Essays.* Boston: Beaconб 1968.

227. *Altman I.* The Environment and Social Behavior. Monterey: Brooks/Cole, 1975.

228. *Altman, R.* The material heterogeneity of recorded sound. In *Sound Theory, Sound Practice*, Rick Altman (ed.), 15–31. New York: Routledge, 1992.

229. *Amin A., Thrift N.* Cities: Reimagining the urban. Cambridge: Polity Press, 2002.

230. *Ardrey R.* The Territorial Imperative. London: St. James, 1967.

231. *Arin E.* Objekt und Raumzeichnen in der Architektur. Stuttgart, 1981.

232. *Atkinson R., Blandy S.* Introduction: International perspectives on the new enclavism and the rise of gated communities // Housing Studies. Taylor & Francis, Routledge 2002. P. 177–186.

233. *Atkinson R., Flint J.* Fortress UK? Gated communities, the spatial revolt of the elites and time-space trajectories of segregation // Housing Studies. Taylor & Francis, Routledge 1996. P. 875–892.

234. *Bachelard G.* The Poetics of Space. Boston: Beacon, (1938) 1969.

235. *Baker A. R. H.* Introduction: On Ideology and Landscape. In Ideology and Landscape in Historical Perspective: Essay on the Meanings of Some Places in the Past / ed. A. Baker, G. Biger. P. 1–8. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

236. *Bames T., Duncan J.* Writing Worlds Discourse, Texts, and Metaphors in the Representation of Landscape. N. Y.: Routledge, 1992.

237. *Bateson, G.* Steps to an ecology of mind. New York: Chandler, 1972.

238. *Beauregard R. A., Haila A.* The Unavoidable Continuities of the City // *Marcuse P., Van Kempen R.* (eds). Globalizing Cities: A New Spatial Order? Oxford: Blackwell, 2000. P. 22–36.

239. *Bense M.* Zeichen und Design: semiotische Asthetik. Baden-Baden: AgisVerlag, 1971.

240. *Bense M.* Aesthetica. Baden-Baden: Agis, 1982 [1965].

241. *Berger P. L.* The Sacred Canopy. N. Y.: Pantheon, 1967.

242. *Biederman I.* Recognition by Components: A Theory of Human Image Understanding // Psychological Review. 1987. V. 94. № 2. P. 115–147.

243. *Bignell J.* Media Semiotics: An Introduction. Manchester: Manchester University Press, 1997.

244. *Blakely E., Snyder M.* Fortress America. Washington: Brookings Institution, 1997.

245. Blandy S., Lister D., Atkinson R. [et al.]. Gated communities: a systematic review of research evidence. Sheffield; Glasgow: Sheffield Hallam University, University of Glasgow, 2003.

246. *Bollnow O. F.* Mensch und Raum. Stuttgart: Kohlhammer, 1980.

247. *Bondi L.* Gender Symbols and Urban Landscapes. Progress in Human Geography. 1992. 16. P. 157–170.

248. *Bonta, J. P.* Architecture and its interpretation: A study of expressive systems in architecture. London: Lund Humphries, 1979, 271 p.

249. *Boogaart II T. A.* The power of place: from semiotics to ethnogeography // Middle States Geographer. 2001. 34. P. 38–47. Avaliable online: http://www.msaag.org/wp-content/uploads/2013/05/5_Boogaart_II.pdf.

250. *Boudon P.* Introduction de une semiotique des lieux. Paris: Klincksieck & Montreal; Presses university, 1981.

251. *Bourdieu P.* Outline of a Theory of Practice. Cambridge University Press, 1977.

252. *Brandt P. A.* Spaces, domains and meaning. Essays in cognitive semiotics. Bern: Peter Lang Verlag, 2004.

253. *Brandt, P. A.* Form and Meaning in Art. In: Mark Turner (ed.), The Artful Mind. Cognitive Science and the Riddle of Human Creativity. New York: Oxford University Press, 2006.

254. *Broadbent J. A.* Plain Man's Guide of The Theory of Signs // Architectural Desing. 1997. V. 47. № 7–8.

255. *Brown J. S., Duguid P.* The Social Life of Information. Boston: Harvard Business School Press, 2002.

256. *Caldeira T.* City of walls: crime, segregation and citizenship in San Paolo. Berkeley: University of California Press, 2000.

257. *Calthorpe, P.* and *Fulton, W.* The regional city. Washington, D.C: Island Press, 2001, 328 p.

258. *Canter D.* The Psychology of Place. London: Architectural Press, 1977.

259. *Casey E. S.* What Does It Mean to Be in the Place-World? Annals of the American Association of Geographers. 2001. 91. P. 683–693.

260. *Certau M., de.* The Practice of Everyday Life. Berkeley: University of California Press, 1984.

261. *Chandler D.* Semiotics: The Basics. London: Routledge, 2007.

262. Cheok A. D., Teh K. S., Nguyen T. H. D. [et al.]. Social and physical interactive paradigms for mixed-reality entertainment. ACM CIE. Vol. 4. 2006.

263. *Chernigovskaya T.* Neurosemiotic Approach to Cognitive Functions // Semiotica. 1999. 127. 1/4. 227–237.

264. *Clark A.* Being There. MIT Press, 1998.

265. *Cobley P.* Communication Theories V4. London: Routledg, 2006.

266. *Cosgrove D.* Social Formation and Symbolic Landscape. London: Croon Helm, 1984.

267. *Cosgrove D., Atkinson D.* Urban Rhetoric and Embodied Identities: City, Nation, and Empire at the Vittorio Emanuele II Monument m Rome, 1870–1945 // Annals of the Association of American Geographers. 1998. 88. P. 28 –63.

268. *Cosgrove D., Daniels S.* The Iconography of Landscape: Essays on the Symbolic Representation, Design, and Use of Past Environments. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

269. *Covarrubias J.* Teorie informace v architekture. Architektura CSR 1977, 3, 51–54.

270. *Crawford M.* Contesting the Public Realm: Struggles over Public Space in Los Angeles // Journal of Architectural Eucation. 1995. V. 49. № 1. P. 4–9.

271. *Cresswell T.* «In Place» and «Out of Place». Minneapolis: University of Minneapolis Press, 1996.

272. *Cresswell T.* Place: A Short Introduction. Oxford: Blackwell, 2004.

273. *D'Andrade R.* The Development of Cognitive Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

274. *Danesi M.* Messages and Meanings: An Introduction to Semiotics. Toronto: Canadian Scholars' Press, 1994.

275. *Danesi M.* The Interconnectedness Principle and the Semiotic Analysis of Discourse // Applied Semiotics/Semiotique Appliquee. 1999. 6/7. P. 394–401.

276. *Day A.* New tools for urban design // Urban Design Quarterly. 1994. No. 51. P. 20–23.

277. *Deregowski, J. B.* Illusions, Patterns, and Pictures: A Cross-Cultural Perspective. New York: Academic Press, 1980.

278. *Dijk, T. A. van.* Handbook of Discourse Analysis. 4 vols. London: Academic Press, 1985.

279. *Dodge M., Kitchin R.* Code, space and everyday life. CASA Working Paper. 2004. P. 81–89.

280. *Domosh M.* Urban Imagery // Urban Geography. 1992. 13. P. 475–480.

281. *Dorfles, G.* Überlegungen zur architektonischen semiotic. Werk, 1971, 6, 394–396.

282. *Downs R. M., Stea D.* Maps in Minds. N. Y.: Harper & Row, 1977.

283. *Duncan L. S.* Representing Power: The Politics and Poetics of Urban Form in the Kandyan Kingdom // Place/Culture/Representation / eds. J. Duncan, D. Ley. London: Routledge, 1993. P. 242–248.

284. *Duncan L. S.* The City as Text: The Politics of Landscape Interpretation in the Kandyan Kingdom. N. Y.: Cambridge University Press, 1992.

285. *Eco U.* A Componental analysis of Architectural Sign // Signs, Symbols, Architecture. N. Y.: John Wiley & Sons, 1980a.

286. *Eco U.* A theory of semiotics. Bloomington: Indiana University Press, 1976.

287. *Eco U.* Function and Sign. The Semiotics of Architecture // Signs, Symbols, Architecture. N. Y.: John Wiley & Sons, 1980б.

288. *Eick V.* Space patrols: the new peace-keeping function of non-profit in Los Angeles and Berlin. Paper presented to the CSR international conference. Territory, control and enclosure: the ecology of urban fragmentation. Pretoria, 2005.

289. *Esser A.* (ed.) Behavior and Environment: The Use of Space by Animals and Men. N. Y.: Plenum, 1971.

290. *Fiske J.* Introduction to Communication Studies. London: Routledge, 1982.

291. *Fiske J.* Codes // International Encyclopedia of Communications. V. 1. N. Y.: Oxford University Press, 1989. P. 312–316.

292. *Forston R. F.* Proxemic research // *Williams T. R.* (ed.) Socialization and Communication in Primary Groups. The Hague: Mouton, 1975. P. 339–45.

293. *Fritzsche P.* Reading Berlin. Cambridge: Harvard University Press, 1996.

294. *Gaines E.* Communication and the Semiotics of Space // Journal of Creative Communications. 2006. 12. P. 173–181.

295. *Garroni, E.* Thesen zu einer semiotischen Annäherung an die architektonische Sprache. Werk 1972, 2, 106–109.

296. *Gehl J.* Cities for People. Washington: Island Press, 2010.

297. *Goeppert H. C.* Die sprachliche Strukturierung des Raums. Tubingen: Diss. PhiL, 1970.

298. *Goffman E.* Relatoins in Public. N. Y.: Harper and Row, 1971.

299. *Gosztonyi A.* Der Raum. 2 vols. Freiburg: Alber, 1976.

300. *Gottdiener M.* The New Urban Sociology. N. Y.: McGraw-Hill, 1994.

301. *Gottdiener M., Lagopoulos, A.* (eds.) The City and the Sign: An Introduction to Urban Semiotics. N.Y.: Columbia University Press, 1986.

302. *Gould P., White R.* Mental Maps. Harmondsworth: Penguin, 1974.

303. Greater Nottingham Light Rapid Transit Act, 1994 // The National Archives of the UK government. URL: (http://www.legislation.gov.uk/ukla/1994/15/contents/enacted).

304. *Greimas A. J. and Courtes J.* Se´miotique, dictionnaire raisonne´ de la the´orie du langage, vol. 1. Paris: Hachette, 1979.

305. *Groth P. E., Bressi T. W.* Understanding Ordinary Landscapes. New Haven: Yale University Press, 1997.

306. *Guinard D., Streng S., Gellersen, H.* Relate Gateways: a user interface for spontaneous mobile interaction with pervasive services. ACM CHI 2007 Workshop on Mobile Spatial Interaction, 2007.

307. *Guiraud, P.* Semiology, George Gross (Translator). London: Routledge &: Kegan, 1975.

308. *Hall E.* The Hidden Dimension. Doubleday, Chicago 1969.

309. *Hall E. T.* A system for the notation of proxemic behavior // American Anthropologist. 1963a. 65. P.1003–1026.

310. *Hall E. T.* Beyond Culture. Garden City: Doubleday, 1976.

311. *Hall E. T.* Handbook for Proxemic Research. Washington: Society for the Anthropology of Visual Communication, 1974.

312. *Hall E. T.* Proxemics // Current Anthropology. 1968. 9. P. 83–108.

313. *Hall E. T.* Proxemics – the study of man's spatial relations // *Galdston I.* (ed.) Man's Image in Medicine and Anthropology. N. Y.: Int. Univ. Press, 1963б. P. 422–445.

314. *Hall E. T.* The Dance of Life. Garden City: Anchor Press, 1983.

315. *Hall E. T.* The Silent Language. Greenwich: Fawcett, 1959.

316. *Hall S.* Encoding/decoding // Centre for Contemporary Cultural Studies (Ed.), Culture, Media, Language: Working Papers in Cultural Studies, 1972–79. London: Hutchinson, [1973] 1980. P. 128–38.

317. *Hall S., Osborne P., Segal L.* Culture and Power // Radical Philosophy. 1997. 86: p. 24–42.

318. *Halliday M. A. K.* Language and the order of nature. In: The Linguistics of Writing: Arguments Between Language and Literature, Nigel Fabb, D. Attridge, A. Durant, and C. MacCabe (eds.), 135–154. Manchester: Manchester University Press, 1987.

319. *Harper D.* Visual Sociology: Expanding Sociological Vision // American Sociologist. 1988. 19 (10). P. 54–70.

320. *Harper R. G., Wiens A. N., Matarazzo J. D.* Nonverbal Communication: The State of the Art. N. Y.: Wiley, 1978.

321. *Hart J. F.* The Rural Landscape. Baltimore: John Hopkins University Press, 1998.

322. *Harvey D.* Paris, Capital of Modernity. N. Y.: Routledge, 2006.

323. *Harvey D.* Social Justice and the City. London: Edwin Arnold, 1979б.

324. *Harvey D.* The Urban Experience. Baltimore: John Hopkins University Press, 1989.

325. *Hawkes T.* Structuralism and Semiotics. London: Routledge, 2003.

326. *Hayden D.* Playing House. Edgewood: R. L. Barth, 1998.

327. *Hesselgren S.* The Language of Architecture. Lund: Studentlitteratu, 1969. 283 p.

328. *Hillier B.* Space is the Machine: A Configurational Theory of Architecture. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

329. *Hillier B., Hanson J.* The Social Logic of Space. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

330. *Hillier B., Penn A.* Rejoinder to Carlo Ratti. Environment and Planning // Planning and Design. 2004. 31 (4). P. 487–499.

331. *Hoffmann M. H. G.* The 1903 classification of triadic sign-relations // Queiroz J. (ed.) Digital encyclopedia of Charles S. Peirce. URL:2001 http://www.digitalpeirce.fee.unicamp.br/hoffmann/p-sighof.htm.

332. *Hoffmeyer J.* Signs of Meaning in the Universe Nature. The Natural History of Signification. Bloomington: Indiana University Press, 1996.

333. *Hoffmeyer J., Emmeche C.* Code-Duality and the Semiotics of Nature // Semiotic Modeling. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991. P. 117–166.

334. *Houser N.* Introduction // *Houser N., Kloesel C.* (eds.) The Essential Peirce. Vol. 1. 1867–1893. Bloomington: Indiana University Press, 1992. P. XIX–XLI.

335. Hutchinson R., Krase, J. (eds.) Ethnic Landscapes in an Urban World // Neighborhoods. Amsterdam: Elsevier/JAI Press, 2005. P. 97–119.

336. *Iris A.* Narrative-Myth and Urban Design // Journal of Architectural Education. 1995. V. 49. № 2. P. 79–91.

337. *Jackson J. B.* Discovering the Vernacular Landscape. New Haven: Yale University Press, 1984.

338. *Jackson J. B.* The Vernacular Landscape // Landscape Meanings and Values // eds. E. Penning Rowsell, D. Lowenthal. London: Allen and Unwin, 1981. P. 65–77.

339. *Jackson P.* Maps of Meaning. London: Unwin Hyman, 1989.

340. *Jesberg P.* Informationsastetische Grundlagen zur Theorie von Architektur und Stadtebau. Deutsche Bauzeitschrift 1972, 7.

341. *Jiang B., Claramunt C.* Integration of space syntax into GIS: new perspectives for urban morphology // Transactions in GIS. 2002. 6 (3). P. 295–309. URL: http://fromto.hig.se/~bjg/transactiongis.pdf.

342. *King A. D.* Re-Presenting the City: Ethnicity, Capital and Culture in the Twenty-First Century Metropolis. London: Macmillan, 1996.

343. *Knowles C., Harper D.* Hong Kong: Migrant Lives, Landscapes, and Journeys. Chicago: University of Chicago Press, 2009.

344. *Krampen M.* Meaning in the Urban Environment. London: Pion, 1979.

345. *Krampen M.* Semiotik der Architektur. Werk, Bauen + Wohnen, Zurich, 4. 1971. S. 246–248.

346. *Krase J.* Italian American Urban Landscapes: Images of Social and Cultural Capital // Italian Americana. 2003. 22(1). P. 17–44.

347. *Krase J.* Navigating Ethnic Vernacular Landscapes Then and Now // Journal of Architecture and Planning Research. 2002. 19(4). P. 274–281.

348. *Krase J.* Seeing Cities Change: Local Culture and Class. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2012. 275 p.

349. *Krase J., Hum T.* Ethnic crossroads: Toward a theory of immigrant global neighborhoods // Hutchinson R., Krase J. (eds.), Ethnic Landscapes in an Urban World. Amsterdam: Elsevier/JAI Press, 2007. P. 97–119.

350. *Krase J., Shortell T.* Imagining Chinatowns and Little Italies: a Visual Approach to Ethnic Spectacles. Paper presented at Le Beau Dans La Ville: Colloque International, Tours, November, 2007.

351. *Krase J., Shortell T.* Visualizing Globalization: Semiotics of Ethnic and Class Differences in Global Cities. Paper presented at the Annual meeting of the Eastern Sociological Society, Baltimore, March, 2009.

352. *Kristeva J.* The Revolution of Poetic Language (European Perspectives Series). New York: Columbia University Press, 1984.

353. *Lagopoulos A. Ph.* Urbanisme et sémiotique dans les sociétés préindustrielles. Paris: Anthropos, 1995. 385 p.

354. *Lang A.* Non-Cartesian artifacts in dwelling activities: Steps towards a semiotic ecology // Schweizerische Zeitschrift für Psychologie. 1993. 52 (2). P. 138–147.

355. *Lang R., Danielsen K.* Gated communities in America: walling out the world? // Housing Policy Debate. 1997. 8 (4). P. 867–877.

356. *Lasswell H., Leites N. [et al.]* Language of Politics, Studies in Quantative Semantics. Massachussets, 1968.

357. *Ledrut R.* Image de la Ville. Paris: Editions Anthropos, 1973, 202 p.

358. *Lefebvre H.* The Production of Space / trans. by D. Nicholson-Smith. Oxford: Blackwell, 1991.

359. *Leighninger R. D. Jr.* Cultural infrastructure: the legacy of new deal public space // Journal of Architectural Education. 1996. V. 49. № 4. P. 226–236.

360. *Lemke J. L.* Thematic analysis: Systems, structures, and strategies. Recherches Semiotiques/Semiotic Inquiry 1983, 3, 159–187.

361. *Levy A.* Les machines à faire-croire. Anthropos. Paris, 2003.

362. *Lewis M., Price M.* The Reinvention of Cultural Geography // Annals of the Association of American Geographers. 1993. 83. P. 1–17.

363. *Liang R.-H., Huang Y.-M.* Visualizing bits as urban semiotics. Graduate School of Design & Department of Industrial and Commercial Design Proceedengs, 2006. Available online: https://jazzliang.files.wordpress.com/2008/01/caadria10pages_final.pdf.

364. *Liszka, J. J.* A General Introduction to the Semeiotic of Charles Sanders Peirce. Bloomington: Indiana University Press, 1996.

365. *Lofland L.* A World of Strangers: Order and Action in Urban Public Spaces. Prospect Heights: Waveland Press, 1985.

366. *Lofland L.* Community and Urban Life // *Reynolds L. T., Herman-Kinnery N. J.* (eds.) Handbook of Symbolic Interactionism. Lanham: AltaMira, 2003. P. 937–974.

367. *Lyman S. M., Scott M. B.* Territoriality: Aneglected sociological dimension // Social Problems. 1967. 15. P. 236–49.

368. *Manzi T., Smith B. B.* Gated communities as club goods: segregation or social cohesion // Housing Studies. 2005. 20 (2). P. 345–359.

369. *Marcus G., Fischer M.* Anthropology as Cultural Critique: An Experimental Movement in the Human Sciences. Chicago: University of Chicago Press, 1986.

370. *Marcuse P.* Walls: a methaphor and reality // *Dunn S.* (ed.) Managing divided cities. Keele: Ryburn publishing, 1994.

371. *Marcuse P., Van Kempen R.* (eds). Globalizing Cities: A New Spatial Order? Oxford: Blackwell, 1999. P. 22–36.

372. *Marcuse P., Van Kempen R.* (eds). Of states and cities: the partitioning of urban space. Oxford: Oxford University Press, 2002.

373. *Mazzucchelli F.* Preservation and restoration: a semiotic perspective. Lecture of Dr. Francesco Mazzucchelli (University of Bologna), Manchester Architectural Research Centre, 2011.

374. *McLuhan M.* Understanding Media: The Extensions of Man. N. Y.: McGraw-Hill Publishing, 1965.

375. *Mehrabian A.* Public Places and Private Spaces. New York: Basic Books,

1976.

376. *Minton A.* Building balanced communities: The US and UK compared. London: Royal Institute of Chartered Surveyors (RICS), 2002.

377. *Moles A., Rohmer E.* Psychologie de l'espace. Tournai: Casterman, 1978.

378. *Morris C. W.* Esthetics and the theory of signs. In: Morris, C. W., Writings on the General Theory of Signs, P. 415–433. The Hague: Mouton, 1971 [1939].

379. *Moughtin J. C.* Urban Design: Street and Square. Oxford: Butterworth-Heinemann, 1992.

380. *Muntañola J.* Arquitectura, modernidad y conocimiento. Barcelona: Edicions UPC, 2002.

381. *Muntañola J.* Arquitectura y dialogía. Barcelona: Edicions UPC, 2006.

382. *Muntañola J.* Semiotics and Architecture // Semiotica. 1990. 81 (3/4). P. 237–242.

383. *Muntañola J.* The hidden semiotic-chronotopic core of architecture. Helsinki, Congress of the IASS in June 2007. Published in the proceedings in 2009.

384. *Norberg-Schulz C.* Intentions in Architecture. Cambridge: M.LT. Press, 1965.

385. *Nöth W.* Handbook of Semiotics / T. A. Sebeok (ed.). Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1998. 592 p.

386. *Pan L.* Dissecting Multilingual Beijing: The Space and Scale of Vernacular Globalization // Visual Communication. 2009. 9 (1). P. 67–90.

387. *Panofsky E.* Meaning in the Visual Arts. Chicago: University of Chicago Press, 1983 [1955].

388. *Pasternak S., Bogus L.* The city of extremes: social-spatial inequalities in San Paulo. Paper presented to International Sociological Association conference, Adequate and affordable housing for all. Toronto, June 24–27, 2004.

389. *Pauwels L.* An integrated model for conceptualising visual competence in scientific research and communication // Visual Studies. 2008. 23 (2). P. 147–161.

390. *Pearson M., Richards C.* Ordering the World: Perceptions of Architecture, Space, and Time // Architecture and Order / ed. Pearson M., Richards C. London: Routledge, 1994. P. 1–36.

391. *Petersen K., Hutchinson A. C.* Interpreting Censorship in Canada. Toronto: University of Toronto Press, 1999.

392. *Pickles J.* Phenomenology, science, and geography: spatiality and the human sciences. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

393. *Pinxten R. [et al.]* Anthropology of Space. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1983.

394. *Pitts G., Datta S.* Parametric modelling of architectural surfaces // *T.-F. Chang [et al.]* (eds.) Between man and machine-integration, intuition, intelligence; proceedings of the 14th International Conference on Computer Aided Architectural Design Research in Asia. National Yunlin University of Science and Technology. Yunlin: CAADRIA, 2009. P. 635–644.

395. *Ponsio A.* Signs, Dialogue and Ideology (Critical Theory). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 1993.

396. *Pred A.* Structuration and Place: Oil the Becoming of Sense of Place and Structure of Feeling // Journal for the Theory of Social Behavior. 1983. 13. P. 46–68.

397. *Prieto L.* Pertinence et practique. Paris: Minuit, 1986. 172 p.

398. *Prieto L.* Principes de Noologie. Fondements de la theorie Fontionelle du Signifie. The Hague: Mouton, 1964.

399. *Quine W. van Orman.* The Roots of Reference. La Salle: Open Court, 1973.

400. *Ratti C.* Space syntax: some inconsistencies. Environment and Planning // Planning and Design. 2004. 31 (4). P. 501–511.

401. *Reis Filho N. G.* Quadro da Arquitetura Brasil. San Paulo: Editora Perspectiva, 1970.

402. *Relph E.* Place and Placelessness. London: Pion Ltd, 1976.

403. *Reyna S.* Unsocial analyses: habitus, hegemony, and self // Reviews in Anthropology. 1976. 23. P. 189–203.

404. *Ricoeur P.* La memoire, l'histoire, l'oubli. Seuil; Paris, 2000.

405. *Rokeach M.* The nature of human values. N. Y.: Free press, 1973. 438 p.

406. *Rowe C., Koetter L.* Collage City // Architectural Review. 1975. VIII. V. 158. № 942.

407. *Sack R.* The Power of Place and Space // Geographical Review. 1993. 83. P. 326–329.

408. *Salcedo R., Torres A.* Gated communities in Santiago: wall or frontier? // International Journal of Urban and Regional Research. 2004. 28 (1). P. 27–44.

409. *Sanchez T., Lang R.* Security versus status: the two worlds of gated communities. Draft Census Note 02:02, 2002, November (Metropolitan Institute at Virginia Tech.).

410. *Sandercock L.* Difference, fear and habitus // *Hillier J., Rooksby E.* (eds.) Habitus: a sense of place. Aldershot: Ashgate, 2002.

411. *Sant A.* Trace: mapping the emerging urban landscape // Leonardo Electronic Almanac. 2006. V. 14. № 3.

412. *Sassen S.* The global city. N.Y.: Princeton University Press, 2001.

413. *Sauer C.* The Morphology of Landscape // University of California Publications in Geography. 1926. 2. P. 19–54.

414. *Schatzki T.* Spatial Ontology and Explanation // Annals of the Association of American Geographers. 81. P. 650–670.

415. *Scherer S. E.* A photographic method for the recording and evaluation of proxemic interaction patterns // *Williams T. R.* (ed.) Socialization and Communication in Primary Groups. The Hague: Mouton, 1975. P. 347–354.

416. *Schweizer H.* (ed). Sprache und Raum. Stuttgart: Metzler, 1985.

417. *Scollon R., Scollon S. W.* Discourses in place: Language in the material world. Routledge, 2003.

418. *Scruton R.* The Aesthetics of Architecture. Princeton: Princeton University Press, [1979] 2013.

419. *Searle J.* The construction of social reality. N. Y.: Free Press, 1995.

420. *Sebeok T. A. and Danesi M.* The forms of meaning: modeling systems theory and semiotic analysis. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000.

421. *Sebeok T. A., Umiker-Sebeok J.* Advances in Visual semiotics / P. Evan Young (assistent ed.). Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1994.

422. *Shank G., Cunningham D. I.* Modeling the six modes of Peircean abduction for educational purposes. DeKalb: Northern Illinois University, 1996.

423. *Sharov A. A.* The Origin and Evolution of Signs // Semiotica. 1999. 127. P. 521–535.

424. *Sheriff J. K.* Charles Peirce's Guess at the Riddle: Grounds for Human Significance. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1994.

425. *Shortell T.* 2009 Brooklyn and Belleville: a Case Study of the Visual Semiotics of Ethnic Identity in Two Diverse Urban Neighborhoods. Materials of Department of Sociology Brooklyn College CUNY.

426. *Shortell T., Brown E.* Walking in the European City. Quotidian Mobility and Urban Ethnography. London: Ashgate, 2014. 297 p.

427. *Shortell T., Krase J.* Spatial Semiotics of Difference in Urban Vernacular Neighborhoods. Paper presented at the 9th European Sociological Association Conference, Lisbon, September, 2009.

428. *Sieverts T.* Cities without cities: an interrelation of the Zwischenstadt. London; N. Y.: Spon Press, 2003.

429. *Simmel G.* Sociology of the Senses: Visual Interaction // *R. E. Park, E. W. Burgess* (eds.) Introduction to the Science of Sociology. Chicago: University of Chicago Press, [1908] 1924. P. 356–361.

430. *Smith J. M.* Ramifications of Region and Senses of Place // Concepts in Human Geography / ed. C. Earle, K. Mathewson, M. S. Kenzer. Lanham: Rowman

& Littlefield, 1996. P. 189–211.

431. *Soja E.* Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Oxford: Blackwell, 1996.

432. *Sommer R.* Personal Space. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1969.

433. *Somov G. Yu.* Codes, heterogeneities, and structures: Visual information and visual art // Semiotica 2012. 192 (1/4), 219–233.

434. *Somov G. Yu.* Concepts and senses in visual art // Semiotica. 2010a. 182 (1/4). P. 475–506.

435. *Somov G. Yu.* Connotations in Semiotic Systems of Visual Art // Semiotica. 2006. 158 (4). P. 147–212.

436. *Somov G. Yu.* Conviviality Problem in the Structure of Semiotic Objects. TRANS. Internet-Zeitschrift für Kulturwissenschaften. No. 15. 2003. Available online: www.inst.at/trans/15Nr/01_2/somov15.htm.

437. *Somov G. Yu.* Metonymy and its manifestation in visual art works // Semiotica. 2009. 174 (1/4). P. 309–366.

438. *Somov G. Yu.* Organizing connotations in the works of visual art // Semiotica. 2010б. 180 (1/4). P. 165–202.

439. *Somov G. Yu.* Semiotic systems of works of visual art: Signs, connotations, signals // Semiotica. 2005. 157 (1/4). P. 1–34.

440. *Somov G. Yu.* Semiotics of architecture and architecture of semiotics // Semiotiche Berichte. 2001. 1–4. P. 339–352.

441. *Somov G. Yu.* Structures and Semiotic Systems // Semiotica. 2007. 167 (1/4). P. 1–35.

442. *Somov G. Yu.* System-forming processes in the semiotic studies of architecture // S-European Journal for Semiotic Studies. 2002. 14 (3,4). P. 703–716.

443. *Somov G. Yu.* The interrelation of metaphors and metonymies in sign systems of visual art. On the example of analysis of the works by V.I. Surikov // Semiotica. 2013. 193, 31–66.

444. *Somov G. Yu.* The role of structures in semiotic systems // Semiotica. 2008. 172 (1/4). P. 351–417.

445. *Somov G. Yu.* The types of codes and their combinations: Visual perception and visual art // Semiotica 2014. 202 (1/4). P. 481–509.

446. *Sonesson G.* Methods and models in pictorial semiotics. Rapport 3 fran semiotic – projected. Lund: Department of art history, 1988.

447. *Sonesson G.* Pictorial concepts. Ingniries into the semiotic heritage and its relevance for the analysis of the visual word. Lund Arcs: Lund University Press, 1989.

448. *Stjernfelt F.* The generality of signs: The actual relevance of anti-psycfoologiism // Semiotica 2013; 194, p. 77–109.

449. *Stock B.* Reading, Community and a Sense of Place // Place / Culture / Representation / ed. D. Ley, J. Duncan. N. Y.: Routledge, 1995. P. 314–328.

450. *Sui D. Z.* Visuality, Aurality, and Shirting Metaphors of Geographical Thought 111 the Late. Twentieth Century. Annals of the American Association of Geographers. 2000. 90. P. 372–343.

451. *Sundstrom E., Altman I.* Interpersonal relationships and personal space: Research review and theoretical model // Human Ecology. 1976. 4. P. 47–67.

452. *Tchertov L.* Ou visual-spatial codes in architecture // For Arquitectonics International Review. 2007. № 2.

453. *Tseng M.-Yu.* The performative potential of metaphor. Semiotica 2010, 180 (1/4), 115–145.

454. *Tuan Y.-F.* Cosmos and Hearth. A Cosmopolites Viewpoint. Minneapolis: University or Minnesota Press, 1996.

455. *Tuan Y.-F.* Language and the Description of Place: A Narrative Descriptive Approach // Annals of the Association of American Geographers. 1991. 81. P. 684–696.

456. *Tuan Y.-F.* Space and place. A perspective of experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977.

457. *Turner V. W.* The Ritual Process. Structure and Anti-Structure. Chicago: Aldine Pub. Co, 1969.

458. *Välkkynen P., Tuomist T., Korhonen I.* Suggestions for visualising physical hyperlinks. Pervasive 2006 Workshop Proceedings. Dublin: Ireland May, 2006. P. 245–254.

459. *Valsiner J., Veer R., van der.* The Social Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

460. *Van Vliet W.* (ed.) The encyclopaedia of housing. London: Sage Publication, 1998.

461. *Venturi R. and Scott Brown D.* Architecture as sign and systems for a Mannerist Time. Harvard University Press, 2004, 264 p.

462. *Vine J.* Territoriality and the spatial regulation of interaction // *Kendon A. [et al.]* (eds.) Organization of behavior in face-to-face interaction. The Hague: Mouton, 1975. P. 357–387.

463. *Warren C. A. B., Karner T. X.* Discovering Qualitative Methods: Field Research, Interviews and Analysis. Los Angeles: Roxbury Publishing, 2005.

464. *Watson O. M.* Proxemic Behavior. The Hague: Mouton, 1970.

465. *Watson O. M.* Proxemics // *Sebeok T. A.* (ed.) Current Trends in Linguistics. 12: p. 311–344. The Hague: Mouton, 1974.

466. *Watson O. M., Anderson M.* The quest for coordinates in space and time // Reviews in Anthropology. 1987. 14. P. 78–89.

467. *Weber O.* Zeichensysteme in der Architektur. In.: Architektur als Kommunikationsmittel, 1973, V. 1, 138–207.

468. *Weber O., Zimmermann G.* Probleme der architektonischen Gestaltung unter semiotisch-psychologischen. Berlin: Aspect, 1980. 140 p.

469. *Webster C.* Property rights and the public realm: gates, green belts and Gemeinschaft // Environment and Planning. 2002. 29. P. 397–412.

470. *Webster C., Wai-Chung Lai L.* Property rights, planning and markets. Cheltenham: Edward Elgar, 2003.

471. *Williams M.* Historical Geography and the Concept of Landscape // Journal of Historical Geography. 1989. 15. P. 92–104.

472. *Williams R.* The Country and the City. London: Chatto & Windus, 1973.

473. *Wunderlich D.* Sprache und Raum // Studium Linguistik. 1982. 12. P. 1–19; 13. P. 37–59.

474. *Zukin S.* Space and Symbols in an Age of Decline // Re-Presenting the City: Ethnicity, Capital and Culture in the Twenty-First Century Metropolis / edited by A. D. King. N. Y.: NYU Press, 1996. P. 43–59.